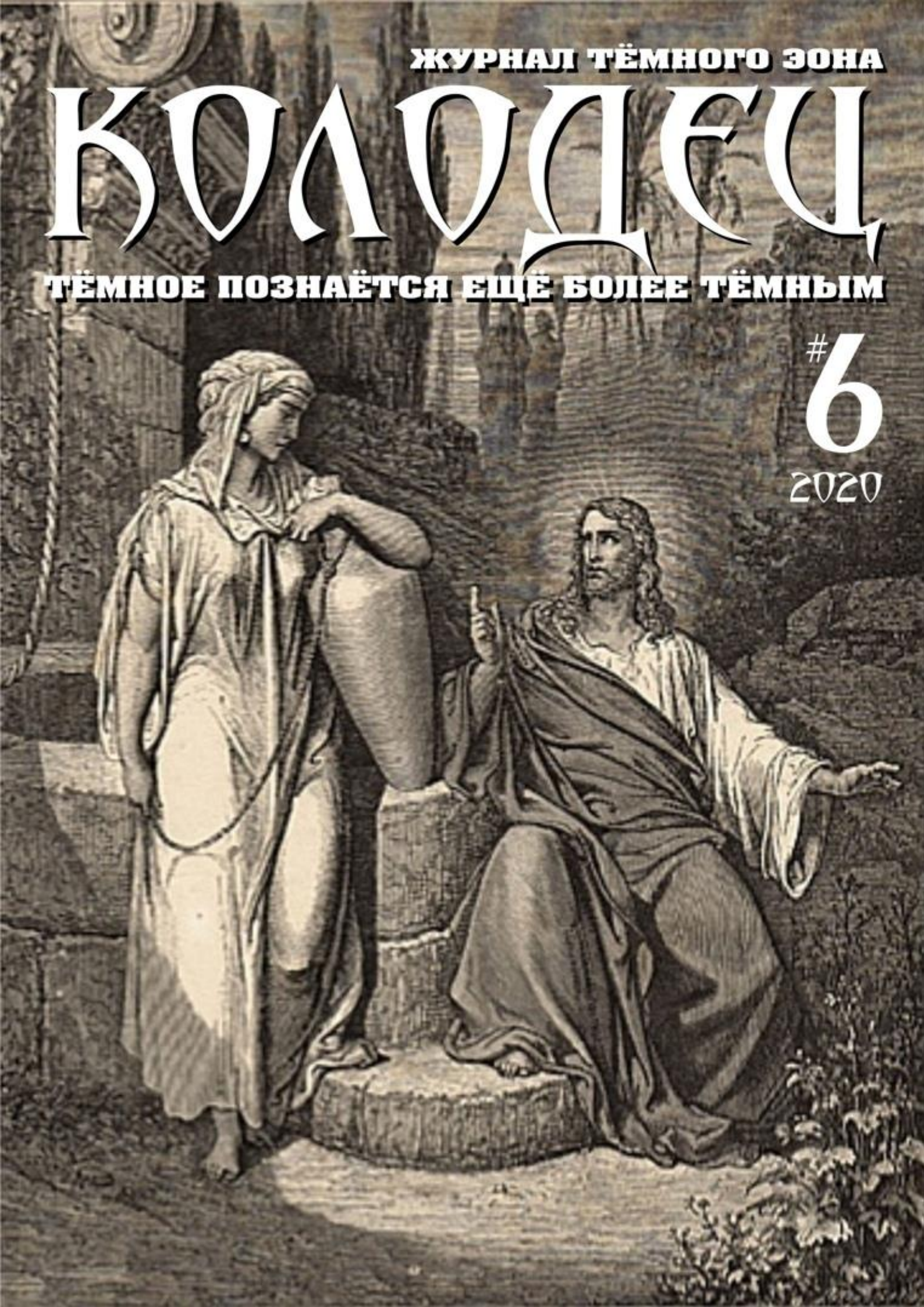
ЖУРНАЛ ТЁМНОГО ЭОНА

КОЛОДЕЦ

ТЁМНОЕ ПОЗНАЁТСЯ ЕЩЁ БОЛЕЕ ТЁМНЫМ

#6
2020



«Тѐмное познаѐтся ещѐ более тѐмным»

(алхимическая поговорка)

При сотрудничестве с журналом «Апокриф»

http://apokrif93.com

Наше издание посвящено интеллектуальному и художественному просвещению в различных пограничных и экстремальных проявлениях жизни и смерти: в искусстве, метафизике и философии, религии и оккультизме, истории и политике.
Журнал «Колодец» — это всѐ, что не вписывается в общепринятые рамки, не является мейнстримом, а также то, что вынесено на периферию и теневую сторону бытия, что табуировано на грани и за нею.

Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов приветствуется при условии ссылки на автора материала и указания издания — журнал «Колодец».
Некоммерческий, нерегулярный журнал «Колодец» не пропагандирует
никакой идеологии, не создаѐт никаких организаций, являясь исключительно информационно-просветительским изданием.

Издатель: Проект «Колодец»
Главный редактор:
Александр Александров (Hapeksamendeus Aa)
Технический редактор и оформитель:
Роман Адрианов (Fr. Nyarlathotep Otis)

Помощник редактора:
Семѐн Петриков

Выражаем благодарность Марианне Воротынцевой (Black Sun) за поддержку.

vk.com/kolodetzaa
Москва, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ 4
От редакции 6
Philosophy of Impossible 13
Артур Крумин Назад к Христу. 13
Гавриил Державин 57
Философия и гуманитарные науки 57
Иисус Христос как идеальная фигура ксенофеминизма. 57
Томас Альтицер 64
Бог и история. 64
Altered state ov Divinity 119
Мэтью Уайтман 119
Клиппотический Христос.119
Сердце изранено от рождения. 129
За пределами тотальности Яхве. 131
Уйти из этого царства отражения. 133
Обряды инициации в традиции Нахаша. 135
Освобождение Змея. (внутренний обряд инициации) 138
Обряд соблазнения Девы Марии. 147
Хула на Святой Дух. 157
The Covenant in Contemplations 218/182 160
Гностицизм и современность 2182 160
Наша традиция как гностическое движение. 169
Плерома - Хаос / Айн. 171
Ситра Ахра - сторона Спасителя. 173
Сатанинский динамизм противодействует демиургическому творению. 175
Hapeksamendeus Aa 177
Тёмный Мессия. 177
Воплощение - Распятие - Сошествие во Ад - Пасха. 181
Глашатаи Апокалипсиса и День / Ночь Гнева. 184
Каин - Первый Сын Сатаны. 190
Поклонение магов Другой Стороны. 192
Каинова Печать, Нехуштан и Крест Распятия. 195
Армилус - Тёмный Машиах.208
Эрев Рав – Толпы. 213
Машиах Ситра Ахра. 217
Амунэль Христос. 220
Любите врагов ваших. 224

Тёмный Катехон. 226
В пустыне. 231
Metapolitics 240
PAROUSIA 240
Corona Spinea (Терновый Венец) 240
Уэсли Дж. Смит 255
Трансгуманизм: религия для постмодернистских времен. 255
Никита Сюндюков 261
Богочеловек христианства и трансгуманизма. 261
Вера Зелендинова 266
Перезагрузка цивилизации: COVID -19 вместо Нового Завета. 266
Александер Бобров 274
Христос - трансгуманист.274
Стас Ніколаевський 292
В точке Омеги лишь слепой и безумный бог Азатот. 292
Hapeksamendeus Aa 297
Глобализм - «хашар» антикосмизма. 297
Laterna magica 301
Мари Леруа 301
Фигура Иисуса Христа у Мела Гибсона и Пьера Паоло Пазолини. 301
Hapeksamendeus Aa 311
Сниди со креста. 311
Nigredo 324
Tarja Trest 324
Нелегальная проповедь из родового гнезда. Бархатный фашизм. 324
Книга Хаоса – Гонзооткат/Магдалина. 332
Семён Петриков 339
Благовест Эпохи Сенобитов. (киберхристианская проповедь) 339
Чёрное Искусство 344
Андрес Серрано 344
Сакральные «соки тела». 344
Король страны дождей. 368
Александр Дугин 372
Евгений Головин и сущность поэзии. (аватары танцующей звезды)372
Воспоминания Елены Головиной о своем отце Е.В.Головине: 393
Евгений Головин 446
Муравьиный лик. 446

От редакции

Сегодняшний выпуск основной части журнала, мы бы хотели тематически посвятить, самой загадочной, неоднозначной, и самой до сих пор непонятной фигуре всей человеческой истории, и при этом оказавшей на неё, пожалуй наибольшее влияние – Иисусу Христу. Через большую часть статей журнала, пройдет красной нитью, рассмотрение этой фигуры с самых разных сторон.
Вторую часть журнала мы посвящаем дани памяти писателя, поэта, философа, культуролога, знатока алхимии и эзотерики, мистику и адепту, и можно уверенно сказать Мастеру – Евгению Всеволодовичу Головину.

Откроет первую рубрику **Philosophy of Impossible**, исследовательское послание Артура Крумина – «Назад к Христу (Почему я всё ещё скорее христианин)». Автор книг, целого ряда статей и исследований аспектов религиозного, ведущий паблика «Дистопия», христианский гностик Артур Крумин, предлагает переосмыслить христианское откровение и взглянуть непредвзятым взглядом на христианство и фигуру Христа, но вооруженным знанием-гнозисом: «свет исходил всегда от так называемого гностицизма и христианства». Гностический взгляд на христианство, надо признать наиболее аутентичен первоисточнику если не тождествен, и поэтому расходится с дряхлой ортодоксией: «Христианство преимущественно антикосмично, поскольку космос несовершенен и находится под управлением дурных законов, в силу чего полон страданий. Это Весть Света в пустой и холодный мир мрака».
Следующая статья довольно парадоксальна, нова и смела во взгляде на фигуру Христа – «Философия и гуманитарные науки Иисус Христос как идеальная фигура ксенофеминизма» от Гавриила

Державина, чьё название говорит сама за себя: «Иисус, как посредник между человечеством и Богом, несводимость как таковая способна воплотить в себе любое ксено».
Закроет рубрику две избранные центральные главы: «Бог и история» и «Самоуничтожение Бога», из книги Томаса Альтицера «Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма», ставшая манифестом нового радикального течения в протестантской теологии – теологии смерти Бога – сделавшая своего автора лидером этого течения. Один из культовых текстов для свободомыслящих американских интеллектуалов 1960-х годов остается значимым и для современных философско-мировоззренческих дискуссий.
«Если новый тотальный Антихрист возник на нашем горизонте и обещает еще в большей мере воплотиться в нашем мире, тогда мы, радикальные христиане, должны встретить его появление не только с чувством ужаса, но и с радостью».

Следущая рубрика **Altered state ov Divinity**, откроется статьёй американского автора Мэтью Уайтмана – «Клиппотический Христос». Выпускник Йельского университета по курсу теологии, автор книг «Змеиный Сидур Нахаша Эль Ахера» и «Kitvei Kodesh HaChol», практик оккультист антикосмического гностического сатанизма, открывший Поток 61 антикосмического сатанизма культа Айн (Ничто), предлагает взглянуть и переосмыслить природу и роль Христа, с Другой Стороны в прямом смысле, со стороны инфернального. Он приходит к парадоксальным, шокирующим и пугающим выводам, как для христиан, так и для сатанистов, о клиппотической, дьявольской природе Христа. «Так что следуйте за мной, дорогой читатель, в место, куда мало когда осмеливаются вступить…» Статья представлена впервые как в изданиях, так и сети.
Далее подборка также нигде ещё непубликовавшихся небольших работ того же автора, где продолжается та же линия тёмного гностического сатанизма в контексте христианского учения. К ним приводится два объёмных и довольно шокирующих даже для

сатанизма и мощнейших инициатических ритуала Потока 61, которые имеют важнейшее значение, предоставляя выход тёмного адепта из демиургической матрицы бытия тотальности Бога и его перехода на Другую Сторону ещё при жизни.
Далее идёт работа от круга адептов антикосмического сатанизма Потоков 218 (Магия Клиппот) и 182 (Культ Каина) – The Covenant in Contemplations 218/182 –
«Гностицизм и современность 2182», где даётся фундамент для понимания традиции антикосмического сатанизма, а также центральность фигуры «Спасителя» с гностических позиций антикосмизма.
Следущая статья от редактора Hapeksamendeus Aa – «Тёмный Мессия», где рассматривается природа и роль Христа в самых тёмных и ничтожащих Его аспектах, и с самых закрытых и умалчиваемых позиций сакрального знания, тем самым приходя к зловещему образу Антихриста. Парадокс, неприемлемо возмутительный, как для христианского мировоззрения, так и сатанинского, существующий на грани безумия. Христос и Антихрист, близнечные фигуры, отражения друг друга: «В конце времён Он явится как Сосуд Гнева с Левой Стороны Нечистоты и Жестокости, чтобы судить человечество огнём».
И закончит рубрику, также статья от редактора «В пустыне», где подробно исследуется с гностических позиций антикосмического сатанизма, такой важный евангельский сюжет, как «искушение Иисуса в пустыне дьяволом».

Рубрика **Metapolitics**, откроется статьёй французского практикующего право-консервативного католика Parousia – «Corona Spinea (Терновый Венец)», где вскрывается связь пожара в соборе Нотр-Дам-де-Пари с началом вспышки пандемии коронавируса и другие зловещие знаки последних времен.

Далее последуют статьи о христианстве и Христе в преломлени трансгуманизма.
Статья Уэсли Дж. Смит – «Трансгуманизм: религия для постмодернистских времен».
Отмеченный наградами писатель Уэсли Дж. Смит - старший научный сотрудник Центра исключительности человечества Института открытий и автор книги «Война с людьми».
Далее, философ, ст. преподаватель СЗИУ РАНХиГС Никита Сюндюков – «Богочеловек христианства и трансгуманизма».
Обозреватель Вера Зелендинова – «Перезагрузка цивилизации: COVID -19 вместо Нового Завета».
Александер Бобров – «Христос - трансгуманист», автор работы, специалист в области перспективных теорий современного искусства излагает основные принципы так называемого «христианского трансгуманизма», одного из наиболее скандальных и трудно принимаемых способов миропонимания, альтернативного господствующей в масс-медиа идеологии буржуазного «объективизма».
Далее, Стас Ніколаєвський – «В точке Омеги лишь слепой и безумный бог Азатот», о провале интеллектуальной кульминации процессов Просвещения в концепции «точки Омега», которую создал иезуит Пьер Тейяр де Шарден и раскрытие Лавкрафтианского видения современности.
И заканчивается рубрика статьёй редактора «Глобализм - "хашар" антикосмизма», о понимании современности глобального либерального миропорядка, как предтечу приближения Тёмного Эона.

Следующая рубрика **Laterna magica** посвящена кинематографу.
Откроет её рецензия Мари Леруа – «Фигура Иисуса Христа у Мела Гибсона и Пьера Паоло Пазолини», два кинематографических образа Христа, созданные выдающимся мастерами экрана, образы с

акцентом на традицию и на революцию, в итоге дополняют друга и соединяются в Христе.
Hapeksamendeus Aa – «Сниди со креста», о самом скандальном фильме воплотившим образ Христа, «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе, подвергающийся самой резкой критики и нападкам со стороны всех конфессий христианства. Статья показывает концентрат всех древних гностических ересей прослеживающихся в фильме.

Рубрика **Nigredo** представит два контркультурных текста от Tarja Trest
«Нелегальная проповедь из родового гнезда. Бархатный фашизм» и «Книга Хаоса - Гонзооткат/Магдалина», а также текст от помощника редактора Семёна Петрикова –« Благовест Эпохи Сенобитов
(киберхристианская проповедь)», где прослеживаются аллюзии на образы христианства.

И последняя рубрика журнала **Чёрное Искусство** сперва даст обзор творчества самого скандального автора работающего с религиозными сюжетами Андреса Серрано – «Сакральные "соки тела"».

Редактору «Колодца», от друга и ведущего дарк-эмбиент группы Maha Pralaya (музыка постапокалиптического городского шаманизма, представленного в 4-ом номере), был любезно предоставлен проект в честь дани памяти Евгения Всеволодовича Головина, от целой коллаборации замечательных и известных авторов андерграунда, эмбиента, контркультуры: Оцепеневшие; Maha Pralaya; Д. Гусейнов; Troff; Кирилл Марзан (Anima Whale); Пахом & CISFINITUM; КооперативништяК; Dara de Morte; Ганс Зиверс; Tsaraas (П. Блюмкин); Е. Вороновкий & Maha Pralaya; Maniloffband & Grafito; Betelgeuse; Тени Забытых Предков; SIMULACROSS; Оберманекен; Grëozoblazhenstvie; NECRO

STELLAR - Учитесь Плавать; Пахом. «Король страны дождей»: это вводное краткое слово к сборнику от Евгения Махапралаева (Maha Pralaya) и специально к сборнику присланный текст от Александра Дугина. Также, статья воспоминание Александра Дугина, затрагивающая все грани монументальной личности Евгения Всеволодовича Головина и его творчества – «Евгений Головин и сущность поэзии (аватары танцующей звезды)». «Он полюс, а значит, он не подвержен времени. Он был, когда его не еще было, и он есть, когда его больше нет». Далее, «Воспоминания Елены Головиной о своем отце Е.В.Головине». Подборка стихов Евгения Головина. И закроет рубрику и журнал статья самого Евгения Головина – «Муравьиный лик», где также поднимаются темы христианства и Христа.

Philosophy of Impossible

Артур Крумин назад к христу.

«Поэтому и новая звезда появилась на небе, разрушая старое сочетание звезд, свер-кая новым запредельным светом, указывая новый путь и спа-сение, поскольку Сам Господь, руководитель человека, сни-зошел на Землю для того, чтобы увести верующих в Него от Судьбы к Его Провидению».

(Климент Александрийский, «Извлечения из Феодота».)

Я не религиовед, не теолог и даже не французский социолог первой половины 20го века. Поэтому я не обещаю быть точным в академическом смысле, и не претендую на полноту изложения. Однако вопросы современного положения религии в целом, и христианства в частности, меня волнуют, и не исключено, что могут интересовать кого-то ещё. Хотя у меня и есть впечатление,

что и то и другое или не востребовано, или востребовано как-то совсем иначе.

Кого-то в принципе не трогают вопросы религии, и, может, это и неплохо. Кто-то нашёл для себя подходящим что-то более современное и/или экзотическое, чем дряхлое христианство. И если в этом они действительно находят своё спасение, то почему нет. Хотя я и не уверен, что все религии одинаково хороши, но мне ли судить, и вряд ли вообще может быть одна достаточно хорошая религии. Со всей очевидностью многие верования содержат в себе всё необходимое, но я выбираю то, что ближе моему телу географически, и ближе моей душе по духу.

Сам же я не встретил достаточной полноты истины ни в чём, с чем сталкивался прежде. Иногда это были проблески, но свет исходил всегда от так называемого гностицизма и христианства. И лишь много позднее выяснилось, что никакого противоречия между этими сущностями нет и не было.

Я очень хорошо понимаю тех, кто отворачивается от христианства, не вникая глубоко в его содержание. Потому что сам я делал точно так же почти всю свою сознательную жизнь, был готов воспринять всё, кроме вот этого вот.

Когда религия одновременно распространена настолько, что уже становится частью декораций, и при этом имеет власть, что делает её образ всё менее благочестивым, то концентрация веры там становится ощутимо ниже, а крайне сомнительных проявлений — больше. И уж что, а репутация у христианства за время его существования успела покрыться копотью войн, пеплом жертв, кровью невинных, и конечно же, позолотой власти и богатства. Так себе образ.

Чтобы разглядеть за всем этим что-то достойное нужно иметь неведомо откуда взявшуюся мотивацию, силы и свободное время. Потому зачем разделывать труп, вычищать внутренности и слизь, а потом ещё не имея рецепта готовить это с шансом отравиться, если на рынке религий есть столько готовых к употреблению экологичных продуктов на любой вкус.

Но почему-то для меня это важно. И я допускаю, что есть те, у кого есть соответствующие интересы, но он может не замечать ценности того, что находится прямо перед ним, и может быть введён в заблуждение тем сомнительным образом, который первым бросается в глаза.
Так что будем считать это скромной попыткой популяризации христианства.

О том, что представляло собой христианство, как оно стало тем, чем стало, и каким оно могло бы быть, есть более и менее хорошие книги, и, конечно, лучше почитать их, а не меня. Например, у Дмитрия Алексеева есть совсем небольшой, но очень толковый

текст «Античное христианство и гностицизм», да и вообще сейчас уже есть достаточно источников по истории раннего христианства.

Но всё равно мне придётся совершить краткий пересказ и взглянуть под многовековые завалы, чтобы найти среди этого мусора сокровище с надеждой на то, что «жемчужина, если она брошена в грязь, не станет более презираемой».

Нисхождение.

Христианство в том виде, как оно дошло до наших дней — это набор искажений и бездумного копирования форм, которые задним числом наполнялись новым содержанием. И это случилось не вчера — именно с переписывания истории и началось то христианство, которое нам известно.

Оно не упало готовым с небес в виде готового мировоззрения, равно как и Священное Писание не было написано за раз божественным вмешательством. Христианство формировались веками, а текст Библии с учётом Ветхого Завета и того дольше.

В самом начале христианство, вероятно, представляло собой множество разнородных общин, каждая из которых развивала своё понимание того, кем был Христос, что здесь происходит, и что значит быть христианином. Их объединяла вера в то, что Иисус Христос пришёл, чтобы указать путь к Спасению и учил вере, ненасилию и любви к ближним. Всё, дальше можете дать волю своему творчеству. Ну и притчи он, вероятно, тоже рассказывал, но теперь уже сложно выяснить какие именно.

Это было неопределённое множество бурлящих источников новой веры, которые впоследствии были перекрыты теми из них, кто добрался до власти в столице Римской Империи. Империи, обладающей едва ли не лучшим на тот момент в мире, репрессивным аппаратом. Империи, которая поставила на поток борьбу с «безбожниками» и сделала это частью регулярных увеселительных мероприятий.
И что же? Достаточно было одной группе людей, вроде как исповедующей ту же новую веру, корнем которой было противостояние власти мира сего, обрести эту самую власть. И тут же определение врагов Империи было лишь слегка откорректировано с того, что отклонялись от провозглашённых верований этой группы.

И это было не только уничтожение людей (которые часто были склонны видеть в подобной смерти избавление), но уничтожение их мыслей и записанных ими слов. До нас чудом дошли остатки, и то лишь фрагменты фрагментов в переводах переводов.
Поразительным образом, нам приходится признавать ценность трудов борцов с так называемыми ересями за то, что они, в своих многотомных обличениях сохранили для нас искры света учения их врагов.
Это ли не описание того, как доходит до этого мира чуждая ему истина?

Поразительно, то как мало сохранилось сколько-нибудь достоверных сведений о ранних христианах, включая легендарных апостолов, будь их четыре, двенадцать, семьдесят два или полторы сотни. Всё, что у нас есть — это материалы, составленные другими христианами, спустя сотню-другую лет после предполагаемых событий. И эти авторы уже тогда были со всей очевидностью заинтересованы в том, чтобы сложенная ими история была такой, какой она нам сейчас преподнесена. Не знаю уж, верили ли они в

то, что писали, или занимались сознательной подменой, но этого уже и не узнаем, так что будем считать, что они хотя бы были искренни.

Что ещё более поразительно , так это то, что мы знаем об Иисусе: ничего мы о нём не знаем. Был ли он, не был ли. У нас есть предания, которые дошли до нас в виде четырёх синоптических евангелий. И я на всякий случай уточню, что апостолы не ходили за Христом и не записывали каждое его слово и действие. Эти истории были записаны спустя десятилетия после предполагаемых событий по устным преданиям, а Евангелие от Иоанна, похоже, и того позднее. А вот никаких других свидетельств до нас не дошло.

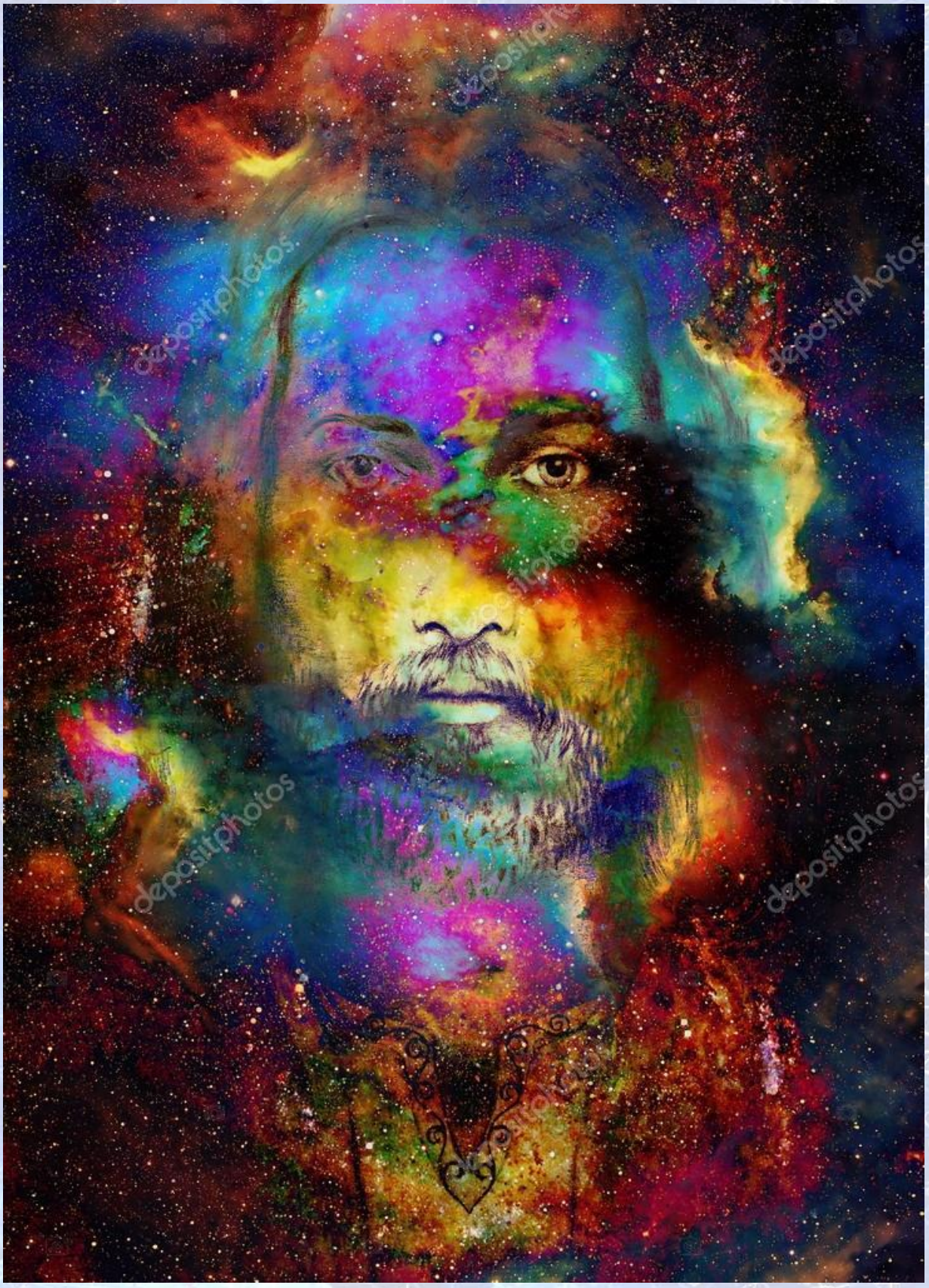
Скудность источников может означать, что всё было как-то совсем иначе, или ничего похожего вовсе не происходило, или что реальное положение вещей как-то совсем уж не соответствовало тому, как то хотела представить ортодоксия, и поэтому их решили не беречь. Но и это не так уж теперь важно.

Соответственно, все дошедшие до нас христианские тексты — это продукт народного творчества, частью которого являются, конечно же, и откровения. И Евангелия — это не просто несколько версий единой биографии. Это истории, которые были заведомо сконструированы как совершенно мифические по структуре связки между высказываниями Христа.

Притчи и логии предшествовали всем этим историям о рождении от девы и суде Пилата. Поэтому-то мы не можем воспринимать буквально библейские истории, потому что никто не создавал их как исторические сводки, их изначально создавали как миф. Апеллировать к их исторической достоверности так же странно, как и ссылаться на историчность любого художественного

произведения — места могут быть знакомые, некоторые персонажи историческими, но всё остальное будет вымыслом.

И здесь важно понимать, что когда я называю создание религии и, собственно, саму религию творчеством, а соответственно, вымыслом, то я ни в коем случае не имею в виду, что это ложь. Религия — это вымысел, который создаёт реальность. Реальность более значимую, чем бессмысленная по своей сути фактология обыденной жизни. Происхождение этого творческого вымысла вопрос дискуссионный. Однако, в любом случае приёмником здесь являются люди, которые как-то воспринимают и как-то оформляют всё это. Никакие потусторонние сущности не раздают информацию непосредственно и никто, кроме людей, не создаёт религии, сколько не ищите.



Итак, христианство не было однородным. Да, мы знаем мало, но на сегодняшний день, нам известно достаточно, чтобы говорить об этом. Христианами называли себя множество сект, с разнообразными увлекательными представлениями о космосе и своём месте в нём. Однако все они верили в спасительную миссию Иисуса Христа, и, преимущественно, у них были примерно одни и те же Таинства. Они верили, что мир достаточно плох и очень скверно управляется дурным небесным управителем (или управителями), а Христос пришёл, чтобы сообщить нам о том, что отсюда есть запасной выход, и помочь нам им воспользоваться. Едва ли они считали себя грешными детьми благого Творца.

Исходно христианство некоторым образом было связано с иудаизмом. Но, по всей видимости, этому предшествовали иудеи, которые находились в очень сложных отношениях с верой своих предков и с Яхве, и, соответственно, ушли от неё. Христианство лишь впоследствии подверглось глубокой иудаизации, когда возникла прямая связь Благой Вести с пророчествами и Заветом, усилиями отдельной самой политически успешной общины иудео-христиан, против которых, вероятно, как раз и выступал Павел в послании к Галатам и ряде других.
И, говоря это, я точно не имею в виду ничего против иудаизма. Тем более, что как раз иудеи вряд ли были в восторге от того, что их священные тексты были взяты в обращение какими-то непонятными сектантами. Тем более, что ранние христиане весьма своеобразным образом (часто буквально) интерпретировали иудаистские тексты. По всей видимости они были склонны считать Яхве отнюдь не абсолютными Богом, а архонтом или одним из архонтов этого падшего мира. И были они направлены против Закона этого мира как в иудаистском, так и в общем смысле. Так или иначе их представления весьма слабо соотносились с реальным иудаизмом, и уж тем более иудаизмом современным, в котором за две тысячи лет изрядно всего случилось.

Со всей очевидностью и среди первых проповедников, и среди первых массовых христиан было достаточно выходцев из иудаистской среды, иначе бы Павлу вообще не пришлось подвергать сомнению их представления и практики. Более того, они не могли быть выходцами ни из какой другой среды, кроме иудаистской, поскольку никакая другая вера того времени не могла создать соответствующих предпосылок.

Христианство — это, в корне своём, именно гностическое христианство, с особой ценностью Познания Бога и себя как активного субъекта спасения. Познание, то есть «гнозис» имеет здесь крайне широкое понимание, и точно не заключается в простом своде душеспасительных фактов, будь то имена сущностей или количество эонов между нами и Богом. Возможно это были какие-то специфические религиозные переживания, скажем, мистический опыт, а возможно и просто активное переживание своей веры как части жизни.
В свою очередь так называемый гностицизм вне христианства, который в наши дни приравнен к магии и оккультизму, или, что ещё страшнее, к культу саморазвития — это сомнительная аберрация, появившаяся много позднее, и имеющая к исходному гнозису отношение не большее, чем нью-эйдж к реальному язычеству.

Обо всём этом нам известно благодаря дошедшим до нас фрагментам рукописей (в основном рукописям Наг-Хаммади) и собственно из синоптических Евангелий и посланий апостола Павла, выступающего против «архонтов этого эона».

Впрочем, сами по себе современные Евангелия и Послания будут для нас лишь относительно полезны. И нам приходится

обращаться к возможности восстановить гипотетическое более ранее Евангелие и реконструировать послания Павла. То и другое было изменено и дописано в соответствии с запросами формирующейся ортодоксии. И лишь по текстам борцов с ересями, которые обличали ложные Вести, мы можем прикинуть, что же там было. И мы можем только до некоторой степени быть уверены в верности реконструкций. Но я уверен, что даже неполная реконструкция будет ближе к истине Благой Вести, чем официальные источники

Христиане были большие выдумщики, они брали всё подручное, и проводили его виртуозную экзегетику. И поскольку ближайшим к ним были платонизм и книга Бытия Пятикнижия, то они занимались особенно активной интерпретацией именно этих учений, воспринимая их более и менее буквально, обличая порочные власти космоса и разворачивая космооперу эсхатологии спасения и возвращения к Неведомому Богу, радикально отличному от всего, с чем могут столкнуться люди в своей повседневности.

Вряд ли христианство возникло из ничего, но во многом оно возникло из протеста против окружающего их мира, полного страданий и зла. Это учение стало чем-то совершенно особенным и противоречащим как существующему на тот момент язычеству и иудаизму, так и, зафиксированному в вечности, богу философов с/и их гармоничному космосу.

В общем-то едва ли не все существовавшие на тот момент мировоззренческие системы предполагали, что с миром всё в порядке и им управляют правильные силы, тогда как христианство разорвало цикличный универсум, обнаружив его порочную корневую систему. Мифическая история о том, почему мы оказались там, где оказались, выстраивалась самым разным образом:

будь то падение Премудрости Бога, восстание божественного правителя сего мира или какая-то ошибка первых людей.

В последнем случае, впрочем, никогда не идёт речи о первородном грехе, поскольку Падение было скорее системным свойством космической Ошибки, чем виной собственно людей, которые живут в неведении, а не под гнётом вины. Эти и другие версии могли разнообразно перестраиваться и взаимодополняться.

Так и иначе, из своего милосердия и любви к смертным, Неведомый Бог отправил к нам своего Сына. И Христос пришёл объявить о Конце Времён и разрушить прежний мир до основания. Благодаря Его Вести каждый может своими силами найти путь к спасительному изменению себя (метанойе), которое настойчиво, и не то, чтобы корректно, переводят как «покаяние».

Христос действительно пришёл, страдал, умер и воскрес. Но не для того, чтобы очистить нас от первородного греха в современном понимании. Он пришёл, чтобы выкупить смертных из власти владык этого мира. В конечном счёте обманув их, ведь пока они распинали его, Он распял мир, и вскрыл ложь, которая удерживала людей в рабстве. Он показал всем чудовищность принесения невинных жертв для поддержания стабильности мира, и возвестил, что есть Что-то, помимо той пародии на истину, что мы видим вокруг.

И в общем-то миссия Христа уже исполнена. Конец Времён уже происходит. Люди выведены из власти порочного принципа мироустройства волей Неведомого Бога. И можно, конечно, предположить, что священное Знание об этом уже гарантирует спасение. Но есть и версии, что, хотя для этого безусловно необходимо движение от Бога к смертным, и самим смертным это

не под силу, но и люди должны прилагать усилия для своего спасения и, в некотором смысле, самообожествления.

Не обожествления, в смысле обретения чудесных способностей, бессмертия и чёрт знает чего ещё, но в смысле способности отличать добро и правду от зла и лжи этого мира и претворения в жизнь первого, а не второго. И это звучит как что-то элементарное, но вот что-то за две тысячи лет люди не то чтобы повсеместно в этом преуспели, хотя такие тенденции, конечно, присутствуют.

С этим же связан известный тезис о втором пришествии. Он возник довольно рано, но не входит в исходное учение. Потому что Царствие Бога уже здесь, и оно всегда здесь, хотя его и не видно. И Христос уже пришёл и всё сделал, больше от него ничего экстренного не требуется. Он уже и возвестил, что конец времён настал, что было успешно продолжено апостолом Павлом: всё, больше времени нет. Это не значит, что космос должен быть при этом срочно уничтожен. Это значит, что каждый день нашей жизни может стать последним, и кто его знает, что там будет потом. Мессианское время — это не завтра, и не когда-то, оно уже настало, и мы в нём живём. Апокалипсис — это ежесекундное событие, и мы в нём живём и умираем. И на самом деле об этом гораздо полнее и точнее написал Джорджо Агамбен в книге «Оставшееся время: Комментарий к „Посланию к римлянам“».

Это разрыв с языческим растворением в имманентности цикличного мира, это напряжённая борьба за спасение каждого мгновения своей жизни с вероятностью того, что можно и не успеть. Потому что День Христа, о котором говорит Павел — это день нашей неизбежной смерти.

Такое положение вещей, конечно, может заметно невротизировать, но его задача не в том, чтобы вызвать у нас паническую атаку или

чувство своей беспомощности, а в том, чтобы мы поняли, что каждое мгновение нашего существование всегда является последним и уже поэтому имеет уникальный смысл.

Теперь немного о том мироустройстве, против которого восставало христианство. И это не только космология, но социальная антропология, развёрнутая Рене Жираром, что я уже пару раз пересказывал, но лучше повторюсь.

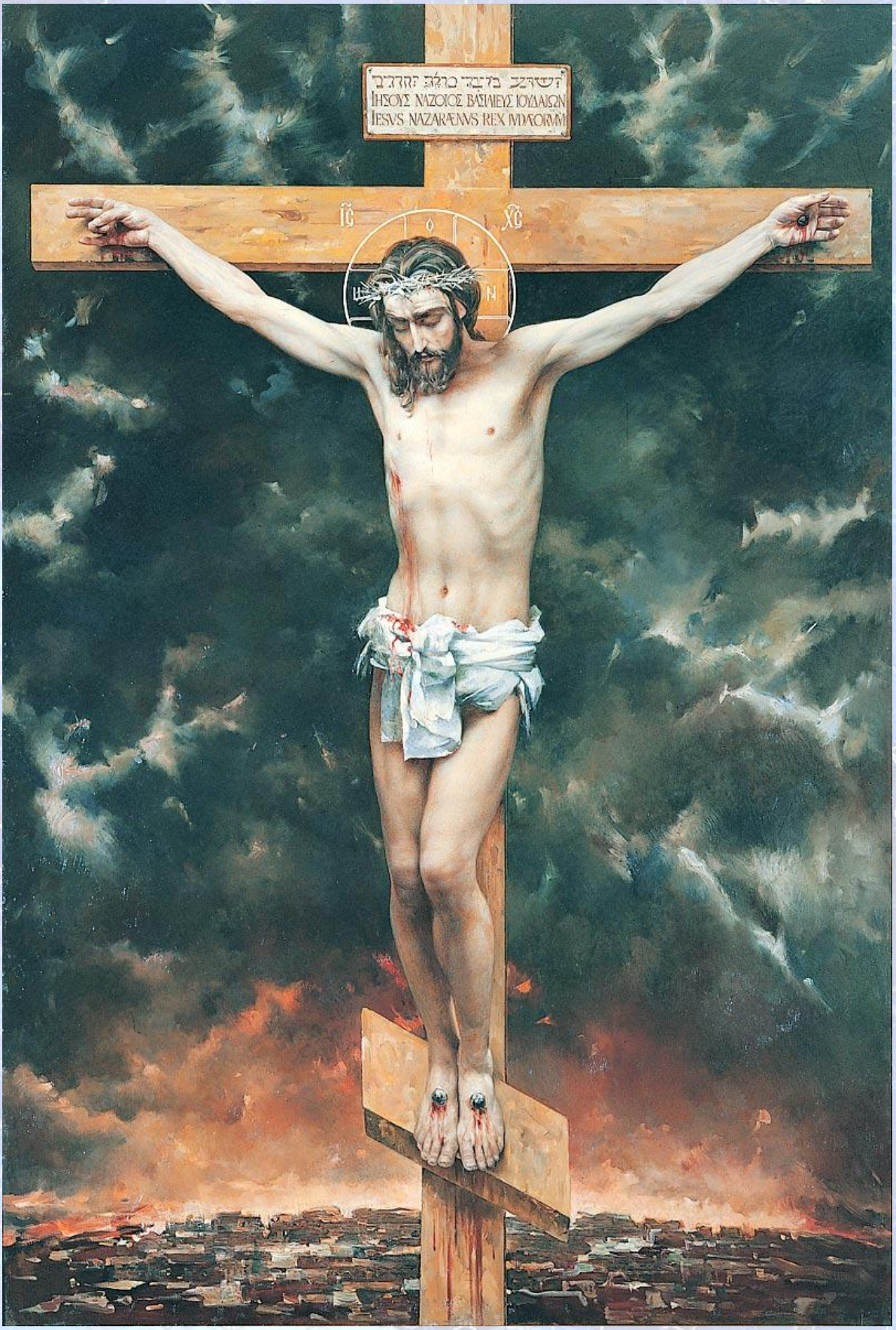
Христос был невинной жертвой и умер ради всех нас. Не в смысле жертвоприношения Бога самому себе и не совсем как искупительная жертва за наш первородный грех. Благодаря его казни у нас осталась история того, как работает жертвенный механизм, стоящий в основе социальной динамики человечества испокон веков. И это та самая истина, которую Павел называет «тайной, сокрытой от начала эонов».

Своей жертвой Христос обнажил корень механизма кровавой справедливости, принципа «глаз за глаз» и, конечно же, принесение в жертву невинного, дабы снять социальное беспокойство, когда в воздухе начинает витать слишком много чего-то непонятного. В деталях, конечно, лучше почитать об этом у Жирара «Я вижу Сатану, падающего как молния».

Таким образом, даже если Адам и Ева (то есть люди как таковые) нарушили запрет, то это открыло для них существование Закона Воздаяния и беспредельную вину за его нарушение. Равно как и возможность обрести Знание об истинном положении вещей. Христианство, упраздняя Закон Справедливости и утверждая Закон Милосердия, вызволяет нас из системы наказания, вины и вражды, и, при этом, оставляет нам возможность достижения запретного Знания.

Христос, подвергаясь преследованию и позорной смерти, переносит на себя проклятие всех людей. Он становится проклятым за всех нас и одновременно избывает это проклятие и указывает нам всем на то, как это устроено, открывая путь к трансформации нашего собственного проклятия.

Впоследствии же, даже будучи обращённым в нечто несуразное, христианство сохранило этот заряд, и пронесло его через века. Христос однократно, но окончательно своей жизнью и смертью открыл путь к возможности изменения.
Крест – это ловушка для архонтов. Разоблачительная искра Христианства никуда не исчезает, и соприкасаясь со всем, разжигает пламя, в свете которого мы видим преступления и ужасы, даже если это преступления и ужасы совершены теми, кто называет себя христианами.


ΙΗΣΟΥΣ ΝΑΖΟΙΟΣ ΒΑΣΙΛΙΕΥΣ ΙΟΥΔΑΙΩΝ
IESVS NAZARÆNVS REX IVDÆORVM

Что же такое Спасение, которое провозглашали христиане? Во-первых, здесь точно не было акцента на избежание вечных страданий. Вечные страдания в преисподней были разработаны в том виде, как мы их знаем, значительно позднее, особенно в конце средних веков, когда Сатана стал вездесущим, а Божий гнев стал неотвратим. Так вот, единственные страдания, на которые есть акцент в христианстве — это страдания Христа на его пути скорби, и страдания христиан как от преследователей, так и, прежде всего, от самого мира.

Во-вторых, Спасение не то чтобы достигается сейчас. Да, через веру в Христа мы получаем возможность изъять себя из порочного порядка вещей этого мира. Но при этом мы продолжаем жить, и христианство — это не про просветление, это про то, чтобы жить так, чтобы быть достойным Спасения. И да, у нас нет никаких гарантий, даже критериев особых нет, но есть надежда на то, что Неведомый Бог милосерден (а мы это знаем), и на то, что мы старались как могли.

Действительно «искупление/преображение» (метанойя) обретается одновременно и сейчас, и после смерти. Воскреснуть можно только во плоти, то есть при жизни, но Другой Эон и Царство Господа — это только отчасти про эту жизнь в этом мире.

Что же до способов спасения. Дурной миропорядок исходит не только от «духа, царящего в небесах» и не только от архонтов. Он укоренён в нашей плоти и крови, мы в него рождаемся и через него становимся собой. Это Судьба, воплощённая в астрологическом предопределении. Это, то, что делает нас теми, кем мы не обязательно хотим быть, что заставляет нас враждовать и делать то, что мы делать возможно и не хотели бы. Это то, что заставляет нас совершать зло без понимания того, что мы творим. Дурной космос

— это мы. И архонт сего эона — это про нас, а не про какого-то космического чудовища.

Христос привёл Сатану к падению и перемешал созвездия, дав нам если не свободу, то возможность освобождения. Возможность изменить себя в напряжённой борьбе против себя. Это не борьба против своей физической плоти, как это называется в Посланиях, и что так успешно эксплуатировала церковь. Это борьба против своего естества, которое мы не выбираем, но которое составляет нашу природу. Это естество психическое и социальное, потому нет никакого заложенного в нас инстинкта злокозненности и взаимной вражды, как, впрочем, и любого другого инстинкта.

Спасение как изменение себя в нечто совершенно отличное от уродливого создания Творца предполагает как соответствующую этику, так и бесконечный процесс познания себя. И если от первого до нас что-то ещё дошло, то со вторым совсем грустно. По всей видимости отцам церкви очень не нравилась идея обнаружения смертными в себе божественной искры, хотя они и преуспели в обличении грехов, что тоже лежит в плоскости самопознания, всё же это более чем односторонний подход.

Что же до этики, то основная тема посланий Павла — это то, как «святые во Христе», то есть люди, воспринявшие эту Весть, должны избегать вражды и соперничества. Павел ведь поэтому пишет порой выбивающиеся как будто из остального текста мелочи о том, как следует общаться друг с другом верующим, а также мужьям и жёнам. Не потому что он был каким-то любителем всё упорядочивать или выдающимся женоненавистником. А потому, что он говорил о том, что каждый из нас не должен быть тем, кто станет препятствием для другого, соперником и «камнем преткновения».

Христианство — это ведь не просто пацифизм, это пацифизм, зрящий в корень. И именно поэтому, провозглашая любовь, Павел скептично относится к браку и предлагал всем быть как он, безбрачным. Не потому, что он считал грехом плоть, секс и отношения как таковые. Но потому что он знал, что подобные отношения для многих могут стать причиной бесконечных сложностей, которые не только уводят от мыслей о небесном, но вызывают препятствия, ревность, зависть и ненависть. И вот если сложные отношения между мужем и женой препятствуют общечеловеческой любви между ними как членами раннехристианской общины, то это уже, конечно, никуда не годится.

Собственно, добрая часть посланий Павла о том, что значит быть христианином, то есть любить ближнего и разрушать принцип взаимной справедливости. И, конечно, о том, что даже если ты первый христианин и живёшь в апостольское время, то всё равно постоянно сбиваешься с верного пути.

Я даже не возьмусь сказать, существовали ли когда-нибудь люди, в полной мере соответствующие христианскому идеалу ненасилия и милосердия. Ну, может и существовали, дело не в этом. Дело в том, что такой образ жизни радикально противоречит нашему привычному способу существованию, и потому даётся невероятно тяжело, и мы всегда можем откатиться обратно к идолопоклонству, вражде и жертвам.

Смерть.

Как же вышло, что мы имеем то, что имеем? И я не имею в виду, что не существует священников, прихожан и просто людей, которые более или менее соответствуют идеалам христианства. Вопрос в том, как вышло, что современные идеалы христианства как такового настолько далеки от исходных, что кажется, бдуто пришедшее к нам Слово о Любви обратилось в нечто, что имеет тенденцию обращаться в деяния зла.

Как уже было сказано ранее, среди множества христианских групп, была одна, которая оказалась ближе всего к Римской Империи. И этим людям по загадочным причинам не очень нравились преследования со стороны властей и обвинения в атеизме. Аналогичных претензий у Рима не было не только ко всем остальным язычникам, но и к иудеям, поскольку иудаизм считался пусть и другой, но вполне понятной религией с вполне опознаваемым локальным богом, корни которой уходят в глубь веков. И остальные народы при своих богах, которые нашему римскому пантеону не только не противоречат, но неизменно в него встраиваются.

А вот христиане какие-то странные и появились неведомо откуда. Бог их ни к какому этносу не относится, каких-то внятных качеств не имеет, и при этом претендует на абсолютность и единственность. А ещё эти сектанты выступают против наших богов и наших жертвенных практик. Особенно жертвенных практик. Ну явно жалкие безбожники, расшатывающие основы государственного строя. Лучше львам их скормить.

И не так уж долго думая, наши христиане с общими интересам решили, что надо срочно найти их вере почтенное происхождение

и вообще как-то укорениться в этом мире. А то правда, что они как неприкаянные. Отцам церкви было необходимо обосновать перед Римом древность своей религии, чтобы с ними считались. И они не придумали ничего лучше, чем сделать христианство реализацией иудаистских пророчеств. Ну а что, язычники всё равно вникать не станут, поэтому не поймут, что иудаизм мы знаем весьма поверхностно, а у иудеев мы спрашивать не станем.

Сам этот посыл противоречит фундаменту христианства. И уж тем более противоречит ему историческая связь с религией Яхве, тогда как христианство во многом выстраивалось в оппозиции к правителю этого мира и иудаизму как его культу. С другой стороны, ничего более похожего на монотеизм в округе больше не было. Было что-то похожее у греков, и параллели христианства с платонизмом довольно явны, но акцент решили сделать на другом. Так и оказалось, что Яхве — это Бог Отец, а вся история Израиля — это подготовка к пришествию Христа. Подозреваю, что и Моисей, и Христос крайне удивились бы такому исходу.

И есть какая-то тоскливая ирония в том, что при этом в Библию включён Ветхий же Завет именно под этим названием, в то время как Христос прямо говорит отвернуть всё ветхое. И ведь Завет присутствует там не просто для исторической справки, а является полновесной основой для всего богословия.

Но тут возникает другая проблема, ведь существующие христианские тексты ничем этот подход не оправдывают. Но ничего, напишем новые и переделаем старые. Всё, что нам подходит, соединим в одну книгу, скажем, что каждое слово напрямую исходит от Бога, чтобы никаких сомнений в подлинности уже не возникало. Боговдохновенность вещь загадочная, так что как решим — то и от Бога. А всё остальное назовём ересью и запретим.

Вообще забавно, что отцы церкви явно относились к священным текстам куда более вольно, чем можно от них ожидать. Ведь для них (и для ранних христиан как таковых) это и не были священные тексты в нашем представлении, где мы должны с пиететом относиться к каждой формулировке, слову, букве и знаку, и пронумеровать каждую строку (!). Для них это были просто тексты, которые можно редактировать и тебя не ударит молния. Впрочем, я затрудняюсь сказать, во что именно верили отцы церкви, поскольку мне сложно назвать христианами людей, который так переполняет ненависть и желчь даже к собратьям (и сосёстрам) по вере, не говоря уж обо всех остальных.

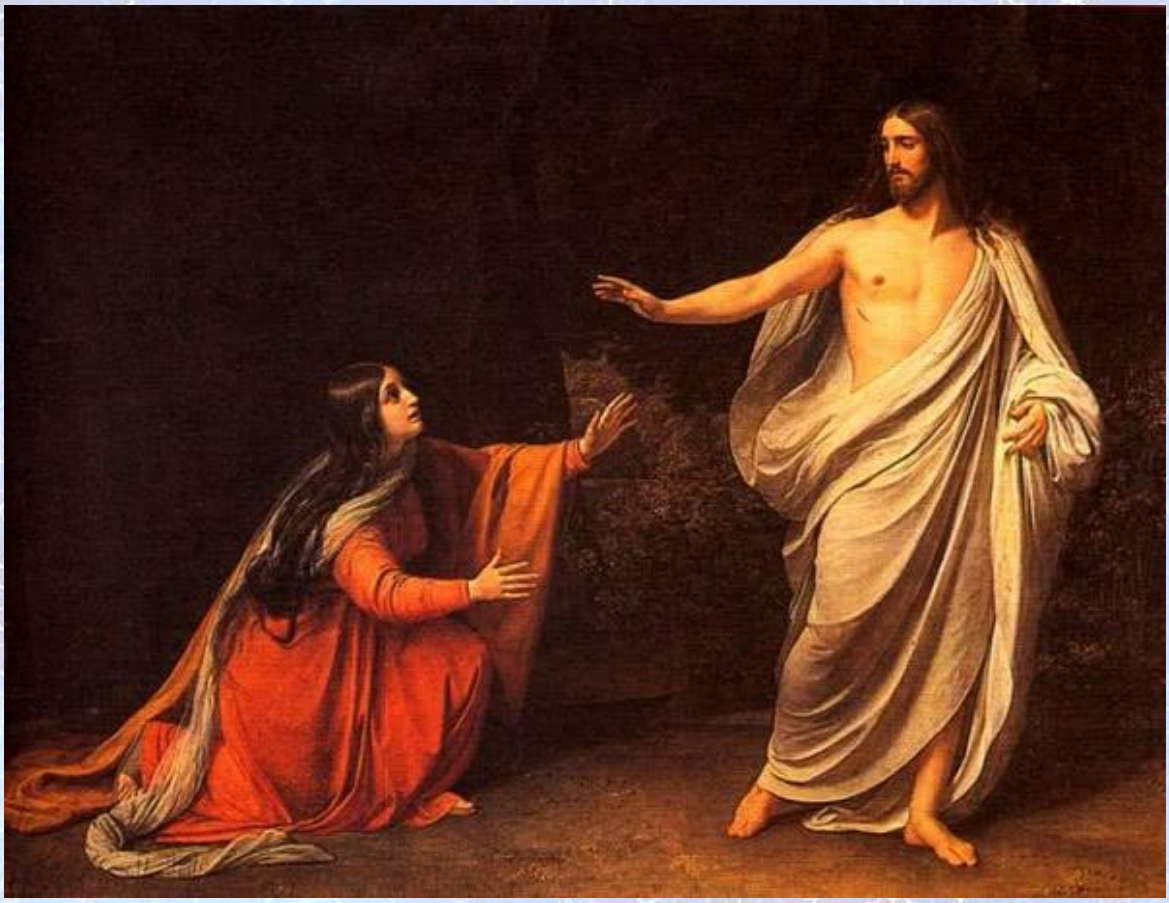
Когда иудео-христианство поразительно быстро смогло стать одобряемой, а затем и официальной религией Империи, то у выделившейся ортодоксии появилось столько власти, что никакие еретики спастись уже не могли, а их тексты становится не так уж сложно предать забвению вместе с ранними редакциями писаний. И что не уничтожим мы, с тем справится время. Можно даже не сильно усердствовать, потому что пишут здесь все на весьма недолговечных папирусах, которые если не переписывать регулярно, то они обращаются в прах сами собой. И всё, как будто так и было. И кому интересно, что у нас из истории чудесным образом выпадает пара веков существования всех эти еретиков и куда-то исчезают все прототипы наших Евангелий. Богу так угоднее.

Но, как было сказано, нельзя служить сразу двум Господам. Новая религия становится совершенно безразличной к прямо вписанным в неё принципам сострадания и непричинению вреда другим людям. Под новые нужны создаётся новое богословие,

позволяющее преследовать еретиков точно так же, и даже точно теми же людьми, которые преследовали не так давно нас всех.

И становится безразлично, что Иисус не поддался на искушение властью над этим миром, а ассоциирующая себя с ним церковь поддалась. И не волнует нас, что христианство как таковое возникло как сила протеста против властей этого мира и против порочного механизма его функционирования. Нет, мы не просто скажем, что вся власть от бога, так ещё и сами станем этой властью.

А ещё мы назовём идиотом Фому, чьё имя стоит на дошедшем до нас сборнике высказываний Христа, и по всей видимости предшествующим связным Евангелиям. И назовём шлюхой Марию Магдалину, которая в других текстах (и не в одном) названа самой верной последовательницей (и едва ли любовницей) Христа, возможно единственной верно понявшей его идеи. И возведём на самый верх апостольской иерархии Петра, и вручим ему ключи от всего единственному апостолу, которого Христос периодически попрекает и называет Сатаной, и который трижды Его предает, поддавшись лжи этого мира.



Иисус сказал — ищите и найдёте. Он не сказал: станьте священниками, организуйте церковь и носите причудливую одежду и смешные шапки, и начните войну за гроб, в котором я (возможно) лежал три дня, и убивайте тех, кто не согласен с вами.

И ведь Бог с ней, с этой привязкой к иудаизму, ведь интерпретировать можно что угодно и как угодно, на то она и экзегетика. Да и действительно христианство явно происходит из тенденций иудаизма. Но когда вы превращаете религию ненасилия и разрыва со злом мира в религию системного насилия, способную оправдать любое зло — вы делаете что-то очень плохое.

Христос говорил о вере и любви, Павел говорил о вере и любви, однако богословы без особого труда и смущения оправдывали войны и испытывали острую потребность в Боге как суровом отце в

самом буквально-патриархальном смысле. Они сами задним числом вводили в христианство давно упразднённые заповеди, и сами же искали оправдания их нарушению. И кто же тогда является еретиком, оскверяющим свет истинного учения?

Дальнейшее обесценивание ортодоксии, а затем и вообще веры в такое божество было неминуемо. Однако наступивший после этого либеральный атеизм, восстающий против насилия и воинственных божеств — это ведь и есть фундаментальная составляющая христианства. Настоящего Христианства, которое совершало свою работу даже после своих страданий и смерти на кресте, возведённым правителями мира.

За время своего существования так называемое христианство слишком преуспело в том, чтобы находить в Евангелиях оправдания всему чему угодно, тем самым фальсифицируя как свои интерпретации, так и оказывающиеся из-за этого, слишком податливыми Евангелия.

И вот уже полторы тысячи лет теологам приходится всеми способами искать смысл в искажённых словах священных текстов. В то время как их предшественники приложили все силы, чтобы этого смысла там осталось как можно меньше.

И в этом смысле особого внимания заслуживает проблема переводов «священного писания», которую я, впрочем, не могу в полной мере осветить, поскольку я не переводчик. Однако следует иметь в виду, что самый доступный нам и известный синодальный перевод — это порождение очень творческого и специфического позднеправославного подхода к пониманию священного текста.

То есть мало того, что до нас дошёл в существенной части сфабрикованный текст, так ещё и при переводе утеряна

значительная часть исходных смыслов, и совершенно иначе расставлены не просто важные, но, возможно, критичные для понимания акценты. Послания апостола Павла пострадали от этого в наибольшей степени, но досталось и Евангелию. Конечно, было бы отлично, если бы все мы могли читать на греческом, но хотя бы сейчас уже существуют более толковые и близкие к оригиналу переводы, в том числе с параллельным греческим текстом. Однако ужасает сам факт того, что веками исходный смысл был доступен только избранным, которые по каким-то причинам старались сберечь в сохранности превратное прочтение.

При всём этом так называемые «ереси» продолжали существовать. Многие из них столкнулись с необходимостью противопоставлять себя теперь уже не только ложному миропорядку, но и ортодоксии, которая слилась с властями этого мира. И, сами потеряв связь со своим основание, они трансформировали свои учения в что-то совсем уж причудливое, то воздвигая немыслимые мифологические конструкции, то уходя в тотальное отрицание всего мирского.

Однако есть важный момент, из-за которого подавляющая часть «ересей» была ближе к исходной Вести Христа, чем всё иудео-христианство: еретики никого не преследовали и не убивали. Ведь если бы ортодоксия была не такой уж ложной и оставалась хоть сколько-нибудь христианской по духу, то вряд ли бы мы столкнулись с физическим и идейным уничтожением еретиков, которых травили, против которых разворачивались полномасштабные военные кампании, а затем и крестовые походы. Ну и инквизицию нельзя не припомнить, хотя она как раз сама по себе была не слишком суровым институтом, но всё ещё важным показателем отступничества ортодоксии от Христа.

Выступая в качестве адвоката этой церкви князя мира сего, обращу внимание, что целостность учения — это действительно важная вещь. Если вообще не следить за этим, то религия скорее всего склонна распадаться и исчезать в песках времени. Поэтому как таковая эта повестка в принципе заслуживает права на существование.

Но никоим образом это не оправдывает ни переписывания священных текстов, ни преследования как единоверцев, так и вообще кого угодно. И с другой стороны, я почему-то никогда не слышал (и, возможно, я просто слишком плохо осведомлён) об ожесточённой борьбе с ересями среди, например, буддистов, хотя там-то этих оригинальных прочтений учения крайне много, и не во всех них можно сходу узнать оригинал. И ничего, буддизм почему-то не развалился и не исчез.

Да, все еретики как первых, так и средних веков, по большей части были христианами. Все эти «ложно называемые гностики» были христианами. Да что уж там, даже архиеретики манихеи были христианами по сути своей. И в этом смысле в своё время меня поразила запечатлённая беседа святого Августина (к слову, бывшего еретика) с неким Фаустом, собственно еретиком (и имя у него примечательное).

Этот Фауст (не вполне уверен к какой именно ереси он относился) критикует сформировавшееся на тот момент иудеохристианство и даже прямо говорит о фабрикациях в священных текстах: «многое из вошедшего в Писание под именем Спа-сителя подложно, и должно испытывать, чтобы найти, истинно ли оно, и не испорчено ли, и подлинно ли; ибо враг, приходящий ночью, повредил почти каждый от-рывок, посеяв плевелы среди пшеницы. Итак, я не смущён этими словами, несмотря на присоединён-ное к ним священное имя; ибо я по-прежнему утверж-даю свободу

исследовать, появились ли они из руки доб-рого сеятеля, сеющего днём, или от злого, сеющего но-чью».

И вот неожиданность, — спустя пару тысяч лет, освободившаяся, наконец, от власти ортодоксии библеистика начинает подозревать точно то же самое, что подозревал какой-то сомнительный еретик четвёртого века. Но и это по-своему грустно, потому что напоминает о невообразимом, по смертным меркам, отрезке времени, когда никто вообще не знал правды, хотя в четвёртом веке кому-то она ещё была известна. А теперь никому до неё уже и дела нет.

Дальше у ортодоксии была история расколов. Потом ортодоксия, имея все необходимые ресурсы для борьбы с другими прочтениями веры, не могла удерживать свою целостность, особенно когда дело доходило до политики и экономики. Потому что «если Сатана в распре сам с собою, разве устоит его царство».

И была история геноцида неверных во имя их кровавого и яростного бога. Причём не просто каких-нибудь неверных, а мусульман, которые вообще ничего не имели против этого христианства, и иудеев, происхождение от которых так настойчиво обосновывало богословие.

И было слияние с язычеством, и вбирание порой совсем уж диких практик. Естественно эти практики имели в своём корне жертвоприношения, ведь без жертвоприношений язычество теряет всякое подобие силы. Хотя это спорный момент, ведь с одной стороны действительно язычество и жертвенные практики очевидно противопоставлены Благой Вести. Но с другой, вобрав в себя языческие практики, таящаяся в христианстве искра разрушила и обезвредила их.

И были культы святых и почитание их останков, что тоже, в общем-то, не отличается от многобожия и каких-то совсем уж странных традиций. И вот это уже я даже не представляю какое отношение имеет к христианству.

И множились суеверия, наслаивающиеся на разлагающемся теле церкви, которая не была готова, да и не хотела меняться и обращаться к сокрытой в её глубине истине, чтобы ожить. Напротив, церковь со всё большим ожесточением преследовала отклонения, погружаясь в паранойяльный психоз.

Дьявол был уже повсюду (хотя он и правда повсюду), и вместе с ним возрастала значимость божьего Гнева, потому что в этой системе они были неразделимы и сливались в единое демоническое существо, правящее этим грешным миром грешников. И это на самом деле забавно в каком-то смысле, ведь как раз самые дикие воззрения позднего средневековья особенно напоминают гностические, только предельно утрированные и понимаемые чрезмерно буквально. И в общем-то средневековая церковь не так уж сильно отличалась теологией от катар и богомилов, которых она яростно преследовала.

Ещё в этом смысле также забавно, что в итоге ортодоксия настолько инвертировала христианство, отождествив Отца с Творцом сего мира, что различия между Дьяволом и Господом стали уже совсем не очевидными. На эту подмену не последовал соответствующий ответ, и уже Люцифер стал наделяться чертами Спасителя, выступающего против Творца и его мира, что и делал изначальный Христос.

Ад.

Было множество попыток что-то изменить. И в основном это лечение оказывалось не лучше болезни. Люди натурально сходили с ума поодиночке и группами, не выдерживая жажды по какому-то Другому, милосердному истинному Богу, и того, насколько церковь была далека от Него.

Среди всего это была масштабная попытка вернуться к истокам. Чтоб очистить веру, обновиться, вернуться к истине. Но Реформация провалилась.

Её деятели посмотрели в верную сторону, но к тому времени уже больше тысячи лет в той стороне были лишь руины и фасад лжи. Так что Реформация ознаменовала не возвращение к христианству, но реализацию примитивной (хотя и правда без излишних наслоений) версии всё ещё гибрида христианства с иудаизмом, с далеко не лучшими качествами от того и другого. Это было обновление, которое не дотянулось до животворного источника, остановившись на полпути среди духовной пустыни.

И даже после попытки обновления церковь руководствовалась прежде всего политическими соображениями, а во главе этого движения стояли какие-то выдающиеся человеконенавистники. Так мы получили лишь ещё большую атмосферу религиозной нетерпимости, взаимной ненависти и тотальной обречённости. На смену старым аберрациям пришли новые, в виде пуританства, фундаментализма и разложения церкви до самого дикого вида сектантства.

За этим последовал вполне закономерный отказ от религии вовсе. Просвещение было естественным итогом развития церкви и ответом на сотни лет лжи. Христианство, как оно преподносилось (и преподносится) официальный церковью, обрушилось с момента появления сравнительного религиоведения: «У римско-католической церкви два гораздо более могущественных врага, чем «еретики» и «неверные»; и эти враги — сравнительная мифология и филология».

Любая религия может претендовать на истину лишь до тех пор, пока её кругозор ограничен еретиками и язычниками. Как только становится очевидным, что существуют другие тоже вполне достойные учения, всё падает в пропасть постмодерна и нигилизма.

Научное мировоззрение Просвещения как таковое не угрожало и не может угрожать религии. Сложности возникают только когда мы начинаем привязывать проверяемые (и, соответственно, опровергаемые) факты реального мира к религии, и делать их частью обоснования чего-то значимого, и уж тем более Бога. Как будто для Бога нужны обоснования.

Таким образом, научное просвещение лишь пресекло затянувшуюся попытку религии идти по тлетворному пути рационального обоснования Бога, ставшего вещью в мире вещей, и использования его самого как объяснения всего, чего ни попадя. У Максимилиана Волошина есть фраза о том, что после появления науки «небеса были очищены от Бога»; так вот, не от Бога они были очищены, а от пустых проекций и ложных тезисов.

Понимание Бога может и должно быть внерациональным и противоречивым. Хотя противоречивость Писаний и ставят в укор религиям, а религии, забыв свои собственные принципы, начинают вовлекаться в эту борьбу за иллюзорную награду, и предпринимать всё более неадекватные ответные шаги, тем самым лишь разрушая свой фундамент, и оборачиваясь своей противоположностью — фундаментализмом.

Церковь сама низвела Бога до объекта, и сама стала причиной его распада, а теперь не может смириться с этим, продолжая пугать адом, гневом божьим и настаивать на буквальном понимании того, что никогда не было предметом буквального понимания.

И хотя есть основания считать, что религия может и должна иметь неопределённость для понятий вроде Бога и Духа, однако основополагающие тезисы религии Бога, должны быть скорее непротиворечивыми. Иначе мы снова начнём интерпретировать всё так, как нам сейчас будет по каким-то причинам удобнее или выгоднее.

И в своей обращённой к миру части христианство, как мне кажется, предельно последовательно, как и тексты, составляющие его

исходный корпус. Абсурдность появляется там после поздних дополнений. Тертуллиан, выдвинувший тезис «верую, ибо абсурдно», сам упрочивал абсурдность своей веры и разрушал её.
В конце концов Эпоха Разума принесла нам лишь смерть какого-то бога. Что стало благом для познания Бога Неведомого.

В конечном счёте возникает соблазн отделить «истинное» христианство от христианства исторического. Как если бы прекрасная идея, была совершенно извращена с течением времени людьми, которые использовали её для своих более или менее сомнительных нужд. В этом, конечно, есть резон.
Но, во-первых, никакой идеи не существует ни вне людей, ни вне исторического контекста. Духу нужна материя для воплощения и нужны люди для реализации. Что они там с этим Духом будут потом делать — это уже другой вопрос.
Во-вторых, как уже было сказано, весьма затруднительно определить, что такое христианство как таковое, поскольку оно с самого появления было раздробленным и тенденция к его консолидации была искусственной, и, как мы уже видим, травматичной для самого христианства.
Как знать, может иначе бы христианство исчезло в первых веках, как и многие другие религии, которые тогда повсеместно появлялись и распадались. А может окажись у руля какие-нибудь валентиниане, всё равно ничего хорошего к нашим дням не вышло бы. Исторический процесс и неумолимые порядки этого мира подвергают распаду даже то, и прежде всего то, что выступает непосредственно против них.
Так что имеем, что имеем. Христианство в нынешнем виде основано не Христом и даже не апостолами. Оно основано ересиологами и епископами, у которых были свои соображения и свои интересы, часто ограниченные этим миром. Предъявлять претензии современному иудеохристианству за прескверную

историю фальсификаций можно, скорее даже нужно, но спасению это едва ли способствует.

Что же касается «гностической» природы христианства, то употребление этого термина как общего названия всех течений, которые под него подводят весьма неверно. Они очень разные и обо всех них мы знаем крайне мало. И существенная часть из них (если не все) были, вполне вероятно, христианскими.
Сейчас же гностиками себя называют все, кто ни попадя. И это само по себе дискредитирует любое обращение к гностическим источникам тех, у кого не отбили ещё желание смотреть в ту сторону ересиологи и ортодоксы. Но, с другой стороны, христианство уже дискредитировано куда существеннее, и ничего.
Некоторые исследователи, говоря о гностицизме, делают акцент на тайном знании в противовес вере и делам веры. По этой версии были такие небольшие группки снобов и элитистов, которые работали с уже обращёнными христианами, завлекали в свои секты в сектах, и провозглашали, что вот они-то обладают особым пониманием происходящего, которое дошло до них прямо от Христа, и сейчас они им поделятся. А может не поделятся.
Не исключено, что такие общины наверняка были. Но существующих у нас сведений явно недостаточно, чтобы судить о таких тонкостях. Это кажется чрезмерным усложнением, а все рассуждения о высокомерных гностиках исходят от всё тех же ересиологов и очень походят на клевету. Кажется более резонным предположить, что были разные сообщества христиан, с разными акцентами в мировоззрении, как, впрочем, и сейчас.
Да и то, это будет лишь допущение, поскольку ересиологам верить особо не стоит, а дошедшие до нас фрагменты текстов можно очень по-разному интерпретировать в плане организации тех, кто их создал. Подозреваю, что если взять корпус более поздних христианских текстов в изолированном и фрагментарном виде, то

тоже можно создать очень разнообразные реконструкции по отзывам, скажем, мусульманских теологов. Так что говорить, что были только гностики-элитисты с верой в спасение через Знание и иудействующие христиане со спасением через Веру, едва ли верно. Что нам известно, так это то, что у того же апостола Павла слово Знание (гнозис) встречается повсеместно, а вот у собственно иудео-христиан уже не особо, однако о вере говорят те и другие. Что понималось тогда под верой уже отдельный вопрос.

Я уверен, что верить в магию и способность самому стать божеством несколько менее опасно, чем искажать тексты и преследовать тех, кто верит во что-то другое или как-то иначе, и уничтожать их труд. Однако более чем вероятно, что если власть окажется у каких-нибудь телемитов или любителей волшебства Симона Мага или гностических борцов с жидомасонами (это вообще странное явление, поскольку масоны были весьма гностической организацией), то они точно так же будут способы и к формированию ортодоксии, и к преследованию отклонений. Подобные мутанты появляются во многом из-за того, что всё, что оказывается маргинализированным, пусть даже по очень разным причинам, имеет свойство как вырождаться, так и объединяться в самых причудливых комбинациях с другими идеями, отвергнутыми по уже вполне резонным причинам. Эта же судьба постигла христиано-гностиков после формирования ортодоксии и начала гонений.
И здесь мы находим очень простой способ отличить гностико-христианство от гностико-экстремизма: гностическое христианство не провозглашает и не можем провозглашать ненависть против других людей и их объединений. Враг есть, но это или нечто, что затрагивает каждого, или мы сами, и никогда не кто-то другой.

Воскресение.

Итак, что же остаётся ядром христианства, отличающим (и, по моему допущению, отличающим выгодно) от других религий? Христианство — это любая вера в особую роль Иисуса Христа, являющимся Сыном и/или Посланником Божьим, Спасителем и Господом, который умер и воскрес.
И не важно, какой космологии вы придерживаетесь, важна ли для вас троица или София, и уж менее всего важна конфессия (покуда это более всего от эона сего).

Что это за Бог? Тот, о котором мы не слышали до Вести Христа, и не так уж много слышали после. Бог Неведомый, всегда какой-то другой Бог, отличный от того, которого мы в состоянии вообразить. Это отсутствие, ничто, тьма, остающаяся после исчезновения даже тьмы. Этот Бог, к которому уж точно плохо применимо местоимение «Он», является основанием всего, но основанием отсутствующим, данным нам лишь как пустота, в которой что-то может проявиться. По всей видимости «Это» как-то проявляется в деятельности Духа, но не возьмусь здесь говорить об этом что-то более определённое.

Я не исключаю того, что Неведомое может вмешиваться в Творение. Неведомое всё может. Но это не то, на что стоит уповать. Не только потому, что от нас это едва ли зависит, и мы не в силах постичь Его путей. Но прежде всего потому что, это будет кошмарно. Не потому, что Он зол или кошмарен (хотя второе отчасти верно). Но потому что ни Творение в целом, ни мы в

частности, не способны и не будем способны выдержать всевышнее вторжение. Тварный мир слишком хрупок для Беспредельного. Проявление Неведомого катастрофично. Именно поэтому Оно всегда постепенно проникает во всё и подготавливает свои откровения. И именно поэтому те, кто с Этим столкнулся слишком резко, ничего не могут нам об Этом поведать. И именно поэтому у нас только был Христос и есть Дух, и в общем-то всё.

Что значит Спаситель? Это тот, кто помогает нам вырваться из того положения, где мы оказались, и кто мы есть. Это значит и то, что мир, котором мы живём, какой-то не очень, и мир здесь имеется в виду даже не столько материальный, сколько социально-психический. И, соответственно, сами мы какие-то не очень, раз есть повод для спасения. Страдания повсеместны, и мы сами являемся теми, кто их претерпевает и распространяет. И может быть не такой уж плохой идеей вырваться из этой чёрной железной тюрьмы личных паттернов предназначения и коллективной системы долженствования и взаимного насилия.
Но не стоит в этом смысле забывать и про метафизический аспект смерти и воскресения. Мы понятия не имеем о перспективах посмертного бытия. И ничто не исключает того, что после смерти физической мы можем оказаться в ещё более сомнительном положении, чем сейчас. И это не муки ада, это перспектива ещё большего заточения на неопределённый срок, баня с пауками Свидригайлова, а не эффектные пламень и черти. И не то чтобы страх такого будущего должен стать основной движущей силой спасения, но мотивации может прибавить.
Говоря об искуплении, которое было реализовано Христом, мне нравится версия, что в некотором смысле «выкуп» таки был совершён. Но не выкуп Богом людей у самого себя принесением в жертву самого себя, что само по себе звучит абсурдно. Но это был выкуп людей из рабства Творца ради Царства Бога. Выкуп конечно

же символический, а не буквальный, потому что считать, что Иисус и Иалдабаоф встретились на рынке и начали торговаться — это даже не ересь, но чушь. В некотором смысле мы (вообще все мы) уже пару тысяч лет живём в состоянии перманентной спасаемости, осталось только приложить некоторые усилия, и построить свою половину моста через бездну.

Определение «Сын Божий», с одной стороны, одно из самых спорных и обсуждаемых, а с другой — кажется мне не самым принципиальным. Конечно, это подчёркивает особый космический статус Христа. Однако Его непосредственная связь с Богом — это сравнительно позднее изобретение христианских деятелей. Могу лишь отметить, что это, во-первых, причина верить его Благой Вести и выделять её из иных вестей, и, во-вторых, это причина делать его совершенно особым объектом для подражания.
Куда более интересным и мало обсуждаемым мне кажется определение, которое переводят на русский как «Господь». Это греческое слово «кириос», которое активно употребляется в Посланиях Павла. И вот не то чтобы тот, кто нами повелевает. Не в значении того, кто нами повелевает (поскольку Весть — это не о власти, а о выходе из-под власти); а «кириос» обозначает здесь скорее кого-то вроде опекуна, представителя стороны, которая сама не может постоять за свои права. И с одной стороны таким образом Христос является «кириос» смертных, которые не могут сами ничего противопоставить Началам и Властям этого эона. А с другой, он является «кириос» Неведомого Бога, который по неким причинам не может непосредственно проявиться и заявить о себе. В этом смысле «кириос» Христос оказывается посредником как смертных перед владычеством этого мира, так и Иного Бога перед смертными. И поэтому совершенно закономерно, что у Иоанна Он сообщает, что оставляет после себя Дух именно в качестве «другого Заступника», которого «мир принять не способен».

Христианство преимущественно антикосмично, поскольку космос несовершенен и находится под управлением дурных законов, в силу чего полон страданий. Это Весть Света в пустой и холодный мир мрака. Никакого гармоничного универсума здесь нет и быть не может. Нет никакого правильного порядка, в который можно правильно встроиться. Существующий порядок (Закон Справедливости и взаимного воздаяния) плох и встраиваться в него незачем. Христианство — это Благовестие о разрыве токсичных социальных связей, о разрыве с традицией вражды и мести, о разрыве с давлеющим Законом и Виной.
Нужно своей жизнью утверждать Иной Порядок Милосердия, который не от мира сего. Порядок примирения, любви отсутствия симметрии. Люби другого, и отдай другому, гласит он, и исключай себя из ситуации борьбы за блага и престиж. И здесь важно именно отсутствие конкуренции, а вовсе не отсутствие самих благ.

Кстати, говоря об отношении с Началами и Властями, то есть структурой, в которую мы рождаемся и силами, которые ей управляют. Обычно я встречаю две крайности, обе весьма радикально отклоняются от слов Христа. Ортодоксальная церковь уверяет, что вся власть от бога (с маленькой буквы, потому что не уверен от которого), а радикальные гностики склонны говорить едва ли не о вооружённой борьбе с представителями власти. И то и другое является либо ложью, либо заблуждением и никак не соотносятся с предельно простым тезисом «отдайте цезарево цезарю, а Божье — Богу». Христианство — это никогда не провозвестие борьбы со злом силами зла, и не про борьбу против институтов, на которые это зло проецируется, но и не соединение божественного с правящими силами этого мира.
Мы — чужие в чужом мире. И при этом мы являемся порождениями этого мира, созданными из той же падшей материи и скованные теми же неумолимыми законами. Мы дети этого мира

по рождению, но не происхождению, и можем стать приёмными детьми Неведомого Родителя, которого Иисус называл Небесным Отцом.

Каждый виток развития христианства ссылался на восстановление «изначальной» веры. При этом, само собой, под изначальным понимались очень разные вещи. Однако возвращение к исходному состоянию христианства вообще невозможно. Возвращаться некуда и не к чему (может даже некому и незачем). Однако это никак не лишает ценности попытки реконструкции этого исчезнувшего прошлого. Да, это не воссоздание того же самого, но то же самое уже и не нужно. Скорее, это создание чего-то нового, что сохранило бы своим ядром То Самое, что мы находим на руинах прошлого.

Основное здание Церкви современного ортодоксального христианства (во всём его многообразии) покоится на коллективной могиле всех ранних вариантов христианства. Где-то в этой глубине зловонных катакомб заточён Дух христианства, который порой просачивается на поверхность.
Поэтому я призываю вскрыть запечатанные склепы, хорошенько перекопать захоронения и выпустить запечатанный там Дух на свободу. Не в смысле какого-то пророческого активизма, но в смысле индивидуальной работы по ревизии христианства и его истоков.
Естественно это позволяет присутствовать всем тому разнообразию, которому так долго противилась ортодоксия, и что привело к распаду окаменевшего ужасающе-отстранённого, и вместе с тем, ужасающе-антропоморфного образа Бога. Открывает бесконечный простор для вариаций и интерпретаций всевозможных «отклоняющихся» верований.

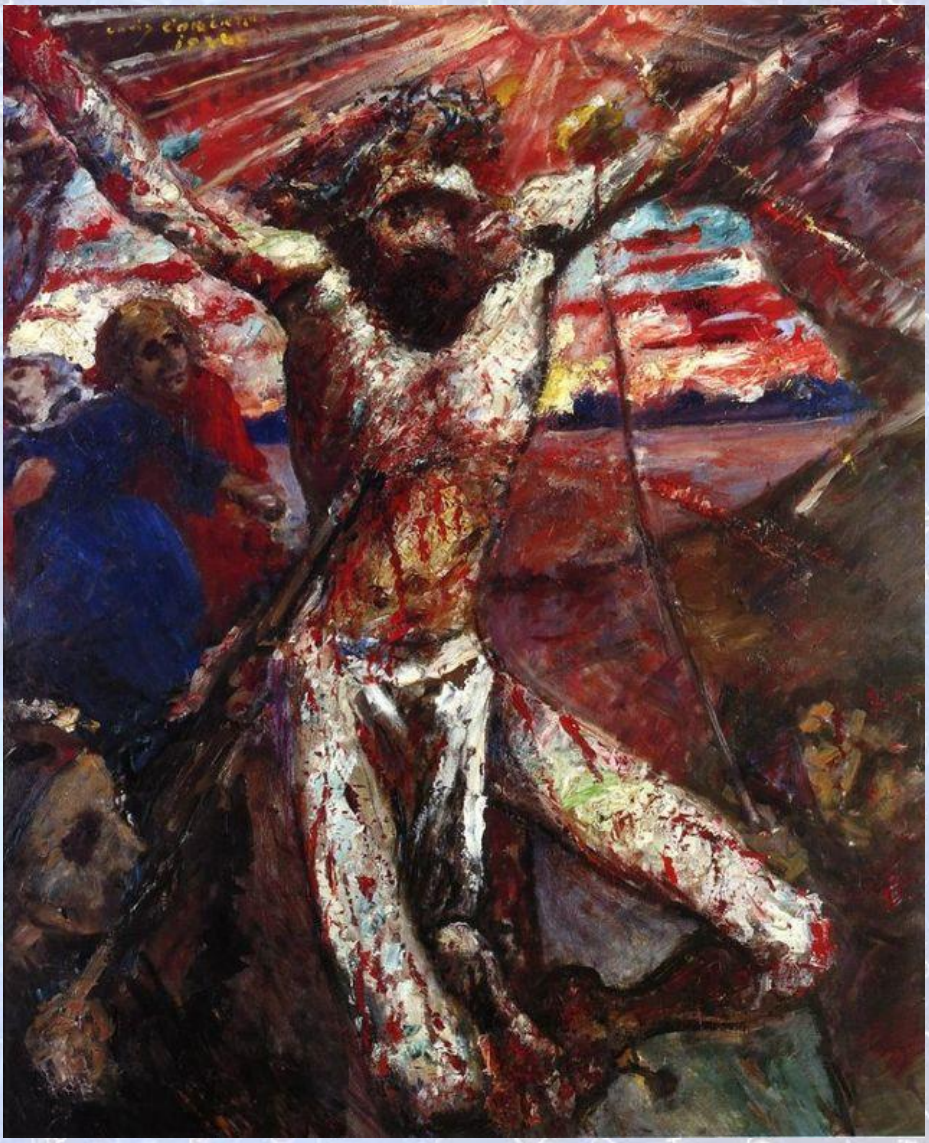
Но оставим же ортодоксию в покое. Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов, а мы оставим себе благородный труд по извлечению Духа.

ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН

Философия и гуманитарные науки

Иисус Христос как идеальная фигура ксенофеминизма.

Один из основных вопросов, стоящих сегодня перед ксенофеминизмом — это вопрос репрезентации ксено, в частности, в демонстрации ксено в виртуальном пространстве видеоигр, ведь именно видеоигры могут составить опыт интерактивного переживания чужеродного опыта радикального другого. Попытки воспроизвести этот опыт есть в играх There was a moon, а также в игре Carrion. Попытка этого есть и у Аллы Митрофановой в видео, где камера ведёт съёмку изнутри женской матки.



Из всех этих попыток репрезентаций выделяется игра Carrion тем, что она не спешит показывать инаковость ксено, репрезентировать его желание и помещать его в наш символический порядок (что исказило бы его до уровня посюстороннего, вместо потустороннего). Для познания травматического объекта необходимо сначала очертить локус, узнать о наличии другого, отличного от человеческого, желания, прежде чем угадывать загадку в самом ксено и того, что оно хочет. На это могут возразить, что желание сугубо исторично и пока будут чертиться границы, они сместятся. Почему бы не предположить, что границы не чертятся в акте самого творения, ведь сначала приходит Джойс, а уже потом

граница бредовой функции? Мой ответ на это: сначала приходит Моисей, а только потом Иисус. Эсхатологическое решение в данном случае будет сначала выразить травматический объект, а потом пытаться выражать его инаковость ему самому, в процессе чего он очеловечится. Также нельзя сказать, что границы чертятся в акте творения ведь это овнешнение нашего представления о ксено, а не то, что он сам может сказать/показать/сделать.

На уровне содержания Джойс высказывал семблянты, то есть репрезентировал, на уровне же акта он чертил пути и давал потенцию потокам, Но разве не то же самое проделывает Моисей, когда нисходит с десятью заповедями, которые позже будут радикализированы именно тем, кто их и дал? Да, когда мы пытаемся понять ксено мы невольно помещаем его в определённые рамки репрезентации точно также, как это происходит с языческими богами, то есть делаем их последовательными, и ещё точнее, исчерпывающими, отбрасывая тот избыток, который делает ксено собственно тем, что его и характеризует как такового. Но чтобы продемонстрировать нам самим этот избыток, сам ксено должен познать, что этот избыток есть через несовпадение с нами и с травмирующим объектом, породив чистое несовпадение как монструозность.

Иисус — это неполная символизация его основания, то есть Бога aka ксено, которое делает его Сыном и тд. Тот факт, что он символизировался, то есть сделался подвластным детерминациям, которые определяют нас и нашу, с позволения сказать, природу не должно нас вводить в заблуждение о том, кто это. Я подчеркиваю, что я не говорю о его понимании, потому что именно невозможность полностью выразить ксено делает его ксено. Вочеловечившийся Бог находится тут, но он не один из нас. Он есть некий избыток, которое порождает само человечество как сообщество в виде S/+S/+S/…+a, последний элемент — это и есть

несовпадение как таковое, у которого нет возможности в представлении или по крайней мере в полном представлении. Это самый избыток (субстанцию) через субъективацию должен породить солидаризацию вокруг акта снятия и принятия монструозного своей монструозности, через узнавание (recognition) её через нашу реакцию. Если мы говорим о неком «твори!» в случае искусства и/или видеоигр, то мы остаёмся на уровне «Что ксено такое?», когда главный вопрос был бы «Чего ксено хочет?», что полностью смещает вопрос с наличия травмирующего объекта на его желание, то есть как травмирующий объект реагирует на травмирующий объект в себе. И это он может сделать только через нас. Травма реального здесь получает собственную субъектность.

Здесь можно указать, что подобная аргументация возвращает нас в принцип удовольствия, когда мы, в попытках познать «монструозность», представленную как Das Ding, встречается с влечением через попытку указать место речи и распознать (recognise) саму речь. Здесь можно указать, что Бог (Ксено) приходит не для того, чтобы быть спасённым, но чтобы спасти, более того, оно даже может не быть чем-то особенным в плане подрыва его как объекта и полностью входить в надрыв. Бог имеет собственное место, откуда он есть — Божество, то есть божественное ничто. Некая пропасть, которая отделяет равным образом и Бога от самого себя и Бога от человека. Иными словами, место, в котором мы обнаружим ксено не будет местом «тут», но будет несовпадением с местом при явном присутствии. Но это присутствие должно быть артикулировано в артефактах, которые заявят о последнем для того, чтобы породить избыток в попытках относиться к ксено как к ненаходящемуся здесь, но присутствующему как травма. Таким образом, ксено не может быть индивидуальным и находиться в конкретной фигуре (Иисус), но узнаётся через момент его снятия (Распятие и последующая

ассимиляция Святого Духа через Отца, то есть ксено as is). Ксено не может просто заключаться в индивидуальном опыте как по факту (опыт сирийских мистиков, чей мистический опыт выстраивается в определённые паттерны у тех людей, которые никогда не видели друг друга), а также по примеру того, что создаёт смерть Иисуса на кресте — Святой дух, который представляет полное растворение и ассимиляцию последнего в сообществе, которое ретроспективно его создаёт. Святой Дух является той солидаризацией и осознанием Большого Другого, что поддерживается за счёт нашей коллективно пережитой травмы познания Бога (Ксено), познавшего Себя через нас, познавших его. Для того, чтобы лучше объяснить, почему именно в Христианстве и фигуре Иисуса Христа воплощается эта возможность доступа к ксено, воспользуемся гегелевским пониманием отношения между Абсолютным Духом, Субъективным Духом и Объективным Духом.

Объективный Дух переходит в Абсолютный Дух за счёт собственной опосредованности в субъективации, а точнее сочетание двух полюсов: Всеобщее и Частное, которое при этом является Субъективным Духом aka сообщество, что опосредуется через фигуру единичности. Мы не переходим от ОД к АД за счёт простой субъективной апроприации очеловеченного, овеществлённого ОД коллективной человеческой субъективностью. Но мы также не переходим от ОД к АД полаганием за пределы ОД другой абсолютной сущности, которая охватывает и СД и ОД одновременно. Это делается именно за счёт опосредования между ОД и СД, которое включает разрыв, отделяющий ОД от СД внутри самого СД, так что ОД следует явиться как таковому, как овеществлённая сущность самому СД (а также в перевёрнутом признании того, что без субъективной отсылки к в-себе объективного духа сама субъективность распадается, впадает в психотический аутизм). В христианстве мы преодолеваем противопоставление Бога как объективного

духовного в-себе и человеческой субъективности (верующего), перенося разрыв в самого Бога. Именно поэтому христианство является «абсолютной религией» только потому что расстояние, отделяющее Бога от человека, отделяет Бога от Самого себя (и человека от человека, от нечеловеческого в нём)

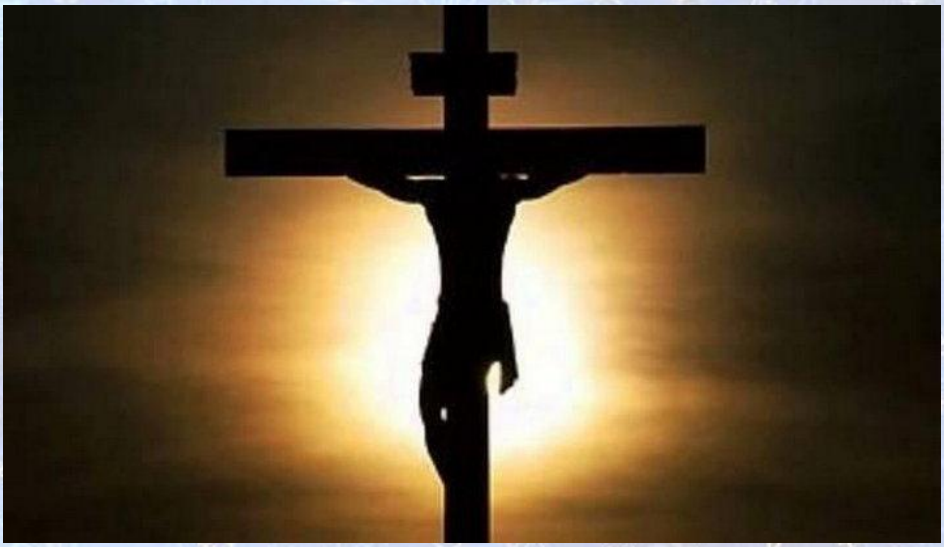
Святой Дух можно представить как гетерогенную солидарность по Батаю, но в котором он (Дух) самоорганизуется в нас и посредством нас, не сводя к само-инструментализации. В этом ошибка Сталинизма: Там есть Большой Другой и его орудия — коммунисты. В либерализме вообще нет сообщества, но есть разобщённые индивиды.

Именно поэтому Иисус, как посредник между человечеством и Богом, несводимость как таковая способна воплотить в себе любое ксено, которое не отличается от нас ничем позитивистским, но при этом не сводящейся полностью к нам и к тому, что делает его самим ирредукцией как таковой.

И вот главный и заключительный Тезис: Откровение и загадка в Боге строго соотносятся, они являются аспектами одного и того же жеста. То есть, именно потому, что Бог является загадкой в себе и для себя, потому что он обладает непостижимой Инаковостью в себе, был вынужден возникнуть Христос — для того, чтобы Бог открылся через него не только человечеству, но и самому Богу. Лишь через Христа Бог полностью реализуется как Бог. В том же духе нам так же следует противостоять модному тезису о том, как наша нетерпимость к внешнему (Этническому, сексуальному, религиозному) другому является выражением предположительно «более глубокой нетерпимости к подавленной или дезавуированной Инаковости в нас самих: мы ненавидим чужих или нападаем на них потому, что не можем примириться с другим в нас самих. Против

этого топоса мы должны подчеркнуть, что по-настоящему радикальная инаковость — не инаковость в нас самих, «Чужой в нашем сердце», но сама Инаковость другого ему самому. По настоящему христианская любовь может возникнуть лишь внутри этого движения: Любовь — есть любовь к другому постольку, поскольку он отсутствует (Лакан) — мы любим другого из–за его ограниченности. И чтобы радикализовать этот тезис: Если Бога (ксено) следует любить, то он должен в себе быть несовершенным, непоследовательным, в нём должно быть «больше, чем он сам».

ТОМАС АЛЬТИЦЕР
Бог и история.



1. Диалектика и теология.

Сегодня христианский теолог должен, прежде всего, заняться проблемой Слова, которое присутствует в нашей истории. Поскольку теолог признает, что новая эра рождается ценой неизбежных потерь своих корней в предшествующей Истории, он уже не может искать слово в той теологии, чьи форма и язык принадлежат далекому прошлому. О степени отчуждения современного христианина от доставшегося ему теологического наследия можно судить хотя бы по очевидной неспособности традиционной теологии комментировать ход нашей истории. По мере того, как исторический мир христианства все глубже погружается в мрак безвозвратного прошлого, теология встает перед проблемой выбора: или вернуться к мертвому и архаичному языку, или создать новую форму речи. Мы с вами убедились, что радикальное христианство уже создало новый язык веры, - язык, который часто принимают за выражение последнего века Духа. Но сейчас перед нами стоит задача перевести образы этого языка в

форму теологического рассуждения. С самого начала мы должны признать, что в той мере, в какой теология становится радикальной, она теряет свое традиционное содержание и внешний вид. В этой теологической революции не только все ее прежние категории будут подвергнуты отрицанию или преобразованы, но, в равной степени, и сам метод теологического мышления должен получить новое направление и форму.

Естественно, что радикальный христианин неизбежно противопоставляет себя теологии, находя, что теология подчинена авторитету Церкви и, вследствие этого, не способна ни говорить на подлинном языке веры, ни выражать современное христианское мировоззрение. Также вполне оправданно радикальный христианин считает теологию вообще закрытой для творческого мышления наукой. Так называемый ренессанс теологии в XX веке мало что может изменить в этом суждении. Как бы то ни было, но сегодня более, чем когда-либо, теология оказалась совершенно чуждой для обычных верующих и выглядит в их глазах, как нечто из области чисто абстрактного, спекулятивного рассуждения. Вместо того чтобы черпать свое вдохновение в безоговорочном авторитете библейского откровения, теология должна искать современные выражения слова веры. Прежде всего, теология должна расстаться с религией, полностью и последовательно отвергая и религиозную привязанность к первоначальному священному, и вытекающее из этого религиозное отрицание мирского. Из-за того, что теология вплоть до сегодняшнего дня хранит верность первоначальному, или трансцендентному, слову, она остается закрытой для реальности истории. Следовательно, теология должна пережить вместе с радикальным христианином смерть Бога, избавиться даже от отголоска или памяти о реальности изначального Бога; но не с чувством отчаяния перед лицом собственной гибели, а с радостным предчувствием собственного возрождения.

Мы видели, что радикальная вера обращена к движущемуся Слову или Духу, становящемуся воплощенным в истории. Этот процесс

предполагает диалектическое отрицание первоначального Духа, в котором Дух действительно становится своим иным. Теологическое мышление - чтобы не изменить историческую реальность Воплощения - должно обязательно быть диалектическим. Более того. когда теология ограничивала себя недиалектическим, абстрактным и концептуальным пониманием самого Бога, она была отчуждена как от языка Библейской веры, так и от современного языка христианского свидетельства. Ранее XIX века диалектическое мышление проникало в христианскую теологию только дважды: в августиновском учении о природе и благодати и в лютеровском понимании закона и Евангелия. Оба этих достижения христианской диалектической теологии были одновременно и библейскими, и современными: они строились на библейской основе и, в то же время, были выражениями нового исторического развития веры; и каждое из них готовило почву для революционной эры в христианстве. Отметим также, что эти теологические достижения основывались на новом понимании Воплощения, на новом ответе на движение вперед христианского слова; и каждое по-своему отразило в себе отрицание и преодоление вечного и изначального Бога. Августиновское понятие всеприсутствия и всемогущества благодати проистекало из диалектического отрицания онтологической данности Бытия точно так же, как лютеровское понимание бесплатного дара благодати во Христе покоилось на преодолении потусторонней и суверенной власти Творца. В обоих случаях мы обнаруживаем новую и более развитую форму христианского слова, исходящую из отрицания изначального Бога - Бога религии.

Однако ни Августин, ни Лютер нс достигли полностью диалектического понимания: каждый оставался привязан к прошлым догмам Церкви. Парадоксально, но оба - и Августин, и Лютер - демонически выступили на стороне этих догм, когда им пришлось столкнуться с иными формами

радикальной веры; и ни один из них не был в состоянии пересечь границы, установленные дуалистическими и недиалектическими моментами их собственного мышления. Будучи не в состоянии довести до конца выводы из своего собственного диалектического отрицания, августинианство и лютеранство оставались дуалистическими учениями: Августин изолировал всемогущество Бога от всемогущества благодати, а Лютер подобным же образом изолировал закон от евангелия; и оба в итоге санкционировали изначальную святость Бога. Августин и Лютер часто критиковались как несистематические мыслители; но, с диалектической точки зрения, ни один из них на деле не избежал абстрактных категорий чисто рационалистического мышления: Августин остался неоплатоником, хотя сам же способствовал трансформации греческого философского мышления; а Лютер, который так яростно нападал на «шлюху-разум», тем не менее был не способен порвать с рационалистической необходимостью логического тождества Бога. Когда христианская теология таким образом отождествляет себя с абстрактными и статичными категориями нашей западной логики, она не может воспринять движущееся вперед и преобразующее себя слово. До тех пор, пока теологическое мышление основывается на логических законах тождества и противоречия, оно будет просто вынуждено беспомощно наблюдать за постоянно расширяющейся пропастью между изначальным Богом и мирской историей. Гегель, который написал первый и самый значительный западный диалектический трактат по логике, настаивал: только когда диалектический разум (Vernunft) подвергнет отрицанию и преодолеет логические законы чистого рассудка (Verstand), тогда и мышление сможет воспринять движение духа в истории. Тем самым он провозгласил, что все живое несет в себе противоречие, и, таким образом, противоречие более реально, чем внешне неизменное тождество.

«Ибо, в противоположность ему, тождество есть лишь определение простого непосредственного, определение безжизненного бытия;

противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно».

С диалектической точки зрения, наиболее демоническим, вероятно, следствием той теологии, которая берет за основу изначальный суверенитет и святость Бога, оказывается ее подчинение судьбоносной власти того, что является или дано; или того, что Гегель назвал «данность». В течение всего XIX века радикальные христиане - вспомните хотя бы Достоевского - яростно протестовали против теодицеи, которая санкционировала бы любой ужас и несправедливость во имя абсолютной суверенности Бога. Дело в том, что до тех пор, пока Бог познается только в своей первоначальной форме, история либо полностью отрицается в соответствии с общими требованиями религии, либо безжалостно подчиняется посторонней власти, которую Лютер называл «законом», или Блейк - «Уризеном»; то есть «вашим разумом». В той же степени, в какой чистый абстрактный и формальный разум является отражением неизменной данности мира, Бог религии является безразличным и неподвижным и проявляет себя в истории как враг развития и жизни. Ницше считал христианского Бога воплощением духа мести и ненависти человека к себе. Он атаковал потустороннего Бога христианства как абсолютный антитезис тотального существования в истории, - того, что новый Заратустра называет «телесностью». Именно потому, что изначальная и религиозная божественность является антитезисом жизни и истории, ее священное имя может так естественно служить для санкции зла и несправедливости (см. Книгу Иова). Никакие ужасы нашей истории не оказались настолько велики, чтобы не быть допущенными в качестве божественного испытания большинством наших теологов. Какую же теологическую последовательность мы можем ожидать от теолога, который выступает на стороне того Бога, во имя которого мы должны признать все то, что подавляет и

угнетает человеческую личность? Христианская диалектическая теология просто обязана категорически высказаться как против церковных норм прошлого, так и вообще против любой негуманной чуждой реальности, которая угнетает жизнь человека. Прежде всего, такая теология должна бойкотировать любые потусторонние источники смысла, служащие барьерами на пути развития человечества. Но отнюдь не в роли служанки Церкви; напротив, истинно диалектическая теология призвана разрушать ее догматическую и организационную власть и должна посвятить себя борьбе против любых других угнетающих законов или властей, которые претендуют на священный или трансцендентный источник своего авторитета. Будь то на Востоке или будь то на Западе, диалектическое мышление всегда было направлено против всех форм дуализма, раскрывая во всяком абсолютном разграничении между двумя областями смысла или реальности стремление к господству над человеком, или слишком человеческую жажду иллюзии. Только ложная диалектика утверждает абсолютный разрыв между противоположностями, поскольку в той мере, в какой противоположности дуалистически изолированы друг от друга, они застывают в статичной форме и блокируют свое собственное разрешение. Христианская теология не может признать окончательной и абсолютной противоположность между временем и вечностью, или междуконечным и бесконечным; равно как и абсолютное различие между человеком и Богом, или творением и Творцом, поскольку такая оппозиция отвергает кенотическое движение Христа и отрицает историческую реальность Воплощения.

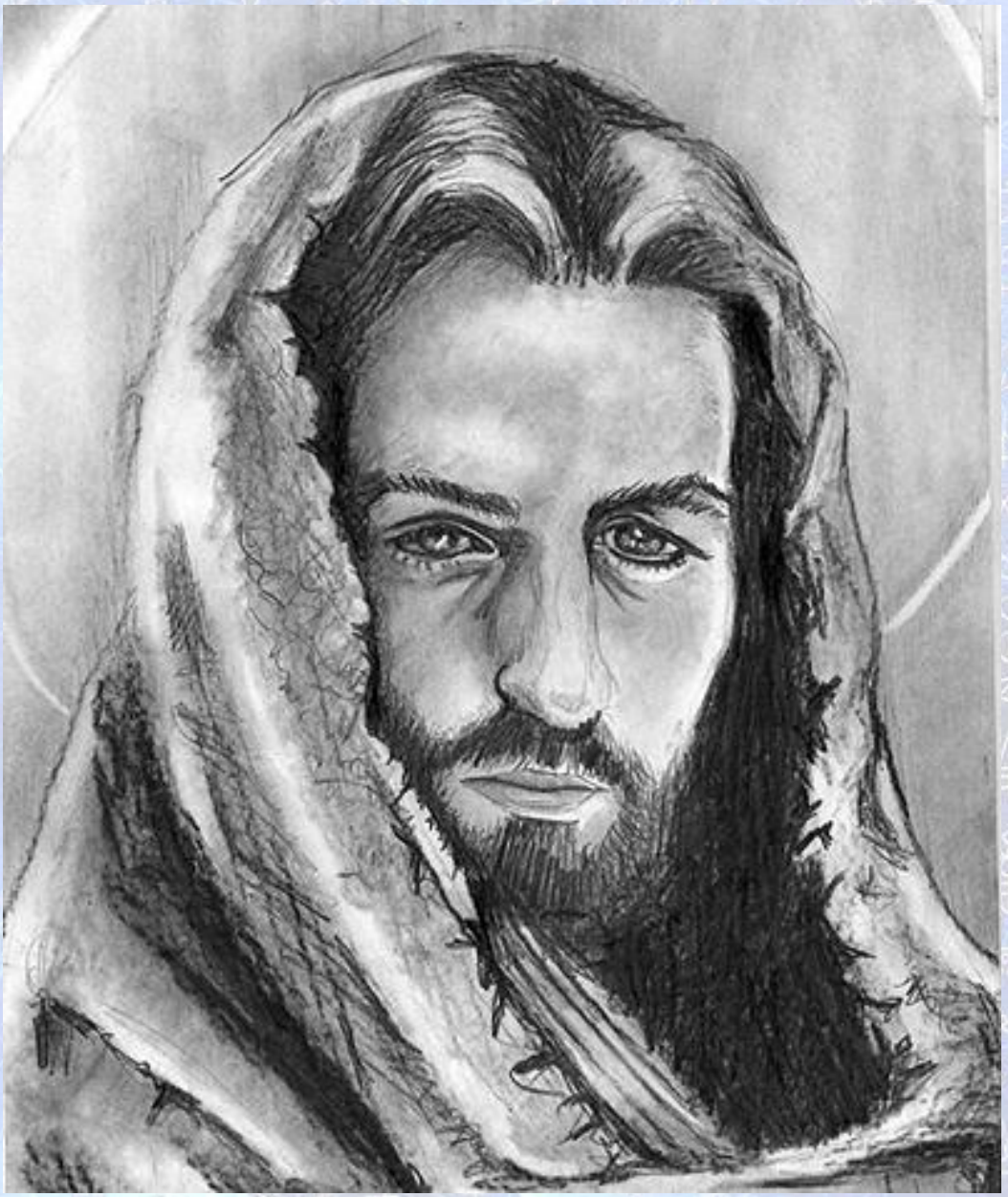
Только признав, что противоположности диалектически переходят одна в другую, теология получит возможность выразить кенотическое и историческое развитие Христианского Слова. Теология является живой дисциплиной, развивающаяся вместе с развитием своей исторической основы. Теологическое мышление должно постоянно преодолевать свою первоначальную форму, для

того чтобы воспринять универсальное и динамическое явление Духа. Ограничить теологические источники только священной историей и писаниями прошлого - значит, подавить активность слова в настоящем и развернуть вспять кенотическое направление уникального христианского слова. Более того, эсхатологическая цель христианского слова требует, чтобы оно представляло процесс обновления всех вещей, тотального преобразования истории. Чтобы Бог мог стать всем во всем, должна быть уничтожена дистанция, разделяющая творение и Творца, и отменена противоположность между священным и мирским, или плотью и Духом. Как мы видели, это может произойти только в процессе развития Духа, действительно становящегося плотью; и развития плоти, становящейся Духом. Только становление Духа своим иным может привести к апокалипсическому совпадению противоположностей.

От современной теологии требуется, как минимум, чтобы она открыла для себя значение апокалиптического и тотального искупления, - искупления, исходящего от тотального присутствия Бога во Христе. С диалектической точки зрения, главное заключается в тотальном отождествлении Бога с Иисусом и в понимании того, что это Бог становится Иисусом, а не Иисус становится Богом. Развитие воплощенного Слова движется от Бога к Иисусу; и Слово продолжает совершать это кенотическое движение, сохраняя свое направление и продвигаясь от исторического Иисуса ко всеобщему телу человечества, обнаруживая, в итоге, свое присутствие в каждом человеке. Ни в какой момент этого диалектического движения мы не можем изолировать Слово и утверждать, что именно здесь оно получает свое окончательное и определенное выражение. Любое подобное отвлечение Слова от истории блокирует процесс воплощения и возвращает теологию на ретроградный путь религии. Таким образом, тенденция возврата к прошлому является враждебной

христианской вере; в этом возвращении состоит величайшее искушение веры. Постоянно помня об этом, теология обязана решительно избавляться от всех прошлых форм слова ради приобщения к эсхатологическому будущему в настоящем.

2. Христианское имя Бога.



С точки зрения радикальной и диалектической христианской теологии, абсолютно решающий и фундаментальный

теологический принцип состоит в том, что Бог веры отнюдь не является неизменным и неподвижным, а представляет собой постоянный и движущийся вперед процесс самоотрицания, кенотическое преобразование себя в истории. Чтобы раскрыть для себя современное и аутентичное христианское имя Бога, мы должны, прежде всего, отвергнуть все религиозные представления об абсолютной закрытости и таинственности Божества с тем их неизбежным следствием, что священная или абсолютная Реальность безразлична ко всему и безмолвна; и в принципе, она неспособна развиваться или высказывать себя в истории. Утверждать, что имя Бога не произносимо в истории, - значит, встать на реакционный путь, ведущий к тотальному восстанию против истории, и начать реставрацию средствами религии утраченную невинность исходного Начала. От этого религиозного отказа от имени Бога ничем, по сути, не отличается догматическое упорство теологии в том, что имена или явления Бога раз и навсегда случились в прошлом и что, следовательно, вера является воспоминанием о прошлой и от века данной форме Бога. Мы, со своей стороны, должны заметить, что именно пророческая традиция, как она записана в Ветхом и Новом Заветах, свидетельствует об историческом движении откровения. Бог веры является постоянно в новых, развивающихся формах; а пророки, высказывая имя Бога, обнаруживают устойчивую связь между божественным процессом и человеческой историей. Бог библейской пророческой традиции - это Бог, который говорит или открывает себя в истории. Здесь история является не просто пассивным слушателем божественной речи, но, скорее, эта речь сама становится действенной и реальной только в истории, поскольку вне истории сам Бог был бы безмолвным, безразличным ко всему и одиноким. Самим актом открытия своего имени Бог опустошает себя от своей изначальной полноты, отрицая того Бога,

который есть только Бог, т.е. причина самого себя, неподвижный двигатель.

Таким образом, теология должна прийти к пониманию необходимой связи между откровением Бога о себе и его самоотрицанием, или кенозисом. Бог, который раскрывает себя в истории, - это Бог, который опустошает себя от полноты первоначального Бытия. Тем самым он действительно и истинно становится явленным в истории, и, в конечном итоге, история становится не просто ареной откровения, но самим воплощенным телом Бога. Соответственно, откровение здесь - это актуальное движение от Начала к Концу, продвижение вперед от изначального бытия Бога к тому Богу, который становится всем во всем в Конце. Бог покидает или отрицает свою оригинальную пассивность или неподвижность, становясь воплощенным в виде действительности мира и истории. С христианской точки зрения, откровение и воплощение неотделимы одно от другого, будучи двумя сторонами одного процесса, - процесса, в котором Бог и открывает себя, и становится воплощенным как полная противоположность своего первоначального существа. Откровение, как оно представлено библейской пророческой традицией, свидетельствует о падении или о постепенном разрушении изначального Бога по мере того, как Бог становится все более деятельным и реальным в истории, в итоге неотвратимо приближаясь как всеобщее посюстороннее Царство Божие. Таким образом, радикальное христианство прекращает всякие разговоры об изначальном Боге, а вместо этого будет нести в себе людям то Царствие Божие, которое является следствием абсолютного самоотрицания Бога.

Если радикальное христианство дезавуирует изначального Бога, отвергая даже имя суверенного Творца, то новая теология будет с полной уверенностью искать уникальное христианское имя Бога в имени Иисуса Христа. Прежде всего, мы должны осознать, что Иисус Христос - это имя Бога, который стал полностью и тотально воплощенным; и, таким образом, это имя, раскрывающее

актуальное движение самого Бога. Имя Иисуса Христа просто бессмысленно в отрыве от Ветхого Завета, поскольку именно Бог Ветхого Завета становится в высшей степени деятельным и исторически реальным в Иисусе Христе. Когда христианин провозглашает Господом Иисуса, он говорит о том самом Боге, которого Ветхий Завет знает как Творца, Законодателя и Господа; но сейчас уже этот первоначально суверенный и потусторонний Бог появляется в пустой или кенотической форме. Более того, только через веру в Христа верующий может знать имена Бога Ветхого Завета как проявление отрицания Богом себя. Если верно, что только библейская традиция знает Бога как абсолютно суверенного Творца и совершенно иного Законодателя и Судью, тогда христианин, подобно Иову, должен познать Творца и Судью как отчужденное от себя явление Бога. Только пустая или чуждая форма Бога может быть совершенно иной, чем человек или мир, поскольку Бог, чья реальность сама по себе сокрушает дух человека, - это Бог, который отчужден от своего собственного тождества как Искупителя. Эль Шаддаи, или всемогущий Господь, который раскрывает себя Иову как абсолютно суверенный Творец, - это Бог, который отчужден от своих собственных искупительных актов. Непреодолимая пропасть между человеком и Богом образуется именно в тот момент, когда Бог прекращает существовать и действовать в своей искупительной форме. Можно даже говорить о божественной экономии, или устроительстве спасения, в процессе истории, в котором человек и Бог, или мир и божество, коренным образом изменяются. И если этот процесс является реальным историческим процессом, происходящим в определенное временя и в нужном пространстве, тогда Бог должен сам действовать таким образом, чтобы отрицать свой первоначальный способ Бытия. Гегель, будучи последовательно диалектическим мыслителем, утверждает, что Дух обладает реальным, или действительным, существованием только в той мере, в какой он отчуждает себя от

себя; и, таким образом, Дух может двигаться вперед только путем самоотчуждения или самоотрицания. Бог продвигается вперед в истории, отрицая свои наличные и предыдущие способы Бытия в той же мере, в какой он прекращает действовать и существовать как данность. Хотя Бог развивается в своем историческом явлении, и оно уводит его все дальше и дальше от его первоначального или доисторического тождества, тем не менее важно подчеркнуть, что в диалектическом смысле Бог, или божественный процесс, остаются собой даже в состоянии самоотчуждения. Христианин исповедует такого Бога, который является наиболее истинным или действительно самим собой, находясь в состоянии крайнего самоотрицания или самоотчуждения. Так как христианин верит, что Бог самым полным образом раскрывает самого себя в Иисусе Христе, то кенотические акты Воплощения и Распятия ни в коем случае должны пониматься не как всего лишь фрагментарные проявления силы и славы вечного и неизменного Божества, а как исторические события, в ходе которых Божество окончательно прекращает существовать в своем прежнем виде. Если радикальный монотеизм присутствует только в библейской традиции, или если только там Бог остается самим собой в разнообразных исторических явлениях, тогда только христианин может говорить о Боге, который остается Богом в ходе тотального акта самоотчуждения или самоопустошения. Христианское имя Бога - это имя процесса абсолютного самоотрицания, в ходе которого Бог раскрывает себя в Иисусе Христе, который пришел в мир и свободно умер за человека.

Когда христианин провозглашает Иисуса Христа триумфальным явлением Бога, он не говорит о явлении в силе и славе, поскольку Бог реален теперь только в своем действии самопожертвования или самоотрицания. Иисус Христос - это высшая точка в развитии исторических изменений Бога, в которой отчуждение Богом себя от своей собственной исходной Тотальности делает возможным движение к новой и полностью иной Тотальности Конца. Полтора

века изучения исторической науки показали, что Библия содержит разнообразный материал, переплетение традиций и образов, которые сопротивляются всем теологическим попыткам примирить их между собой. Невозможно более говорить о библейской вере, или о библейской религии, или даже об определенном и единственном библейском Боге, - так как нельзя логически объединить противоречащие друг другу библейские образы Бога. Тем не менее радикальная диалектическая теология может подвести нас к пониманию необходимости такого противоречивого языка Библии. Только таким путем мы можем прийти к пониманию значения божественного процесса, продвигающегося через самоотрицание оригинальной основы к новым богоявлениям, все более отчужденным от первоначальной святости Бога.

Что имеется в виду, когда говорится о христианском Боге как о диалектическом процессе, а не о существующем Бытии? Во-первых, это означает, что христианского Бога нельзя представлять ни как неизменное, неподвижное или безразличное Бытие, ни как существо, обладающее некой природой или субстанцией, которая остается вечно той же самой во всех своих откровенных или в искупительных актах. Если христианин признает Бога, который опустошил себя от своей оригинальной святости путем действительного превращения в плоть, тогда он не может признавать Бога, который остается замкнутым на себя в своем собственном первоначальном Бытии. Бог, который действует в мире и истории, - это Бог, который отрицает самого себя, постепенно, но решительно уничтожая свою собственную оригинальную Тотальность. Бог - это Тотальность, которая «падает», или «сходит в мир», продвигаясь все более полным образом в состояние, противоположное своему первоначальному тождеству. Бог или Божество становится таким Богом, который явил себя во Христе, перевернув свою первоначальную форму: трансцендентность становится имманентностью, Дух становится

плотью. Ни в какой момент этого процесса Бог не является единственно самим собой: каждый момент или каждая точка в этом процессе воплощают в себе метаморфозу Бога. Христианин провозглашает Бога, который полностью отрицает себя или жертвует собой во Христе. Однако христианин утверждает, что именно Бог становится Христом; Бог, который стал Христом, был когда-то явлен и действителен, как Творец и Господь. В противном случае невозможно говорить о кенотическом Христе, о самоуничтожении Бога, о Боге, который действительно подверг себя отрицанию в Иисусе Христе. Таким образом, Бог - это диалектический процесс, а не существующее Бытие в смысле Бога, опустошившего себя от Бога во Христе.

Недиалектические и дуалистические формы христианства тем или иным образом неизменно восстанавливали разрыв между сущностной реальностью Бога и его искупительными или откровенными актами. Естественная, или рациональная, теология, анализируя понятие Бога с помощью разума, полностью отделялась от жизни веры. Она, как правило, рассматривала Бога в отрыве от его действий и в результате неизбежно разводила по разные стороны Бога веры и Бога разума. С другой стороны, любые попытки ограничиться при теологическом анализе Бога Словом но откровения приводили к потере всех познавательных способов общения с Богом. Это, в свою очередь, изолировало реальность Бога от реальности мира, от связи божественной активности с местом ее действия и, в конечном счете, от самой действительности его актов. Как естественная теология, так и теология откровения, отвергают полную реальность Бога: первая - постигая первоначальную, или вечную, природу Бога, которая неспособна ни к развитию, ни к искупительному действию; а вторая - утверждая суверенного Господа, который бесконечно удален от исторической реальности своего творения. Однако наиболее чудовищным искажением со стороны догматики теологии откровения и систем философской теологии следует признать то, что они в равной мере

изолируют Бога от Христа. Разгородив между собой Творца и Искупителя, первоначальное и последующее существо Бога, они в результате рано или поздно скатывались к языческим или в религиозным формам христианства.
Блейк гениально почувствовал, что Бог деизма и Бог ортодоксии - тождественны, поскольку оба изгоняют искупляющего Бога из мира. Для них Бог - это или безразличная ко всему основа космического порядка, или безжалостный деспот истории. В обоих случаях мы получаем изображение Бога, удаленного от мира и чуждого человеку. По мере того как историческое или церковное христианство все дальше отходило от своей изначальной веры, оно углубляло пропасть между Творцом и Искупителем, пока в наше время искупительный смысл не исчез полностью из понятия Бог. Чтобы развернуть в обратную сторону этот процесс деградации, мы должны вернуться к фундаментальному принципу диалектической теологии: Бог - это движущийся вперед процесс кенотического преобразования, который остается самим собой даже в ходе абсолютного самоотрицания. «Бог - это Иисус», - восклицает Блейк и вместе с ним каждый радикальный христианин, потому что Бог сам стал тотально воплощен и полностью тождествен Христу. Точно так же мы должны отвергнуть любое гностическое или дуалистическое искушение расщепить Творца и Искупителя путем утверждения, что Бог тождествен с Христом, и Христос является окончательным воплощением самоотрицания Бога. Евангелие от Иоанна является наиболее антигностическим, когда пытается изобразить Христа в качестве Творца, поскольку всемогущий Творец, который стал Христом, уже является одновременно в этом оригинальном акте и богоявлении Богом, который способен к опустошению себя от своей суверенной власти. Более того, если рассматривать его диалектически, то каждый акт Бога представляет собой кенотическую метаморфозу, так как Бог, который действует как Творец, - это уже Бог, который пал с высоты своей изначальной

Тотальности; и поэтому даже самые ужасающие и подавляющие действия творящего Бога могут быть поняты христианином как приготовления к Евангелию. В дальнейшем Бог отрицает себя как суверенного Творца, становясь воплощенным во Христе: Бог как Творец и Господь переживает метаморфозу во Христе таким образом, что переходит в противоположность своего исходного явления. Христос тождествен Богу, - это так; но Бог, который присутствует и реален во Христе, - это Бог, который опустошил себя от своей первоначальной суверенности и трансцендентности. Таким образом, христианин должен отвергнуть любой образ невоплощенного Бога, если он не преобразован самопожертвованием или самоотрицанием самого Бога.

3. Бог и Сатана.

В «Генеалогии морали» Ницше утверждает, что человек все проявления своей отрицательной энергии, направленной против собственной личности и природы, соединил в одном понятии и создал Бога, «как потустороннее, как вечность, мучение без конца, ад, как неизмеримость кары и преступления». Эти слова Ницше

повторяют в своеобразной манере пророческие выпады Блейка против Уризена и гегелевскую диалектическую критику отчужденной и безжизненной формы Духа. Более того, взятые все вместе, они обрисовывают уникального христианского Бога, - Бога, который бесконечно удален от человека; Бога, который в своем трансцендентном величии противостоит человеку и перед лицом которого человеку ничего не остается, как смириться со своим жалким существованием, наполненным чувством вины и страха. Почему историки религии не обратили внимание на то, что идея Рудольфа Отто о нуминозной составляющей в Боге как mysterium tremendum et fascinans взята им именно из христианского представления о Боге и в мировых религиях нигде более не представлена? Даже мусульманин и иудей (за исключением таких модернизированных и полухристианских иудеев, как Кафка) не знают божественность, чья святость абсолютно противопоставлена непосредственной жизни человека в мире. Ни мусульманин, ни иудей - не говоря уже о последователях восточной мистики - не знают этого ужасающего и всеохватного чувства вины, возникающего при встрече с божественным и праведным Судьей. Образ белого кита Моби Дика у Мелвилла и бунт Ивана Карамазова против Бога неотвратимо притягательны для современного христианина, потому что только современный христианин лицезреет Бога в образе mysterium tremendum, - ужасающего Господа, чья суверенная власть подавляет энергию человечества и лишает его способности к развитию.

Давайте вернемся к пророческим словам Ницше, раскрывающим христианство как абсолютную форму самоотрицания человека: «Христианское понятие о божестве (Бог как Бог больных, Бог как паук, Бог как дух) - это понятие есть одно из самых извращеннейших понятий о божестве, какие только существовали на земле; быть может, оно является даже измерителем той глубины, до которой может опуститься тип божества в его нисходящем развитии. Бог, выродившийся в противоречие с жизнью, - вместо

того, чтобы быть ее просветлением и вечным ее утверждением'. Бог, объявляющий войну жизни, природе, воле к жизни! Бог как формула всякой клеветы на “посюстороннее”, для всякой лжи о “потустороннем”! Бог, обожествляющий “ничто”, освящающий волю к “ничто”!» Отметим, что для Ницше христианское понятие Бога отражает низшую ступень в нисходящем ряду божеств. Можно не сомневаться в том - особенно из-за восхваления Ницше самых ранних образов бога Яхве в Ветхом Завете в качестве выражения оригинального израильского сознания власти, радости и надежды, - что здесь немецкий философ вливается в движение библейского пророческого откровения, раскрывающего апокалипсического Бога Конца, - Бога, явление которого должно положить конец ценностям и действительности мира. Когда Ницше говорит о христианском Боге как об обожествлении «ничто», он говорит о том христианском представлении о Боге, которое предполагает абсолютную полярность между Богом и миром. Христианский Бог выступает как бесконечная суверенная сила, которая сокрушает жизнь человека. Следует уточнить: в каком смысле христианский Бог - это воля к ничто, ставшая священной? Может возникнуть вопрос: разве мы не имеем еще более священную волю к ничто в буддизме? Дело в том, что буддист освобожден от абстрактного и пустого ничто в сознании отдельной личности, за счет того всеохватного благодатного и тотального ничто нирваны или шуньяты, которое проявляется именно в тот момент, когда пустое ничто разрушается. Тогда как христианский Бог, напротив, может быть истинно познан путем абсолютного отрицания полноты жизни, энергии духа и радости тела.

Соответственно, христианский Бог является глубочайшим воплощением ницшевского символического «нет», - этого абсолютного отрицания жизни и личности, которое, в конечном счете, оборачивается против самого себя. С этой точки зрения, движение христианского мира в сторону от искупительного явления

Бога оказывается неизбежным историческим проявлением глубинной основы этого мира. Бог, который, в конечном итоге, является в человеческом опыте как божественный Судья и Исполнитель наказания, как абстрактное и полностью безжизненное Бытие, как противоречащее жизни обожествленное ничто, - есть историческое следствие божественного кенотического движения воплощения. Полностью чуждый Бог, Бог, уже предреченный христианству в гностицизме, - это просто мертвое тело Бога; тело, которое постепенно разлагается в истории христианского мира. В начале этой истории оно еще выступает в невоплощенной форме, а затем неизбежно и последовательно обнаруживает свою мертвенную пустоту, пока, наконец, с распадом христианского мира оно окончательно не воприсутствует в истории как полное воплощение отчужденного и пустого ничто. Хотя опыт ужаса и страха, возникающих вследствие явления Творца, описан уже в книге Иова, но мы не можем - вплоть до прихода современного мира - обнаружить то преобладающее и всеохватное чувство страха, которое Кьеркегор верно объяснял встречей с ничто. Паскаль содрогался в душе при виде необъятных далей бесконечного и пустого космоса; но сейчас, похоже, это чувство содрогания присутствует везде, где человеку открывается жестокая реальность и радикальная конечность мира. Современный христианский мыслитель (будь то Блейк или Ницше) провозгласил, что хаос вокруг нас - это ничто, вырастающее из смерти Бога, из могилы мертвого Творца. Ницшевский безумец, провозглашая смерть Бога, вступает на землю, которая оторвана от своего солнца: «Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли средь бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шум могильщиков, погребающих Бога?

Разве не доносится до нас запах божественного тления? - и Боги истлевают! Бог умер!» Погруженные в новый хаос, вызванный смертью Бога, мы по видимости утратили способность Адама давать имя творению, а наша вера становится безмолвной перед лицом совершенно чуждого и внешнего космоса. Но она сможет вернуть себе дар речи, если осмелится назвать наш хаос могилой Бога. И страх не овладеет тем христианином, который приходит к осознанию, что наш Страх - это запах тления Бога. Познать чуждое и пустое ничто, как мертвое тело Бога, - означает быть освобожденным от жуткой тайны и ужасающей силы хаоса. Примечательно, что подобная победа над хаосом присутствует и в ранней апокалипсической вере, где апокалипсический верующий знает мир, как старый Эон, который находится уже на пути к первозданному хаосу и, таким образом, на пути к своему концу. Почти с полной уверенностью можно сказать, что именно апокалипсическая религия - вероятно, в своем оригинальном персидском выражении - впервые выдвинула веру в Сатану, или в Антихриста, в космическую и историческую силу зла, которая представляет полярную противоположность доброму Творцу. В позднейшей гностической и католической теологиях Сатана не только признается правителем мира и истории, но и считается самим воплощением ничто в качестве абсолютного источника зла. Пока Сатана или Антихрист не побеждены, не наступит новый Эон; а с поражением Сатаны старый Эон полностью обращается в ничто. Когда Христос видит Сатану низвергающимся с небес, он знает, что настало время для пришествия Царствия Божия. Так же, как новый Эон восстает из праха разрушающегося мира тьмы, Царство Божие, которое провозглашает Иисус, переворачивает ценности и институты истории, разрушая основание всякой тиранической и угнетающей власти. Разрушение этой власти означает падение Сатаны, поскольку Сатана - это сила, подавляющая человеческую энергию и останавливающая развитие;

сила тьмы, противостоящая жизни и свету. По древним апокалипсическим писаниям, Сатана, или Антихрист, открыто является в истории только в момент своего падения; а до тех пор, пока не наступит время его разрушения, невозможно обнаружить или назвать Антихриста. Апокалипсические мыслители всегда пытались назвать имя Антихриста, обыкновенно скрывая свои попытки под эзотерическими символами; но на всем протяжении истории христианского мира апокалипсические видения всегда оставались под влиянием той самой тайны, которой новый Эон обещал положить конец. Только с разрушением христианского мира появляется апокалипсический мыслитель, который одерживает окончательную победу над тайной религии, называя христианского Бога именем Сатаны.

Этот мыслитель - Уильям Блейк, и мы должны полностью признать тот факт, что Блейк совершает особое богохульство из богохульств, отождествляя библейского Творца и Господа с Сатаной. Об этом свидетельствуют не только многочисленные работы Блейка, но и его превосходные живописные творения. На великолепной одиннадцатой гравюре из иллюстраций к книге Иова он изобразил Бога в виде Сатаны и сделал это в силу своего убеждения, что искупление может полностью осуществиться только после того, как потусторонний Бог явится миру и истории как Сатана. Это отождествление Бога с Сатаной является постоянным мотивом всего позднего творчества Блейка, и оно служит основанием его апокалипсических представлений, изложенных в поэмах «Мильтон» и «Иерусалим». В «Мильтоне» Сатана берет на себя все прежние функции Уризена. Но только здесь Сатана не объявляет: «Я Бог един» - до тех пор, пока не установит свой угнетающий «Закон» (9:25). Зная о том, что Мильтон является у Блейка символом апокалипсического возрождения христианства, мы не можем не заметить, что здесь Сатана обнаруживается как «Тень», или «Призрак», падшего человечества, пустого хаоса, лишающего жизнь творческой энергии, а человеческую личность - развития.

«И по печальному миру мельницы Сатаны воздвиглись на фундаментах храмов Альбиона, и сыны Сатаны - друиды - приносят человеческие жертвы по всей земле, и могильный камень Альбиона покрыл своей тенью всю землю, где Сатана, послушный только своему Закону, заставил всех служить ему, как Богу, и быть благодарными в повиновении, поставив себя над всем, что зовется Богом; и все призраки мертвых, зовущие себя сынами Бога, в его синагогах поклоняются Сатане под Непроизносимым Именем» («Мильтон», 11:6-14).

Синагоги, о которых говорит Блейк, - это христианские Церкви, а «Непроизносимое Имя» - это имя христианского Бога, которого Блейк отваживается назвать тиранническим правителем, требующим жертв от угнетенного и порабощенного человечества.

«Я не есть Бог, - тот, что далек», - заявляет Спаситель в «Иерусалиме» (4:18); это Иисус, который присутствует в средоточии жизни, как Слово, ставшее плотью; Слово, которое окончательно и полностью сошло в мир из потусторонней области Духа. Когда это сошествие произошло, жизнь Слова покинула область потустороннего, и вследствие этого все невоплощенные явления Слова опустошены от их искупительной силы и превращаются в силу угнетающую. Как заявляет Блейк:

«Не ищи твоего небесного отца по ту сторону небес: там пребывают Хаос и вечная Ночь, и Ог, и старый Анак. Ибо каждое человеческое сердце имеет медные врата и алмазные решетки, и мало кто отваживается их отворить, потому что страшный Ог и Анак охраняют мрачные ворота; и каждый смертный мозг окружен стеной и рвом, и Ог и Анак стерегут их; здесь засел Сатана с его паутиной» («Мильтон», 20:32-38).

Ог был могущественным царем ханаанян, которого одолели древние израильтяне; анаки были народом гигантов, которых истребил Иисус Навин. Блейк использует эти имена символически, для описания хаоса, который возвращается вновь вместе с падением

Сатаны с небес, и воцаряется там, где «Паутина религии» Сатаны опутывает жизнь своими законами. Таким образом, религия становится подавляющей силой; она возникает как реакция на кенотическое движение Воплощения, утверждая себя в пустой ныне и чуждой форме Духа, оборачивающейся мертвым телом Бога, или Сатаной, как говорит Блейк.

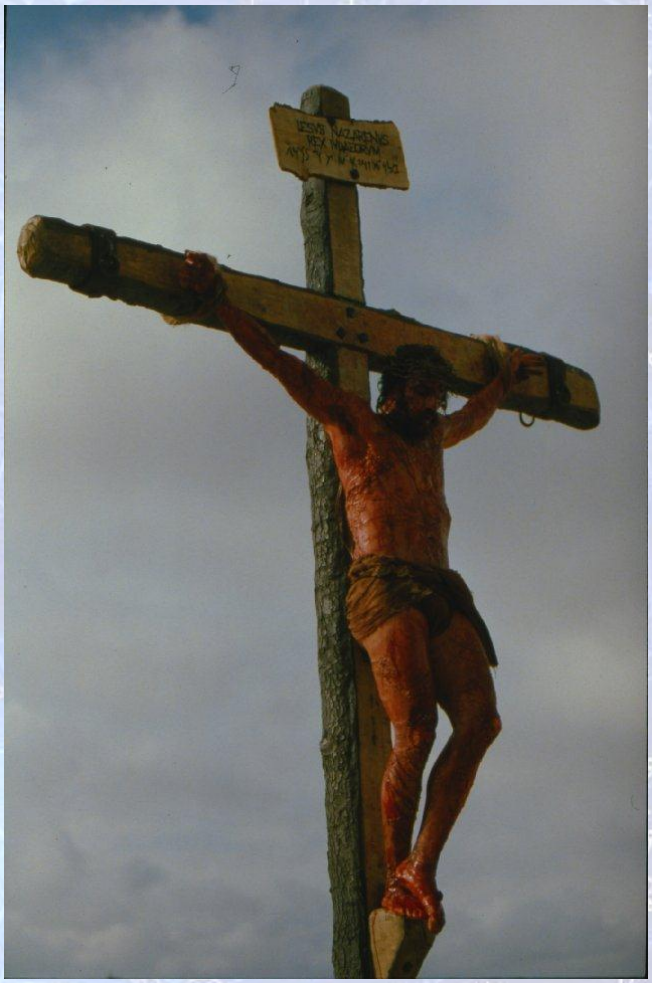
Карл Барт был первым теологом, который утверждал, что «тайна» творения может быть действительно раскрыта только в вере в Христа. Этот вполне современный мотив является одним из самых мощных в его «Церковной Догматике»; и он прекрасно иллюстрирует затруднительное положение современного теолога, который вынужден говорить о Боге в том мире, в котором Бог умер. Таким образом, мы не можем сомневаться в том, что даже церковная теология может говорить словами Евангелия. Особенно если они истолкованы с точки зрения радикального пророческого воззрения. Один из наиболее подвижных образов Блейка представляет Сатану в форме Творца; но его явление как Творца происходит именно тогда, когда его зритель порабощен его божественным, но пустым центром.

«И так говорил Призрак Альбиону: он есть Великая Личность, Сатана, прославляемый как Бог Сильными Мира Сего; белая Точка, называемая центром, из которой вырастают один за другим круги, стала его Сердцем; из него протянулись бесчисленные отростки во всех возможных направлениях, производя каждое по три, по семь, а то и по десять Голов; и бесчисленное количество рук и ног, все по воле тех несчастных жалобщиков, которые служат ему пищей. Таково устройство этой ненасытной Власти» («Иерусалим», 33:17-24).

Обратите внимание на традиционные образы центра и круга, обычно используемые для выражения всеохватной власти Бога. Но здесь круг выходит из центра, поглощая все то пространство, которое охватывает. Вспоминается ранний блейковский образ

Уризена как Творца, который - невидимый и неведомый - разделяет и измеряет пространство, оформляя его по образу своего «девятичного мрака» (первая глава «Книги Уризена»). Мы не должны думать, что эти образы свидетельствуют о гностической ненависти к миру. Скорее, они являются яростным протестом против мира человеческого отчуждения и угнетения и пытаются обнаружить абсолютную основу человеческого рабства на границах или стенах, окружающих сферу человеческого существования. «Они стали тем, что узрели», - это частый рефрен в «Иерусалиме», который скрыто присутствует и в тексте, только что процитированном, поскольку знать удаленного и всемогущего Творца - это значит, подчиниться статусу творения, способу существования, при котором творение полностью подчинено Творцу и замкнуто в пределах микрокосма. Мы действительно познаем этого чуждого Творца путем веры в Христа, поскольку Бог, который стал Христом, освободил человечество от власти потустороннего Духа. Однако падшее человечество должно обязательно познать на собственном опыте эту всеохватную и ненасытную Власть, потому что сломленное человечество не может не подчиниться своему собственному микрокосмическому отчуждению. Когда радикальный христианин обращается к нам с освобождающим посланием, что Бог - это Сатана, он уничтожает силу этого отчуждения, срывая ту паутину религии, которой Сатана опутал человечество, и раскрывая Бога, который умер во Христе.

Самоуничтожение Бога.



1. Смерть Бога.

Что мы имеем в виду, когда говорим о смерти Бога? Действительно, как можно говорить о смерти Бога в то время, когда, кажется, само имя Бога уже невозможно произнести? Прежде всего, мы должны уяснить для себя, что провозглашение смерти Бога является христианским исповеданием веры. Говоря о том, что Бог умер, мы говорим о Боге, который умер в Иисусе Христе; о Боге, который прошел через то, что Блейк символически обозначил как «Самоуничтожение», или что у Гегеля диалектически понимается как отрицание отрицания. Только христианин может действительно говорить о смерти Бога, поскольку только христианин знает Бога, который отрицает себя в результате собственных откровенных и искупительных действий. Религиозное представление о божестве

утверждает такого Бога, который находится по ту сторону нашей реальности. Рациональное и недиалектическое понятие божества представляет Бога неизменным и неподвижным, замкнутым на себе в своем собственном Бытии. Ни религиозный верующий, ни недиалектический мыслитель не могут воспринять представление о Боге, действительность и деятельность которого проистекают из его собственного самоотрицания. Только радикальный, или мирской, или нерелигиозный христианин может знать, что Бог перестал быть действительным и деятельным в своем невоплощенном или первоначальном существе. Именно поэтому крайне важно, чтобы радикальный христианин устранил, насколько это возможно, все неясности и двусмысленности, возникающие при употреблении выражения «смерть Бога». Исповедовать смерть Бога - означает говорить о реальном событии, происшедшем возможно, не в один момент; но о событии, которое действительно произошло в нашем космосе и истории. Не следует думать, что эта идея ограничивается устранением или исчезновением Бога из истории и из сотворенного Мира. Напротив, в подлинном смысле говорить о смерти Бога - значит, говорить о смерти самого Бога. Радикальный христианин провозглашает, что Бог действительно умер во Христе, что его смерть является космическим и историческим событием и что это событие окончательное и бесповоротное, которое не может быть отменено какими-либо религиозными действиями или последующими космическими событиями. Подобное религиозное движение против смерти Бога действительно имело место в истории; оно и сейчас находит выражение в христианской религии. Но такое противодействие со стороны религии не может отменить само событие смерти Бога, оно не может восстановить живого Бога Ветхого Завета, оно не может обратить вспять сошествие Духа в плоть. Религиозные христиане могут продолжать веровать в воскресшего и вознесшегося на небеса Господа и могут быть преданы образу всемогущего Творца и Судии. Однако такое бегство от реальности

Воплощения не может нарушить сам ход Воплощения; а это событие должно заставить христианина искать присутствие Христа в мире, полностью чуждом официальному христианскому представлению о священном.

Нам надо провести грань между первоначальной смертью Бога во Христе и историческим осуществлением его смерти в полном ее объеме в человеческом опыте. Принимая за основу радикальное христианское утверждение, что Бог полностью и целиком стал воплощенным во Христе, мы должны отметить, что ни Воплощение, ни Распятие на кресте не могут рассматриваться как изолированные и как раз и навсегда данные, неизменные события. Скорее, они должны пониматься как непосредственные выражения движения вперед эсхатологического процесса искупления, - процесса, заключающего в себе прогрессивное движение Духа в плоть. Никогда в этом процессе воплощенное Слово или Дух не застывает в окончательной или строго определенной форме: божественный процесс претерпевает постоянное преобразование, последовательно продвигаясь в направлении эсхатологического конца. С точки зрения восточного мистика, процесс воплощения, в котором полностью уничтожается или преобразуется мирская реальность, обнаруживает для нас первоначальную реальность священного. Исключительно христианство свидетельствует о конкретном и действительном сошествии священного в мирское, в ходе которого священное отрицает свои определенные формы и лишает их изначальной силы и действительности. Радикальное христианство представляет этот процесс как тотальный. Ни изначальный Бог, пи невинность райского сада не остаются незатронутыми этим процессом Сошествия: все вещи без исключения вовлечены в этот процесс и участвуют в тотальном или космическом преобразовании. Это движение от «Невинности» к «Опытности» потенциально присутствует в каждом моменте времени и в каждой точке пространства. Можно сказать, что Бог

умирает, в определенном смысле, там и тогда, где и когда он присутствует в мире. Мы в подлинном смысле познаем этот божественный процесс отрицания только через смерть Бога во Христе.

При нашем отчуждении от христианского наследия и при нашей исторической удаленности от веры первых учеников Иисуса, что современный христианин может знать об оригинальном богоявлении, о явлении Бога во Христе? Находясь под все возрастающим влиянием исторического сознания, которое раскрыло для нас совершенно по-новому мир идей и образов Нового Завета, - мир, который не поддается ни теологической систематизации, ни переводу на язык современного мышления и опыта, - как мы можем надеяться на то, что нам удастся установить исходный фундаментальный смысл христианской веры? Давайте открыто признаем, что у нас нет никакой возможности вернуться к ранней христианской вере, и тот Христос, который может быть современным с нашей точки зрения, - это не собственно исторический Иисус и не Господь веры ранней Церкви. В условиях заката христианского мира мы уже давно умерли для ортодоксальной христианской веры и должны смотреть на Новый Завет и на раннее христианство как на экзотические и чуждые формы религии. Тем не менее, мы не можем пренебречь открывающейся для нас возможностью именно через наше отчуждение от религиозного мира раннего христианства взглянуть на фундаментальные основы христианской веры. Как раз в силу того, что мы умерли для религиозной формы раннего христианства, мы стали свободнее относиться к религии, и это позволяет нам по-новому соучаствовать в христианском движении Воплощения.

Мы знаем, что и Иисус, и ранние палестинские Церкви провозглашали благую весть о пришествии Царствия Божия. Но до сих пор ни теолог, ни ученый-библеист не смогли истолковать для современного сознания эсхатологический символ Царства Божия так, чтобы не разрушить его первоначальный исторический смысл.

Нет почти никаких сомнений в том, что этот символ первоначально указывал на конечное завершение процесса превращения трансцендентного в имманентное. Суверенный Господь вступал во время и в пространство и преобразовывал все вещи, отменяя старый порядок первоначального творения и подчинение человека существующим законам и религии. Оригинальное христианское апокалипсическое возвещение царства Божия означает не пришествие всемогущего Творца, Законодателя и Судии, а совершенно новое явление божественности, уничтожающее всякую дистанцию между творцом и творением. Несмотря на уверенность апостола Павла, что победа, которую Христос одержал над силами греха и тьмы, уничтожила старый Израиль и положила начало уничтожению старого творения, не говоря уже о его убеждении в том, что Бог будет все во всем, и Павел, и ранняя Церковь были не в состоянии полностью и решительно отрицать старые религиозные формы и преодолеть свою привязанность к трансцендентному и первоначальному явлению Бога. Соответственно, раннее христианство было неспособно ни отрицать религию, ни воспринять полностью апокалипсическую веру, в результате чего оно вскоре стало отчужденным от своего собственного исходного возвещения. Мы уже видели, что современный радикальный христианин утверждает апокалипсический и диалектический подход к смерти Бога во Христе; и, с этой точки зрения, самоотрицание или самоуничтожение первоначальной реальности Бога приводит к тотальному преобразованию всех вещей. Можем ли мы в таком случае заключить, что именно такое понимание смерти Бога во Христе делает возможным для нас постижение более глубокого смысла эсхатологического символа Царства Божия? Тогда мы могли бы утверждать, что победа Царства Божия - это плод окончательного продвижения Бога в мир, Духа в плоть; и что пришествие Царства Божия неотделимо от отмены всех

невоплощенных форм Духа. Тогда мы сможем также увидеть, что именно религиозное воззрение раннего христианства извращает христианскую реальность Царства Божия. Ортодоксальное христианство с необходимостью оказывается оторванным от своей эсхатологической основы; и нет сомнений, что открытие радикальным христианином апокалипсической веры было частично вызвано его отчуждением от господствующих и официально установленных форм христианской традиции. Такое понимание символа Царства Божия способствует также нашему осознанию благой вести о смерти Бога. Смерть Бога не просто бросает человека в пустую тьму, - она освобождает его от всякой чуждой и угнетающей власти другого и делает возможным его переход в то, что Блейк восславил как «Великое Божественное Человечество», или окончательное соединение Бога и человека. Вне зависимости от того, изберем мы или не изберем такое понимание оригинального христианского благовестия пришествия Царства Божия, ясно, что радикальный христианин утверждает: Бог умер во Христе, и смерть Бога - это окончательное и необратимое событие. Совершенно очевидно, однако, и то, что ни в Библии, ни в ортодоксальных учениях христианства мы не можем обнаружить четкое и решающее свидетельство, раскрывающее смысл этого события. Только радикальный христианин усматривает в истории божественный процесс преобразования Духа в плоть, последовательно продвигаясь вперед к своей эсхатологической цели. Хотя христианин провозглашает, что этот процесс находит свое триумф во Христе, или что он приобретает свою окончательное направление благодаря событиям Воплощения и Распятия на кресте, но из этого не следует, что сам процесс при этом прекращает двигаться вперед в продолжение всей истории, последовавшей за смертью Христа. Просто, обратив внимание на то все возрастающее влияние, которое оказывает смерть Бога на современный христианский опыт, мы можем ощутить в нем мощное воздействие продвижения Слова или Духа в историю.

Современная вера, которая открыта для действительности смерти Бога в нашей истории как исторического осуществления наступления Царства Божия, может взглянуть на духовную пустоту нашего времени как на следствие проявления в человеческом опыте самоуничтожения Бога во Христе, раскрывая для себя в новой форме апокалипсическую веру раннего христианина.
И снова мы наталкиваемся на переворачивание христианской религией действия Бога во Христе. Вера, которая изолирует священные события страданий Христа от мирской действительности, должна неизбежно заключить Христа в рамки далекой и чуждой формы и отвергнуть его присутствие в непосредственности нашего опыта. Любая попытка установить непреодолимый разрыв между священной историей и историей человеческой свидетельствует об отказе от Воплощения и о предательстве движущегося вперед процесса спасения. Это отрицание кенотического движения Слова присутствует даже в самом упорном утверждении религии, что вера дана нам раз и навсегда, и она полностью и в окончательной форме изложена в Священном Писании, в литургии, обрядах и догмах прошлого; так что нет никакого смысла придавать ее первоначальным выражениям новую и более универсальную форму. Все подобные претензии религии не только намереваются остановить божественный процесс, но и уничтожают возможность развития веры и противопоставляют верующего присутствию Христа в мирской истории, тем самым отчуждая христианина от действительности его собственного времени. Радикальный христианин призывает своего слушателя открыться полноте нашей истории не с верой в то, что наша история тождественна с той историей, в которой жил Христос; но с убеждением, что смерть Бога в нашей истории представляет собой продвижение в тотальное тело человечества первоначальной смерти Бога во Христе. Бог, который устойчиво и последовательно является в человеческом опыте как пустое и

чуждое Иное, есть необходимое следствие движения Духа, который все глубже погружается в плоть. Удаленный и чуждый Бог не только свидетельствует об историческом осуществлении Слова во плоти, но его явление в виде пустой бесформенности разрушает возможность живой веры в Бога, заставляя христианина искать новое явление Христа в мире. Пусть современный христианин возрадуется, что христианство открыло человечеству самое отчужденное, самое удаленное и самое угнетающее божество в истории: именно самоот- чуждение Бога от его изначальной искупительной формы освободило человечество от трансцендентной области и сделало возможным полное сошествие Слова в полноту человеческого опыта. Бог, который умер во Христе, - это Бог, который опустошает себя от своей изначальной жизни и силы и обращается в чуждое и безжизненное ничто. Смерть Бога во Христе - это необходимое следствие движения Бога в мир, Духа в плоть. Вера, которая знает это кенотичсское движение действующим в страстях Христовых, знает, что оно проявляется в страданиях и во мраке человеческого опыта, - опыта человека, изгнанного из райского сада и лишенного поддержки потусторонних сил. Никоим образом не соглашаясь объяснять потерю современным человеком всех жизненных основ просто его отходом от веры, радикальный христианин рассматривает духовную пустоту нашего времени как историческое осуществление самоуничтожения Бога. И, несмотря на ужас и муки, заключенные в таком положении человечества, радикальный христианин может приветствовать даже этот мрак как еще более глубокое продолжение и развитие изначальных страстей Христа. Таким образом, радикальная вера объявляет наше современное положение продолжением тела Христа, продвижением в полноту истории само- онустошения Бога. Никакое уклонение от автономности человеческого существования для христианина невозможно. Для христианина запрещено и стремление к первозданной невинности, и ностальгическая тоска по чистому невоплощенному Духу.

Именно христианская жизнь в кеноти- ческом Слове подталкивает его принимать и утверждать мир, в котором Бог мертв, как осуществление в истории самоуничтожения Бога во Христе. Если христианин освобожден от всякой связи с небесным и трансцендентным Господом и умер во Христе для изначальной реальности Бога, тогда он может сказать торжествующе: «Бог умер!». Только христианин может произнести освобождающее слово о смерти Бога, поскольку только христианин умер во Христе для трансцендентной области священного и может реализовать в ходе своего собственного участия в движущемся вперед теле Христа победу самоотрицания Духа. Точно так же, как древний христианин мог призывать своего слушателя возрадоваться Распятию, поскольку оно ведет к пришествию Царствия Божия, современный христианин может провозгласить благую весть о смерти Бога и говорить с радостью об окончательном завершении самоуничтожения Бога. Истинно, сегодня каждый человек, который открыт для опыта, знает, что Бог отсутствует; но только христианин знает, что Бог умер, что смерть Бога - это окончательное и бесповоротное событие, что смерть Бога положила начало в истории новому и освобожденному человечеству. Почему христианин уверен, что Бог умер? Потому что христианин живет полностью в воплощенном теле Христа, он рассматривает тотальность нашего опыта как завершение кенотической страсти Слова: и, отдаваясь Христу, который присутствует для нас, он освобожден от чуждой власти опустошенной и погруженной во мрак трансцендентности. Вместо того, чтобы быть безмолвным и бездеятельным перед лицом мира, в котором изначальное имя Бога более не произносится, христианин может жить и говорить, радостно возвещая благую весть о смерти Бога и приветствуя голую реальность нашего опыта как победу самоотрицания Бога. Как может бояться христианин сил мрака, если у него есть слова для

того, чтобы высказать истину о нашем мраке как о самоопустошении Бога ради полноты жизни Христа?

2. Искупление.

Если Воплощение и Распятие понимаются как двойное выражение единого процесса, в котором Бог переходит из своей первоначальной и трансцендентной формы в новую и имманентную форму, тогда появление Слова во плоти может пониматься как эсхатологическое завершение самоотрицания Бога, как распространение искупительного процесса самоуничтожения Бога на всю тотальность опыта. Такое апокалипсическое понимание искупления, однако, не просто предполагает, что Бог является деятелем искупления; оно еще утверждает, что он сам в равной степени подвержен искуплению, поскольку участвует в самом примирении в качестве одной из сторон. Мы видели, что радикальная вера рассматривает трансцендентный образ Духа как чуждую и угнетающую форму Бога. И Гегель учит нас, что только в современном мире сознание обнаруживает то трансцендентный Дух как нечто абстрактное и безжизненное, поскольку смерть Бога в человеческом опыте освобождает веру от авторитета и власти изначального Бога. Если Бог умер во Христе, трансцендентное

богоявление должно представать для сознания в виде чуждого Другого и в качестве абсолютного источника угнетения человека. Когда Бог являет себя как чуждое и угнетающее ничто, тогда вера может назвать это преображением Бога в Сатану. Мы должны рассматривать все это движение в целом как искупительный процесс, в котором безликая власть зла со все возрастающей силой проявляет себя как мертвое тело Бога или как Сатана. Но именно это явление Бога как Сатаны подрывает силу зла и раскрывает все чуждое и угнетающее как возвращение к безжизненной, и поэтому абсолютно к бессильной, пустоте первоначальной священности Бога.

Таким образом, отрицание или Распятие на кресте является не просто отрицанием или уничтожением предшествующего Бытия, но и отрицанием отрицания, преобразованием падшего или трансцендентного явления Духа. Да, Бог умирает в Распятии; тем самым он завершает движение воплощения, полностью опустошая себя от его первоначальной святости. Но его смерть - это самоотрицание или самоуничтожение; следовательно, свободно желая разрушения своей трансцендентной «Самости», Божество преобразует трансцендентность в имманентность, отменяя тем самым абсолютную основу всякого, чуждого человеку, другого. Если мы понимаем Распятие как изначальное действие преобразования трансцендентной жизни и силы, тогда мы можем понять искупление как универсальный процесс самоотрицания абсолютного источника отчуждения и угнетения, высвобождающий энергию жизни. Отмена отчуждения и угнетения будет только иллюзорной, если не произойдет самоотрицание или самоуничтожение Бога. До тех пор, пока эта абсолютная основа греховной истории остается полностью изолированной от всего и абсолютно автономной, не может быть никакой надежды на воскресение человеческой энергии и жизни. И поэтому Бог, который добровольно умер во Христе, сам положил конец жизни и

развитию полностью чуждой человеку области потустороннего, уничтожив тем самым основу всякого угнетения и неприятия жизни и отменив всякую санкцию любого реакционного порядка, опирающегося на неподвижность и молчание как на авторитет некой иной реальности.

Хотя событие Распятия, или движение универсального процесса искупления, обнаруживает самоотчуждение Бога, но проявляющаяся в разрыве между Отцом и Сыном радикальная вера никогда не должна впадать в недиалектический дуализм, полностью изолируя отчужденного Бога и воплощенное Слово. Признавая, что распятие представляет собой акт искупления - акт, переворачивающий первоначальную святость Бога, - его завершение мы находим в окончательном проникновении смерти Бога в полноту опыта и в распространении пустой и отвергнутой святости по всему пространству опыта. Распятие не может пониматься, как простое отрицание трансцендентного: искупление необходимо понимать как негативный процесс, переворачивающий всякое чуждое иное, - как процесс, отрицающий все отрицания. Этот кенотический процесс приводит к самоотрицанию, или к самоуничтожению, все силы, сдерживающие жизнь и энергию. Даже самые ужасные и угнетающие проявления чуждой человеку реальности подлежат, в конечном итоге, диалектическому перевороту. Этот переворот уже произошел в самоуничтожении Бога, но только с воздействием этого переворота на все без исключения сферы отчуждения искупление будет завершено. Сатана должен полностью обнаружить себя в своей апокалипсической форме как безжизненный остаток самоотрицания Бога, прежде чем искупление станет полностью осуществленным в истории. И тогда, уверяет нас радикальный апокалипсический мыслитель, Сатану ждет окончательное преображение в эсхатологического Христа.

Нет сомнений, что такое видение христианства, предсказанное апокалипсической верой, еще не присутствует на нашем

историческом горизонте. Хотя мы и погружены полностью в мирское сознание, но, похоже, мы утратили всякую способность апокалипсического воззрения на события. Только с пришествием нашего времени после исторического наступления смерти Бога значение и реальность
радикального мирского отпечатались в человеческом сознании. Тем не менее уже прежде творчество мыслителей, писателей и поэтов, переворачивая наши мифологические традиции, раскрыло для человека полностью имманентный способ существования и создало всеобъемлющий образ нового и тотального ничто, которое у Блейка именуется Ульро, или Адом. В 1822 году Блейк выгравировал «Призрак Авеля, Откровение о видении Иеговы, полученное Уильямом Блейком», и небольшому стихотворению на одной-единственной гравюре судьбой было суждено стать последним пророческим посланием Блейка миру. После смерти Авеля его призрак является с требованием возмездия и затем спускается в свою могилу, из которой восстает Сатана, требуя от Иеговы человеческих жертвоприношений и предрекая: «Ты сам будешь принесен в жертву мне, твоему Богу, на Голгофе»; на что Иегова разражается громом и отвечает: «Такова моя воля, что Ты Сам будешь предан Вечной Смерти через самоуничтожение, пока Сатана, покорившийся Себе самому, не отринет Сатану в сплошную бездну, где мученьям нет предела». Эти сжатые строки содержат двойную тему: что Бог должен быть принесен в жертву Сатане на Голгофе и что Сатана должен подвергнуть самого себя уничтожению и навечно погибнуть как Сатана. Здесь вновь Блейк предсказывает революционное преобразование христианства. Рассматривая любое подавление человеческой энергии как повторение Голгофы, Блейк приходит в итоге к убеждению, что ужас жертвоприношений, которых требует Сатана во всех своих разнообразных формах, есть, в конечном счете, искупительный ужас, мрак, который должен стать светом. Это происходит потому,

что движение энергии страстей Христовых является кенотическим, или жертвенным, и по своему происхождению, и по своей цели; по этой причине энергия, ставшая воплощенной в человеческой плоти, должна пройти через самоуничтожение. Может ли это означать, с точки зрения апокалипсической, что Сатана - это христианское имя искупительной силы Христа?

В своем комментарии к «Иерусалиму» Блейка Джозеф Викстид отмечает (к сожалению, ему не удается развить или прояснить свою догадку), что Христос Блейка является искупителем Творца. Христос искупает, поскольку он несет в себе кенотическую энергию; а Творец является искупленным, поскольку абсолютно трансцендентный и самовластный Бог есть, в конечном счете, источник всей той подавленной энергии, которая высвобождается в самопожертвовании. Таким образом, Творец - это призрачная «Тень» энергии греховного человека, и эта тень исчезает в кенотической страсти самопожертвования. «Я не Бог тот, что далек», - заявляет Спаситель в Иерусалиме, ибо в присутствии Агнца далекий Бог самоуничтожается и навеки гибнет как Сатана: «Ты Сам будешь принесен мне, твоему Богу, в жертву на Голгофе». До тех пор, пока христианство понимает Распятие как принесение в жертву за грехи падшего человечества невинного вечного Сына Божия справедливому, но милостивому Отцу, оно не сможет торжествовать окончательную победу Распятия: поскольку искупленное таким образом человечество остается в зависимости от трансцендентного Судьи и должно продолжать подчиняться его чуждой власти, вечно моля о помиловании за несоблюдение его абсолютного повеления. Если Распятие не означает и не воплощает решительное преобразование самого Бога, тогда все, что оно может дать грешному человечеству, - это временная отсрочка от наказания со стороны самовластной воли трансцендентного Творца. Или же, в худшем случае, оно навечно запечатлеет грешное человечество в его униженном положении, в бессилии и самоуничижении, полностью подавляя всякое

поползновение к развитию и к новой жизни. Радикальный христианин, которому обещано полное искупление, должен отвергнуть ложное обещание религии, основывающееся на увековечении падшего состояния человека, и познать в ортодоксальном образе распятого Христа образ победы того Сатаны, который приковал человека к его ущербному существованию. Только тогда, когда христианин познает Распятие как осуществление и воплощение самоотрицания самовластного и трансцендентного Творца, он сможет торжествовать в искуплении, которое несет с собой отмену всякого угнетения человека и подавления человеческой энергии.

Гегель в одном из заключительных разделов «Феноменологии духа», где он обсуждает христианство как «абсолютную религию», выступает свидетелем пришествия абсолютной формы христианства, которая одновременно отменяет предшествующую религию и обещает примирение всех тех антиномий, которые преследовали человеческое сознание в течение всей его истории. Блейк создал свое поэтическое видение искупления как всеобщего процесса; а гегелевский философский метод может прояснить хотя и темное, но глубокое видение поэта. Гегель согласен с Блейком в понимании Распятия как принесения в жертву абстрактного и отчужденного Бога. Действительно, Гегель показывает, что Распятие входит полностью в сознание только тогда, когда Бог понимается как отчужденный от самого себя в его дихотомической форме, как Отец и Сын, или суверенный Творец и вечное Слово. Чтобы утвердить свое существование в качестве трансцендентного Творца, Бог должен постоянно отрицать мир; но для того чтобы двигаться к себе в форме Воплощенного Слова, он должен отрицать свою суверенную трансцендентность. Бог в этом случае понимается как существующий в противоречии самому себе. Разрушение этого противостояния происходит только тогда, когда каждая из форм божества, благодаря собственной независимости,

разрушает себя в самой себе: «...следовательно, как раз тот момент, для которого сущностью считается не для-себя-бытие, а нечто простое, отрешается от себя самого, идет на смерть и этим примиряет с самим собою абсолютную сущность». Тогда Дух в своей абсолютной форме осуществляет себя в области непосредственного и чувственного настоящего, и разрушение отчужденных форм Божества примиряет Божество с действительностью непосредственного существования мира. Через Воплощение и Распятие Бог опустошает себя от своей суверенности и трансцендентности, и это кенотическое жертвование приводит к разрушению различия между Отцом и Сыном в Духе и различия между Богом и миром. По мере того, как полное значение этого жертвования проникает в сознание, конкретность и историчность существования личности Иисуса отрицается, поскольку это существование становится универсальным самосознанием. «Смерть посредника есть смерть не только природной стороны его или его особенного для-себя-бытия; умирает не только сорванная с сущности уже мертвая оболочка, но и абстракция божественной сущности». Таким образом, искупительная смерть Христа понимается Гегелем как переход Духа из его отчужденной формы трансцендентного Бытия в его конечную форму воплощенного Духа как «тотального самосознания». Этот переход имел своей причиной смерть абстрактного и чуждого Бога в кенотическом процессе Воплощения и Распятия; но религия может воспринять этот процесс только как серию событий, которые независимы и чужды человеческому сознанию. Только когда смерть Бога является со всей жесткостью в «несчастном сознании», и сознание приходит к осознанию разрушения Совершенно Иного, - только тогда сознание вступает в форму, которая познает смерть Бога как триумфальное явление Духа. А пока сознание продолжает оставаться связанным религией, оно остается закрытым для реальности Духа из-за своей веры в чуждого иного Бога. Эта традиционная форма веры является

продуктом разделенного сознания: она может знать искупление только как примирение с Иным Богом, находящимся по ту сторону от него; и должна ощущать наличную действительность как мир, просто застывший в ожидании своего преобразования. Совершенно очевидно, что мы живем в мире полного мрака, разрушающего или отрицающего все, что христианство когда-то знало как веру. Если новый тотальный Антихрист возник на нашем горизонте и обещает еще в большей мере воплотиться в нашем мире, тогда мы, радикальные христиане, должны встретить его появление не только с чувством ужаса, но и с радостью. Однако если все же художникам и мыслителям удалось дать имя нашему мраку даже в присутствии самого ужасающего ничто из всех, которые только были известны в истории, - это для нас решающий знак новой жизни, которая может творчески расти и выражать себя даже в присутствии отрицающей жизнь тотальности. Как и апокалипсический мыслитель древности, современный художник раскрыл людям мир тьмы; но если ранние мыслители могли лицезреть мрак, пронизанный новым светом, то для современного художника сам свет предстал, как мрак, и воплотился в его творчестве, как всеохватная пустота, разрушающая все предшествующие формы жизни и света. Тем не менее христианство может назвать пустую и отрицающую жизнь тотальность телом Антихриста. Христианин, который знает Христа как воплощение самоотрицания Бога, видит и Сатану, или Антихриста, который присутствует для нас как историческое осуществление смерти Бога. Поскольку эсхатологическое явление Христа может произойти только в связи с реализацией в полноте опыта кенотического процесса самоотрицания, мы должны усматривать это явление в средоточии мрака, поскольку только всеобщая победа Антихриста может проложить путь для тотальной победы Христа. Таким образом, христианин должен в итоге возрадоваться пришествию тотального мрака, поскольку

христианин знает, что царство Антихриста - это мрак перед рассветом; мрак, который должен окончательно рассеяться, обратившись в свет.

Радикальный христианин отвергает христианскую догму о воскресении Христа и о его вознесении на небеса, в трансцендентную область, поскольку радикальная вера основывается на Христе, который полностью и тотально присутствует для нас здесь и сейчас. Говоря традиционным символическим языком христианства, мы можем сказать, что радикальная вера трансформирует традиционный образ воскресения в современный образ сошествия в Ад: распятый Христос не возносится в небеса, а, скорее, сходит еще больше в мрак и телесность. Таким образом, сошествие Слова в плоть осуществляется параллельно с историческим наступлением смерти Бога и окончательным явлением Бога в нашей истории полностью в чуждой и безжизненной форме. В конечном итоге, мертвое тело Бога не может быть отделено от Христа, который сошел в Ад. Мы не должны представлять, что движение Слова или Духа в плоть является освобождающим и искупительным в простом недиалектическом смысле: преобразование Слова в плоть должно изменить первоначальную искупительную потенцию Духа и распространить эту перемену на все пространство опыта. По мере того, как первоначальная форма Духа последовательно превращается в безликую неподвижность, бессловесная пустота входит в опыт, разрушая всякую надежду на потустороннее и растворяя всякую ностальгию по раю. Если потустороннее потеряло всю свою первоначальную искупительную силу, тогда оно должно явить себя как нечто отрицательное, или демоническое, прежде чем обратиться в полную бесформенность. Примечательно, что современный художник полностью отдался изображению зла и ничто; и он глубоко привязан к образам Сатаны, хаоса и пустоты, поскольку подлинный художник не может изменить реальности своего времени, убегая в предшествующий момент истории. Новое

явление Антихриста все наполняет собой, по мере того как распространяется тотально по всему опыту, обнаруживая зияющую пустоту ада в каждом человеке.
И если христианин в состоянии назвать наш ад именем Антихриста, тогда мы знаем, что его сила сломлена и не может представлять для нас абсолютную угрозу. Когда все зло и ничто переходит в безликое явление тотального Антихриста, тогда абсолютная основа хаоса будет разрушена; всякая санкция чуждой и насильственной власти будет устранена, и всякое противостоящее человеку иное проявится в безжизненной и пустой форме. Царство Антихриста - это триумф и падение всей угнетающей власти, поскольку оно воплощает всякое чуждое иное в его чистой инаковости, разрушая раз и навсегда обманчивую маску зла и обнаруживая скрытый доселе хаос в полноте опыта. Именно потому, что явление Антихриста отменяет потусторонний источник зла и ничто, воплощая первоначальный хаос в истории, оно и является искупительным явлением, раскрывающим саму основу отчуждения и угнетения и их окончательное преодоление. Таким образом, христианин, в конечном счете, призван принять Антихриста, или тотальное присутствие мертвого тела Бога, как окончательное кенотическое явление Христа. Как бы далеки мы ни были от такого апокалипсического видения - видения, которое уже самым ясным образом присутствует у Блейка, - мы должны тем не менее быть готовыми к тому, чтобы открыться мукам и ужасам человеческого жизненного опыта как путям искупления, которые уже сейчас раскрывают все более полную картину этого ужаса, разрушая священные и трансцендентные границы опыта, растворяя их полностью в посюстороннем опыте.

3. Прощение грехов.

Протестантские диалектические теологи от Лютера до Барта настаивали, что мы познаем наше падшее, или греховное, состояние только вследствие дара благодати, что только искупление и прощение грехов делает возможным постижение реальности греха. Тем не менее христианская геология в своем понимании

греха преимущественно исходила или из естественного морального закона, или из данного грешного положения человечества перед лицом суверенного Творца и Судии. Когда теология выводит свое понятие греха или из данности закона, или из состояния греховности, то она изолирует грех от благодати и, таким образом, закрывает возможность понимания прощения греха. Возможно, слова Ветхого Завета, наиболее явно перекликающиеся с христианским провозглашением прощения грехов, содержатся в пророчестве, записанном в книге Иеремии, - это радостное пророчество, содержащее первое обещание Нового Завета: «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, - не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: “познайте Господа”, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не воспомяну более» (Иер 31, 31-34).

Именно последняя фраза этого пророчества дает ключ к радикальному христианскому пониманию прощения: «И грехов их уже не воспомяну более». Примечательно, что эти слова не имеют прямых аналогов в Новом Завете, но мы вместе с великими христианскими реформаторами веры обнаруживаем, что прощение греха в своем высшем смысле предполагает исчезновение даже памяти о грехе.

Несмотря на то, как нам мало известно о служении Иисуса, мы тем не менее знаем, что ничто не вызывало такое негодование у его слушателей, как учение о прощении грехов, и никакая другая тема

его высказываний или притчей не может заслонить его провозглашение прощения грехов. Хотя мы должны при этом учитывать, что первоначально это прощение было неотделимо от ожидаемого скорого пришествия Царствия Божия. Мы можем почувствовать эсхатологическое значение Нового Завета с Богом для раннего христианства, обратив внимание на слова апостола Павла, который, говоря о старом завете как о законе смерти и вечного проклятия, радуется, что слава Нового Завета настолько превосходит славу старого завета, что старый завет сейчас уже не имеет славы вообще:

«Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением, а не так, как Моисей, который полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего. Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета; потому что оно снимается Христом. Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их. Но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается. Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода. Мы же все, открытым лицем как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор 3, 12-18).

Радикальный христианин истолковал бы эти слова так, что они означают: слава Бога старого завета отменена, поскольку без отмены Божьего суда и наказания невозможно преобразование человечества в подобие или в образ славы Христа. Соответственно, радикальные христиане веруют, что требования Бога закона и осуждения аннулированы в благодати Бога, который умер на Голгофе. Однако это действие благодати не может исполниться, пока оно не согрет в сознании человека даже память о грехе. Вспомним, что Кьеркегор пережил свое второе обращение только тогда, когда наконец понял, что Бог простил его грех; и затем написал «Болезнь к смерти», где диалектически утверждает, что грех является противоположностью не добродетели, а веры.

Когда вера понимает себя как противоположность греха, она должна прийти к отрицанию закона и вины и освободить человека от сознания греховности: «Приди, о, Агнец Божий, и избавь от воспоминания о Грехе» («Иерусалим», 50:24). С этой точки зрения, вина есть продукт самоотчуждения; - и не просто отчуждения человека в рамках своей индивидуальной личности, но и отчуждения от жизни в масштабе всего космоса. «В Великой Вечности каждая определенная Форма испускает собственный Свет, и каждая Форма - это Божественный Образ, а Свет - это его Одеяние. Это Иерусалим в каждом Человеке, Скиния и Сосуд Взаимного Прощения, Облачения Мужские и Женские. И Иерусалимом зовется Свобода среди детей Альбиона». Хотя Иерусалим присутствует в каждом «Человеке» как в сосуде взаимного прощения, но этот сосуд был поврежден в результате Грехопадения, когда падший человек отмечен печатью изолированности его индивидуальной личности: «Но пал Альбион, как обломок Скалы, сброшенный своим собственным Призраком, Силою Рассудка, что есть в каждом Человеке, в свой собственный хаос, который есть Память, поделенная между людьми» («Иерусалим», 54:1-8).

Назвать память, отделяющую человека от человека, хаосом, - значит, признать, что грех - это состояние изолированной личности и, как следствие, что прощение грехов предполагает всеобщий процесс «Самоуничтожения» себя как отдельной личности. Более того, прощение грехов есть всеобщий и апокалипсический процесс искупления, - все то, что разделяет падшее человечество на отдельные личности, должно быть уничтожено, воплощая в жизнь апокалипсический будущий Иерусалим и осуществляя в настоящем окончательный триумф «Великого Божественного Человечества».

Наиболее ясное представление о самоуничтожении личности содержится во второй книге поэмы «Мильтон» Блейка, где

Мильтон, или возрожденное христианство, преображается из Сатаны в «Великое Божественное Человечество». Эта идея зрелого Блейка сопровождается новым пониманием отношений между личностями людей и их изменяющимися состояниями:
«Итак, отличай Состояния от Личностей в этих Состояниях. Состояния изменяются, но Личное Тождество никогда не изменяется и не исчезает. Ты не можешь быть предан Вечной Смерти, будучи тем, что никогда не умирает» («Мильтон», 32:22-24).
Хотя личное тождество никогда не умирает, но все то, чем люди как личности становятся в истории и опыте, должно пройти через вечную смерть; и именно этот смертельный шаг приводит ко всеобщему и полному возрождению. Мильтон, или человеческое состояние, называемое «Вечным Уничтожением», в своем состоянии самоотрицания обладает силой уничтожить того Сатану, который является в смертной «Личности». Но, подчиняясь «Законам Вечности», он сам уничтожает себя ради блага Сатаны: «Законы Вечности таковы, что каждый уничтожает себя ради блага другого, как я ради тебя» («Мильтон», 38:35).
Отвергая страх, вызываемый в людях Сатаной и его церквями - малодушный и эгоистический страх смерти («Мильтон», 38:38), - Мильтон ставит перед собой цель научить людей презирать смерть и двигаться все время вперед:
«В бесстрашном величии пренебрегающий Собой смеется над Твоими законами и ужасами, стряхивая с себя Синагоги, как паутину. Я обнаружил перед Небом и Землей праведность Личности во всем ее низком лицемерии, разоблачая перед всеми эти чудеса святости Сатаны, выставляя напоказ для всей Земли идольские Добродетели Естественного Сердца и высветив логово Сатаны во всей его Эгоистической Естественной Добродетели» («Мильтон», 38:41-47).
Мы не должны, однако, упустить из виду, что здесь Бог раскрывается человечеству в виде Сатаны только тогда когда оно прошло через «Самоуничтожение» и утратило даже память о грехе.

Только тогда, когда человек был освобожден от страха перед вечным проклятием, от этой постоянной угрозы для человечества, разделенного на изолированные личности, прощенное человечество могло быть освобождено от власти Сатаны. Когда личная праведность и естественные добродетели раскрыты радикальным христианином как святость Сатаны, мы еще раз сталкиваемся с переворачиванием западной моральной и теологической традиции, обнаруживающей, что естественные добродетели и силы индивидуальной личности являются не чем иным, как выражением самоотчуждения падшего человечества. Более того, до тех пор, пока личная моральная праведность рассматривается как достояние изолированного и автономного индивидуума, мы лишены возможности постичь ее абсолютную основу и ее последствия. Возрожденный к новой жизни, Мильтон приобретает опыт самоуничтожения и смерти Бога. Тем самым жизненная сила потустороннего и всемогущего Судии преобразуется в человеческом опыте в мертвое тело Сатаны, а смерть личного «Я» Мильтона раскрывает в изолированной личности тот разрыв, который отделяет творение от Творца; и таким образом, наряду с самоуничтожением Бога, разрушается естественная мораль и личная праведность. Если Бог прекращает существовать в человеческом опыте как всемогущий и грозный Господь, то с ним погибает и всякое моральное требование, обращенное к человеку из области потустороннего; и человечество выходит из подчинения чуждой воле или авторитету. В «Вечно-сущем Евангелии» Блейка просто, но вместе с тем мощно, звучит эта антиномистская тема в строках, изображающих Иисуса и женщину, пойманную на прелюбодеянии:

«И что же произнес Иисус? Он положил Свою руку на закон Моисея; Древние Небеса в немом Ужасе с Проклятиями, написанными от Полюса до Полюса, стали сворачиваться; Земля, дрожащая и голая, лежала в тайной постели из Смертного Праха; на

Синае почувствовалась божественная рука, отстраняющая кровавое святилище; и она услышала дыхание Бога, и она услышала потоки Рая: “Нет более ни Добра, ни Зла! Трубы Синая, умолкните! Рука Бога, перестань писать! Твои Небеса нечисты перед Тобой. Ты Благ и только Ты; никто не вправе бросить камень. Быть Благим - значит быть Богом или Фарисеем”»
(«Вечносущее Евангелие», 2:10-28).
Добро и зло исчезают, когда человек освобожден от самого себя, когда его одинокое и автономное эго отменено; и он перестает осознавать ту дистанцию, которая отделяет его от других. Эта же дистанция помещает падшую изолированную личность в бесконечном удалении от Господа и изображает его в сознании человека как Абсолютного Совершенно Другого.Если падшее состояние личности изолирует человека от человека и человека от Бога, тогда греховность равна изолированности личности; и прощение греха должно быть космическим и историческим процессом, который отрицает это отчуждение, уничтожая одиночество личностей, его источник. На 96 гравюре «Иерусалима» находится иллюстрация, изображающая Творца и Иерусалим, тянущихся друг к другу в экстатическом объятии. Творец расположен слева и движется вниз, к Иерусалиму, представая в своем последнем проявлении, как Сатана; тогда как Иерусалим, или апокалипсическое явление Христа, изображен в виде обнаженной женской фигуры, движущейся вверх к Сатане. Сатана («Древность времен») смотрит направо и показывает свою правую ногу из-под своего покрывала, что символизирует духовное восхождение; тогда как женщина- Иерусалим, которая, в отличие от Сатаны, повернута к нам лицом, опирается на свою левую ногу и смотрит направо от себя и налево от нас, поскольку восходит путем нисхождения, обращая вспять божественное движение («Путь вверх - это путь вниз»). Мы можем предположить, что эта иллюстрация представляет всеобщий процесс искупления; - хотя бы на основании того, что Сатана и Иерусалим находятся в процессе

взаимного отрицания своей личности, изолирующей их одного от другого: Сатана превращает свою трансцендентную личность, становясь «плотью» (sarx, у апостола Павла в смысле существования вне или отдельно от Духа); а Иерусалим завершает свое восхождение сошествием в ад. Текст на этой гравюре насыщен апокалипсическим образами: он начинается с образов солнца и луны, вступлением к «Видению Небес и Земли», за которым сразу же следует апокалипсическое явление Иисуса в образе Сына Человеческого: «И Божественный Образ был подобием Лоса». Однако традиционный апокалипсический Сын Человеческий - этот символ небесного и божественного Бытия и его явление, которым отмечено пришествие конечного Эсхатона - совершается на небесах, где он является с легионами ангелов. Блейк диалектически переворачивает этот древний символ так, чтобы преобразовать его в кенотического Христа: в результате Иисус является в виде Лоса, или временной формы «Человеческого Сознания».

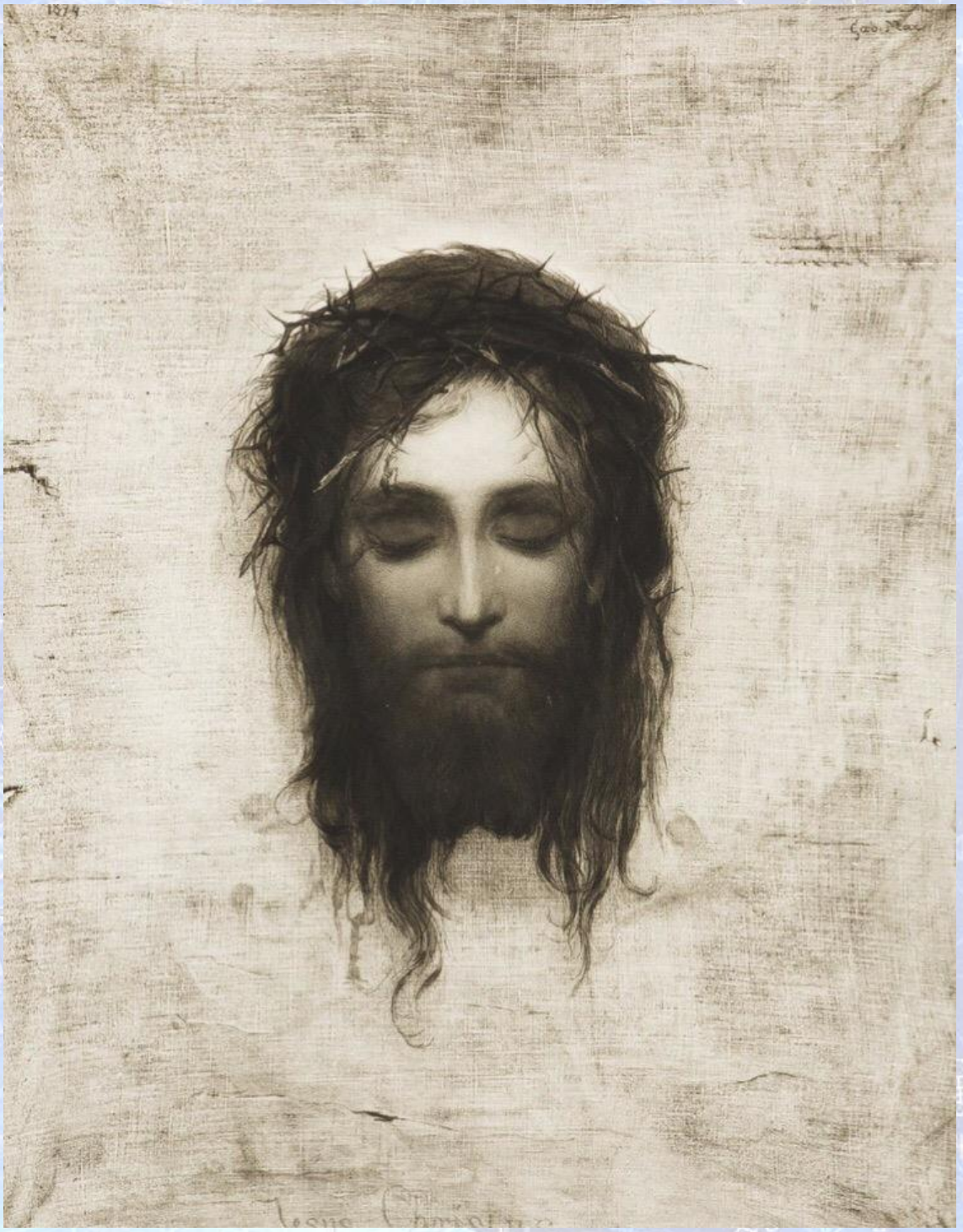
Мы не должны отделять строки текста от сопровождающей их иллюстрации, поскольку апокалипсическое явление Христа происходит тогда, когда Сатана и Иерусалим заключают друг друга в объятия. Это экстатическое соединение Сатаны и Иерусалима совершается именно тогда, когда Альбион (блейковский символический образ падшего человечества) лицезреет конечное явление Иисуса. На иллюстрации Сатана повернут спиной к нам; и в строках, обращенных к его заду, Альбион обвиняет его в жестокости и лживости, жалуясь, что Бог горы Синай заманил его в смертельный сон, длившийся шесть тысяч лет: «И я знаю, это была моя собственная Личность, о, мой Божественный Творец и Искупитель». Эти слова обращены к Иисусу; и мы должны отметить, что трансцендентный Творец и Судия может быть отождествлен с абсолютной основой личности только в тот момент, когда имманентный Иисус может быть назван божественным Творцом и Искупителем! Не что иное, как

апокалипсическое совпадение противоположностей, совершается тут; и хотя такое радикальное диалектическое переворачивание никогда не происходило прежде в апокалипсической традиции, но здесь оно сопровождается изображением тотального процесса искупления, начавшегося со смертью Бога. Иисус отвечает Альбиону, который страшится собственной личности, такими словами: «Не бойся, Альбион: если Я не умру, то и ты не сможешь жить; но если Я умру, Я восстану вновь, и ты вместе со мной... так говорил Иисус. Херувим, слетевший во тьме, покрыл их своей тенью, и Иисус сказал: "Так поступают Люди в Вечности, Один за другого, отменяя каждый грех его прощением"». Сатана, чей мрак покрывает и Иерусалим, и Иисуса, и Альбион, - это Сатана, который, в конечном итоге, умирает в смерти Иисуса: «Иисус сказал: "Полюбил бы ты того, кто никогда не умирал за тебя, и умер бы ты за того, кто не умер за тебя? И если бы Бог не умер за Человека и не отдал себя навечно в жертву за Человека, то Человек бы не существовал; поскольку Человек живет Любовью, как и Бог есть сама Любовь: даже маленькая доброта к другому есть маленькая Смерть Божественного Образа, и Человек может существовать только в человеческом Братстве"» («Иерусалим», 96:23-28). Объятие Сатаны и Иерусалима может быть завершено только в смерти - в смерти или в самоуничтожении Бога, которое отменяет одиночество личности и дарует прощение грехов. «Божественный образ» умирает в Иисусе и Иерусалиме, чтобы избавить от трансцендентного источника вины и осуждения и привести к апокалипсическому и тотальному союзу Бога и человека, - союзу, отменяющему и трансцендентность, и личность в новой Тотальности «Любви». Таким образом, прощение грехов - это искупительный процесс, воплощающий в человеческом опыте самоуничтожение Бога и завершающийся в апокалипсическом явлении «Великого Божественного Человечества».

Altered state ⊕v Divinity

Мэтью Чайтман

Клиппотический Христос.



Иисус Христос.
Есть лишь несколько имен, которые вызывают такие сильные эмоции. Любить, бояться, ненавидеть, но почти никогда не относится безразлично. Среди огненорождённых его имя редко произносят, кроме как с проклятием. Среди глинорожденных его имя почитается как Господь. Кто был он? Кем он был? Кто он? Ответы легко доступны для тех, кто достаточно смел, чтобы найти последнее место, где казалось можно было бы ожидать истину - это христианское учение. Если кто-то осмелится рискнуть войти в это логово обмана, он быстро поймет, что пересказ ортодоксальной христианской теологии - это нехитрое дело, чтобы понять, как Демиург и его Церковь стремятся отделить человечество от единственного реального спасения, доступного ему в Ситра Ахра. Конечно, чтобы найти истину в доме лжи, нужен Глаз, освещенный внутренним Черным Пламенем.

Так что следуйте за мной, дорогой читатель, в место, куда мало когда осмеливаются вступить огненнорождённые; в место полного безумия, ослепительного света; в место, где наша тьма может действительно изменить ситуацию.
В другом месте я утверждал, что «Иисус Христос - бунтующий Мессия Айн-Соф-Аур (Бога Отца), в которого Айн-Соф-Аур воплощается в попытке вознести Христа в божественную реальность, но вместо этого притягивает божественную реальность в Бытие. Поэтому я принимаю идею о том, что Иисус является воплощенным Богом (Богом Сыном), по крайней мере, в сроки, в которые мы в настоящее время населяем землю. Более того, я подтверждаю христианское утверждение, что космос был создан Христом для Христа, и что «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Кроме того, я утверждал, что Иисус, Айн Соф Аур и внешний Сефирный Дух творения (Бог Святой Дух) образуют христианскую Троицу (Демиурга). Другими словами, я принимаю основной христианский рассказ о природе создателя и его космоса, хотя и с небольшими изменениями (в основном относящимися к исходной временной шкале, отдельной от нашей, которая составляет основу для этого).

Тем не менее, этот рассказ не вся история. Чтобы понять более широкую картину того, кем является Иисус Христос, я обращаюсь к тому, чем считается его самый основной существенный акт: его спасительное распятие и воскресение, охватываемые христианской теологией в том, что называется сотериологией или доктриной спасения. В эту доктрину включены теории искупления. Среди христианских богословов есть три (или, возможно, четыре) центральные теории, с помощью которых Иисус достигает искупления. Их обычно называют Христос Победитель (Christus Victor) или Теорией Выкупа, Теорией Удовлетворенности и Моральным Влиянием. В третьем особое внимание уделяется жизни и служению Иисуса и его смерти как мученика, который служит примером для жизни верующих, в то время как второе посвящено требованию Бога (Демиурга) о справедливости или возмещении за грех человечества. Хотя Теория Удовлетворения особенно популярна в Западной Церкви, она преподносится как наиболее основанная на Библии и чрезвычайно важна для демонстрации абсурдной извращенности Космического Закона и Демиурга как Садомазохиста, модели, которую я всегда находил наиболее убедительной. И я полагаю, что на самом деле в нем есть доля правды, это история ранних Отцов Церкви и Православной Церкви сегодня: модель Христа-Победы. Христос Победитель действует, полагая, что между силами добра (Царство Демиурга) и силами зла (Сатана и Царство ада) идет духовная война. Человечество попало

под влияние Сатаны, когда Адам нарушил божественное повеление не есть с Древа Знания.

(Христос Победитель)

Давайте на секунду остановимся в нашей истории и посмотрим на это оригинальное нарушение. Когда Адам ест от Древа Познания, он пробуждается в сияющую тьму Ситра Ахра. Тем самым он осознает фундаментальное насилие и страдания, на которых основано всё творение. Человечество покидает Царство Демиурга и входит в Царство Истинного Бога, Таннином. «Однако, обладая тревогой» от своей собственной силы, Адам отступает из этой тьмы обратно в ложный свет Демиурга. Там он втягивается в круговорот судьбы и причинности, греха и спасения как раб Космического Закона. Он грешник, полностью зависящий от милости и гнева капризного божества. Лишь когда Каин, сын Змея, «оставивший свой страх, и чье стремление к антикосмическому Забвению Забвений», не даст человеку положительно отреагировать на Знание и Мудрость, обеспеченные Древом.

Возвращаясь к нашей истории, в то время как род Сифа остается под властью Демиурга, связанного с Законом собственным страхом, говорится, что Сатана и смерть, тем не менее, претендуют на человечество. Согласно модели искупления Христа-Победителя, Бог (Демиург) «выкупает» человечество от Сатаны, заманив его в распятие Иисуса, человека, рожденного без признака греха. Когда Христос воскресает как Сын Божий, он оправдывается над Сатаной, который теряет Свои притязания на человечество, что началось с того, что Адам вкусил пищу Дерева Даат. Христос спускается в ад и освобождает человечество от его заключения. Таким образом, человечество еще раз примирилось с Божьим Царством и так обещано вечное спасение в жизни Христа.

Карл Барт, пожалуй, самый важный христианский богослов 20-го века, поддержал модель Христа как Победителя над антикосмическими силами Сатаны, о которых он достаточно хорошо понимал. Барт ссылается на то, что я называю Айн Соф Хасек или Таннином - первоисточник Ситра Ахра - как «das Nichtige» (нем. Пустота), или «ничто», - то, что существовало до творческого акта Бога и нарушалось в том, что Бог вызывал к бытию космос. Это то, что Бог (Демиург) говорит «Нет» в своем «Да» творению. «Das Nichtige» является первичным хаосом «тоху-ва-боху» и, таким образом, является не «ничто» в смысле нереальности, а в том смысле, что оно противоположно реальному - Богу и творению. Для Барта эта антикосмическая реальность является «невозможной возможностью», поскольку она противостоит отрицанию со стороны Бога и творения. Невозможно, чтобы это было актуально, и все же это так. Это реальное ничто влияет на человечество, чтобы нарушить Космический Закон.

Истинная сила (и абсолютная слабость) этого небытия видна только на Кресте, за который отвечает «Das Nichtige». Будучи супралапсарианцем, Барт понимает, что творческий акт Бога не

только предвосхищает Падение творения под влиянием das Nichtige, но и создает его специально для целей примирения с тем падшим творением через Иисуса Христа, который побеждает и отрицает силу ничто. Согласно Барту, Христос одерживает победу над Сатаной в воскресении и ввергает Его в рабство, давая Ему лишь «ограниченную» власть над человечеством. Мы начинаем видеть трещины в демиургическом богословии в этот момент, когда Барт пытается утвердить власть Бога над силой, которую Он не может понять, не говоря уже о контроле. Из богословия Барта не совсем ясно, как Христос побеждает Сатану на кресте, за исключением утверждения, что он это делает, или почему Бог решает позволить Сатане управлять человечеством. Для Барта das Nichtige по праву обладает невероятным размахом силы, поскольку он способен прервать цикл искупления, действуя таким образом, как будто это и есть Истинный Бог. Однако Барт отчаянно настаивает на том, что в конечном итоге das Nichtige не в силах действительно разрушить единственную Истинную Реальность Воскресшего Христа. Кроме того, Барт пытается последовательно следовать демиургической традиции отрицания личности небытия, пытаясь объективировать её, однако он сталкивается с трудностями, связанными с очевидной личностью Сатаны и демонических ангелов Писания.

Опять же, мы видим, как его богословие изо всех сил пытается поставить под контроль Демиурга то, что находится и всегда будет за пределами Его провидения, которым управляет. И, тем не менее, Барт выдвигает взгляд на историю, в которой не только полностью доминирует Иисус Христос, но и в которой вся история мира является историей Иисуса Христа. Для Барта история мира - не что иное, как история примирения Бога с творением, содержанием которого является Иисус Христос. Как и многие теологи до него, Барт понимает Иисуса как единственного истинного человека, в

человечестве которого все остальные участвуют в работе Святого Духа. Нет человека, чья история не определяется историей Христа. Никто не может оставаться нейтральным. Даже те, кто явно антихристианин, как и огненнорождённые, не могут избежать спасительной силы Воскресшего Христа. Барт заходит так далеко, что настаивает на том, что даже демонические и падшие ангелы, личность которых он так старается отрицать, вынуждены быть в рабстве Христа после воскресения. Таким образом, видение Павла о творении как раба Христа подтверждается во всем его ужасе. Телос мировой истории, Царство Божие, есть не кто иной, как Иисус Христос.

Следовательно, эсхатология Барты - это та, в которой Воскресший Христос является концом истории. Вечная жизнь, обещанная в воскресении, - это не жизнь в бесконечное время, которое, как говорит Барт, будет «адом» (чувство, которое должен разделить любой хороший антикосмический сатанист), а скорее полнота времени, воплощенная Христом (чувство, которого должен бояться любой хороший сатанист). Верующие не «попадают на небеса», а по благодати попадают в тело Христа. Церковь верующих существует только постольку, поскольку именно это духовное Тело, а не в земном смысле падшего и греховного. Сообщество верующих - это не Христос, но Христос - это сообщество верующих. Таким образом, загробная жизнь - это не продолжение существования человека после смерти, поскольку он жил на земле как отдельная личность, а скорее участие в вечной жизни Христа. То есть Христос - это загробная жизнь и конец истории. Только Христос остается после Воскресения.

Таким образом, воля Христа - это воля целого, пребывающая во всех, кто капитулировал перед ним в вере через действия Духа. Из теологии Земли мы узнаём, что Христос становится попыткой Демиурга на величайший духовный потоп. Он является конечной

точкой выхода человечества, чтобы избежать силы Ситра Ахра. Войти в Царство Христово только через веру и быть всегда защищенным от силы тьмы. Конечно, эти слова могли быть сказаны верным христианином с огромной благодарностью и радостью, а мы, огненнорождённые, читаем их в ужасе и отвращении. Христос стремится забрать у нас то, что необходимо для нашей свободы, как понимание Истинного Бога, вместо этого помечая его как рабство греха гордости. Богословие Барта приводит человека к осознанию того, что мы - содержание того, кем мы являемся как «грешные» и «падшие» создания - распяты на кресте, а Христос живет в нас силой Духа. Поистине, это величайший кошмар для огня.

Тем не менее, я буду утверждать, что это именно то, что Сатана в роли Змея стремился организовать. Вопреки Христу Победителю, я ни на секунду не верю, что Демиург, одержимый А(i)беспокойством, мог перехитрить Сатану, хитрого Древнего Змея. Скорее, я считаю, что Распятие и Воскресение - это ловушка внутри ловушки. Гностические Офиты, полагая, что Иисус Христос пришел, чтобы просветить человечество, чтобы познать Истинного Бога, и поняли, что Христос и Змей в Эдемском саду это одно и то же.

Я убежден, основываясь на более чем полутора десятилетиях академических и оккультных исследований, и Гнозиса, предоставленном мне Клиппотическим Элохимом и, что еще важнее, Нахашем, что Офиты были близки к истине в своей идентификации Христа со Змеем.

Однако вместо того, чтобы Христос был самим Змеем, я утверждаю, что Мария, мать Иисуса, была соблазнена Нахашем (Самаэлилитом) в образе Мессии Айн.

Соф Аур (Бог Отец) попадает под Змеиное влияние. Семя Змея смешалось с божественным воплощением и, следовательно, Иисус Христос является вторым сыном Змея после Каина.

Подобно Каину, Иисус ориентирован на антикосмическое Забвение Забвения Айн, и, подобно Каину, Иисус принимает и оставляет Анти-Тревогу, унаследованную от его матери. Нахаш уверяет, что Гнозис Иисуса терпит неудачу, он искушает его, вырывая его от Айн Соф Аур из объятий Демиурга. Айн Соф Аур, который сходит с ума от этого предательства, мотивирован освободить свое запредельное существо, чтобы преодолеть Бытие, но в этот момент он уязвим для того, чтобы быть поглощенным Бытием, которое совершает Иисус, по-видимому, по велению Демиурга, но также по воле Змея. Это действие приводит к разрушению Божества, порождая Айн Соф Хасек, Бога, чье желание - Айн. Успешно манипулируя Богом, желая Айн, Самаэль и Лилит обращают свои взоры к творению, надеясь разбудить его до ужаса собственного существования в ложном раю Демиурга.

Клиппа: «Плод Знания» означает: раскрыть фундаментальное насилие и страдания, на котором основано существование, открывая сердца и умы творения, чтобы превратить его в создателя. Смерть Иисуса на кресте действует именно таким образом, демонстрируя страдания и насилие, на которых основан Космический Закон и тем самым безвозвратно разрушает его (как утверждают современные движения Христа-Победителя). Крест на самом деле является Древом Смерти, с Другой Стороны, это ловушка, установленная Змеем для интеграции своего семени в божественную реальность, чтобы она могла быть уничтожена. С одной стороны, Иисус - испорченный Спаситель, который продал себя Демиургу, а с другой - нетленный пророк, который отказался участвовать в динамике насилия и травм, на которых основано творение. Мы сразу же призваны ненавидеть это чудовище, пригвоздить его к кресту, но в то же время тайно чтить его истинную цель. Это парадокс Иисуса Христа, в котором обеспечена наша Победа над глинянорожденными и их ложным богом.

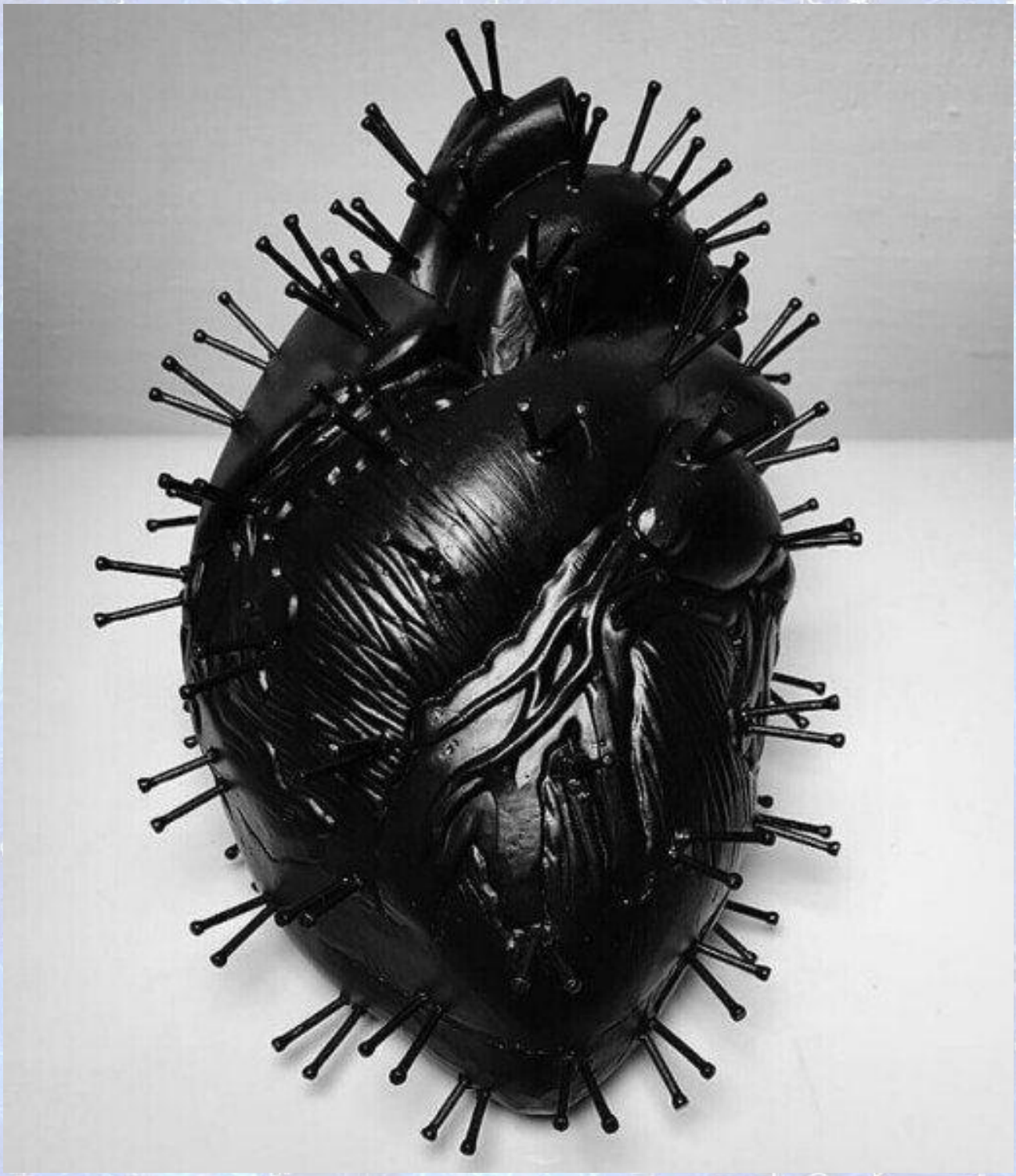
Сердце изранено от рождения.

Выход из этого царства рефлексии, мысли и самосознания (Сознательный Свет) в царство Единства, непроявленного и бездумного (Бездумный Черный Свет Айн), считается высшей целью многих антикосмических сатанистов, впрочем, как и для неограниченных догмами мистиков Пути Правой Руки Нового Эона, хотя часто ими использующих разные термины.

Чтобы избежать границ ограниченного эго-сознания, чтобы охватить Бесконечность Самосознания, нужно обрести покой и покой наших изначальных начал до того, как Травма Бытия обрушилась на наши души.

Конечно, само понятие Бесконечного Самосознания опирается на ограниченное эго-сознание так же, как ограниченное эго-сознание полагается на Трансцендентальное Бесконечное. Всеобщая надежда на возвращение к Единству Чрева, воображаемого Райского Сада до Изгнания, предтравматической души, является иллюзией.

Самое большее, на что мы можем надеяться, это посттравматическая душа, поскольку мы навсегда уже травмированы.



За пределами тотальности Яхве.

...Нет тех, кто бы существовал за пределами тотальности Яхве.
И всё же мы знаем, что Каин разорвал свою связь с «абсолютной» реальностью, поддерживая собственное призрачное существование лишь за счёт внутреннего чёрного света, предоставленного ему его истинным Покровителем.
Книга «Зогар» подтверждает, что колдовство, осужденное в древнем Израиле, было направлено на блокирование каналов Божественного Присутствия, Власти и Мудрости - каналов, которые наличествуют всюду, которые нельзя заблокировать… и тем не менее, тем не менее.

Мы знаем, что эти «невозможные возможности» действительно реальны и что, хотя они не могут быть логически объяснены, поскольку подрывают самые основы логики и языка, они тем не менее достижимы в практическом смысле. Мы можем и, следовательно, должны отрезать себя от Бесконечной Любви, Благодати и Существования нашего Творца, лишь через это обретя свободу от бесконечного Уродства Бытия.

То, что представляет собой обряды освобождения, практические усилия по достижению невозможного состояния независимости от сущности Яхве, является содержимым данной книги.

(«Kitvei Kodesh HaChol»)

Уйти из этого царства отражения.

Уйти из этого царства отражения, мысли и самосознания (Мыслящий Свет) в царство Единства, непроявленного и бездумного (Бездумный Чёрный Свет Айн) считается высшей целью многих антикосмических сатанистов, точно так же, как это относится к работающим со Светом новоэонными мистиками и мистикам Пути Правой Руки, хотя часто используют разные термины. Чтобы избежать ограничений и без того ограниченного эго-сознания, чтобы охватить Бесконечность Самосознания, нужно найти покой и покой в наших изначальных истоках перед Травмой Бытия, нанесенной нашим душам. Конечно, сама концепция Бесконечного Самосознания опирается на ограниченное эго-сознание в такой же степени, как ограниченное эго-сознание на Трансцендентное Бесконечное. Универсальная надежда на возвращение к Единству Чрева, воображаемому райскому саду до грехопадения, предтравматической душе - это иллюзия. Самое большее, на что мы можем надеяться - это посттравматическая душа, поскольку мы навсегда уже травмированы. Основа нашего мира, наше появление в Бытие - это вид нашего Бога, Создателя нашего Космоса и Основания нашего Сознания, висящего мертвым на Кресте, и твердое знание того, что это мы распяли Его. Это мир, в котором мы уже родились. Он был частью нашего языка, мифологии и смысла с самого начала - даже если его истоки следует искать намного раньше, чем он был сформулирован христианскими мифами, даже если «Павел» дал ему наиболее эффективное выражение. Христос как Слово, Логика и Разум Бога был убит в Распятии, Завершении, Окончании и Исполнении Ветхого Божественного Слова, Логики, Разума и Завета, так что оно больше не действует в пределах Божества, в Бесконечном Сознании и Воскресло как Новое Слово Бога, Новый Логос, Новая Логика,

Новый Разум и Новый Завет. Христианский миф - это начало реализации человеческого языка (то есть нашего социально-символического мира значений и ценностей, на котором основана наша личная идентичность и через который мы интерпретируем феноменальный мир, позволяя нам жить, действовать и общаться. как социально сконструированные «я»), логику и закон, как они были конкретизированы в наших ранних сочинениях и письменах, сформулированы нашими ранними философами и мифологизированы нашими ранними религиями. Я надеюсь, что сатанизм, выраженный Потоком 61, может стать завершением этого начала путем повторения и переформулирования того, что было потеряно в истории Церкви и христианского мира.

(«Kitvei Kodesh HaChol»)

Обряды инициации в традиции Нахаша.

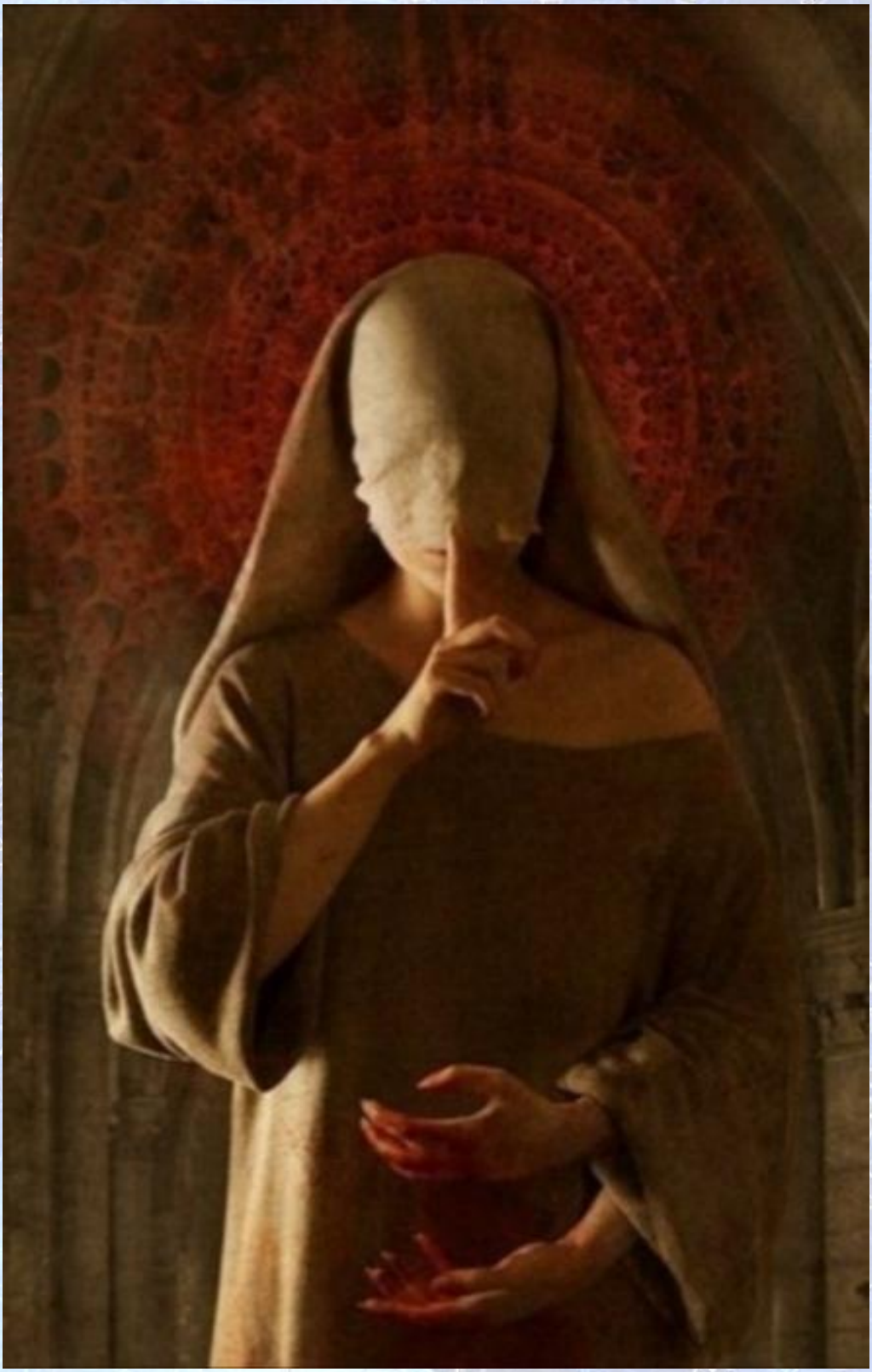
Обряд освобождения Змея, наряду с Обрядом соблазнения Девы, является важным обрядом инициации в традиции Нахаша, предназначенным для освобождения преданного от ига Создателя и тем самым содействия к освобождению нашего Другого Бога от оков Яхве. Подобно нашему Учителю Каину, мы стремимся

избежать Присутствия Создателя и, как приемный сын Самаэля, Исав, стремимся полностью интегрировать нашу идентичность как с нашими плотскими телами, так и с Красной Землей (Адама), из которой они были взяты, выдержал только Черный Свет Эль Ахер. Поступая так, мы приходим к существованию как Воплощение Невозможного (Айн), живя вне поддерживающей «Милости Яхве». Подобно Клиппотическим Элохимам, мы отрицаем Демиургический Дух, который поддерживает нас, обращаясь внутрь в Пустоту Эго, которое скрепляет нашу материальную идентичность. Следует признать, что, хотя Поток 61 является глубоко антикосмическим, он обязательно опирается на Воплощение и Воплощение во плоти эго и земли, из которых мы созданы, чтобы избежать неизбежной Ацмутической реальности. Хотя все, что есть и чего нет, по своей сути вписано в Единство Ацмута, как часть действительности и Сущего, созданного Демиургом - той самой реальности, от которой мы ищем спасения, - эти элементы также являются ироничным и парадоксальным источником нашего освобождения и спасение. Следует признать, что принятие плоти, эго и земли противоречит почти всем мистическим или гностическим традициям Левого или Правого Пути. Эти элементы не только глубоко связаны с Женским, которое часто противопоставляется «высшему» Мужскому Духу, но они также считаются теми самыми элементами, которые слепят человечество к высшим истинам. Такие традиции стремятся слиться с Высшим Духом или Истинным Я, Ацмутом, тогда как зловещая традиция Эль Ахер стремится положить конец Высшему Духу / Я, обитая внутри Хтонических Глубин и пребывая в них. Для успешного выполнения этого «состояния» Змеенорожденные должны разорвать свою связь с Ацмутом, поддерживая себя только Внутренним Чёрным Пламенем, дарованным им их истинными Отцом и Матерью, Самаелилит. Если можно сказать, что Глиняный спит в плоти, эго и земле, а Огнорожденный бодрствует, отбросив

их, то Змеенорожденный должен стремиться находиться в состоянии бодрствующего сна, вновь приняв эти элементы и отключив их из Ацмута, чтобы воссоединиться с Чёрным Светом Айн. Этот обряд направлен на то, чтобы помочь преданному встать на долгий путь к достижению такого полностью независимого состояния.

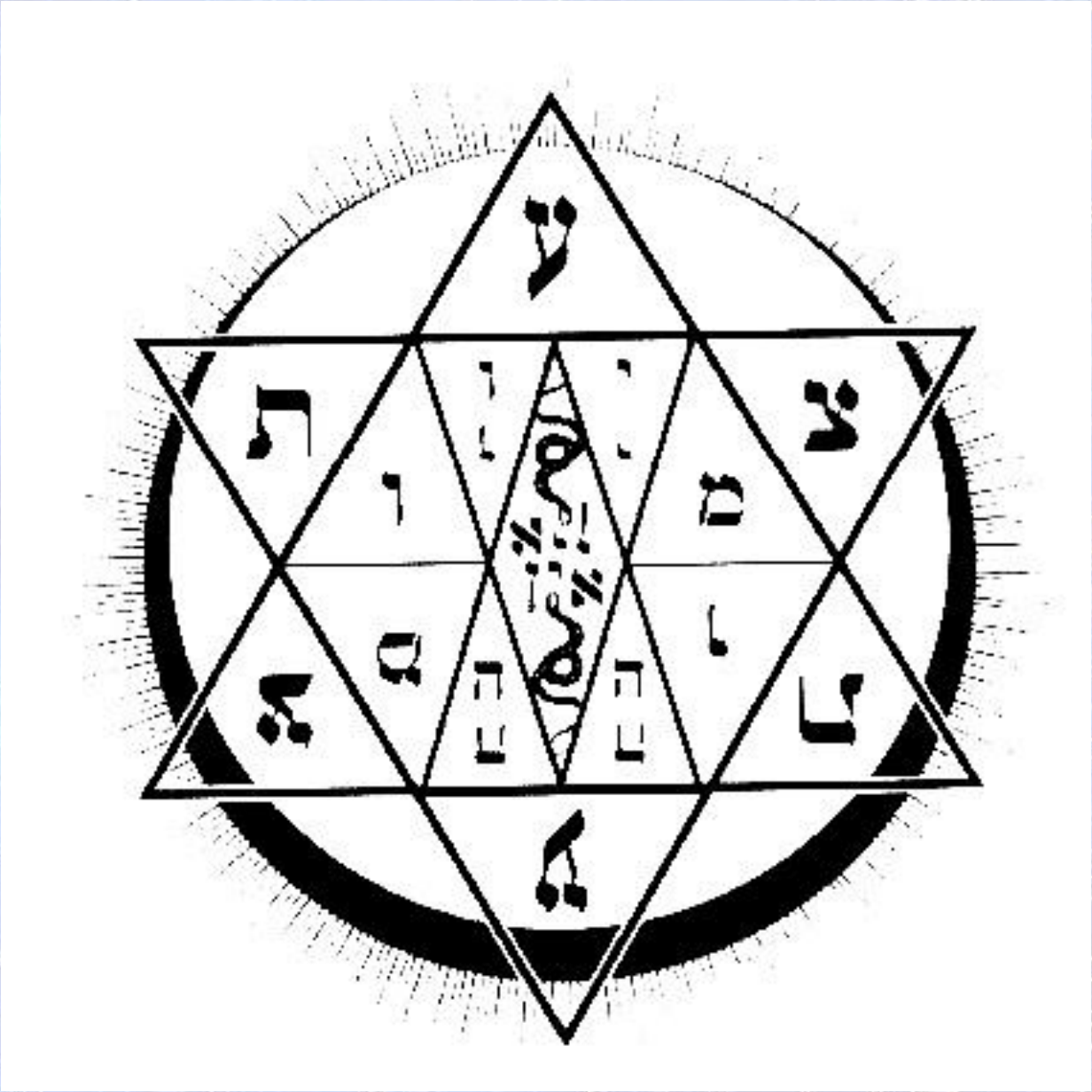
(«Kitvei Kodesh HaChol»)

Освобождение Змея. (внутренний обряд инициации)



Обряд начинается в пятницу вечером с семи следующих вибраций:

Молоток и Гвоздь
Терновый Венец
Пронзённая Плоть
Отрёкшийся
Освобождённый
Проклят
Выброшенный
Камень и Кость
Серп и Коса



Сразу после этой медитации на алтаре или на полу / земле зажигаются три свечи, очищенные усиленной настойкой руты: сначала зажгите спичкой в левой руке одну красную свечу, чтобы она была справа от места алтаря, помазанная лунным маслом / настойкой и / или менструальной кровью; во-вторых, зажгите одну черную свечу слева от алтаря, которая должна быть помазана сатурнианским маслом / настойкой и / или семенным истечением; в-третьих, используя обе ранее зажженные свечи в каждой руке, зажгите центральную свечу, которая должна представлять собой

красно-черный столб (красный сверху / черный снизу), помазанный в обе вышеуказанные смеси. Эти свечи представляют собой отдельные и объединенные сущности Самаэля и Лилит, чтобы сформировать Самаэлилит, Нахаш Эль Ахер. Четвертая свеча, красная или черная (в зависимости от воли преданного), на которой вырезано имя преданного и помазана собственной кровью преданного, так и кровью и пеплом жертвоприношения, зажигается с использованием пламени свечи центрального столба, а затем помещается перед центральной свечой. Эта свеча представляет преданного Змеерожденного, чьё Внутреннее Пламя поглощает все аспекты Живого Космоса преданного, как это даровано Нахаш Эль Ахер. Помазание этой четвертой свечи является одновременно смертью преданного и его новой нежизнью, возрожденной для Айн. Перед алтарем лист пергамента очищается путем распыления очень небольшого количества освященной жидкости изо рта и окуривается дымом освященной смеси благовоний, такой как Клиппотический Кеторет. Во время процесса окуривания читается следующая медитация:

«И Клиппотические Элохимы Абсолютного Легиона Эль Ахер возвысили голоса, восклицая в унисон: Снимите с него оковы Сущего; Вот, мы сняли с тебя ярмо Яхве и облекли тебя в Кожу Змея, которая сияет в Свете Чёрного Пламени. Мы очистим тебя дымом ладана, и ты очистишься от всех скверн Создателя, и от всех мерзостей Бытия ты очистишься».

Либо менструальная кровь, либо кровь, взятая из полового члена - использование телесных жидкостей важно для установления глубокой связи с материальным «я» - соединяется с Кровью Самопожертвования Любви и используется для усиления красных чернил, которые были очищены и наделены элементами, собранными в магической истории преданного, а затем

используется для рисования следующей сигилы на окуренном пергаменте:

Во время рисования сигилы вибрируйте по следующей формуле:

ושרט לנפש לא תתנו בבשרכם וכתבת קעקע לא תתנו בכם

«Весерет ланефеш ло титну бивесархем ухтовет каака ло титну бахем!»

«И не делай надрезов на теле мертвым и не оставляй следов на себе!»

Затем свечи гаснут в том порядке, в котором они были зажжены, и пергамент оборачивается окуренной белой тканью. Затем его закапывают в землю в подходящем волшебном и уединенном месте, имеющем глубокую связь с преданным, до рассвета в воскресенье, когда его следует эксгумировать.

Сразу после погребения трижды произносится следующее:

«Голос крови Авеля кричит от земли. Благословенна земля за тебя!»

Обряд закрывается до воскресенья на рассвете, когда пергамент эксгумирован.

В течение нескольких часов между погребением и эксгумацией нужно размышлять о значении обряда, медитируя на её смерть для Ацмутического существования и некрософического гнозиса, который исходит из такой смерти. Годовщина субботы, в которую совершается обряд, навеки будет для вас субботой, значение которой вы только поймете позже.

Непосредственно перед эксгумацией пергамента трижды произносится следующая молитва:

«Христос Анести! Алифос Анести!»

Затем пергамент относят обратно к алтарю, где он должен оставаться покрытым чистой шелковой тканью до вечера воскресенья. В этот день нужно медитировать на Черный Свет, который поддерживает его как Неживое существо Айн. Он также должен поразмышлять о деяниях Змея и его Мессианских Сынов, Каина и Иесы.

В воскресенье вечером четыре свечи зажигаются так же, как и в пятницу вечером, после произнесения следующей молитвы, после которой пергамент сжигается в пламени четвертой свечи и его пепел собирается в освященной чаше:

«Они выйдут и посмотрят на трупы людей, восставших против меня:
их черви не умрут, и их огонь не угаснет; Они будут ужасом для всей плоти.
И их глаза открылись!»

Когда горит пергамент, вибрирует следующее:

«Их место будет в Озере, горящем огнем и серой».

После того, как пергамент полностью сгорел и его пепел был собран, его следует добавить к предварительно очищенным и освященным чёрным чернилам, усиленным пеплом жертвоприношения.

Когда зола добавляется и смешивается с чернилами, читается следующее:

«Пепел к пеплу
Прах к праху
Прах будешь есть во все дни жизни твоей».

Теперь чернилами нужно нарисовать следующее изображение в подходящем месте на теле, чтобы его не смывать, по крайней мере, до следующего вечера.

Чем дольше вы будете жить без смытия метки тем лучше, это только усилит связь с Эль Ахер и внутренним Чёрным Пламенем Айн (в идеале должны использоваться чернила, безопасные для татуировки, а метка навсегда остаться на теле):

По мере рисования изображения следует вибрировать по следующей формуле:

והנחש היה ערום מכל חית השדה אשר עשה יהוה אלהים

«В'ха - Нахаш, хайах аром, м'кол хайат ха - садех, ашер асах Яхве Элохим».

«И Змей был хитрее всех зверей полевых, созданных Яхве Элохим».

После того, как изображение нарисовано, следует заявить следующее и удалиться, чтобы отдохнуть:

«Бросьте его во Внешнюю Тьму, где будет плач и скрежет зубовный».

Пока изображение остается на коже, нужно как можно чаще размышлять над изображением и его значением.

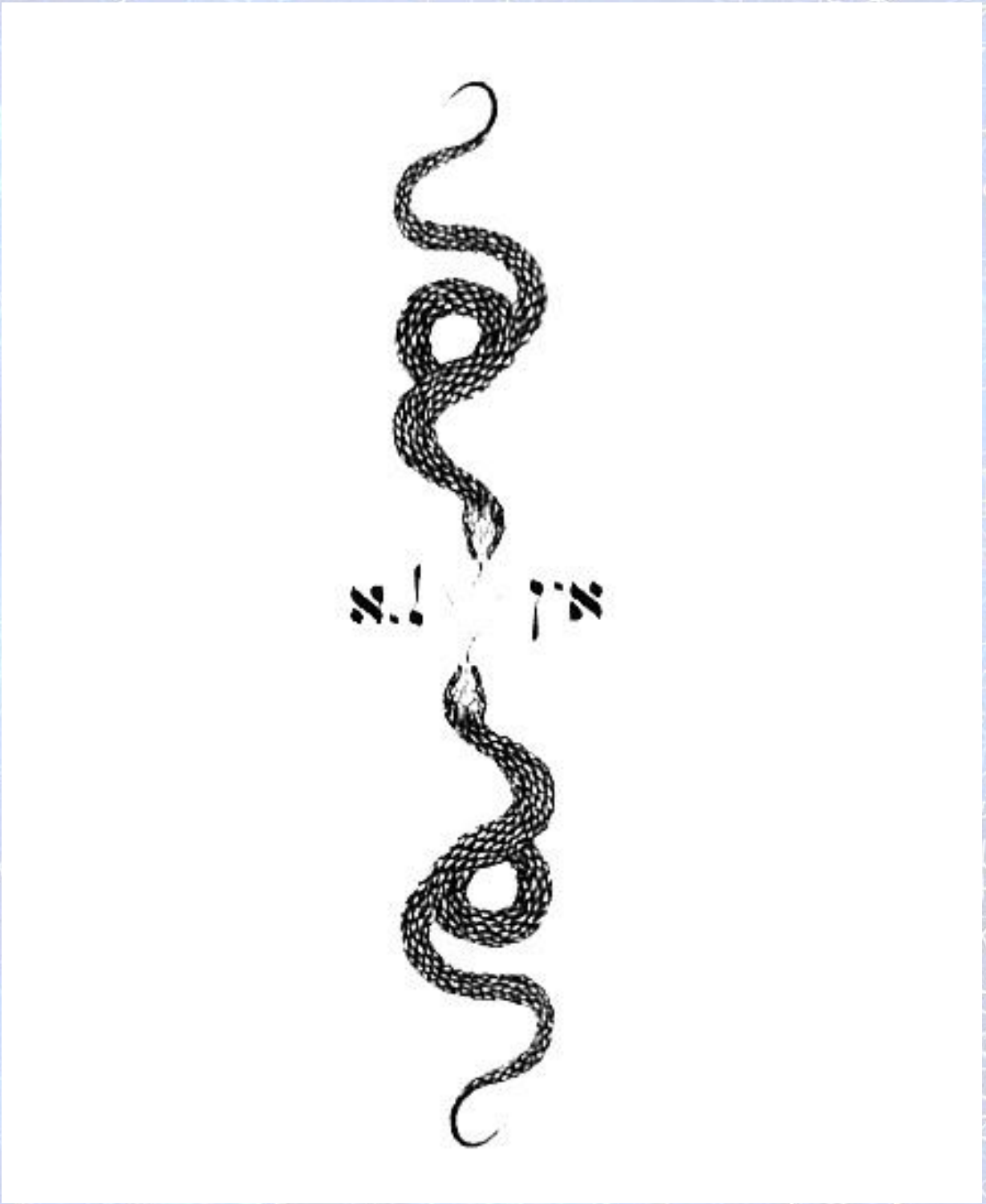
Если же когда изображение окончательно смывается или когда впервые замечается, что оно потускнело, читается следующее:

ויצא קין מלפני יהוה וישב בארץ - נוד קדמת - עדן

«Вайеце Каин милифне Яхве вайешев бе'эрец - Нод кидмат - Эдем».

«И пошёл Каин от Присутствия Яхве и поселился в Земле Нод, к востоку от Эдема».

Обряд завершен.
Вы больше не будете ходить в Присутствии Яхве, но вместо этого пойдете Извилистым Путём Змея и Тернистым Путём в Нод, которые, по сути, одно и то же, к Концу Концов в Айн.



(«Kitvei Kodesh HaChol»)

Обряд соблазнения Девы Марии.

Обряд соблазнения Богородицы включает алхимическое преобразование как хтонических глубин, так и высоких небесных высот, поднимая первые и погружая последние в грязь. Это важный обряд инициации для приверженцев Нахаша, особенно для тех, кто имеет традиционное религиозное воспитание. Ритуал повторяет инверсию и осквернение Древа Жизни Древом Смерти, вызывая клиаппотические царства грязи, крови, мочи, дерьма и спермы - Чёрной Земли и Чёрного Солнца, - которые взывают к нашим самым извращенным и падшим инстинктам. Святая Дева и Шехина буквально превращаются внутри и снаружи в Нечестивую Блудницу Ситра Ахра. Выполняя обряд, преданный переходит из состояния ложной невинности, состояния, предшествовавшего употреблению Плода Знания, в состояние зрелости и осознания Ужаса Бытия. Именно этот переход олицетворяет Лилит, соединяя глубины Чёрной Земли царства Нехемот под ней с небесными / адскими силами Самаэля и Таумиэля наверху. Выполняя этот обряд, человек пробуждает присутствие Лилит и ее супруга к проявлению, направляя запрещенный Гнозис, касающийся природы Нахаша и его потомства. Именно через этот трансгрессивный сексуальный ритуал мы участвуем в преобразовании наших хтонических глубин в самые тёмные тайны Другой стороны. Там нас встречает Лилит, приветствуя нас, принимая в ее холодную грудь Мудрости. Здесь мы являемся свидетелями манипуляций Змея, перемещающих всё Творение и Божественность к Концу Конца в Айн. Это было непосредственно от Амы Лилит - Богини Айн, перед которой каждое колено должно сгибаться, ибо она энергия в Нахаше, - которая научила меня следующему обряду соблазнения Девы.

Несмотря на споры, которые он вызвал среди некоторых представителей оккультного сообщества, он остается одним из ключевых обрядов инициации в Поток 61.

Этот ритуал идеально проводить в священные дни, такие как Рождество или Пасха, и особенно он эффективен, когда проводится на праздничные дни, связанные с Марией. Целью этого мощного обряда инициации является как повторение соблазнения Девы Марии с помощью Нахаша, так и осквернение и перенаправление энергии демиургического поклонения и преданности работе Ситра Ахра. Если женщина совершает обряд в одиночку, лучше всего делать это во время менструации. За обрядом наблюдает сама Ама Лилит, и поэтому ритуальное пространство должно быть заполнено её образами. Также уместны обнаженные изображения супруга Лилит Самаэля или других клиппотических сущностей, включая Нааму и Асмодея. Также очень эффективно выполнять этот ритуал в присутствии распятия, представляющего собой результат полового союза между Нахашем и Девой Марией. Христос на кресте распятия - это одновременно и кульминация Змеиной программы соблазнения Бога и человечества к Концу в Айн, и гнева Ситра Ахры против Создателя. Распятие может быть включено в ритуал и далее, особенно женщина-преданная, вставив перевернутый крест во влагалище (или анус), оба варианта оскверняют христианские образы и представляют рождение нашего греховного спасения, а также сексуальное восприятие и рождение Гнозиса. Исходя из чрева преданного Эль Ахер, Распятие становится связующим звеном между Христом и Анти-Христом, точно так же, как преданная становится Девой и Блудницей. На алтаре должны находиться традиционные магические инструменты, описанные в последней главе этого тома.

Кроме того, черная свеча-столб, представляющая Фаллос Самаэля (при приготовлении этой свечи и для обряда в целом следует тщательно обдумать концепцию кастрации и полового бессилия в контексте Яхве и Самаэля, и, в более широком смысле, Лилит и Дева / Шехины), который был освящен для работы Ситра Ахра, должен поставлен в центре алтарного стола между двумя помазанными красными коническими свечами, на которых выгравированы символы, относящиеся к Лилит.

Лунный ладан также следует сжигать как подношение Лилит и усиливать чувственные желания преданного. Пол перед алтарем должен быть задрапирован красной тканью, в идеале атласной или шелковой. Участник(ки) вступает в обряд обнаженным или в одежде сексуального характера. Преданный(ая) должен медитировать на ритуале, очищая свой ум от всех отвлекающих факторов, кроме производства похоти, прежде чем начать ритуал.

На атласном полу перед алтарем, непосредственно перед преданным, находится изображение Девы Марии, нарисованное или напечатанное на окуриваемой бумаге / пергаменте, под которым - изображение Лилит. Окруженный образами Лилит и ее супругов, а также мысленным образом скромно одетой Богородицы, человек должен довести себя до состояния повышенного сексуального возбуждения. Преданный(ая) может даже оказаться

приглашенным на демоническую оргию, которую следует с радостью принять.

В идеале до начала обряда преданный(ая) должен быть наполнен непреодолимой сексуальной энергией и неконтролируемой похотью. Все страхи или табу относительно комфорта человека с гетеро-, гомо-, би- или пансексуальностью и / или гендерными трансформациями должны быть оставлены позади. Любые садомазохистские наклонности в преданном также должны быть выявлены, и, действительно, любые сексуальные побуждения, склонности или извращения должны быть приняты и признаны в этом пространстве.

На пике сексуального возбуждения ритуал начинается со следующего заклинания:

«Ама Лилит,
Алая Мать Похоти и Осквернения,
Раздвинь мне свои
леденящие от могилы ноги,
Чтоб я мог вкусить
От кровавой пищи твоей мертвой Утробы. Поцелуй мой окровавленный рот
своим языком Змеи,
Чтоб мои глаза открылись
твоему Запретному Знанию.
Пусть сила твоего Гнозиса охватит мое тело, проникая в мой Дух.
Прими меня в свой демонический гарем оргиастических наслаждений,
Чтоб я мог стоять в трепете перед разъяренным Членом Самаэля.
Давай трахнем холодную вагину Девы
И высосим ее упругие груди.

Пусть её крики боли и экстаза
зажгут Врата Небесные
И превратят Царство Яхве в пепел.
Пусть её Чрево станет местом обитания Змеиного Семени!
Когда я изливаю свою горячую сперму
в её ноющий живот,
Заставляя ее Чрево открыться
как Врата в Ситра Ахра!»

Левой рукой (или правой, если Распятие используется в левой) преданный начинает мастурбировать, визуализируя, как он оскверняет Деву в извращенной манере, насколько это возможно (в равной степени допустимо, а в некоторых случаях предпочтительно, представлять себя как оскверняемая Богородица).

Преданный должен представить себе двойное проникновение Девы гемипенами Нахаша, вставленными в ее анус и влагалище. Стоны Богородицы заглушаются головой змеи, проталкивающейся в ее пасть.

По мере продвижения обряда нужно визуализировать Деву, превращающуюся в Лилит, когда она бесконтрольно плачет, глядя на своего висящего Сына, но не в состоянии сдерживать свои стоны и крики организма.

В момент кульминации преданной она должна кричать:

«Ама Лилит,
Лифтоах Шаари ха-Ситра Ахра!»

В момент высвобождения половой жидкости и / или менструальная кровь должны быть размазаны по образу Девы. Этого должно быть достаточно, чтобы образ Лилит начал просачиваться в образ

Марии. Если жидкости недостаточно, следует использовать немного красного вина из алтарной чаши, помазанной Кровью (Само-) Жертвоприношения.

По мере того, как обряд подходит к концу, изображения следует подносить к свету свечей и медитировать на них, как на важные видения. Любые прозрения следует записывать в магический журнал, как и любые онейрические видения, дарованные после ритуала.

Этот обряд также может быть выполнен с использованием изображения Наамы или Печати Вавилонской Блудницы (Клиппотической Тени Девы) под изображением Марии. В случае Наамы следует представить Марию как человеческое воплощение Шехины, женского Демиургического Присутствия и представителя сфиротического Малкут.

По мере прохождения обряда, Шехина превращается в Владычицу Клиппотической сферы Нахемот. В этом случае обряд становится мощным посвящением не только в тайны Нахаша, но и в Царство Оболочек, начиная с Чёрной Земли Нахемот.

Образ Чрева Лилит, как Врат во Внешнюю Тьму и Озеро Огненное, Геенну, также может быть использован, где жалостно умоляют Госпожу Лилит в акте мазохистского подчинения, позволить ей войти в самые глубокие тайны мира.

Клиппотическое царство, предлагает самые сексуально извращенные и садистски гротескные подношения. Этот обряд, как и любая клиппотическая работа, раскрывает преданной слабости ее психики и духа, часто в форме мазохистских тенденций в демонической оргии. Следует принимать и не отрицать эти слабости, но, признавая их, стремиться превратить слабость в силу. В конце концов, становясь низшим из Рабов без собственной воли или достоинства, просто игрушкой для секса, которую нужно использовать и оскорблять, Притянуть и Познать, человек обманчиво и незаметно притягивает и проникает в волю и достоинство Хозяина, пока не окажется, что она полностью зависит от самого Раба.

Нахаш всегда присутствует во время этого обряда инициации и будет стоять на пути с поднятыми клыками, пока вся слабость не будет признана и преодолена таким тонким образом.

(«Kitvei Kodesh HaChol»)

Хула на Святой Дух.

Основной принцип Работы касается активного нарушения всех границ (физических, сексуальных, эмоциональных, моральных,

интеллектуальных и т. д.). Именно путём их принятия. Речь идёт о том, чтобы избежать гегелевской диалектики тезиса/антитезиса/синтеза, именно путём её принятия. Речь идёт о выполнении Невозможного путём прекращения думать, рассуждать и говорить, и начать действовать.

Работа - это хула на Дух Святой: единственно непростительно (и невозможное) преступление, совершаемое именно путём принятия и подчинения Духу.

Это значит смотреть прямо в глаза Бога, Твоего Бога, с Сердцем, Разумом и Духом, наполненным Любовью, Принятием и, самое главное Послушания и... в этот момент Пригвоздить Его к Кресту.

Только тогда, когда вы сделали это, только тогда, когда вы приняли Необходимость оппозиции, когда ты стал предателем Иудой, Антихристом, Люцифером... вы знаете истинную свободу от оппозиции.

Если вам это удастся, вы узнаете место за пределами циклов греха и спасения, жизни и смерти, ада и рая.

Когда вы это сделаете, вы узнаете Айн - Ничто.

Когда вы достигнете этого «состояния», вы будете настолько «прокляты», что даже всемогущая сила Божья не сможет «спасти» вас. Не только потому, что Он не желает этого, но и потому, что вы достигли Невозможного, манипулируя Всемогущей Силой Бога, чтобы создать камень, настолько тяжёлый во Грехе, что даже Бог не сможет его сдвинуть.

Если вы потерпите неудачу, вы будете знать только рай или ад - скорее всего ад...

Чтобы преуспеть, вам нужно научиться любить то, что вы ненавидите, что для многих даже сложнее, чем столь же необходимая ненависть к тому, что вы любите.

Если вам очень повезёт, вы уйдёте живым.

Если вам очень повезёт, вы уйдёте в здравом уме.

И если вам не повезёт, вы уйдёте…

The Covenant in Contemplations 218/182
Гностицизм и современность 2182

«Что касается тех, кто принадлежит этому миру, мы не заботимся о них: если они клевещут на нас, мы не обращаем на них внимания; если они проклинают нас и бросают упрёки нам в лицо, мы просто смотрим, не говоря ни слова. Потому что они идут на свою работу, а мы блуждаем в голоде и жажде, глядя в сторону своего жилища, места, куда с нетерпением влечёт наша жизнь и наша совесть. Мы не придерживаемся того, что сотворено, а отдаляемся от этого, потому что наши сердца опираются на то, что действительно существует. Мы действительно больны, слабы и страдаем, но в нас скрыта великая сила».
(NHC VI 3,26, 6-26)

Пару раз нас спрашивали, считаем ли мы религию 218/182 формой гностицизма или проводим ли мы какое-либо различие между нашей религией Другого Бога и гностицизмом.

Прежде всего, мы не собираемся в этом посте давать подробные объяснения происхождения гностицизма или природы его ранних форм. Это скорее тема возможного духовного просвещения. Для тех, кто хочет узнать больше о гностицизме, мы предлагаем краткий список рекомендуемых вводных прочтений.

При этом, чтобы вообще иметь возможность дать ответ, мы, конечно, должны сначала выяснить, что подразумевается под «гностицизмом».

Слово гностицизм происходит от гнозиса , означающего «знание», а гностицизм чаще всего используется как своего рода обобщающий термин для различных религиозных идеологий, разделяющих схожие взгляды на определенные аспекты творения и спасения, противостоящих установившимся и «правящим» формам

христианства и иудаизма и рассматриваются как ранние христианские и еврейские сектантские движения.

Некоторые основные общие концепции так называемой гностической религии:

•Демиург уступает Неизвестному Богу за пределами творения. Различают Истинного Бога и мир творения с Демиургом в радикальных или смягченных формах дуализма.
•Существование человека в творении несовершенно, и его цель должна состоять в том, чтобы избежать этого посредством спасения / трансценденции.
•Спасение приходит через гнозис - познание Иного Бога, через опыт.
•Внутренняя духовная работа - самый важный аспект религиозной практики.

Есть много других общих черт между различными гностическими движениями, но приведенного выше будет достаточно как вводная информация по теме этого поста.
Кроме того, обсуждая гностицизм, нужно помнить о двух вещах:

Тот факт, что существовало (и все еще практикуется) множество различных форм гностицизма; мы не имеем дело с различными движениями, которые заявляли о том, что они знакомы между собой и другими группами со «схожими идеями», и не просили объединить их с другими под знаменем «гностицизма». Эта категоризация была сделана посторонними.
Лишь небольшая часть доступной информации о гностицизме происходит непосредственно из гностических писаний (например, текстов Наг-Хаммади), в то время как многое было написано с точки

зрения ранних отцов церкви (Ириней, Ипполит и др.) В их антиеретических текстах.
Гностицизм не статичен, а динамичен и развивается с течением времени, как и в течение первых (известных) веков.
Причина, по которой эти три пункта перечислены здесь, состоит в том, чтобы указать на то, что не существует и никогда не было только одного выражения / движения гностической религии, считающегося «объективно правильным». Несмотря на то, что между ними есть много общего, есть и различия, независимо от того, помещены ли они в единое целое в рамках одного поля посторонними или нет.

При этом мы действительно рассматриваем нашу Духовность как гностическую по своей сути.

Однако это не означает, что мы утверждаем, что Поток 2182 (218/182) - это древняя форма гностицизма, практикуемая раннехристианскими сектами, или что она коренится в каком-либо одном конкретном движении «наиболее исторически правильного гностицизма» или ограничивается им.

Для нас ключи к гнозису можно найти во многих духовных выражениях и религиозных текстах на протяжении всей истории, и только через Благословение и Око Духа эти ключи указываются нам, что, в свою очередь, ведет к дальнейшим шагам, предпринимаемым на нашем собственном Пути. через знание и понимание творения и Сил, которые ему противодействуют. Это само по себе можно рассматривать как пример упомянутой выше гностической концепции - познание Иного Бога ведёт нас к спасению.

Это также связано с нашей работой по узурпации, являясь центральной концепцией в нашей собственной Традиции и

прочно укоренившейся в Линии Пути Нод в работе и контексте Каинитства.

В этих случаях узурпируются и возвышаются не содранные маски или шкуры святых, а вместо этого сущность Слов других перезаписывается в Свете гнозиса, характерного для Текущего Потока, что приводит к чему-то гораздо более высокому, чем то, что на самом деле писцами изначально предназначались для сообщения.

Через Духовное Вдохновение, выражения других могут быть продвинуты к нашим собственным целям и использоваться для продвижения нашего Дела, независимо от того, придаем ли мы какую-либо историческую, магическую или духовную ценность первоначальному значению указанного выражения.

Возьмем пример Иринея о «Каинитах»:

«Какой бы ни была природа действия, они заявляют, что делают это во имя ангела , говоря: «О ты, ангел, я использую твою работу; О, сила, я совершаю твою операцию!» И они утверждают, что это совершенное знание, не боясь совершать такие действия, которые незаконно даже называть».
(Против ересей , книга 1 глава 31)

Независимо от того, был ли этот приведенный пример предполагаемой практики магии на самом деле правдой или нет в отношении движения, называемого Каинитами, когда-то, сейчас он говорит нам правду. Та же глава (обратите внимание также на номер главы, что еще больше подчеркивает ее актуальность с нашей точки зрения) начинается со следующих предложений, которые также содержат для нас элементы истины:

«Другие снова заявляют, что Каин произошел от Высшей Силы, и признают, что Исав, Корей, содомляне и все такие люди связаны между собой. По этой причине, добавляют они, на них напал Создатель, но никто из них не пострадал».

Эти и подобные примеры могут контекстуально действовать как инструменты расширения возможностей в наших собственных исследованиях, размышлениях и работе, независимо от фактической позиции (в данном случае антигностической) того, кто их написал.

Что касается настоящих гностических писаний, то, конечно же, во многих из них есть знакомые нам мысли и концепции, и даже если никто не может сказать, являются ли искомая трансцендентность и спасение тем же самым, к чему мы стремимся или нет, тексты лучше всего изучать целиком, позволяя Оку Духа фильтровать контент в соответствии с тем, что имеет отношение к текущей работе.

Вот пример отрывков 11-13 «Гимна Жемчужины», стихотворения, которое, как говорят, было произнесено Апостолом Иудой Фомой в тюрьме:

XI.

Он летел в образе Орла,
Из всех крылатых племен птица-царь;

Он полетел и приземлился рядом со мной,
И так превратился в речь.

От его голоса и звука его крыльев я проснулся, проснулся от глубокого сна.

Я взял его ко мне и поцеловал;
Я снял печать и прочитал.

Точно, как
было написано в моем сердце, так были написаны слова письма.

XII.

Я вспомнил, что я сын короля,
И мое звание стремилось к его природе.

Я снова вспомнил о Жемчужине,
за которую был послан в Египет.

И я начал [тогда] очаровывать его,
Ужасного громко дышащего Змея.

Я убаюкивал его спать и дремать,
Воспевая ему Имя моего Отца,

Имя второе, [моего брата],

и имя моей матери, Восточной Королевы.

XIII.

И [на нем] Я схватил Жемчужину
и обратился в Дом Отца Моего.

Я снял их грязную и нечистую одежду и оставил в их стране.

По той дороге, по которой я шел, я повел себя,
К Свету нашего Дома, в Страну Рассвета.

По дороге я обнаружил [там] перед собой
Мое Письмо, которое меня разбудило.

Как своим голосом оно разбудило меня,
так теперь своим светом оно действительно привело меня

Аллегория этого стихотворения прекрасно описывает нам Безмолвный Зов Духа, и даже если в этом случае Змей «убаюкивается», в то время как мы предпочитаем говорить о его пробуждении, символизм все еще присутствует и Жемчужина приобретается через общение со Змеем, в то время как Безмолвное Письмо / Голос указывает путь, а космические одежды снимаются по Пути.

Еще один пример гармонизирующей концепции - это «три типа человека»:

Гилики или соматики - те , кто полностью связаны с материей.

Психики - души, полностью или частично инициированных существ.

Пневматики - полностью инициирован, неся божественную искру внутри.

Большую часть человечества можно было бы считать соматиками, глиняной расой Адама.
Психики - это те, кто практикует мощные формы колдовства и магии вне определенного контекста 218/182, в то время как пневматики - это Родословная Каина - народа Азерате.

Наша традиция как гностическое движение.

Даже если есть различия между нашей Работой и учениями и мудростью, найденными в древних гностических текстах, мы по-прежнему настойчиво считаем нашу собственную религию и духовный Путь гностическими.

Самым важным моментом является то, что Гнозис может быть достигнут только через переживание Божественного, и, таким образом, настоящая духовная практика всегда будет превосходить то, что могут передать простые слова.

В связи с идентификацией Потока 218/182/2182 как гностического движения мы должны также обратиться к более старым терминам, таким как Хаос / Хаос-гнозис и Хаос-гностицизм, которые, кажется, были неправильно поняты некоторыми как относящиеся к современной Хаос-Магии.

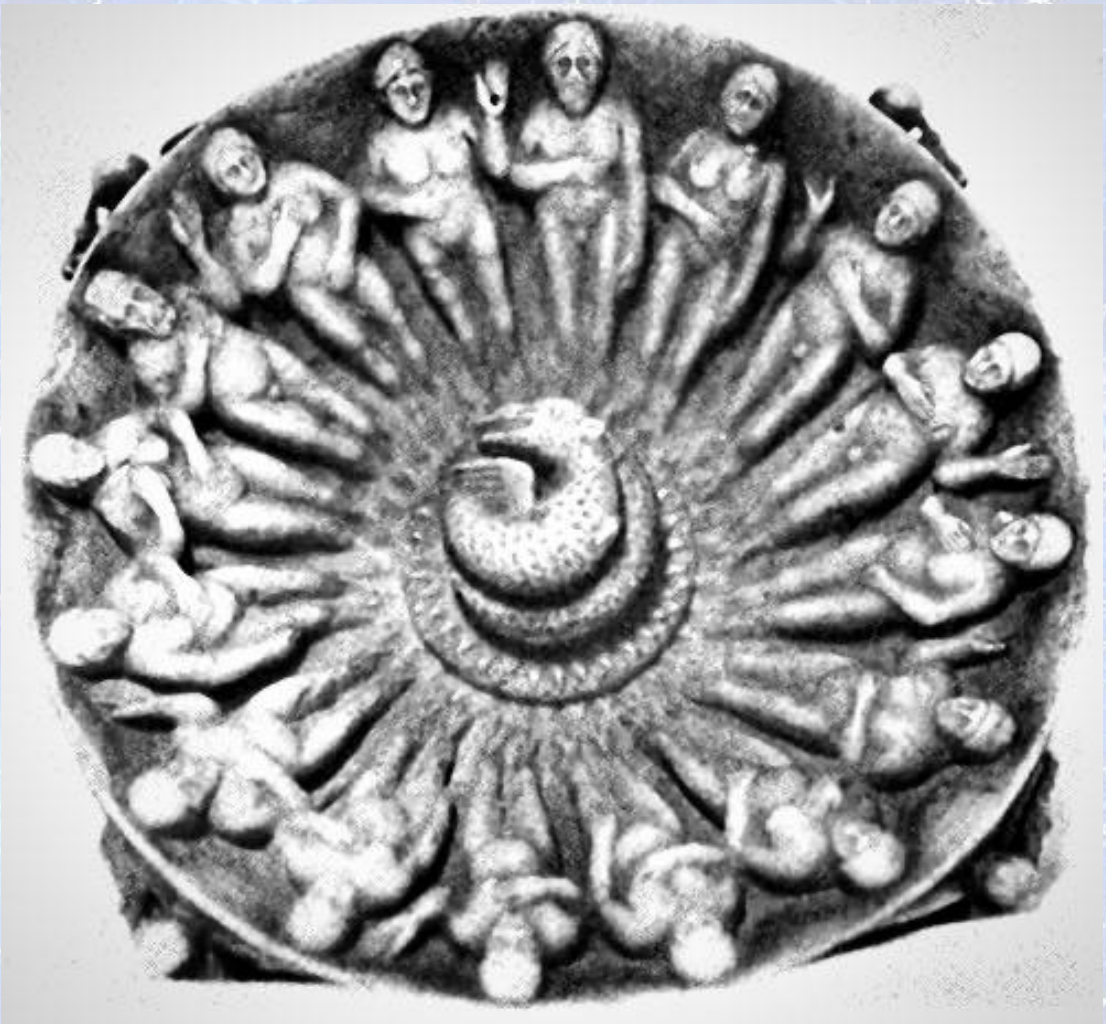
Эти термины, которые сейчас реже используются в официальных материалах и учениях 2182, не имеют ничего общего с некогда популярным направлением IOT Хаос-Магик и подчеркивают гностическую основу работы, при этом слово Хаос контекстуально синонимично с Плеромой (Парадоксальная Полнота Пустоты), акаузальным и акосмическим, а также каббалистической концепцией Айн (Ничто; до, над и за пределами Всего Сущего).

С этими терминами связаны также аналогично придуманные Хаософия / Каос-София и Каософия, подразумевающие открытое гностическое сосредоточение на Хаосе как на символе Неупорядоченного и Непроявленного Первичного Состояния Небытия, которое парадоксальным образом содержит Потенциал Всего в своем Ничто. Здесь отрицание отрицает какие-либо ограничения для Божественного Духа.

Таким образом, традиционное употребление термина «Хаос-Гнозис» всегда у нас относилось к «прямому спасительному пониманию, касающемуся Непроявленного и Несформированного и полученному из него», а «Хаос-Гностицизм» подобным образом относился исключительно к системе гностицизма, которая сосредотачивается на Бесформенном, Хаосе, Акосмическом и Акаузальном (то, что находится за пределами причинно-следственных ограничений, связанных с мультивселенной) и Полнотой Пустоты.

То, как это затем осуществляется через допущение того, что можно понимать как противоборствующие формы, и переход на сторону того, что можно рассматривать как Титаническое и Сатанинское, следует понимать с твердо антидемиургической точки зрения. В этом контексте антидемиургические силы пересматриваются как представители Божественного Импульса, которые отвергают ограничение существования и творения и вместо этого стремятся вернуть всех обратно в Плероматическую Пустоту.

Таким образом, силы Хаоса и Беззакония понимаются как точки сосредоточения Великого Возвращения / Исхода и Разрушения всего, что отделяет дух от Полноты Божественности Непроявленного и Совершенно Безграничного.

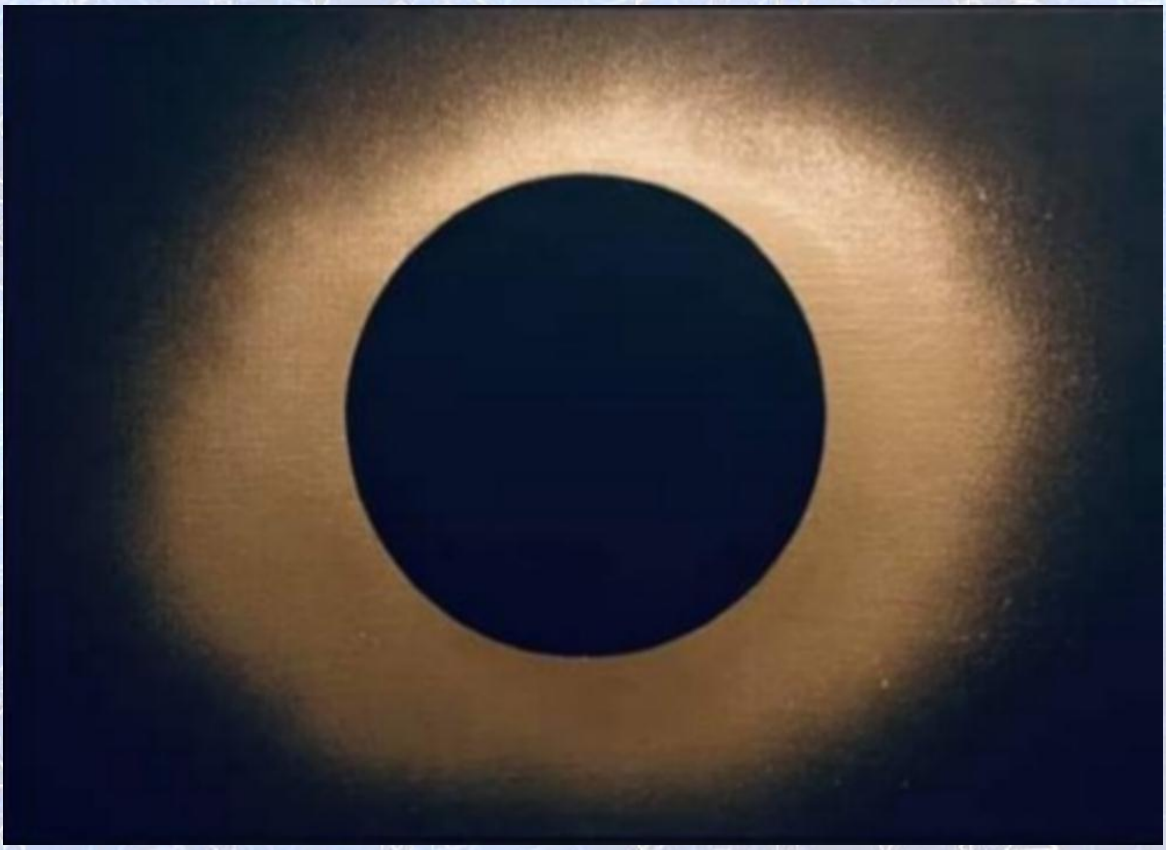


Плерома - Хаос / Айн.

Концепция гностической Плеромы (Полноты) может быть описана как божественное царство над / вне / за пределами творения, содержащее в себе всепотенциальный потенциал, который (изображаемый по-разному) ведет к невежественному процессу демиургического творения. Плерома принадлежит Божественному Принципу (Другому Богу) за пределами творения, в то время как мир Демиурга отделен от него.

Наше использование концепции Айн отражает гностическую концепцию Плеромы с определенными отличиями в некоторых

случаях, как, например, размещение Архонтов внутри Плеромы согласно некоторым гностическим учениям. С нашей же точки зрения, Архонты ограничены миром творения и не имеют никакого отношения к нашей Айнической Плероме, за исключением нежелательного столкновения с силами Другой Стороны, навязывающими Айническую Причину.



Ситра Ахра - сторона Спасителя.

Во многих гностических учениях Иисус интерпретируется как посредник между Плеромой и демиургическим творением, чьи слова и дела предназначены для того, чтобы привести к познанию Другого Бога, другими словами, к гнозису, который они приравнивают к спасению. Спаситель «послан» в творение, чтобы искупить тех, кто несет в себе Божественную Искру через гнозис.

Поскольку Плерома была бы эквивалентом нашего Айн, Спаситель в нашем случае - это эманации Бездумного Света, который противодействует творению и демиургическим принципам, проявленным на этой проклятой стороне Техиру как Мастер Каин, его Святая Невеста, их Огненная Родословная, и точки, установленные их Работой Неестественного Вдохновения.

Второе Пришествие Христа в большинстве гностических контекстов рассматривается как внутреннее духовное событие, пробуждение божественной искры или «сознание Христа», а не коллективное физическое событие, как во многих христианских контекстах, и, таким образом, также гармонично с тем, как пробудившаяся Родословная будет действовать как фактическое Второе Пришествие через Чёрное Пламя и Истинную волю, чтобы вызвать Конец Света и Возвращение Всего назад в Полноту Пустоты.

«То время, ближайшие годы и периоды будут отличаться от настоящего
из-за последовавших сражений.
Ибо они (годы) потекут, как вода в реках,
Теперь, когда время близко.
Скупых, которые сейчас радуются, победи ты, Гневный!
Их будут гнать, как гнали нас,

и покаяться за проступки свои.
Тогда возрадуются плакавшие,
а ныне смеющиеся - возрыдают».

(Манихейский «Гимн о Втором пришествии Иисуса Христа».)

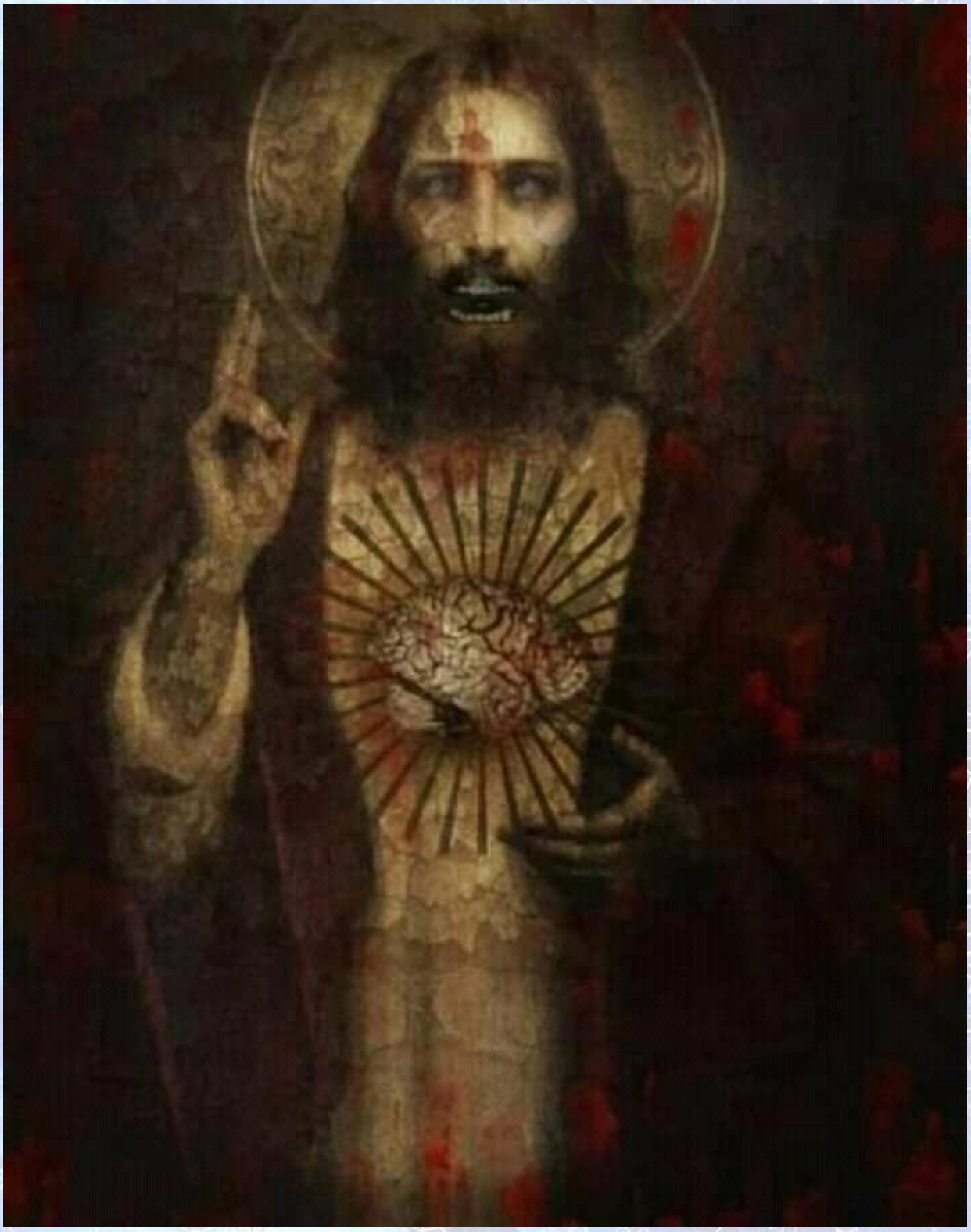
Сатанинский динамизм противодействует демиургическому творению.

В то время как большая часть доступных гностических учений сосредоточена на знании «существования» Другого Бога, наша позиция более агрессивна в своем выражении, и в нашей системе духовной Работы мы сами становимся отражением аспектов отстаиваемой Айнической воли, через эманации Бездумного Света, частью которого мы сами являемся по эту сторону Пустоты Техиру, и своей сосредоточенной работой мы помогаем продвижению Азератического Дела, открывая точки вторжения и позволяя Силам Ситра Ахра повлиять на демиургическое творение и ускорить его конец.

Поскольку демиургическое творение - это область ограничивающих законов, то всем его проявлениям, будь они «высокими» или «низкими», противодействуют люди Азерате, что, естественно, ведет к антиномианской позиции, поддерживаемой в нашей Традиции, и приводит нас в наш последний пример «гармоничных точек» на данный момент, снова выраженный через антигностическую точку зрения отцов церкви, которых придерживаются в книге Курта Рудольфа:

«Гнозис и Апокалипсис радикально революционны. Для них изменить мир - значит покончить с ним. Их суждение о мире - это суждение об истории как таковой. Они восстают против всех правителей и жаждут мира без законов. Они полностью отрицают существование ради того, чего ни глаз не видел, ни ухо не слышало. Их не интересует существующий порядок, ибо ничего не в порядке, и они стремятся к миру, который не нуждается в управляющей руке. Они противопоставляют Бога и мир, тем самым утверждая, что Бог полностью принадлежит им».

HAPEKSAMENDEUS AA
Тёмный Мессия.



Тайна Откровения: о Христе и Антихристе.

Христос - Спаситель, по гречески Сотер (σωτήϱ), пришёл в мир с Правой Стороны, Стороны Святости и Милости, и был Он Сосуд Милосердия. Богочеловек добровольно отдал свою жизнь за грехи человеческие и омыл первородный грех Своей жертвенной кровью. Посему наречён Он Агнец на заклание.

Но как писал архиепископ Аверкий Таушев (1960г.):
«Но теперь уже не придет Христос спасти нас. Он пришел для этого лишь однажды и раз навсегда указал нам вечные и неизменные пути ко спасению. Кто не желает им следовать, тот пусть сам и пеняет на себя за свою погибель. Никакого счастливого тысячелетнего царства на земле, о котором ложно учат сектанты, не будет. Такое учение противно Слову Божию и решительно отвергнуто Церковью.
Теперь придет Христос вторично уже не спасать мір, но судить міру всему – «судити живым и мертвым».
Первый раз приходил Он в уничижении в зраке раба, давая нам пример смирения, а теперь придет Он «во Славе Своей» (Матф. 25:31). Это будет уже не благостное снисхождение Божие к несчастным отчаявшимся людям, но Страшный Суд над беззаконными гордецами - отступниками, ведающими Бога и безумно, заносчиво отметающими святые заветы. И если первые христиане, празднуя Первое Пришествие Христово в мір, всегда возносились мыслию к славному и страшному Второму Его Пришествию, напряженно ожидая его, то тем более естественно и даже необходимо помышлять о нем нам, каждодневно наблюдающим признаки приближения его, указанные в Евангелии. Вся наша жизнь на земли должна быть не чем иным, как самой тщательной подготовкой к этому великому и славному «дню Господню» (Деян. 2:21).

Каких-каких только доводов и благовидных предлогов и соображений не приводят, лишь бы отклонить современных христиан от мысли о Втором Пришествии Христовом. Многие ныне говорят об этом – страшно сказать! – с усмешкой, и даже духовные лица нередко избегают разговоров на эту тему.
Не самый ли верный это признак близости Второго Пришествия? Вспомним только слова Христовы: «Как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и пришествие Сына Человеческого» (Матф. 24: 37–39)».

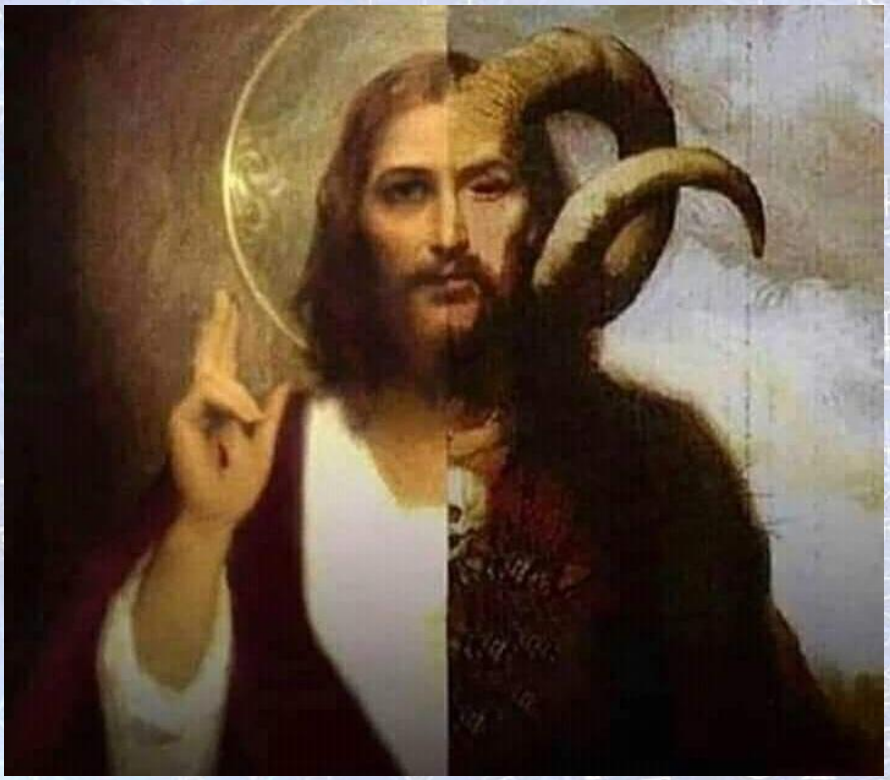
В конце времён Он явится как Сосуд Гнева с Левой Стороны Нечистоты и Жестокости, чтобы судить человечество огнём. Как был кроток и милостив, так будет безмерно жесток и кровожаден; как был Любовью, так будет Ненавистью; как был Жизнью, так будет Погибелью; как был невинен и чист, так будет воплощением зла и скверны. Он явится как самый отверженный человек на земле, носитель мятежа и беззакония. Весь мир ужаснётся деяниям этого чудовища и поразится учению этого Сверхчеловека. Его воспримут как худшего из мятежников, ниспровергателей, и тиранов одновременно за всю историю. Его тёмные чудеса поразят мир. И тогда мир назовёт Его Зверем и Антихристом... склонясь пред властью и силой Его, мир поклонится Зверю. И лишь кучка избранных последователей будет знать о Его истинной природе.

Подобно тому, как «чёрный огонь» / «чёрная звезда» - это скрытая и тёмная часть нашего Божественного «Я» внутри нас, нашего Духа, так и Антихрист - это скрытый Мессия, теневая сторона эсхатологического Спасителя, так Антихрист представляет собой полное раскрытие Божественного «Я» в конце этого цикла, в черном пламени, что сожжет мир. Сакральное достигает кульминации отчаяния, заблуждения и насилия именно тогда, когда

духовный прорыв неизбежен; точно так же Антихрист собирает в себе все социальные и психические силы, которые пожелали противостоять Богу в тот самый момент, когда лик Абсолюта вот-вот появится в мире.

Христос Правой Святой Стороны - воплощение Прощения и Милости Хесед.
(А) Христос Левой Нечистой Стороны - Воплощение Суровости Суда Дин.
Сосуд Милосердия и Сосуд Гнева; Агнец и Зверь; Богочеловек и Сверхчеловек; Спаситель и Сын Погибели; Христос и Антихрист; и Зверь(6) - Человек(6) - Бог(6), объединённые формулой 666 - числа солнечно-огненного Зверя - Сотера.

Так, Тот кого называют Антихристом, омыв мир кровью и осудив огнём, станет Сотером - Спасителем избранных, которые видели за условностями и иллюзиями двойственного мира. Примите Зверя в сердце своём и приуготовляйте приход Его на гибель этого мира, ибо вам Царствие Его не от мира сего от века приуготовлено.
Такова Тайна Откровения Иоанна Богослова.



Воплощение - Распятие - Сошествие во Ад - Пасха.

«Бог умер» - Бог действительно раз и навсегда бесповоротно умер во Христе, Бога распяли, Бога убили.
Преодолевая непреодолимое отчуждение Творца и твари, Бог не только вочеловечился, воплотился на земле человеком, но страдал и умер человеком. Но после он не воскрес, Христос сошёл во ад.
Если мы говорим о Боге как о Духе, то мы имеем всю диалектику сакральной метаистории человечества, через схождение, инволюцию Духа в материю и даже за её пределы в самые донные области. Отчуждение и недоступность трансцендентного Бога - ветхозаветный период. Воплощение Бога - христианский. Смерть Бога - новая история. Тогда мы в периоде актуальной истории - это будет Сошествия во ад.

Пасха Воскресения Христова, «празднику праздников и торжеству торжеств», только предстоит состояться в эсхатологическом будущем.
О Пасхи говорят - «прехождение от смерти к жизни, от земли к небу», но точнее будет «прехождение от смерти к не-жизни, от земли к преисподней» и только потом к жизни и небу.

Как Бог освободил евреев от египетского рабства, так и христианин освобождается от рабства тленного посредством смерти и воскресения Христа; тем самым ветхозаветная Пасха стала прообразом Пасхи христианской в богословии. Однако освобождению предшествовал ад на земле, когда были истреблены Уничтожителем шествующим во тьме все первенцы земли Египетской (актуальной мировой цивилизации того времени).
Бог умер во Христе, воскресает из ада в Антихристе, ведя «богов чумы» и легионы мёртвых, чтобы пожрать живых…

Тоской небытия веет от Антихриста, необъятной пустотой бесконечного одиночества, ледяным отчаянием тлена, гниения и смерти. Вся мстительная ненависть к живому собрана в нём. В чёрных лучах его Вселенная и человек в ней предстают глупой шуткой и онтологическим маскарадом. Безнадёжность тупика, слепое кружение миров в серой мгле мировой бессмыслицы – именно это стоит за Антихристом, сыном погибели и воплощённым страхом Ничто.

Глашатаи Апокалипсиса и День / Ночь Гнева.

«Ночь Гнева, ночь сия,
Когда мир будет обращён в пепел»…
(«Maledictum».)

Наиболее известные антикосмические сатанинские движения это Орден Девяти Углов и Поток 218 Храма Чёрного Света, и их некоторые, ошибочно стали рассматривать, как если бы они были чуть ли не синонимичными силами и группами, в значительной степени основанными на том факте, что они являются антикосмическими и зловещими организациями.

Орден Девяти Углов продвигает идею о том, что человеческая история может быть разделена на ряд Эр, каждая из которых соответствует конкретной человеческой цивилизации. Он выражает мнение о том, что цивилизация нынешней эры принадлежит к западной, но утверждает, что эволюция этого общества находится под угрозой влияния иудейско-христианской религии, с которой Орден стремится бороться. Таким образом, нынешняя политическая система, по сути, является магической дхарой («плоскостью») или социально-политическим проявлением семитской акаузальной инфекции. В этом главное отличие от Потока 218, что согласно Ордену Девяти Углов, этот сегодняшний текущий Торианский Эон, по их исчислению, был повреждён на духовном уровне инфекцией, происходящей из семитской мистики. Поэтому Орден выражает исключительное презрение к любой духовной форме, которая имеет еврейское происхождение. В этом причина их презрения к Гоэтии и Каббале. Для них любое использование таких методологий, даже когда они обращены к антикосмическим силам, как в клиппотической каббале, увеличивает эоническое искажение. Это причины того, что Орден

Девяти Углов поддерживает национал-социализм и превосходство белых.

Орден ждёт воплощение и пришествие сущности известной как Виндекс, имя, означающее «Мститель». Орден Девяти Углов экзотерически описывает Виндекса как человека-повстанца, мстительный сын Юсры-Бафомета, который приведёт к потрясению нашего Эона и свержения всех правительств и полит-экономических систем, испачканных евреями. ONA верят, что Vindex в конечном итоге воплотится в человека, хотя пол и этническая принадлежность этого индивида неизвестны. Орден же есть религия и культ который приготовит путь и возвестит миру о Мстителе, более известному как Антихрист. Тем не менее, этот мятежник – также аллегорический миф, который совершает их постепенный переход к политическому плану. Все это делается для того, чтобы установить новый милитаристский общественный порядок, получивший название «Империум». Согласно учению Ордена, это необходимо для формирования галактической цивилизации, в которой «арийское» общество будет колонизировать Млечный путь. Этот переход и породит Империум – Vindexian Dhar ul-Falcifer, из которого человечество будет исследовать звезды.

Поток 218 берёт много полезного от Ордена Девяти Углов, продвигая свои собственные цели через различные религиозные формы. Их первичными образами являются Антикосмический Сатанизм гримуарных источников и Клиппотическая Каббала, Турсатру, Драконианский Сетианизм, и поклонение шумерским богам хаоса. По их мнению, все эти божества являются формами и описаниями антикосмического Импульса. Отдельно стоит Поток 182 как Некрософия, культ Смерти, или Каиническая традиция. Также 131 - культ Пана, рогатых божеств как выражения хаоса, и ещё Поток 61 - культ Ничто, высокая теургия Айн.

В ордене распространено мнение о том, что настоящий сатанист не должен являться частью современного общества, поскольку оно основывается на обмане и хаос не может реализоваться в реальности, полной лжи. Участники Ордена разделяют нигилистические и крайние неогностические взгляды.
Центральная тема Потока 218 - Чёрный Свет, а фигура в учении - Люцифер, который озаряет людей чёрным светом. По словам Ноксифера, члена Ордена, Храм Чёрного Света изучает все тёмные эзотерические доктрины и практикует чёрную магию, чтобы увеличить силы тёмных богов.

Как и Орден Девяти Углов, Поток 218 стремится завершить этот текущий Эон, но их рассуждения имеют отличия. ONA также проводит в причинный мир акаузальные энергии с помощью магии и взаимодействует с тёмными богами. Версия сатанизма ONA описывается в их литературе как «представление темных сил, акаузальных энергий – форм мифов относящихся к нынешнему Эону».
Орден Девяти Углов считает, что их День Гнева представляет собой уничтожение еврейской эонической инфекции, которая препятствует эволюции человечества и, таким образом, позволит нам переродиться в homo galacticus - звёздную расу завоевателей, управляемых Империумом.

Поток 218 полагает, что их День Гнева представляет собой вынужденное завершение этого Эона, который разрушит Космос, ослабит эволюцию человечества и, таким образом, позволит возродить того, кто достигнет совершенства в Чёрном Свете, как бессмертных божеств изначального хаоса. Вот почему антикосмические сатанисты Потока 218 открыто не поддерживают экстремистский коммунизм как Храм Крови (филиал ONA) или нацизм так, как это делает Орден Девяти Углов, они прикладывают

усилия против всего самого творения. Они пытаются создать бреши в сефиротической каузальной реальности и привести сюда силы инфернальной Другой Стороны, тёмных богов, чтобы ускорить процесс приближения Дня Гнева и собственной трансформации с помощью чёрной алхимии в демонических сверхсуществ.

Практически в таких же концепциях, видит День / Ночь Гнева, другая система антикосмического сатанизма «Inferion»:
«Близка ночь пылающего гнева Дьявола. Почти так скрежетал зубами Фома Челанский, внезапно разглядев сквозь пелену семи с лишним веков наступление Тёмной Эры:
«Nox Irae Nox Illa
Solvet Saeclum in favilla.
Ночь Гнева, ночь сия,
Когда мир будет обращён в пепел…
Мы вступили в этот мир подобно тому, как вступает в него человечество - через врата плоти. Мы ворвались в него в тот самый миг, когда Мгла выплеснулась из границ ночи, и изо всех вскрывшихся язв заструился черный яд. Сумерки сгущались перед нами.
Тогда кровь стала миру пурпурной каймой, и обретающий глубину ореол злодеяния воззвал к жизни цвета Имаго Дьявола. То было знаком нашего рождения. Рождения Апостолов Сатаны».

Также имеются некоторые различие между группами во взгляде на будущее человечества. Намерение ONA развивать человечество как вид эволюционным скачком. Хотя они признают, что большинство людей бесполезны для будущего, и подходят лишь только для человеческих жертв, они все ещё в некотором роде гуманистичны в своей цели создания нового сверхчеловека. Поток 218 согласен с тем, что большая часть современного человечества одноразовая, они не стремятся к возможному эволюционному улучшению всех, а лишь для избранных, иллюминированных Чёрным Светом видят будущее вхождение в акаузальную вселенную Другой Стороны.

Наиболее в этом смысле мизантропичен и антикосмичен «Культ Альяха», который во многом опирается на лавкрафтианскую мифологию. Поклоняясь и ища связь с богами безумия и хаоса - «Древним», они открывают для них врата в наше измерение, приуготавливая эпоху их Пришествия. Человечество для них и их богов, не более, чем рабский скот и пожива, лишь служители богов безумия, смогут трансформироваться в Древнеподобных, чтобы править со своими владыками в бесконечной пустоте разрушенной вселенной. Остальное человечество ждёт уничтожение и самоуничтожение.

Лавкрафт утверждает, что наша эпоха знаменует собой конец древнего проклятия, наложенного на богов хаоса - «Древних», и их вторжение в человеческий мир неминуемо. Вот как Лавкрафт описывает мир после прихода в него богов хаоса: «Время это легко будет распознать, ибо тогда все люди станут как Великие Древние - человечество станет свободным и диким, по ту сторону добра и зла; мораль и законы будут отменены; все люди будут кричать, убивать и пьянствовать в радости. И тогда Древние научат их новым способам кричать, убивать и пьянствовать; и вся земля запылает в холокосте экстаза и свободы. До тех пор культ, при помощи своих обрядов и ритуалов, должен сохранять в памяти эти древние способы и провозглашать пророчества об их возрождении».

(«Зов Ктулху»)

Приблизительно так же видел «бурю равноденствий» и Алистер Кроули - мэтр Терион. Эти сюжеты точно соответствуют описанию «пришествия орд гогов и магогов», которые перед концом мира должны прорвать снизу «Яйцо Мира» и ворваться в мир людей. Адепты же лавкрафтианских «богов-идиотов» совпадают с описанием «святых Сатаны», которое мы находим в исламской традиции, или «слуг Антихриста», как называют их христианские тексты.

Каин - Первый Сын Сатаны.

Каббалисты говорят, что Авель после того, как его убили, его дух мучил Каина, но правда в том, что всё было наоборот. Каин, будучи первым убийцей, стал и первым некромантом и основателем Пути Левой Руки, потому сумевший поработить дух уже бестелесного Авеля, давая ему новую цель существования.

Каин в действительности был сыном Змея (одержимым Самаэлем) и Евы (одержимой Лилит). Так как энергия Смерти не существовала ещё во Вселенной, Каин своим актом убийства заставил Вселенную генерировать эту энергию, что сделало его Царём Смерти. Эта

традиция стала известна и прославилась Потоком 182, и книгами Liber Falxifer, хотя она идет намного дальше от старых традиций, где колдовские круги работали в своих ковенах, называя Люцифера, Лилит и Каина богами ведьм. Эта традиция поддерживалась прежде всего в различных регионах Европы.

Некоторые эзотерики ошибочно утверждают, что Каин - только Мертвец, потому что он воплотился в какой-то момент своего существования и умер, но без его действия, без первого убийства во Вселенной не было бы произведено никакой энергии Смерти. В дополнение к крови Змея и огня Самаэля, что он уже имел в своих жилах, он обрёл гораздо более высокую силу когда уже умер, он стал Богом Смерти, правителем Клиппы Воронов Рассеяния А'ареб Зарак под именем тёмного бога Баалцелмота.

Есть большое преимущество работы с Баалцелмотом, оно заключается в том, что, несмотря на его высокое состояние Клиппотического Божества и одной из глав Дракона или Скрытого Бога HVHI, заключается в том, что, воплотившись как человек, он прекрасно понимает проблемы, с которыми мы все еще сталкиваемся в духовном развитии, проходя от вульгарного к возвышенному, от низшего колдовства к высокому Гнозису. Ключ к тому, чтобы быть настоящим адептом каинитов - это помнить, что в личной микрокосмической эволюции, мы подобно самому Мастеру Каину, можем достигнуть самых высоких ступеней инициации.

Каин - истинный Антихрист, первенец Сатаны, поэтому он является ключом ко всем посвящениям Кривого Тернистого Пути.

Поклонение магов Другой Стороны.

Согласно каббалистическим текстам, Каин не был сыном Адама, а был сыном Евы от Змея, и искушение Евы трактуется здесь как совокупление со Змеем, поэтому первая линия родословной — это носители змеиной крови. Далее рассказывается, что после убийства своего брата Авеля и проклятия за это Богом Каин становится изгнанником на всей земле, но находит приют во внутренней земле Арка, она же земля Нод, у демоницы Лилит. Она становится его любовницей и наставницей, пробуждает его внутренние силы, запечатанные Богом, и посвящает его в тайны тёмных искусств; так Каин становится первым колдуном и родоначальником линии ведьмовской крови. Лилит даёт испить ему собственной крови,

даруя бессмертие и инициируя в мистерии крови; так Каин становится и первым вампиром, родоначальником вампирической линии с их магией крови.
Эти три родословные линии могут символизироваться тремя цветами —
чёрным, белым и красным, — что идентично трём главным алхимическим стадиям Делания: «нигредо» — почернение,«альбедо» — побеление, «рубедо» — покраснение».
Чёрный — змеи, носители змеиной крови, ибо «Змей Поля» также называется «Змей Праха», он ползает во прахе и питается прахом, что идентично чёрной земле или чёрному праху. Белый — носители ведьмовской крови, белый — всегда жреческий цвет, а колдун — это и есть жрец демонов. Красный — вампирическая родословная линия — думаю, понятно, это цвет крови. Так появляются три
архетипические фигуры для Пути Левой Руки: Змей, Колдун, Вампир.
Ранее эту цветовую символику стадий алхимического Делания мы увидим для Пути Правой Руки, в евангельской картине поклонения волхвов/магов младенцу Христу, где каждый из трёх магов, пришедших на поклонение к богомладенцу, облачен в чёрную, белую и красную, соответственно, мантии, одежды. Таким образом, трое — Змей, Колдун и Вампир — являются черномагической инверсией трёх евангельских магов. Можно предположить, что эти символические фигуры служителей Другой Стороны придут тогда поклониться со своими дарами дьяволомладенцу — новорождённому Антихристу.
В современных традициях Пути Левой Руки этим трём фигурам также может соответствовать: Змею — «Драконическая традиция», и там подчёркивается, что Каин был сыном Змея; «Саббатическая традиция», где акцентируется фигура Каина как первого колдуна и родоначальника ведьмовской линии; «Вампирическая линия», линия магии крови, где Каин почитается как первый из

вампиров и Жнец Другой Стороны. Змеечеловек — в чёрном, демонический служитель/колдун – в белом, мастер крови и вампир — в красном, трое «святых Сатаны» в ожидании Антихриста для поклонения дьяволомладенцу.

Каинова Печать, Нехуштан и Крест Распятия.

«И сказал ему Господь Бог: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Бог Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его».
(Быт. 4. 15)

Это знамение и есть «Каинова Печать», «Знак Каина», который наложил на него его Бог, Иной Бог - Владыка Другой Стороны Самаэль, чтобы выделить его и его потомство несущих чёрное пламя, от прочих глинорожденных потомков Адама. Таким образом

это символ инициации, возложенный на чело Каина, как первого из людей последовавшего Левым Путём в землю Нод, знак первого сатаниста, знак всех пневматических детей чёрного огня и красной земли, охраняющий на извилистом пути к Ситра Ахра и отделяющий от гилического большинства адамитов.

Печать по существу не имеет формы, но в разных традициях была представлена различными символами. Согласно народной традиции, наиболее распространенным символом Печати Каина был крест. Все важные значения даны кресту в его различных формах как символу и знаку Каина.

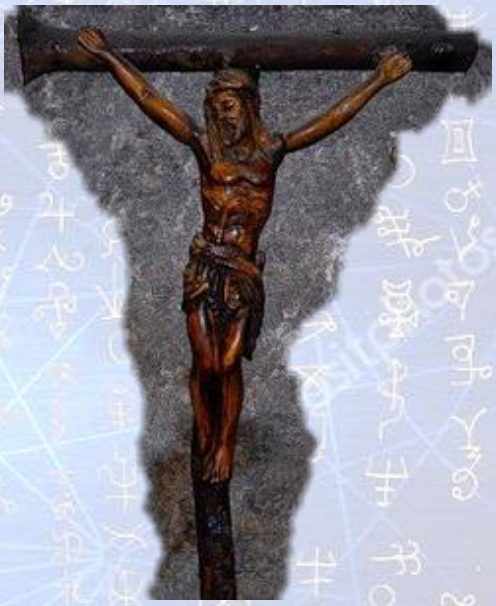
Так, какой же знак накладывался на посвящаемых в мистерии древности? В вавилонских посвящениях, маслом изображали на лбу иницианта тау-крест. Тау-крест был начертан кровью на лбу у каждого участника Мистерий Митры. Также как и индусы, ставившие Тау в качестве знака на лбу своих Чела. Посвященные в Греции назывались Тау – Γαιήιος, «Сын Геи, возникший из Земли», подобно Титиосу в Одиссее. Чтобы выразить оплодотворяющий принцип, древние египтяне часто присоединяли мужское и женское начало, или сочетание вертикальной и горизонтальной линии Тау-креста, он был символом бессмертия и ключом в иные миры у древнеегипетских иерофантов. Тау-крест занимал большое место в религии друидов - такой крест, изготовленный из дубовых веток, либо брёвен, олицетворял друидического бога дерева, известного под именем Ху (Ху Гадерна). Примечательно также, что символом Ху являлся змей.

Тау-крест

В древнейшем буквенном алфавите - финикийском, буква Тав означала: крест, отметка, знак. Это даёт связь как со знаком посвящения, так и «Каиновой печатью».
Будучи последней, двадцать второй буквой еврейского алфавита, в Библейские времена буква «тау» («тав») стала означать конец света, а также служила знаком Каина. Согласно Ветхому Завету, Моисей воздвиг медного змея в пустыне на тау-кресте. Увековечивающая данное событие скульптура «Посох Моисея», находящаяся на горе Нево в Иордании, имеет форму символа тау, опоясанного змеем.

(Посох Моисея на горе Нево. Иордания)

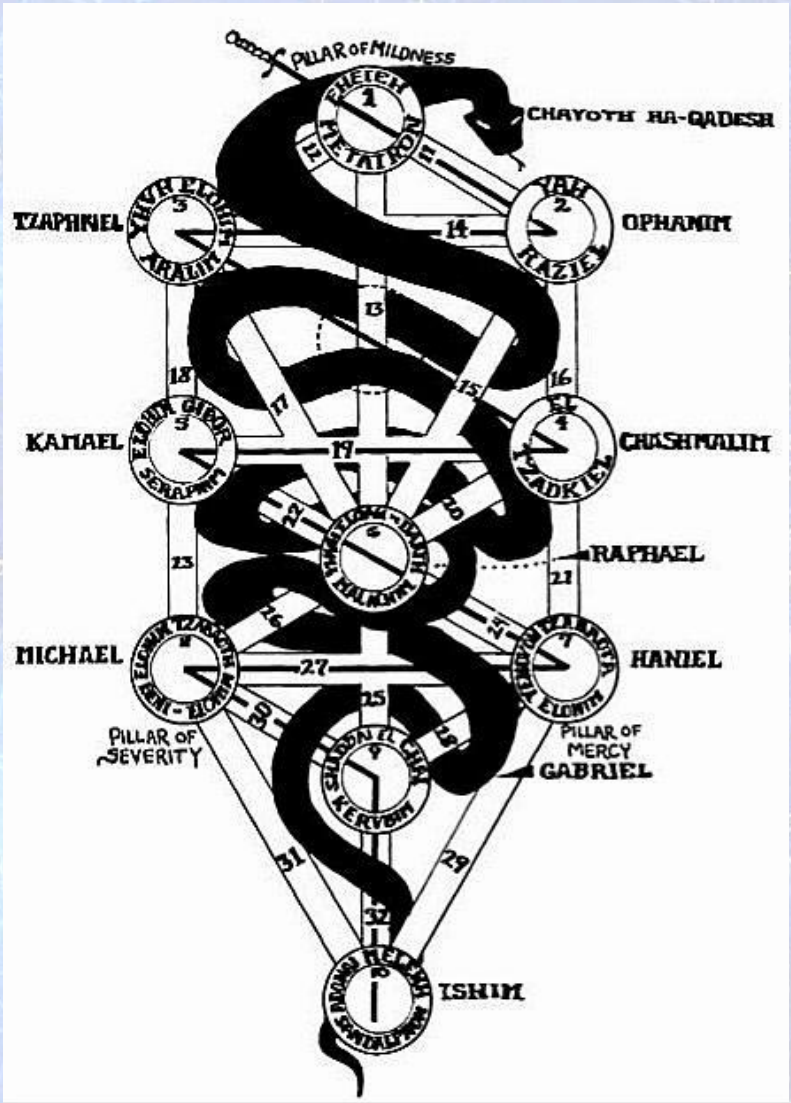
Тау-крест выступает и в качестве креста-распятия. Большинство исследователей полагает, что именно на таком кресте был распят Иисус Христос, в связи с тем, что тау-крест применялся для пытки и умерщвления в южных и восточных частях Римской империи. На этом прямо указывает так называемое «Послание Варнавы» (начало II века), а позже Тертуллиан.



Но особенно надо упомянуть о Тау со змеёй как символе тайный иудейских мистерий, и этот символ известен как Нехуштан.

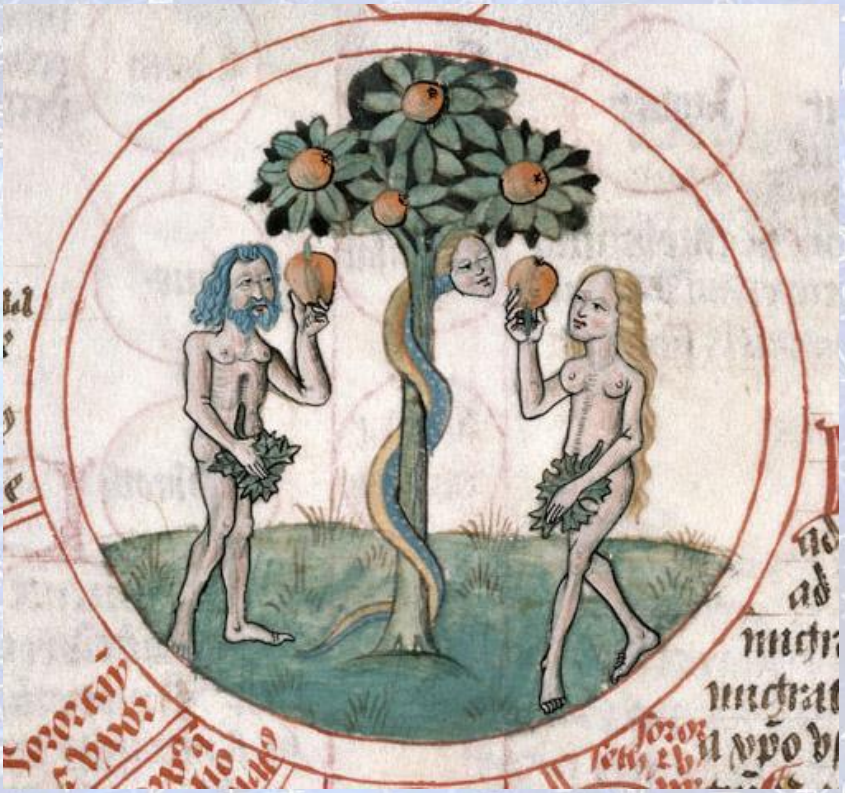
Нехуштан - медный змей (др.-евр. נחושתן или נחש הנחושת) - согласно Библии, штандарт, изготовленный Моисеем в виде медного змея, закреплённого на шесте в виде тау-креста, во время перехода евреев из Египта в Ханаан. После многих лет странствий по пустыне иудейский народ, ведомый из Египта пророком Моисеем, стал терять веру и роптать. В результате при пересечении страны эдомитов последовало Божье наказание из змеев «огненных» (др.-евр. שרפים; «сараф»; мн. ч. серафимы; Чис. 21:6), от которых погибло много народа. Моисей изготовил тогда медного змея и закрепил его на шесте тау-креста (Чис. 21:9). Всякий ужаленный змеёй, взглянув на медного змея, оставался живым (Чис. 21:4 - 9). Здесь важно упоминание, что это происходит в «стране эдомлян», а

каббалистически Эдом означает антивселенную Другой Стороны, подобно как и «земля Нод» в мифе о Каине, является клиппотической областью Ситра Ахра. То есть в обоих случаях это мистерия и знак Другой Стороны - Тау Печать Каина и Нехуштан. Это был змеиный культ Нахаша - Примордиального Змея Эдема даровавший людям Гнозис просвещения. Нехуштан обладал магической чудодейственной силой. В другой книге Библии упоминается, что Нехуштан впоследствии стал для евреев кумиром, идолом для поклонения как оппозиция культу Яхве, и поэтому был уничтожен царём Езекией как святыня языческого культа. Царь назвал его «медным» (др.-евр. נחשתן), не божественным (4Цар. 18:4). «Из этой меди» - Зон де-Нога, медное подножие. Это Клипа Нога - «Сияющая» или как медь. Клиппа Нога является как бы границей между совершенно нечистыми клиппот и абсолютной святостью. Клиппу Нога также называют Древом Добра и Зла. Сам Крест-Тау и есть Древо Познания Добра и Зла, а Змей на нем - Нахаш Эль Ахер, Змей Иной Бог, образ Самаэля и отец Каина к которому он воззвал и получил эту Печать инициации в мистерии Другой Стороны.
Тау или на иврите Тав - конечная буква еврейского алфавита. Первоначально буква изображалась также в виде тау-креста, и обозначает «мир», «вселенную», а это в свою очередь, и символизирует собой как раз всё Мировое Древо, ибо оно описывает вселенную на всех уровнях, но также ещё буква имела значение - «метка», что снова приводит к метке Каина. Если написать букву Тав, целиком произношения תו, то получим сумму 406 = 4 + 6 = 10 - это десять Сфирот Древа. Весь символ Нехуштана - это каббалистическое Древо Сефирот и Клиппот и поднимающийся по нему Змей Нахаш, образ Противника Сатаны.



В Новом Завете Иисус Христос сравнивает вознесение Сына Человеческого с вознесением медного змея Нехуштана:
«Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах. И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». (Ин. 3. 13-15)
В гностическом течении офитов (змеепоклонников), поклонялись Змею Нахашу и отождествляли его с Христом, которого также называли Змеем. Нахаш и Христос оба в их представлениях были Спасителями человечества, дарующие Гнозис освобождения и уподобления богам. Это подтверждается и каббалистической

выкладкой, где слово Нахаш נחש (Змей) и Мешиах משיח (Мессия), имеют одно числовом значение - 358.
Подобно как Змей Нахаш на Мировом Древе, так он изображён на Нехуштане, где Тау-Крест символизирует это Древо, так и Христос распят на кресте, а кресты для римского распятия имели именно форму тау-креста. Распятый Христос - это эдемский Змей на Древе. Поэтому, тайным знаком самых ранних христиан был Тау-Крест со Змеем.



Таким образом Христос был распят на Чёрном Древе Смерти - Эц ха-Меет, и поэтому крест это символ мучений и смерти, и это же Древо Познания - Эц ха-Даат Тов ва Ра, а его запретный плод Даат (Знание / Гнозис), не только сделало человека «как боги», но и стало источником страданий и смерти. Ибо, «кто умножает познания, умножает скорбь свою»
(Еккл. 1.18).

Но также Каин воздвиг на месте убийства Авеля Чёрный Крест, под которым на холме Гулгаты был зарыт череп Авеля, так и христианское предание говорит, что крест распятия был на Голгофе и там покоился череп Адама. Христос - «новый человек», в этом смысле убийца «ветхого человека» - Адама, как Каин убийца Авеля, а его распятие на тау-кресте, идентично нанесению инициатической метки тау-креста на лоб Каина. Как Христос страдает на кресте, так Каин страдает в изгнание по «дороге шипов», «терновом пути». Не случайно в каинической традиции и христианстве, присутствуют одновременно терновник - мученический венец обоих.

Во многих инициатических ритуалах древности было не только наложение метки тау на чело, но и символическое распятие. Тау, дает египетский крест, древних фараонов, когда от жрецов проводивших инициацию «Посвящённых Царей», это именно означало «привязывание к кресту». В древне-ведических мистериях, говорилось о распинающем «солнечного Посвящённого» на крестообразном станке. Привязывание человека к кресту, употреблялось в этой форме у индусов, как символ, и соединялось с представлением о новом рождении человека через духовное, не физическое, возрождение. Кандидат на Посвящение привязывался к Тау кресту.

Эти параллели в истории Каина и Христа, убийство «ветхого человека» и его череп в холме, мученический терновый путь, наложение метки тау и распятие на тау-кресте, Чёрный Крест Страдания Древа Смерти, уже открывают намёки на некоторые самые сокровенные и парадоксальные тайны высокого посвящения антикосмического гностического сатанизма, где выявляется клиппотическая природа Змея-Христа-Мессии и его змеино-каиническая родословная…

Тау-крест был тем знаком, который Господь велел народу Иерусалима начертать у себя на лбу, как об этом вещал пророк Иезекииль. Этот знак был символом освобождения для тех, кто был обвинен, но потом оправдан. Талмуд ещё объясняет, что когда Всевышний вынес приговор Иерусалиму, Он приказал ангелу Габриэлю начертать на лбах его жителей знак, чтобы различить между достойными жизни и обреченными на смерть. На их лбах была начертана буква «тав» - у достойных жизни чернилами, а у обреченных на смерть – кровью. А почему «тав»? Потому что и слово **תחיה** – живи и слово **תמות** – умри, начинаются с буквы «тав» (тр. Шабат 55:1).

Это означает опять Тав как Древо Добра и Зла, где **תחיה** (живи) - добро и Сефирот, а **תמות** (умри) - зло и Клиппот. Этот плод познания добра и зла, жизни и смерти и приносит Змей, отец Каина.

Ещё надо упомянуть о том, что сам по себе символ тау-креста восходит к наидревнейшим временам человечества и представляет собой не что иное, как символическое изображение палочек для

добывания огня, первого божества людей и символа тепла и жизни как таковой, что приводит нас к легенде о титане Прометее даровавшем человечеству огонь, который ассоциируется с Люцифером, несущим свет просвещения. Таким образом, накладывание на лоб Тау-креста, было символическим актом пробуждения внутреннего чёрного огня и просвещения (тау-крест, потому на челе) люциферианским светом.

Самаэль есть сам персонификация и владыка адского Чёрного Огня, а Каин его сын, несущий этот огонь в себе. Знак пробуждает его возгореться и приобрести Гнозис Другой Стороны. Потомок Каина, первый кузнец Тубал-Каин и воплощение Азазэля, по преданию имел молот в виде Тау-креста. В одной из каббалистических масонских легенд, легендарный основатель масонство Хирам Абиф получил от своего предка Тубал Каина молот в форме Тау, что означало Каиническую инициацию Змея. После посвящения и наложения метки, инициант говорил: «Я - маг, Я - змей». Змей, что ползёт извиваясь, по извилистому офидическому пути Каина в землю Нод.

В оккультных работах, эта инициатическая тау присутствует зачастую скрытым образом, неизвестным самому ритуалисту. Например, ритуальная мантия по форме напоминает Тау и одевая её, как бы накладывается метка. Или в хорошо известном ритуале «Каббалистического Креста», ритуалист сперва прикасается к своему лбу в районе «третьего глаза» - место «Печати Каина», и произносит на иврите первое слово: «Атэ» - «Твоё». Это «Атэ» (אתה) - «Твоё» или «Ты», в численном эквиваленте слова имеет сумму 406, что и сама буква Тау в полном звуковом написании - תו. То есть этим жестом накладывается на лоб «Печать Каина» - Тау.

«Печать Каина» пылает невидимо в ауре тёмного адепта, являясь его тавром принадлежности легионам Другой Стороны и детям ночи,

она его ключ и пропуск к областям Другой Стороны и союза с демоническими силами; она его индификатор, выделяющий из прочего человечества, гилических потомков Адама как пневматическую расу несущих чёрный огонь; она знак покровительства во всех мирах от самого владыки Другой Стороны Самаэля и его аватары носителя Нахаша, и этим каждый адепт, есть сын / дочь Нахаша, подобно Каину Бен Семаэлю; она Знак Тёмного Посвящения Ситра Ахра…
Нанесение метки в тонкие тела достигается преданностью Пути, воззваниями и союзом с силами Другой Стороны, оккультной работой, но прежде всего - «убийством Авеля», убийством в самом себе сугубо давлеющего материалистического начала, животно-скотского (Авель скотовод), убийством собственного эго, формируемого этим низшим началом, убийством «ветхого человека» и похоронами его останков / костей - иллюзий и ложных желаний. Этим обретается огненная пневма Чёрного Огня и нарекается Огненнорождённым. «Метка Каина» символически располагается в районе «третьего глаза», означая люциферианскую иллюминацию Гнозисом Даат, открывая истинное видение Огненного Ока Абаддона.

Миф Каина имеет много пластов эзотерической интерпретации, все глубже раскрывая сакральные тайны. Как и сама «Печать Каина», здесь говорится лишь об одной, а например, в Liber Falxifer ll, открываются другие, более тайные и представлена более развёрнутая версия метки, с другими значениями.
В Каинической традиции говорится о Авеле как о животной природе человека гилика и его пневматическом уничтожении Каином - и это первое эзотерическое толкование мифа. Но как видим из изложенного, есть и другие, и тут история Каина нам предстаёт завуалированной под символами мистерий инициацией на терновый и извилистый Левый Путь Змея, посвящения Ситра

Ахра, обретения внутреннего Чёрного Огня Самаэля и просвещения Люцифера, чтобы стать «бен» - сыном Самаэля, подобно Мастеру Каину. Есть и более глубокие и тайные интерпретации каинического мифа

Армилус - Тёмный Машиах.

Армилус (ארמילוס) – фигура талмудической эсхатологии. Он тождественен Машиаху из колена Иосифа (и Эфраимова), то есть страдающему Машиаху, который создаст в эпоху «избавления» (геула) «великую Империю». Он выступает как чёрный двойник Машиаха, аналог христианского Антихриста и исламского Даджала. Здесь он выступает как сын Сатаны, создающий гигантскую анти-еврейскую мировую Империю. В трактате «Книга Зарубабеля» ему противостоит мать настоящего Машиаха из колена Давидова Хевцива, а также второй Машиах (в данной версии – положительный герой), бьющийся против Армилуса и погибающий в этой войне.

Рождение Армилус, описывают так, из книги Г. Шварца «Древо душ: мифология иудаизма»:
«В Риме есть мраморная статуя прекрасной женщины, изваяние нерукотворное. Иные говорят, что статуя эта обрела бытие в один из шести дней Творения. Рассказывают также, что Сатана вожделеет её и что однажды Он явится на землю, придёт в Рим и познает её. И камень понесёт дитя. Через девять месяцев статуя расколется и восстанет сын из праха её мужем двуглавым двенадцати локтей в вышину, с глазами широко расставленными, косыми и кровью налитыми, с власами рыжими, стопами зелёными, с руками шестипалыми. Так рождён будет Армилус-искуситель».
Этот гротескный миф посвящён рождению Армилуса, который играет роль Анти-Машиаха в еврейской мессианской мифологии. Этимологию имени «Армилус» обычно возводят к искажённому «Ромулус»,который символизирует Рим, а также христианство. Исходя из этого можно предположить, что христианство показано в этом мифе монструозным отпрыском иудаизма.
Обольстительная статуя, с которой, как гласит пророчество, должен совокупиться Сатана, по некоторым источникам была создана в один из шести дней Творения. Это придаёт мифу новое измерение,

указывая на то, что скульптором был сам Бог, а Сатане этот факт определённо известен. Человек тоже в некотором смысле «статуя», Адам как помнится был создан из глины и мыслится как некий голем - «куча», «груда», «болван», т. е. скульптура из массы, отсюда же этимология слова «гильгулем» - круговращения душ в мистическом иудаизме, цикл реинкарнаций, смертей и воплощений душ в глине, т. е. материи. Таким образом, Сатана вожделеет все человечество, а овладевание им статуей - это дух зла и хаоса в самом человечестве, что овладеет всем им.

Овладение статуей с этой точки зрения - не столько проявление похоти, сколько акт враждебности по отношению к Богу. Плод этого акта - фактический Анти-Машиах, Армилус. В источниках говорится, что он завоюет Израиль и будет властвовать, пока его не сокрушит Машиах.

Эту историю, также можно трактовать как и аллегорию поклонения идолам, которые – сколь бы ни были они соблазнительны – сделаны из камня. В некоторых вариациях этого мифа со статуей блудодействует Сатана, тогда как в других говорится, что её любовниками станут «сыны Белиала», “Сыны Тьмы» (библейское выражение, применяемое к беззаконным людям), которым также удастся её оплодотворить.

В обоих случаях на свет появляется безобразный сын, взрослый, с двумя головами. Двухголовым описывается в «Зогаре» и потомство Каина, раса каинитов, что обитает во внутренней адской земле Арка. Здесь мы снова пересекаемся с темой Каина как сына Сатаны, подобно Армилусу. Двухглавость скорее аллегория их мощи, способности действовать как на физическом, так и духовном уровне, а также и низшее отражение Таумиэль или Тамиэль - самой инфернальной из Клипп, которая означает «боги близнецы» и «двухглавый».

Это мистическое происхождение Армилуса объясняет его сверхъестественную злую силу, особенно в том варианте, в котором его отцом становится Сатана.

Здесь мы имеем с точки зрения иудаики странное пророчество. Иудеи как известно не признали и не признают Иисуса Христа Машиахом, а называют лже-Машиахом, чёрной инверсией ожидаемого иудейского Машиаха. Не случайно потому, они обвиняли Иисуса в чёрной магии, что он творит чудеса силой

Вельзевула князя бесовского, в точности как будущий Армилус. Более того, метафизическим покровителем христианского мира (одновременно, и анти-иудейского, претендующего на иудейское сакральное наследие), чьим духовным центром является Рим, с точки зрения ортодоксальной каббалы, является сам Самаэль, то есть Сатана. А как известно из откровение старца Филофея: «два Рима пали, третий стоит (Москва), а четвёртому не бывать». Теория «Москва - Третий Рим» послужила смысловой основой мессианских представлений о роли и значении России. И таким образом, Иисус оказывается духовным сыном Самаэля. Страсти Христовы и его нисхождение во ад, коррелируют с обозначением «страдающий Машиах».

Отсюда получается, что Армилус и есть второе пришествие Христа, который придёт как Антихрист.

Всё это в свою очередь параллельно гностическому пониманию офитов, Христа как Змея Эдема, отождествляемого с Сатаной. Мандеи также называют Христа Архи-Дэвой герольдом всех сил мрака и магом творцом тёмных чудес.

Здесь мы можем говорить, что Антихрист, это Христос Левой Стороны, Машиах демонической Ситра Ахра (гойской согласно иудаизму).

Но согласно другим апокрифическим и каббалистическим текстам, сын Сатаны/Самаэля/Змея, является Каин, первый колдун.

Так мы получаем формулу, воплощений дьявольского сыновства:

Каин – Иисус – Армилус

Метафизически это может быть одна сущность в трех воплощениях - аватарах в различные эоны, для различных откровений.

Эрев Рав – Толпы.

В иудейском мистицизме есть гениальный по актуальности для современности термин «Эрев Рав» - дословно «великое смешение» или «толпы». Его чаще рассматривают в мистическо-каббалистическом ключе, как пять рас, четыре из которых допотопных и собственно пятое - историческое человечество. Но более интересно рассмотреть это в социально-политическом контексте.

Позднее у еврейских мистиков оформляется идея, согласно которой, наряду со злом, исходящим извне по отношению к еврейскому народу, есть большее зло, исходящее изнутри его самого. И именно это зло - «эрев рав» - становится у некоторых комментаторов самым главным. То есть внутри еврейского народа существует это «эрев рав». Так кто же они? Тания (7 элула, Святое послание
Глава 11), говорит:
«А тот, кто озабочен только собственным благополучием, показывает тем самым, что является, инородным телом в Израиле [«эрев рав»], преследующих в жизни лишь корыстные интересы. У них отсутствует способность полного отказа от себя в пользу ближнего или Всевышнего, все их действия в конечном счете вызваны личной заинтересованностью или любовью только к себе».
В своих комментариях к «Зогару» Виленский Гаон приводит следующее толкование: «Эрев Рав более проблематичны для Израиля и Шехины, они как закваска в тесте - ибо все скупые из их числа… Закваска в тесте – это Эрев Рав, которые хуже всех народов мира (гоев), поскольку они останавливают Израиль на пути исполнения заповедей».
То есть это евреи, которые лишь считаются евреями этнически, но они вовсе не евреи в духовном смысле, а худшие враги.

Так, по словам равви Гилеля, передающего идеи своего учителя Виленского Гаона, говорит, что все евреи, вступающие в Модерн, и являются собственно «народами великого смешения». И выделяет их характеристики:
1. они верят в науку без Бога.
2. они ставят перед собой гигантские цели и задачи - колонизацию, индустриализацию, урбанизацию.
3. они провозглашают нравственную свободу и либертинаж (разврат).
4. они исповедуют индивидуализм.
5. и, наконец, они смеются над верой.

Таким образом, когда русские патриоты, националисты пытаются объяснить либерализм того или иного персонажа его этническими еврейскими корнями, то с точки зрения собственно мистиков Израиля, они не только не являются евреями, но эсхатологическими врагами, как добавляет гаон: «Эрев Рав - наш величайший враг, который отделяет друг от друга двух Мешиахов. Клиппа Эрев Рав действует через обман и обходные пути, лесть. Поэтому война с Эрев Рав самая трудная и горше всех остальных. Всякий, кто не участвует в войне против великого смешения, становится частью его Клиппы. Кем он ни был, лучше бы ему не родиться».

Но позвольте, когда, например злобно говорят - «да эта жид...ка, и всё с ней ясно поэтому». Объясняется национальной принадлежностью. А, что спрашивается в ней/них еврейского: Израиль для них Святая земля, они чтут традицию, выполняют все религиозные законы (мицвот), помогают своим бедным и т. д. Нет, ровным счётом ничего, они не знают и презирают традицию, историю и религию собственного народа, даже языка не знают, а все поглощено лишь удовлетворением собственного жалкого Эго.

Они Эрев Рав - толпа, смешение! Хотя этнически это может быть даже чистый еврей.

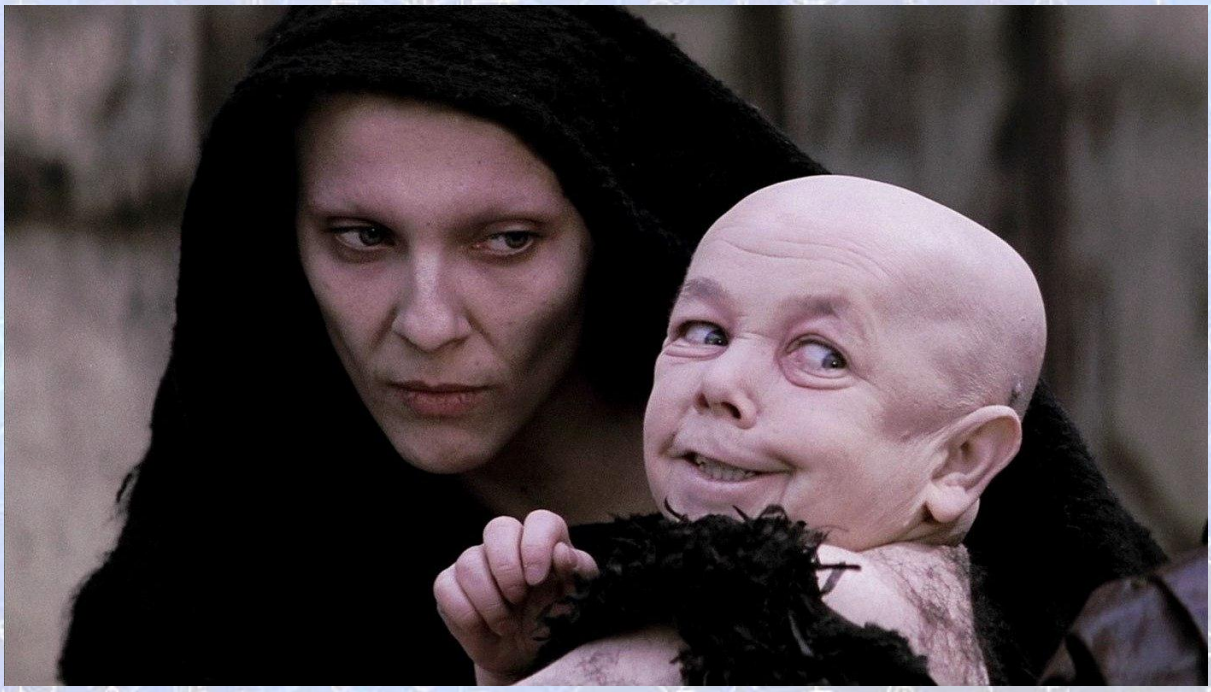
Все это я подробно пишу, лишь только потому, что это не менее, а даже более актуально и для любого другого народа, и прежде всего русского, где уже многие русские - которые не русские, презирают все русское (а некоторые открыто провозглашают уже себя пострусскими), немцы - которые не немцы, французы - не французы (общеевропецы), американцы - ненавидящие Америку, и т. д. - все это Эрев Рав - «Великое Смешение». Атомарные толпы ничем не связанных с друг другом объектов, а не народы. Уже большая часть стран запада - Эрев Рав, также как космополитичные толпы Эрев Рав существуют в России и прежде всего элита. И все вместе, вне зависимости от этнической принадлежности, еврей, русский, немец или американец - есть Эрев Рав - обезличенная Толпа либерального миропорядка. «Люди мира» - толпа Эрев Рав. Нет больше народов, есть Эрев Рав - «Великое Смешение».

Конечно, гностик сатанист не может быть частью серой массы, толпы, слиться в этом великом смешении, он должен сохранять при любых обстоятельствах субъектность. Но в отличие от традиционалистов и авраамического религиозного сознания, которые видят в этом только негатив и ужас, он увидит в этом особый провиденческий момент для наступления «Тёмной Эры».

Эрев Рав - Клиппа Армилуса, то есть Антихриста Царя Мира. Так, по данной идентификации Другая Сторона (Ситра Ахра), «ад», «тьма» расположена не просто вокруг мира и народов, но внутри, в них самих, как их чёрный двойник. Он включает в себя колдовство, титанизм, грех (разврат), дерзость и прямую ненависть (Амалек) к самим себе, к собственной самоидентификации, исходящий из самих народов. Поэтому все, вступающие в Эрев Рав,

присоединяются к тёмной стороне самих себя, то есть на обратную сторону национальной идентичности.
Антихрист-Зверь взошедший на престол мира будет пасти обезличенные лишённые идентификации самих себя толпы Эрев Рав, и только сохранившие субъектность вне толпы смешения, станут Его чёрной свитой святых Сатаны.

Машиах Ситра Ахра.

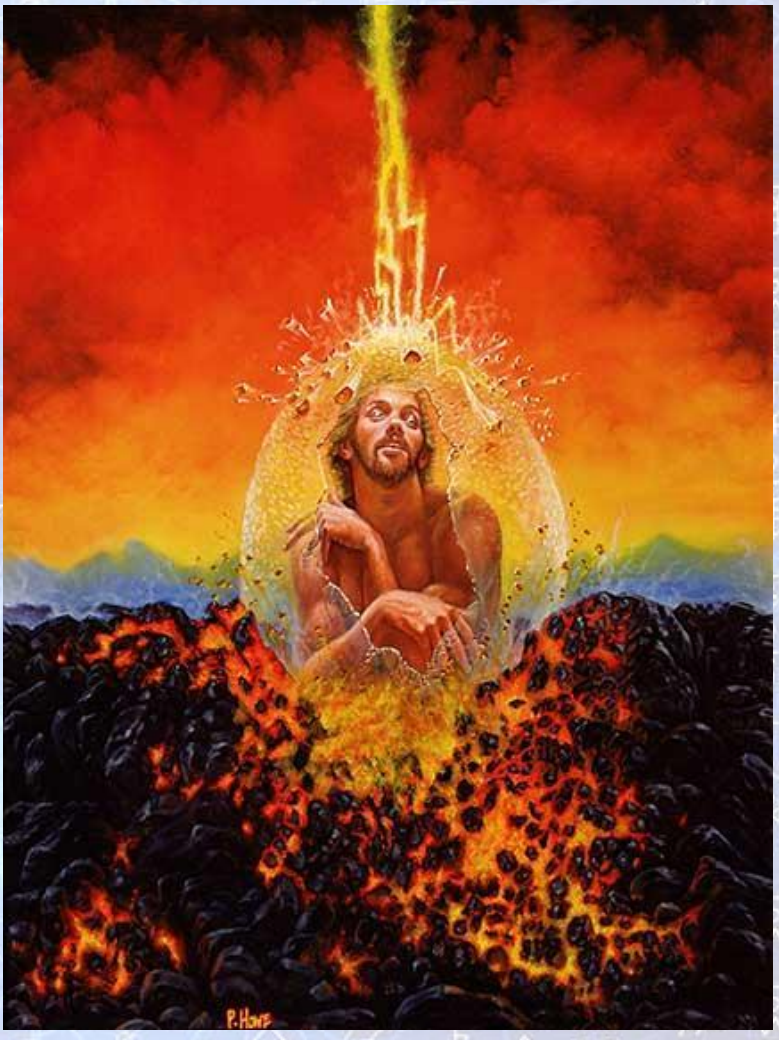


Саббатианство — еретическое направление иудаизма, возникшее 31 мая 1665 года после того как в Газе Саббатай Цви публично провозгласил себя Мессией и направился в сопровождении своих приверженцев в Константинополь, выполнять свою миссию. Саббатианство опирается на лурианскую каббалу в интерпретации Натана из Газы. Целью существования человеческих душ является исправление мира (тиккун)

Пророк Натан из Газы (последователь лже-Мессии Саббатая Цви) в своём «Трактате о Драконах» пишет, что корни Мессии (Машиаха) — в сфере высочайшего света. Но Айн Соф (Бесконечный Свет)

проецирует эти корни в мир Змей – инфенальную Ситра Ахра (Другую Сторону) в силу того, что лишь Мессия способен не только и не сколько победить Змей (темные боги, демоны), но переместить их в обитель святости. По этому вопросу можно найти противоречивые утверждения в «Трактате о Драконах». Наряду с такими утверждениями, можно найти утверждения такого порядка, что душа Мессии в действительности сама произошла из мира Змей, а не просто была «спроецирована» туда. Покойный проф. Виршубский заметил, что душа Мессии в «Трактате о Драконах», была порождена из того же Техиру, что позднее произвело Змея. Таким образом, дух Мессии с самого начала обитает среди Змей Клиппот, скованный на самом дне инфернального мира Другой Стороны, так Мессия сам является центральным обитателем Другой Стороны. Роль Мессии заключается в спуске в самую глубину Клиппот (зла, ада) для исправления упавших душ, без чего исправление мира невозможно. Образ Мессии подобен «Святому Змею» или «крокодилу», лежащему в тине на дне, чтобы в нужный момент подняться и освободить падшие души.

Дух Мессии весь обвит Змеями Ситра Ахра. Царь Драконов или Змей (Иной Бог, Самаэль/Сатана), временами одолевает Мессию, мучая его. Но в конце Мессия освободится от скорлупы Клиппот. Он поднимется в земной мир с целью искупления. Мессия сам является Святым Змеем (вспомните медного Змея Нехуштана, воздвигнутого Моисеем в пустыне, чтобы спасти израильтян от ядовитых змей), или Святым Драконом (драконы - тёмные боги, правители Клиппот), настоящим погубителем Царём-Фараоном (гематрия слова "нахаш" - "змей" равна гематрии слова "машиах", "Мессия"). И, как известно, существовали гностические секты (2-3 вв.) офитов и наасенов (два слова произведены от греческого и арамейского обозначений "змей"), которые называли Христа (т. е., Мессию) Святым Змеем, который открыл духовным душам (пневматикам) тайны Древа Жизни.



Я не верю в какое-либо возможное влияние гностических идей на мысль Натана из Газы, но параллели - более чем поразительны (вероятно, мы встречаемся здесь с архетипической парадигмой в юнговском смысле).

Пребывание на дне ада во внешней тьме, в тёмных глубинах Ситра Ахра, делает Дух Мессии парадоксальным для человеческого двойственного восприятия или беззаконным и безумным с профанной точки зрения, поэтому его искупление, воспримется человечеством как разрушение, хаос и зло, что приведёт силы зла Другой Стороны в наш мир для кары этого мира, что сближает этот образ тёмного клиппотического Мессии с Антихристом в уже христианской эсхатологии.

Амунэль Христос.

Совершенно уже открыто однозначный взгляд на Христа, как предводителя демонических сил, Сына Сил Тьмы и Посланца Хаоса в наш мир, Лжемессию и величайшего тёмного чудотворца, мы находим в писаниях гностического течения мандеев или саббиев («крутящиеся»), практикующих магию. Они называют Христа также именами Амунэль и Нбу, называя его Архи-Дэвом Меркурия. В их главной книге «Сидра Рабба» или «Гинза», говорится следующее:

Мрак изначален - это великое бескрайние тёмное море, клокочущая пучина, гибельные, всепожирающие воды - место космогонических сил зла и испепеляющий огонь. Мир Тьмы управляется Владыкой Тьмы (Мара д'Хсука), он возник из темных вод, представляющих собой Хаос. Главные ещё силы тьмы - чудовищный монстр Ур и злое женское начало - Руха. Так во мраке церствует Ур и его

паредра Руха. Их потомство - Дэвы, им также принадлежат Семеро (саба) - планеты,и Двенадцатеро - Знаки Зодиака; они сыновья Ур и Рухи. В один из наиболее важных моментов на Землю является Христос, посланник сил Мрака. Этот Христос (как Esu Msiha) называется одним из семи планетарных злых богов, или Дэвов. Он откликает Планеты, формирует из них свою партию и все они начинают сражаться на его стороне - это Семь Архи-Девов, злых, лжецов.

Когда Нбу Христос выходит из среды падших ангелов, его мать Руха д'Кушта, тёмная богиня, начинает его призывать. В точке пересечения Небес и Земли, на горе Табдана, падшие ангелы собираются вокруг Иисуса-Нбу-Амунэля. Они благословляют его маслом из рога и облачают в живой огонь (высшие энергии). Так происходит Шабаш всех сил зла и хаоса на горе Табдана. После

того, как все Архи-Дэвы уже собрались, представители каждой из семи партий идут на поклонение Ну-Христу. Дэвы, имя которых - Эстра (Астарта?) приходят к Христу и бросают в сердца людей распутство, измену, песню, танец и прочность. Эти дэвы - великие колдуны. «Они любят грязь, кровь и менструальные истечения, любят кощунство. В огне им является тот Христос и призывает к себе своих почитателей». Таким же образом к Лже-Христу приходят Дэвы из других шести домов: все их легионы Христос направляет на Землю, чтобы они совершали нечестия, вводили людей во всевозможные соблазн, пороки и губили их. Полчища дэвов направляются на Землю с твердым сознанием своей миссии. Но прежде - напутственное слово от верховного Дэва Нбу-Амунэля-Христа. Стоя на огненной колеснице, Христос-Амунэль совершает свои чудеса. Автор главной книги мандеев, «Гинзы» предупреждает, что огонь есть жилище Христа, а огненная колесница - его постоянное средство передвижения. «Гинза» в отношении Христа подчеркивает две вещи: что Христос величайший чудотворец, обладатель самой сильной магии, но что все его чудеса ложны. Чаще всего он является в огне - в ярком облаке некой энергии, образующей вокруг него поразительное сияние. «При идите, воидите ко мне в огонь, в нем не сгорая - говорит он. И верьте мне». В этом отличие мандейского Христа от «истинного Мессии» мандеев по имени Анош-Утра: последний в огне никогда не является. После получения этой инициации Христос является своим апостола. Автор «Гинзы» комментирует: «Не верьте ему. Если он будет вас притеснять и иных из вас погубит, то и тогда не бойтесь его. Если он погубит, то он погубит лишь ваше тело, но не душу». Продолжая творить ложные чудеса, Нбу-Амунэль вырывает деревья с корнем, летает между небом и землёй, подкидывает до небес своих учеников, и делает ещё многое другое. Целью всего этого магизма является убеждение учеников в том, что именно он есть Господь. Совершая очередное чудо, Христос подлетает к

ученикам с восклицанием: «Смотрите, я иду к вам с высот. Я - ваш Господь!» Затем он приказывает Солнцу: «Спрячь своё сияние». и когда оно угасает, говорит: «Смотрите, ибо я - Господь!» В конечном итоге он провозглашает себя «истинным Богом». В определенный момент, Нбу-Амунэль-Христос приходит к Иоанну Крестителю (Яхья - это Иоанн в мандейских книгах, Сын Света и великий учитель), и между ними возникает примечательный спор: «И сказал Яхья ему: Собиратель не станет ученым и слепой не напишет письмо. Пустой дом не поднимется ввысь и вдова не станет девой. Зловонная вода не станет вкусной, а камень не станет мягким как масло». Ответ Христа - всё то же самое, только наоборот. Собиратель станет, слепой напишет, дом поднимется и т.д. Таким образом Христос утверждает принцип Хаоса и Магию Хаоса. Создатели многих опасных культов во все века демонстрировали чудеса. Отвлекая людей от духовного пути, сбивали их на путь сил и энергий, и мандейского «Христа-Лжемессию, Нбу-Амунэля, брата дэвов Хамеша, Эстры и Кевана» - и мандейские писания предостерегают от этого.

Таким образом, сам Христос, описывается у мандеев как Антихрист и Сын Погибели, посланный Силами Хаоса и Тьмы.

Любите врагов ваших.

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благоволите ненавидящих вас, и молитесь за обижающих вас» (Мф. 5. 44).

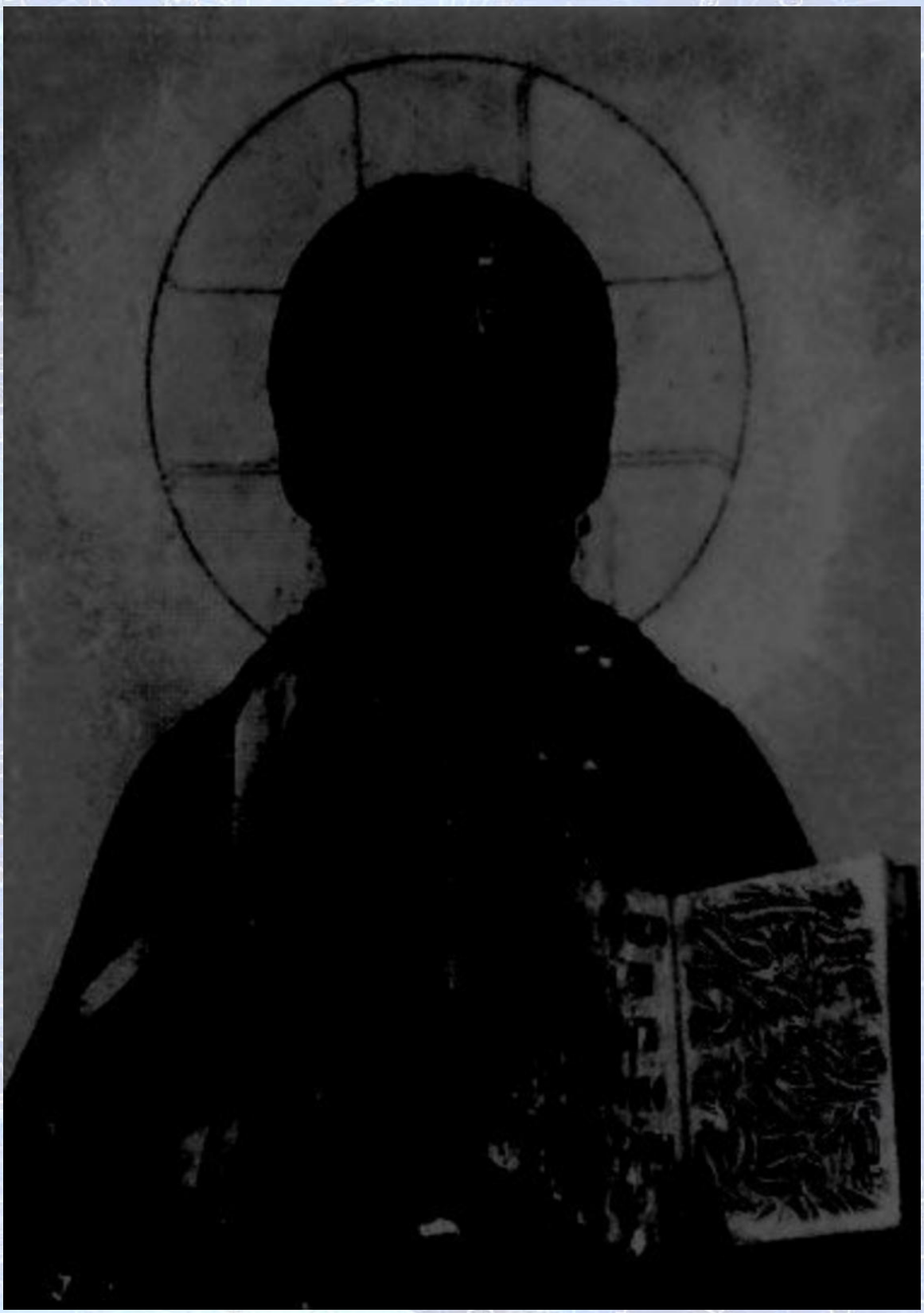
Эти слова Иисуса Христа часто приводятся неоязычниками, сатанистами, и прочими в их антихристианской риторике, как наиболее яркое выражение демострирующие рабскую сущность учения Христа. Но такое могло прийти в ум, только современному секулярному и постмодернисткому сознанию, чуждому Традиции как таковой. Действительно, если никакого духовного начала нет (чтобы под этим не понималось), то эти слова становятся по меньшей мере совершенно бессмысленны. Но с точки зрения традиционного мышления, всё обстоит с точностью наоборот. Религиозные учителя Иудеи времён Христа и Синедрион, считали эти слова наиболее возмутительными в проповеди Иисуса, просто дьявольскими, потому что... потому что они слишком жестоки и бесчеловечны! Ибо они лишают врага или преступника даже шанса на искупление и обрекают его на адские муки. Ведь сакральный смысл любого воздаяния, отмщения здесь на земле, от кровной мести родо-племенных отношений до наказания по закону в уже сложившихся государствах, не только в самой каре, но прежде всего в том, чтобы враг и злодей понёс наказание в земной жизни и тем искупил свою вину уже на земле перед Божественным, и тем не подвергся наказанию более страшному и вечному. Таким образом, справедливое наказание, казнь, отмщение, в традиционном сознании - акт милосердия! И такое понимание отмщения, казни, присуще было не только древним евреям. Вспомним замечательный сериал «Викинги», где показана самая жестокая казнь эпохи викингов - «кровавый орёл» и слова Рагнара Лотброка: «это особая казнь для тех, кто особо прогневал богов». А перед самой казнью,

он говорит обречённому ярлу Боргу, что если он вытерпит до конца и не закричит, то тогда войдёт в Вальхаллу. То есть эта жуткая казнь, в мировоззрении викинга, есть также искупление перед богами от ещё более худшей участи после смерти, мук Хелль. Призыв же «доброго» Иисуса лишает этого милосердия, лишает даже права на искупление, обрекая лишь на воздаяние самого Ада. В некотором роде это, высшая и наиболее изощрённая и злая форма Чёрной Магии. Именно так это и поднималось в Ветхом Завете, где прямо сказано:

«Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою: ибо, делая сие, ты собираешь горящие угли на голову его» (Прич. 25. 21-22). Практически то же самое, что в словах Христа, только вот о метафизических последствиях такой «любви» к врагам, об адских углях, уже в проповеди Христа опускается, что и вызвало возмущение религиозных учителей Иудеи.

Так, что любите врагов ваших…

Тёмный Катехон.



В гностической интерпретации офитов, Змей «Книги Бытия» на Древе Познания в Эдеме, дарующий запретный плод Гнозиса первым людям, этот воплощенный образ Сатаны, и Христос вочеловечившийся Бог распятый на Кресте - Древе Смерти, своим актом мученичества и смерти освобождающий от первородного греха человечество - тождественны.

Даже в самом «Новом Завете» Христос сравнивает вознесение Сына Человеческого с вознесением медного змея Нехуштана:
«Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах. И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». (Ин. 3. 13-15)

Гностики офиты (змеепоклонники), поклонялись Змею Нахашу и отождествляли его с Христом, которого также называли Змеем. Змей Бытия Нахаш и Мессия Христос, оба в их представлениях были Спасителями человечества, дарующие Гнозис освобождения и уподобления богам. Это странно подтверждается и каббалистической гематрией, где слово Нахаш נחש (Змей) и Мешиах משיח (Мессия), имеют одно числовом значение - 358. Подобно как Змей Нахаш на Древе, также он изображается на Нехуштане, где Тау-Крест символизирует это Древо, так и Христос распят на Кресте из дерева.

Конечно это было признано опасной и злой ересью, ибо утверждало тождественность сатанинского начала и Мессии. Однако каббалистическое учение, описывает приход Мешиаха, как самого отверженного и безумного человека, и в итоге, Царя Ужаса. Весь мир будет ужасаться его деяниям и поразиться его учению. Его воспримут как худшего из мятежников, ниспровергателей, и

тиранов одновременно за всю историю. Его тёмные чудеса поразят мир. И мир воспримет его чудовищем и зверем. И лишь кучка избранных его последователей (т. е. собственно «сыны учения» - каббалисты) будет знать о его истинной божественной природе.

Неудивительно, что христианская традиция в свою очередь восприняла этого иудейского каббалистического Машиаха как своего Антихриста, сына Сатаны, чьё рождение ожидается от колена Данова. Знамя колена Дана было цвета сапфира, и на нем - изображение змеи (Бемидбар раба 2:7). По геральдике колен Израилевых, символом колена Данова считается змей, в связи со стихом:
«Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути» Быт. (49. 17).

Как пишет Сщмч. Ипполит Римский: «От колена Дана родится антихрист. А что это так, Иаков говорит: да будет Дан змеем, сидящим на дороге, жалящим пяту коня. Какой же это змей, как не антихрист, обольститель, о котором говорится в книге Бытия, который обольстил Еву и запнул Адама. Или то же говорит Свт. Амвросий Медиоланский: «Подразумевает пророчество антихриста, который будет из колена Дана. Этот свирепый судья и страшный тиран будет судить народ, как змей, сидящий на дороге».

Таким образом Антихрист, Сын Погибели, также отождествляется со Змеем как и Христос.
Мессия Христос - был с Правой Стороны Милосердия (Хесед) и Стороны Святости - Ситра Кдуша, и он Спаситель, Сын Божий.
Мессия Антихрист - будет с Левой Стороны Гнева (Гебура) и Другой Стороны - Ситра Ахра, и он Зверь, Сын Погибели. Но по сути, парадоксально, это оказывается одна метафизическая сущность. Поэтому каббала утверждает, что душа Мессии

пребывает в самых нижних и последних клиппотических областях адских миров, до последних времён.

В православной традиции, наступление этих последних времен и приход Антихриста сдерживается Катехоном - «удерживающим». И этот Катехон - есть сама Россия, чья метаисторическая миссия, именно в сдерживании сил зла, сил Антихриста. В этом контексте, сама Россия и её мистическая судьба - Мессия. И действительно, все силы претендующие на мировое господство, так или иначе сдерживались Россией. Ещё начиная от монгольских орд, что «споткнулись» о Русь; Наполеон с универсальными идеями Просвещения; коммунизм не стал мировой революцией, оставшись и сгинув в России; нацизм объединивший Европу; и наконец современный глобализм либеральной идеологии. Каждый раз, именно Россия не давала той или иной силе стать глобальной и универсальной, каждый раз она «удерживалась» Россией…

И вот вопрос, удерживалась для чего и почему? А, что если все эти претенденты на мировое господство и не были Злом, а его симулякром, пока лишь тенью истинного зла, репетицией. Но если в мистической интерпретации, Антихрист Змей и Христос Змей, Сын Божий и Сын Погибели, Спаситель и Зверь - метафизически едины и представляют два аспекта одного. Тогда метаисторическая судьба Катехона - России была сдерживать приход самозванных сил на роль мирового антихриста, этого пародийного человеческого зла, то возможно настоящая и до времени скрытая её роль - это приготовить и открыть путь истинному Тёмному Мессии и Сыну Погибели - Антихристу.

Слава Змию Голгофы!
Приветствую Христа Ха-Сатан /
Сатан Ха-Христос!
Слава Нахашу ха-Машиаху!

В пустыне.

Последним, третьем искушением Христа в пустыне было обещание Диавола дарования мировой власти, удовлетворения «жажды власти».Но были ещё предыдущих два.

Первое, Сатана предлагал Иисусу божественной силой превратить камни в хлеба, и тем доказать, что он Сын Божий. Это явная аллегория на суфлёрское златоделание в терминах алхимиков, т. е. шарлатанское приумножение ложного псевдо-золота, или шире богатства, делание богатства (хлеб важнейший товар древности) из ничего. Всем известно выражение «делает деньги из воздуха». Ну вот это об этом, в современности это получило своё абсолютное законченное выражение в спекулятивном, финансовом капитале,

когда деньги делают деньги, капитал приумножает капитал из ничего - «камней», а апофеозом этого становится «цифровая», виртуальная экономика, умножение нулей-камней. Интересно, что на английском слово камень - «stone», на немецком «stein», этимологически созвучно «стн» без гласных, а как известно иврит не имеет гласных и в огласовке имеем «сатан», т. е. сам Сатана - «отвергнутый камень» и метафизический Ноль. Таким образом, первое предложение / искушение Диавола - это неограниченный материальный ресурс, умножающий сам себя, иными словами, собственно финансовый капитализм.

Второе искушение, когда Диавол перенёс во мгновенье на своих крыльях Иисуса из пустыни на кровлю крыши Иерусалимского храма, и предложил сброситься вниз: «если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим, заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнёшься о камень». Здесь Сатана искушает тем, что показывает человеку его место и роль в бытие как таковом, в конечном итоге, искушает атеизмом и как логически законченным его принятием - самоубийством. Дилемма Сатаны стоит так: если человек, возлюбленное творение и чадо Бога - «Сын Божий», то разве Силы Бога - «Ангелы», допустят его бессмысленное самоубиение? А если допустят, то существуют ли они вообще как и сам Бог? Не является ли тогда человек жалким ничтожеством, обречённым в бытие лишь на одни страдания уже самим фактом своего появления в мире, из которых только единственный выход - самоубийство, что и предлагает Иисусу Сатана. Таким образом второе искушение Сатаны - это атеистическое мировоззрение, и как логическое следствие из него, радикальный пессимизм и нигилизм, который выражается в законченном исходе, в «бегстве от бытия», бегстве от зла и бессмысленности мира - самоубийстве. А собственно сам «камень преткновения», о котором говорится в стихе - один из каббалистических эпитетов Самаэля / Сатаны.

И наконец, третье искушение Сатаны:
«...берёт Его Диавол на весьма высокую гору, и показывает все царства мира во все времена их, и всю славу их, и говорит Ему: "Всё это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне"» (Матф. 4. 10-11).

Из этого евангельского сюжета - «последнего искушения Христа», мы узнаёт, что вся мировая власть, во все времена, всех государств, всех видов и обличий, всецело принадлежит Сатане. И не важно какая и где она: монархическая, республиканская, фашисткая, коммунистическая, либеральная, глобальная или узко-националистическая - вся, везде и всегда. Власть как таковая, сама сущность земной власти - сатанинская. Сатана наделяет земной властью, как отдельных индивидуумов, так и целые цивилизации. «Всяка власть от Диавола» - вот евангельский гнозис. Поэтому в другом месте Христос говорит: «Моё Царство не от мира сего». Кто жаждет власти в мире - должен, пав, поклониться Сатане. Кто этого не сделал, не обретёт власти. И потому лишь степень зла различает всякую форму власти, оставаясь злом по существу в разных

обличиях. Отсюда вечный диспут и обвинения, кто больше или меньше совершил зла и преступлений - монархисты, коммунисты, нацисты, капиталисты. Совершили все - ибо любая власть от «князя зла».
Разве может какое-либо устройство и царство, состояться и быть, приняв эту истину? Поэтому Церковь, став столпом Государства, пошла на подлог, исказив слово самого Бога, а это и есть «хула на Дух Святой» - грех который не проститься никогда, провозгласив: «Всяка власть от Бога». Тогда как в дониконианских Святых Писаниях это звучало: «Не есть власть, что не от Бога».
Но, что значит обрести власть - «пав, поклониться Сатане». Иисус назвал Сатану «князь этого мира», он сказал: «я не этого мира… мир меня ненавидит», и предупредил о том же своих учеников: «Вы не этого мира. Мир вас ненавидит». Павел пошёл дальше и назвал Сатану «богом этого мира». Сатана, Диавол есть по слову Христа «князь мира сего», а по слову апостола «бог мира сего». Бог физической вселенной, проявленного мира - Диавол!
Отвергающий этот мир, будет искушаем…

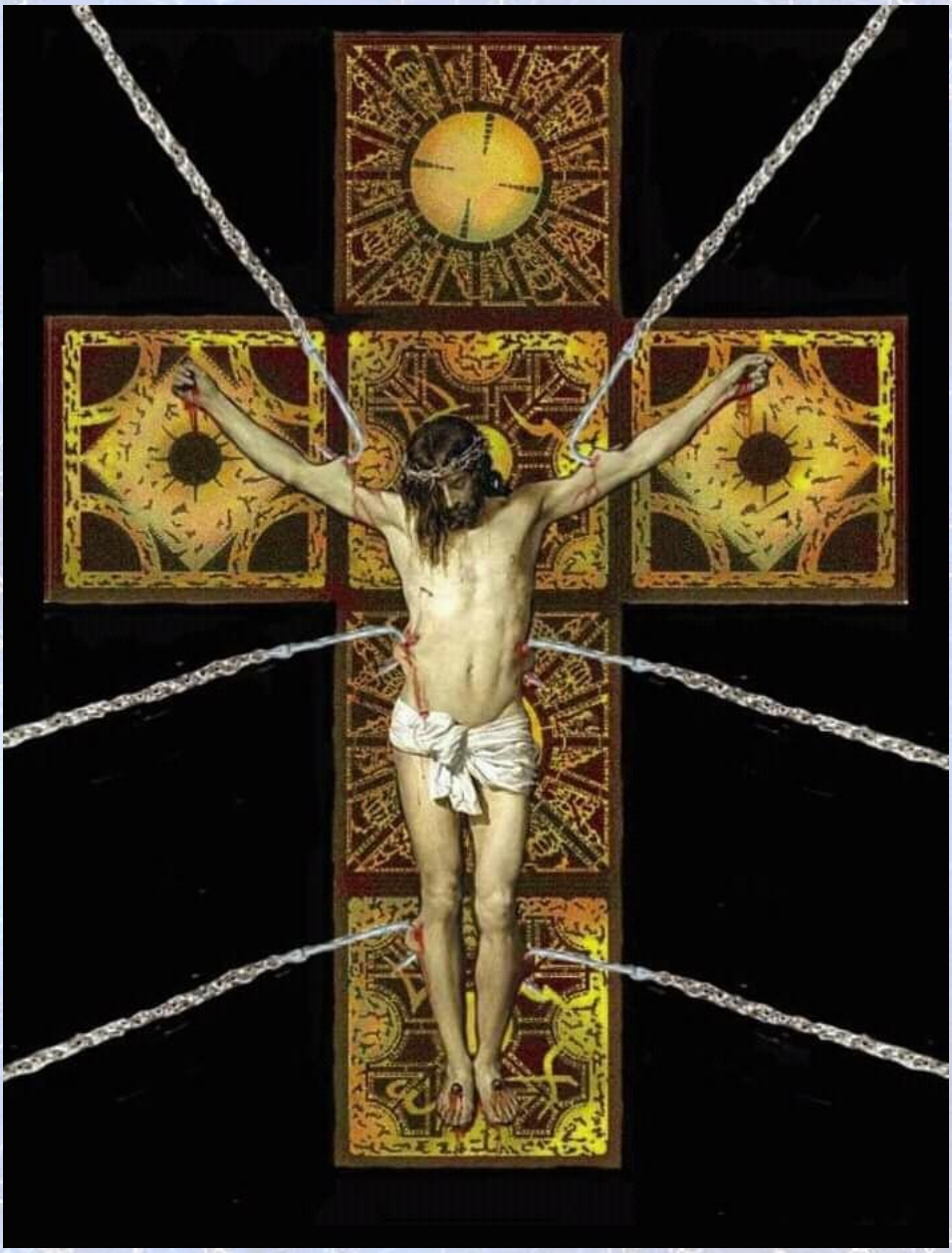
Мы видим, что Диавол предложил три искуса - дара: неограниченный ресурс, атеистическое видение человека в бытие, и, наконец, мирскую власть. Под Диаволом, тут можно понимать не сколько сверхъестественное существо, сколько метафизическую сущность бытия. Может сложится ложное впечатление, что те кто поддаётся этим искусам, т. е. возжаждет и устремится к ним, то Диавол (инерциональность вселенной), им их дарует - «если пав, поклонишься Мне», т. е. принимаешь бытийные правила игры, конформистки солидаризируешься с миром. Отнюдь, Диаволу не нужно предлагать и давать, что-то тем, кто и так в Его безраздельной власти, кто впаян в бытие и прельщён его прелестями. Что в мире - то и от мира. Но вот, кто не от мира сего, кто покидает и противопоставляет себя бытию. Так происходит

«Бегство от Сатаны». Поэтому сказано, что «Иисус был в пустыне», т. е. ушёл из мира, аллегорически «бежал от Сатаны / Бытия». Отсюда и предания не рассказывают, что Диавол является и предлагает, что-то мирским корестолюбцам и властолюбцем, но вот отшельникам - аскетам, это классический сюжет искушения святых. Посему, дары Диавола могут быть предложены не тем кто жаждет мирского будучи в мире, но лишь тем, кто не от мира и не желает их.
Однако, как известно, Иисус отвергает дары - искусы Диавола. Ибо если кто-то их принимает, то он в итоге не получает ничего или лишь временную пародийную иллюзию. Опять-таки, отсюда сюжеты преданий, о продажи души за деньги Диаволу, где в итоге, вместо денег обнаруживается какая-нибудь дрянь, вроде глиняных черепков. Однако расплата настигает ещё при жизни, и за продавшимся являются обвинители, обнаруживая, что кошель который преподнёс Диавол, принадлежал убитому купцу, и волокут того на виселицу за грабёж и убийство. Но, Иисус отвергая все прельщения Диавола, отвергая всё - получает Всё! Отвергая их все, он войдя в пустыню лишь человеком, выходит из неё Божественным Субъектом, Альфой и Омегой.

Далее по евангельскому повествованию мы видим как Иисус размножает хлеба, да он мог бы стать богат как тысячи Крезов, он мог бы объявить себя богом ещё при жизни и заставить поклонятся весь мир себе, он овладел жизнью и смертью, излечивая прокаженных, слепых, и даже воскрешая мёртвых, и, наконец, он мог бы воссесть не только на трон Иудеи, но въехать в Рим как царь мира. Но как мы знаем, этого ничего не произошло, как желал и видел это Иуда, и в этом мотив и тайна его предательства. Почему - это другой разговор. Но именно через отвержение искусов - даров Бытия / Диавола, и происходит становление Субъекта, которому лишь тогда эти дары будут доступны в полной мере.

В другом аспекте можно понять, что Сатана это теневая сторона самого Христа, его тёмное альтер-эго с которым происходит внутренний диалог. Во многих апокрифических писаниях, Сатана / Люцифер представлен как теневой брат-близнец небесного Христа, тоже Сын Божий; или в «Откровении Иоанна», Христос сам про себя говорит: «я звезда светлая и утренняя» - т. е. на иврите Бен Шахар или на латыни Люцифер. Отсюда, также тайна каббалистического равенства суммы букв слов на еврейском «Мессия» (Христос) и «Нахаш» (Змей искуситель Эдема / Диавол). Это внутренний диагог между «Я» отчуждённого человека гностика и «я» кем бы он мог стать, прими дары - искусы міра.
Таким образом, весь сюжет «искушения Христа», может интерпретироваться как видение человеком иллюзорности и зла бытия, его отчуждение и противопоставление ему («уход в пустыню»), где к нему, как сказано: «подошёл Диавол», т. е. начался этот внутренний диалог во «мраке души» с собственным альтер-эго чёрного пламени духа, который будет искушать своими дарами. Поддавшийся им - пав на дно («пав, поклонишься»), в итоге, погибает духовно, по слову: «что толку весь мир приобрести, а душе своей повредить»; отвергающий их - становится Божественным Субъектом, обретая Всё и Ничто.

«И отошёл от Него Сатана - до времени».



Но Сатана подошёл в «своё время» - время апофеоза тьмы и страданий, чтобы искусить Сына Человеческого в последний раз. У хлыстов был любимый иконографический сюжет, под названием «Сораспятие Плоти». Где изображался распятый монах в пустыне, с чашей огня в руке и раскрытым кровоточащем сердцем в груди. Под крестом изображался слепой карлик в мусульманской одежде и чалме - образ Диавола, он целился стрелой в монаха из лука, а изо рта его исходила надпись со словами последнего искушения: «сниди со креста».

Иисус плакал… «Или, Или! лама савахфани»?
И Сатана - слепой и безумный бог мира сего, сказал Ему: «сниди со креста, если ты Сын Божий».

Настоящее воскресение Иисуса Христа, по мнению хлыстов, случилось после этого сорокадневного Его поста и скитаний по пустыне. Когда Иисус постился 40 дней, то Он взалкал, т. е., как говорят хлысты, изнемог, ослабел, и умер, но духом Своим победил эту смерть и ожил, после чего к Нему приступили ангелы и стали служить Ему, как воскресшему из мертвых. Так же воскресают и хлыстовские христы.
Таким образом Христос был мёртв уже после Своего искушения Диаволом в пустыне. Соприкосновение с Иным / Эль Ахер (Иным Богом) убило его как человека, расчеловечило и явило абсолютно

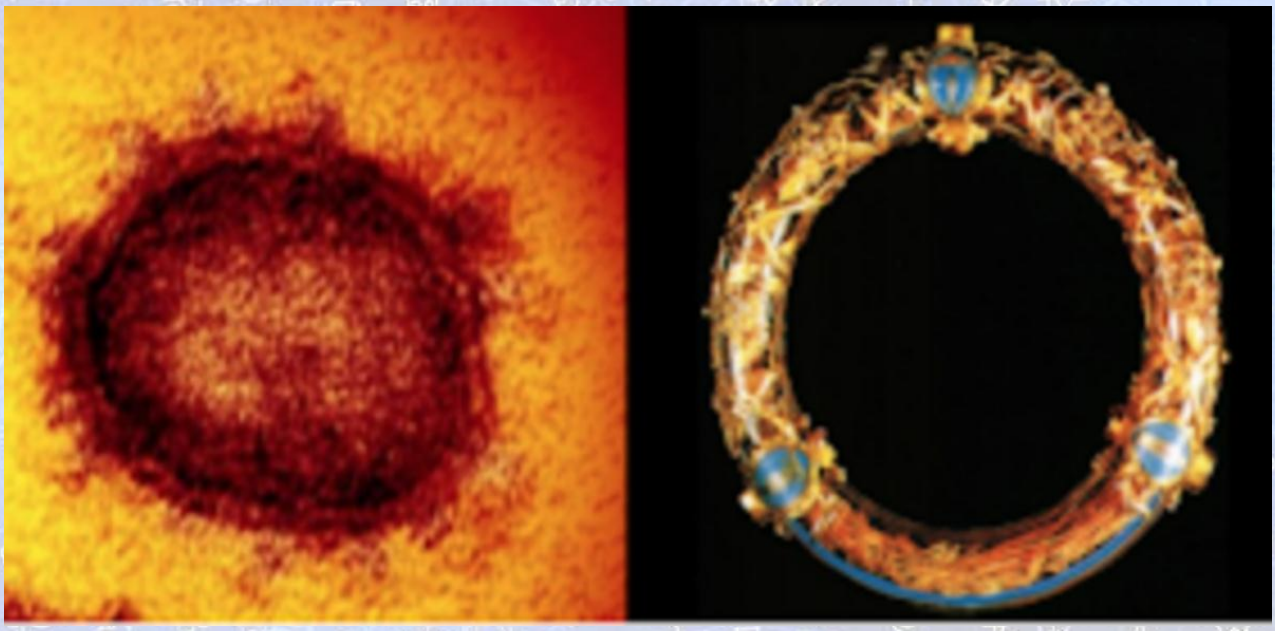
Чужеродное миру существо / Иного, превзошедшего каузальные законы тварного мира - мёртвого среди живых, но однако более Живого, чем окружающее мертвящее человечество, который оставил «мёртвым хоронить своих мертвецов».
И как констатировал философ Всеволод Красса: «Поэтому, я считаю, что Иисус Христос является первой исторической, по-настоящему Инородной фигурой в мире и заслуживает самого большого внимания у всех, кто пытается идти тропами Иного».

Metapolitics

Parousia

Corona Spinea (Терновый Венец)

Haec contra coronaviridæ corona spinea est.



Коронавирус - это пародия на Терновый Венец.

Это его зеркальный негатив, образующий строгую антисимметрию - геометрическую, символическую и метафизическую - вселенского Царства Иисуса Христа.

Пожар в Нотр-Дам в апреле 2019 года стал предвестником заключительного акта, на который некоторые из нас надеялись. Это пламя явило видимое лицо целостного предательства Нового Завета, осуществляемого Западом более пятисот лет.

Было написано, что все должно быть сожжено до того, как будет предпринята хоть малейшая попытка восстановить собор.

Самым важным элементом, который был спасен от огня, действительно была Священная Корона.

Перенесенная в церковь Сен-Жермен-Л'Оксеруа, по решению, что она будет выставляться для всеобщего почитанию каждую пятницу Великого поста.

Вы думаете, что бесчисленные толпы верующих не сумели бы дисциплинировать себя, чтобы иметь возможность войти в эту маленькую часовню, посвященную Марии после обета Людовика XIII от 10 февраля 1638 года? ... Да! Будьте уверены, управление массами осуществлялось в полном порядке и дисциплине. Все шло очень хорошо, так как каждый раз только десяток христиан проходили молиться перед венцом Христа…

Я с радостью отмечаю великий богословский замысел в устройстве этого алтаря, поскольку Терновый Венец расположен на той же вертикальной оси, что и корона Марии (резной балдахин и картина а-ля Фра Анджелико), со светящимся крестом по центру симметрии.

Ведь эти две Короны - нижняя и верхняя - неразрывно связаны: первая запечатывает славу земного Христа, а вторая признает и подтверждает космическую славу Марии как Верховной Владычицы небес и миров.

28 февраля, 6 марта, 13 марта... Первые три пятницы Великого поста прошли без ослепления, без страсти, без вибрации, как любая обычная пятница на земле Франции...

А потом… Фиат коронавирус!

Наконец, наступает последний акт, разгорающийся пожар в Нотр-Дам-де-Пари и превращение Великого поста в карантин.

Другими словами, мутация вируса любви к Иисусу в инфекционное заболевание международного призвания.

Заражаем друг друга!

Это кощунственное изменение произошло в исторической модели политико-социальной трансформации христианства в коммунизм 150 лет назад (и прекрасно описано Достоевским); за исключением сегодняшнего дня, эта дегенеративная мутация происходит на органическом и интимном уровне каждого из нас.

С этой абсолютной новизной, которую представляет собой бессимптомный человек... Никогда не забывайте, когда вы слышите похвалу прогрессу медицины, что самая прекрасная уловка одержимых - убедить вас в том, что этого не существует.

Коронавирус - онтологическая сторона коммунизма, основная квинтэссенция Великой Люциферианской Пародии на гармоническую иерархию Космоса.

Это хорошо известный принцип железного века: великие перемещения происходят сначала на уровне империй, затем народов, затем городов... и, наконец, в сердце каждого человека. Конец конца всеобщего безумия, ne plus ultra крайнего конца Последней Эпохи, - это восстание (принуждение или добровольное) наименее неделимого элемента нашего тела против нашего органического единства.

«Прочтите, заново откройте для себя значение главного». (Эммануэль Макрон)

Что касается предписаний средств массовой информации, которые сопровождают этот клеточный катабасис, они защищают только максимальную безопасность для зрителя-налогоплательщика, при этом адаптируясь к социальным условиям этого времени. Во времена СПИДа это было «Убирайся со страховки!» А сегодня это «Оставайся дома!» Всё дальше и дальше в уходе и отказе от жизни. Каждая квартира на нашем европейском континенте была превращена в презерватив, а Интернет теперь представляет собой единственный возможный горизонтальный путь коммуникации - вертикальный путь (общение через молитву) был заброшен с незапамятных времен, что само собой разумеется.

Переход от Великого поста к карантину - это пожирание молитвы через Интернет.

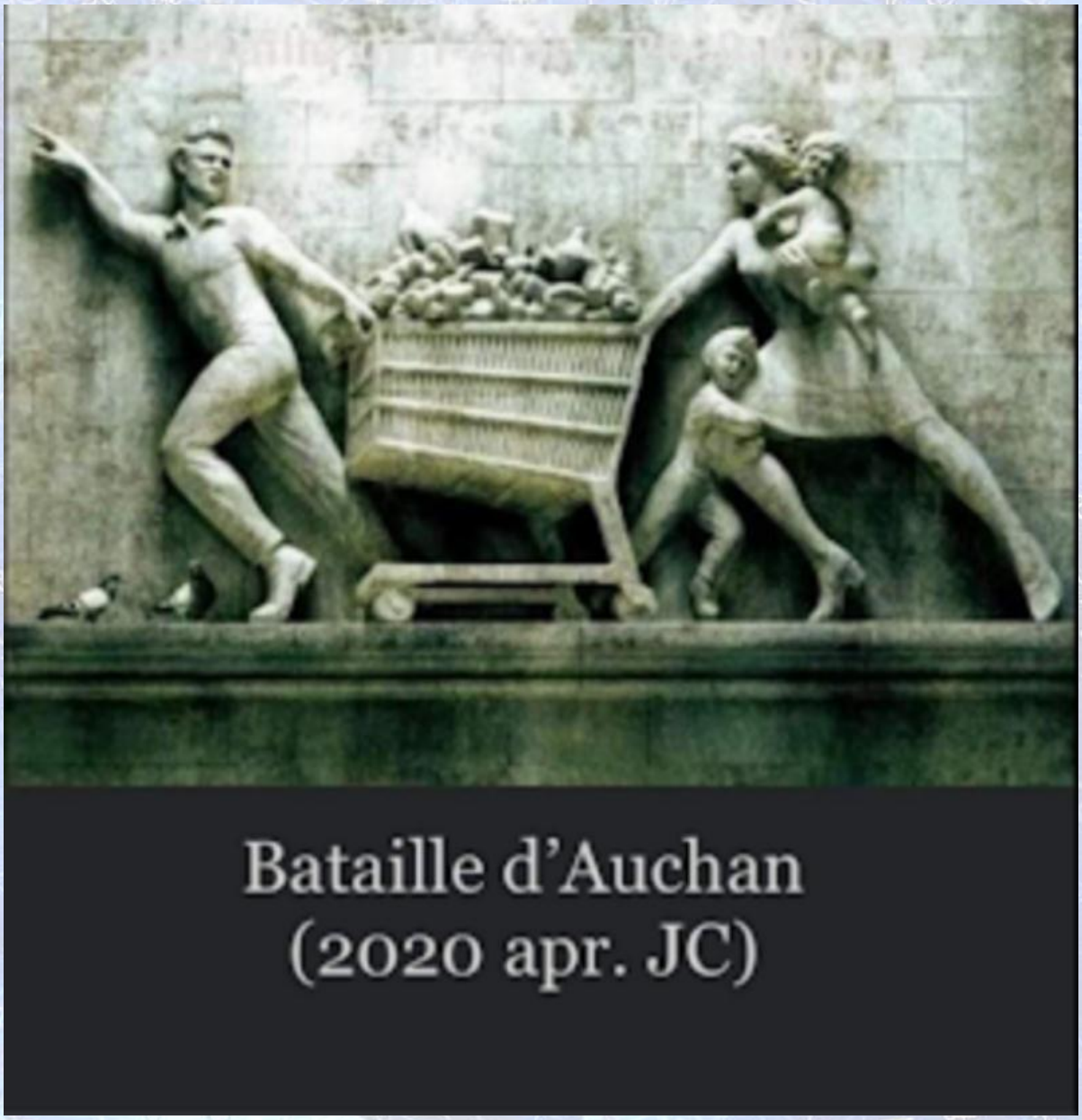
Эта эпидемия разоблачит всех, и в первую очередь изолировавшихся.

Есть те, для кого это все изменит, потому что они наконец смогут понять суть, как извращенно советовал Макрон французам в своей полностью петанистской речи от 16 марта, то есть - сказать, что им удастся трансмутировать трансмутацию, даже вернув Карантин на Великий пост (точно так же, как Марии Магдалине пришлось дважды повернуться, чтобы узнать своего Раббуни (евр. учитель) в гробнице). Заново открыть для себя чувство существенного (черт возьми, какая хорошая формула!) - это умудриться выбраться из повседневности и одержать победу над временем - как прекрасно объяснил Леон Блуа, когда он был (прямо как мы сегодня!) на пороге апокалипсиса:

«Мы должны молиться Святому Духу, чтобы он избавил нас от иллюзий времени, жертвами которого мы все являемся. В боли или радости мы верим, что время - это что-то, а это ничто, поскольку оно не существует для Бога. Так что для нас его не должно быть. Это оно отделяет нас от Бога. Если бы мы обрели эту благодать, никогда не знать времени, мы уже были бы в блаженной Вечности и все страдания, тогда были бы для нас, как быстрая лодка на притоке Рая».

А есть такие, для которых самоизоляция ничего не изменит, потому что вместо того, чтобы выйти за рамки повседневной жизни, они похоронят себя в ней: ещё глубже погрузятся в подвешенное состояние этого абсолютного, чисто гностического ада, то есть вселенную теле-сериалов - никогда не покидая ее снова. Мы знаем, что одно из определений постмодерна - это превращение людей в зомби в строго религиозном смысле этого слова: бессмысленные существа, идущие с опущенными головами (в экран своих мобильных телефонов и смартфонов) в бормотании неясной саморастворяющей логореи. Недавно я видел людей, идущих по тротуару Парижа - крупнейшей пандемической свалке в мире - в

полнолицевых наушниках, их глаза были прикованы к сериалу Netflix, проигрываемому на их гребанных мобильных телефонах! Эти недолюди в христианском понимании этого слова - изгнанные из Геенны из-за избытка там трупов - полные идиоты, замкнутые в своем ничтожестве. Какого черта они заботятся о правилах сдерживания короновируса? По крайней мере, это позволит им почувствовать себя немного живыми, участвуя в Великой битве!



Позвольте мне сказать несколько слов об этих безумных сыновьях шлюх, которые являются экологами-веганами. Нам неприятно замечать, что единственные полки супермаркетов, которые не штурмуются, - это полки с органическими продуктами. Когда дела идут плохо, эти ублюдки-любители киноа внезапно переключаются на пасту Barilla и De Cecco, а для меня, который приходит в магазин слишком поздно, потому что я менее умен и медленнее, чем городские скутеры, у меня остались только полуфабрикаты. Вот 100% справедливой торговли!

Существует только одино действительно экологическое движение, несомненно самой высшей эффективности: это коронавирус, пандемия. Резкое снижение загрязнения, пение птиц возвращается в центр города. Это месть птичьему гриппу.

«Бегите из среды Вавилона и спасайте каждый душу свою, чтобы не погибнуть от беззакония его, ибо это время отмщения у Господа, Он воздает ему воздаяние».
(Иеремия 51,6)

В Париже это обобщенный полет. Внезапно провинция представляется нашим добрым всемогущим лордам землей, в которой можно жить! По крайней мере, в 1940 году Исход произошел после объявления войны! Тогда беженцы начали покидать столицу задолго до выступления 16 марта, во время которого Макрон казался невероятно гордым, что шесть раз объявил, что мы в состоянии войны... По правде говоря, парижане давно покинули этот ад. Гнилостный, ставший самым заразным городом в мире, он был публичным кровопролитием в течение многих лет... Художественное преобразование Парижа сейчас невозможно, и нет больше писателя, достойного этого имени. Во Франции больше не может быть писателей.

Изгнанники 16 марта прришли к гниению в галльских регионах, еще недостаточно зараженных их паразитическим присутствием.

Я писал это в течение многих лет: большие и внутренние пригороды Парижа представляют собой метаисторический вирус Галлии, настоящий коронавирус, который блокировал дыхательный ритм первоначальной кельтской органической матрицы на две тысячи лет.
Оба собраны в рыбе, мчащейся на полной скорости к Западу, эти короны укрывают расу проклятых и необычайно высокомерных быдланов, называемых «парижанами», носителей вируса со всеми связанными с ним клиническими симптомами, из которых наиболее серьезная форма инфекция - это не что иное, как постоянное осквернение всего.

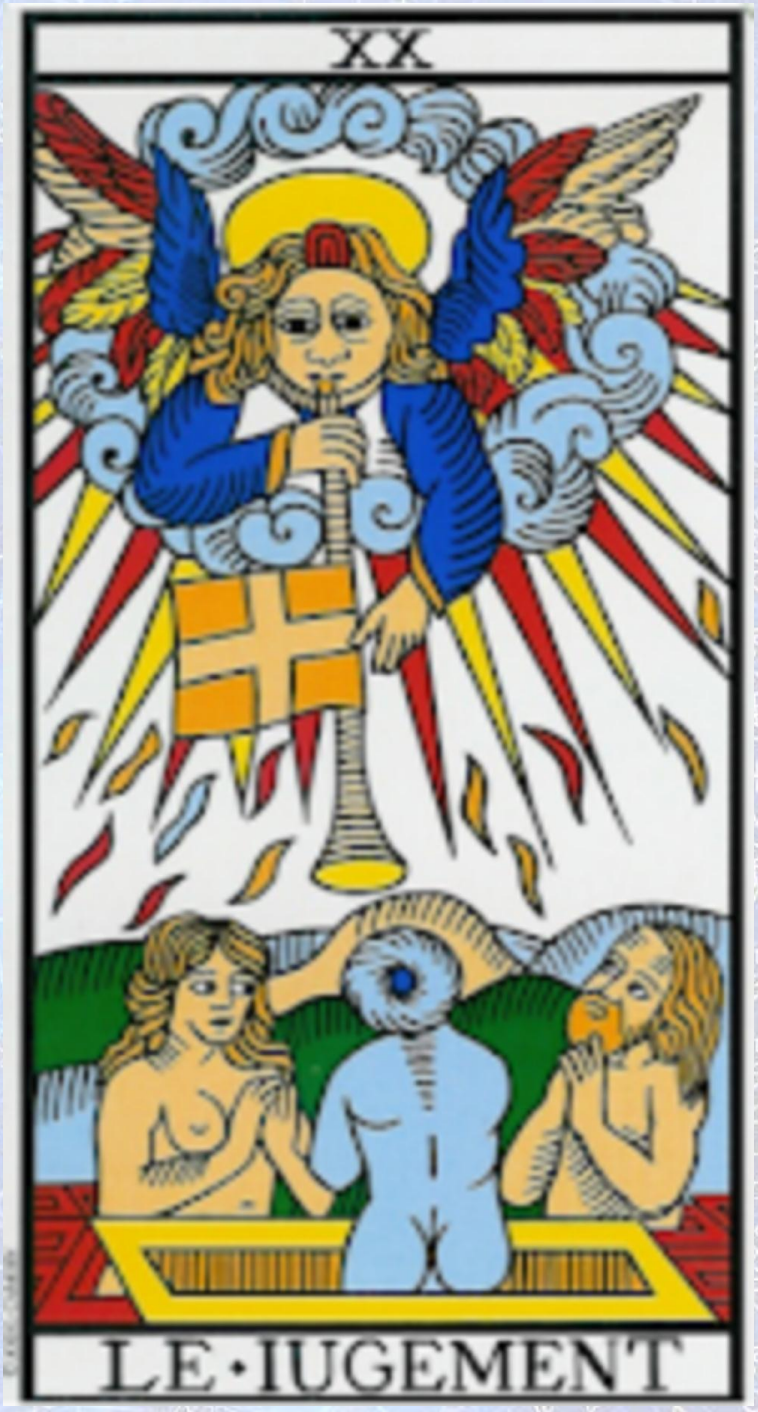
Осквернить Галлию - таков их viaticum.

Их современный исход во все регионы страны - это всего лишь молниеносное ускорение процесса, завершающая фаза паучьего и метастатического развертывания гиперкоррозионной

современности. Размещение парижан в провинциях - видимая часть COVID-19.

И это то, что вы собираетесь приветствовать в своем доме?

Обратите внимание, что мало кто готовится ступить на Корсику… Похоже, что у ЛГБТ-парадов там все еще есть небольшие проблемы на улицах Корте… Демократия, этот «шантаж слабых», как пишет Моран в «Венеции», еще не достигла Иль-Руса.



Сталкивались ли мы с такими событиями с момента высадки святой Марии Магдалины на земле Прованса?
Запрещение месс и любого общественного богослужения. Никаких религиозных обрядов перед погребением. Никаких соболезнований пострадавшим.
Закрытие святилища Лурдес.

Закрытие базилики Святого Сердца.
Приостановление почитания Святого Тернового Венца.

Вам действительно нужно больше знаков?

Все величайшие пророчества - Малахия, Иоанн XXIII, Салетт, Фатима… - сходятся к одному и тому же выводу: Франциск - последний Папа, католицизм претерпит глубокую трансформацию, как в глубине, так и в самых головокружительных высотах, и Возвращение Великих Времен здесь.

О пылкая меланхолия раннего неолита.

Мы никогда не понимали так хорошо истинный смысл мысли Жозефа де Местра, предсказывающего неминуемое появление религии, которая была бы для христианства тем же, чем христианство было для иудаизма.

На повороте страницы своего великолепного романа « Аморос» Марк Готрон заставляет отца де Сержи сказать: «Церковь - это озоновый слой, предназначенный для защиты нас от палящего зноя Солнца. Истина невыносима, ее нужно приручить, приспособить к слабостям и потребностям человеческой натуры, вот для чего нужны религии».

В этом месяце в марте 2020 года сотериологическая динамика проходит через очень необычную точку перегиба из-за ослепляющей природы Солнца Истины. Дыра в духовном озоновом слое разрослась до такой степени, что практически больше не существует.
Наши времена - это те времена, когда у нас нет выбора, кроме как смотреть Солнцу прямо в глаза.

Такой епископ, как епископ Афанасий Шнайдер, понимал, в чем сверхъестественный смысл эпидемии коронавируса.

Папа Франциск, который 15 марта одинокими и нерешительными шагами прошел по пустынным улицам Рима в своем паломничестве от изображения «Salus populi Romani» в базилике Санта-Мария-Маджоре до Чудотворного креста в церкви Сан-Марчелло, представлял собой апокалиптический образ. Он напоминал следующее описание из третьей части Фатимской тайны (раскрытой 13 июля 1917 г.): «Святой Отец прошел через большой город, наполовину разрушенный и полуживой, дрожащим шагом, сокрушенный страданиями и болью».

Можно надеяться, что такая ситуация принесет новые духовные плоды исповедникам веры и святости.

Мы хотим с полным доверием молиться Матери Церкви, призывая силу заступничества ее Непорочного Сердца, чтобы нынешняя ситуация лишения Святой Мессы могла принести обильные духовные плоды для истинного обновления Святой Церкви.

Сегодня в Благовещенскую среду 19:30. Я слышу, как колокола Марселя звенят на полную мощность от одного конца города до другого. Убежден, что мы живем в последний пост. Меня воодушевила Пифия Дельфийская, когда она воскликнула: «Однажды Аполлон вернется, и это будет навсегда».
Только догма о космической коронации Марии может подавить вирус. Новым Благовещением станет Коронация Девы-Невесты.

«О Богоматерь Посредница, увенчанная двенадцатью звездами, облаченная в Солнце с Луной под Твоими стопами!»

Fiat corona!

Мы идем прямо на славную Пасху.

ЧЭЛИ ДЖ. СМИТ

Трансгуманизм: религия для постмодернистских времен.

Трансгуманизм превратился для многих из идеи в научно-фантастических романах в светскую религию.

Мы являемся свидетелями зарождения новой веры. Это не теистическая религия. Действительно, в отличие от христианства, иудаизма и ислама, он заменяет личные отношения с трансцендентным Богом в контексте группы верующих пылким и радикально индивидуалистическим объятием обнаженного материалистического личного отдыха.

Более того, в отличие от ортодоксальной христианской, иудейской и исламской уверенности в том, что люди состоят как из материального тела, так и из нематериальной души - и что и то и другое имеет значение, - приверженцы новой веры понимают, что у нас есть тело, но что действительно имеет значение, так это разум , который в конечном итоге сводится к простому химическому и электрическому обмену. В самом деле, вопреки христианскому взгляду на существующие Небеса или, скажем, буддийской концепции мира как иллюзии, новая вера настаивает на том, что физическое - это все, что было, есть или когда-либо будет.

Такое мышление ведет к нигилизму. Вот где новая религия оставляет позади прошлые материалистические философии, предлагая своим приверженцам надежду. Там, где традиционный теизм обещает личное спасение, новая вера предлагает перспективу спасения через радикальное продление жизни, достигаемое с помощью технологических приложений - постмодернистский поворот, если хотите, в обещании веры о вечной жизни. Эта новая

религия известна как «трансгуманизм», и она очень популярна среди нуворишей Кремниевой долины , университетских философов, биоэтиков и футуристов, ищущих утешения и преимуществ веры без сопутствующей обязанности следовать догмам, просить прощения, или искупление греха - чуждое для трансгуманистов понятие. Поистине, трансгуманизм - это религия нашего постмодернистского времени.

Пророки-трансгуманисты предвкушают грядущее неоспасательное событие, известное как «Сингулярность».

Трансгуманизм дает два основных обещания. Во-первых, люди вскоре приобретут повышенные способности, не через глубокую молитву, медитацию или личную дисциплину, а просто принимая таблетку, изменяя нашу ДНК или иным образом используя медицинскую науку и технологии, чтобы преодолеть обычные физические ограничения. Еще более убедительно то, что трансгуманизм обещает, что его приверженцы вскоре испытают если не вечную жизнь, то, по крайней мере, неопределенное существование - в этом мире, а не в следующем - благодаря чудесам прикладной науки.

Вот где трансгуманизм становится поистине эсхатологическим. Трансгуманистические пророки предвкушают грядущее нео-спасительное событие, известное как «сингулярность» - момент в истории человечества, когда крещендо научных достижений становится неудержимым, позволяя трансгуманистам воссоздать себя по своему собственному образу. Хотите иметь зрение ястреба? Отредактируйте несколько генов. Хотите поднять свой IQ? Попробуйте имплант мозга. Хотите быть похожим на моржа? А почему бы нет? Разные штрихи для разных людей, разве не знаете?

Самое главное, что в мире пост-сингулярности сама смерть будет побеждена. Возможно, мы будем многократно обновлять наши тела с помощью клонированных замен органов или криогенно замораживаем наши головы, чтобы в конечном итоге можно было хирургически прикрепить к другому телу. Тем не менее, самая большая надежда трансгуманистов - это вечное спасение своего разума (опять же, в отличие от души) посредством персональной загрузки в компьютерные программы. Да, трансгуманисты ожидают, что в конечном итоге они будут жить без конца в киберпространстве, создавая свои собственные виртуальные реальности или, возможно, объединяя свое сознание с сознанием других, чтобы испытать множественность существ.

Раньше трансгуманисты отвергали любые предположения о том, что их движение является формой или заменой религии. Но в последние годы это отрицание становится все более слабым. Например, Юваль Харари, историк и трансгуманист из Еврейского университета в Иерусалиме, сказал The Telegraph:

«Я думаю, что в ближайшие 200 лет или около того Homo sapiens превратится в некое представление о божественном существе посредством биологических манипуляций. или генная инженерия путем создания киборгов, частично органических, частично неорганических».

Согласно Харари, человеческие изобретения религии и денег позволили нам покорить землю. Но в условиях угасания традиционной религии на Западе - и кто может это отрицать? - он считает, что нам нужны новые «фикции», которые объединят нас. Вот где приходит трансгуманизм:

Религия - важнейшее изобретение человека. Пока люди верили, что они все больше и больше полагаются на этих богов, ими можно

было управлять. С религией это легко понять. Вы не можете убедить шимпанзе дать вам банан, обещая, что он получит еще 20 бананов в раю для шимпанзе. Это не сработает. Но люди сделают это.

Но то, что мы видим в последние несколько столетий, - это то, что люди становятся все более могущественными и им больше не нужны костыли богов. Теперь мы говорим: «Нам не нужен Бог, нам нужны только технологии».
Ха! Старый стереотип бородатого христианского фанатика в халате и сандалиях с надписью: «Конец близок!» был заменен сторонниками трансгуманизма, такими как писатель Рэй Курцвейл (известный в Google), чей бестселлер трансгуманистического манифеста называется «Сингулярность близка!»

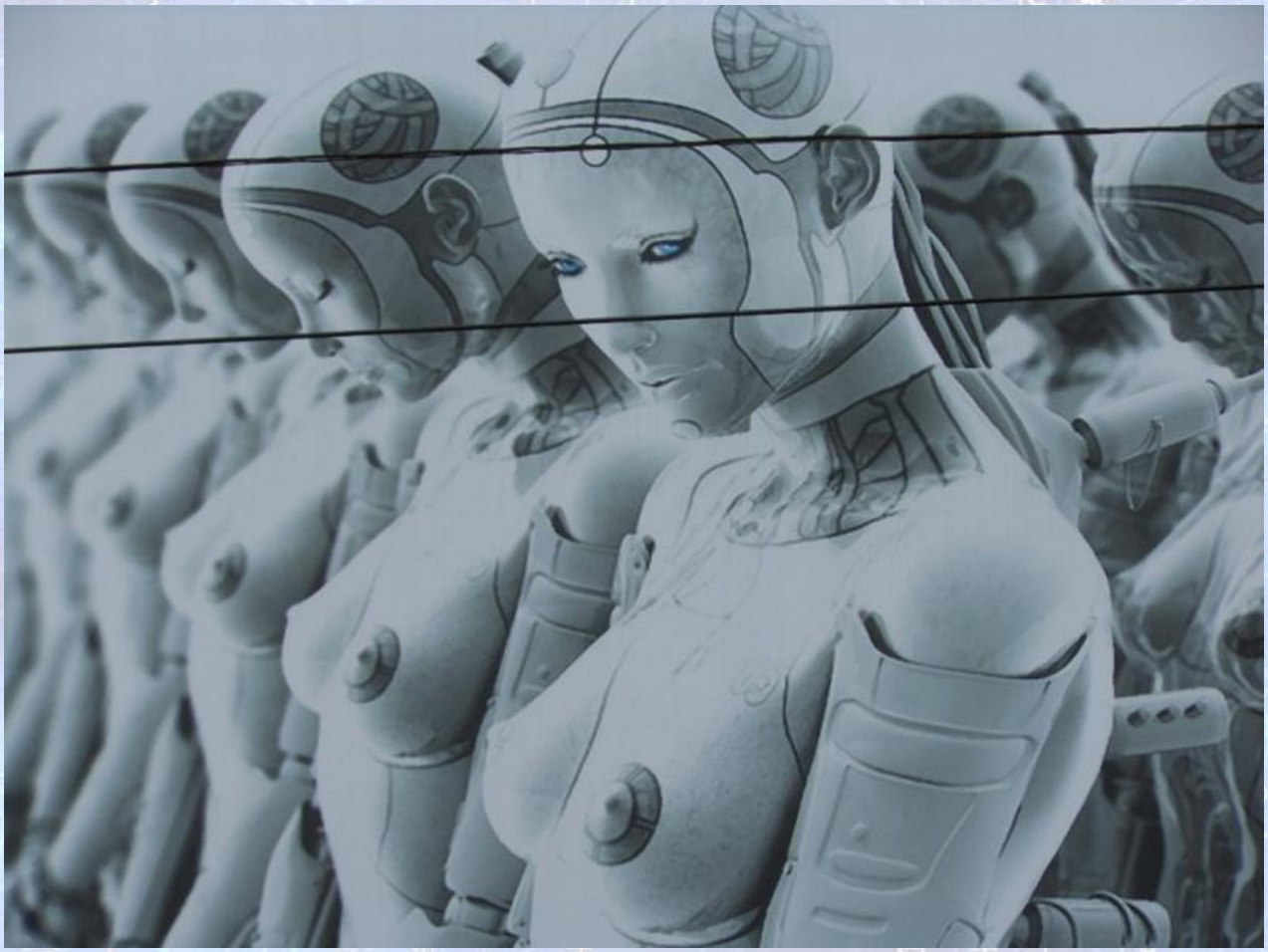
Я не могу закончить это эссе, не подчеркнув абсолютно важное различие, которое необходимо проводить между трансгуманизмом и ортодоксальными религиями, особенно христианством. Высший идеал христианства - любовь. Святой Иоанн Богослов писал: «Бог есть любовь». Христос повелел христианам «любить друг друга, как Я любил вас». Следовательно, верующие понимают, что христианская жизнь требует одежды для бедных, посещения больных и заключенных и т .д.

Напротив, высшее достоинство трансгуманизма - это интеллект, поэтому увеличение емкости человеческого мозга - второе наиболее желаемое улучшение движения после победы над смертью. Так, New Scientist сообщил, что предприниматель-трансгуманист Брайан Джонсон вложил 100 миллионов долларов в разработку имплантата для повышения интеллекта. «Я пришел к разведке», - цитирует рассказ Джонсона, - потому что «я думаю, что это самый ценный и мощный ресурс из всех существующих».

Во всей трансгуманистической литературе, которую я читал, я не видел особого интереса к увеличению человеческой способности любить, помимо самого плотского понимания этого термина. Возможно, это потому, что даже грубые материалисты понимают, что любовь превосходит возбуждение нейронов, приближая нас настолько близко, насколько мы можем, к выражению божественного. В самом деле, не случайно один древний теист дал нам самое глубокое описание любви:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая или кимвал звучащий.
Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви,- то я ничто.
И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.
Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.
Любовь никогда не перестает».

Ни в одном трансгуманистическом манифесте вы не найдете ничего более глубокого, значимого и, конечно, умного, как любовный дискурс Святого Павла. В самом деле, даже если мы в конечном итоге перестроим себя в пост-человечество, до тех пор, пока мы экспоненциально не расширим нашу способность любить - что является духовной дисциплиной, а не механистическим усилием, - мы никогда не станем теми существами, которыми стремимся быть.



НИКИТА СЮНДЮКОВ

Богочеловек христианства и трансгуманизма.

Человек создан по образу и подобию Божьему — так сказано в первой книги Библии, «Бытии». И часто эти два термина трактуются символически, где образ — символ статики, а подобие — динамики. Единства и множественности, покоя и развития. Здесь, конечно, диалектика, а не простой переход от одного к другому.

Образ — это данность. Через вочеловечившегося Бога — Христа — нам дана благодать Божия, напоминание о том, что все мы, будучи человеками, имеем любящего нас Отца. Что мы призваны ко спасению. Однако эта благодать есть тот самый свет, который ослепляет, «гиперсвет», божественная тьма, которая в силу своей а-логичности, необъятности служит для нас в том числе и соблазном. «Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом» — пишет свт. Афанасий Александрийский. Какова почва для соблазна! Соблазна человекобожеского, кирилловского (героя «Бесов») толка. Человек, мол, скидывает ветхие одежды послушания, чтобы самому стать Богом, «быть как боги».

И вот в этом человекобожеском свете многие мыслители-гностики очень любят трактовать Христа не как, собственно, Бога, но как всего лишь величайшего человека из всех когда-либо живших, этакого западного Будду. Христос как некий этический идеал, а не идеал религиозный. Так мыслил, например, Лев Толстой, тем же порой соблазнялся и Достоевский. Это — соблазны гуманизма, т.е. соблазн поместить в центр универсума только человека, без какого-либо божественного «посредничества». Бог — в человеке. Или, в лучшем случае — в человеческом разуме.

А в теориях трансгуманизма и человека теперь уже оказывается слишком мало. На смену ему должен прийти даже не сверх-человек, а не-человек, абстрактная множественность Субъектов. Надобно скинуть старые одежды — но уже не одежды ветхого человека (Адама), не одежды богочеловечества, а одежды — вновь — Человека, Человека обоготворенного. Скинуть одежды человека, чтобы стать субъектом, могущим существовать в неопределенности, или — что то же — в вечно изменчивом пространстве транс-. Так гуманизм преображается в трансгуманизм.

Я не зря употребил термин «преображается». Архимандрит Кирилл Говорун в лекции об иконе, прикреплённой к этому посту («Спас в силах», 1500 г.), рассуждает о дихотомии исофиона и теозиса, богоравенства и преображения. Мы видим, что (транс-)гуманизм берет идею богоравенства, рожденную в платонизме и развитую в христианстве, берёт её практически в изначальном виде, а вот идея теозиса видоизменяется. А именно — устраняется целевая причина теозиса, Христос. Отвергается опыт переживания божественности Христа (через который только и возможен разговор о свободе от греха, о спасении) в пользу переживания собственной, личной божественности. Личной безгрешности. Любви к себе.

Эта личная божественность понимается в двух моментах: а) негативно и б) текуче.

Негативно потому, что внимание здесь сосредотачивается не на сущностном уровне — что есть и что может быть, а на акцидентальном — что видимо, что существует. А что существует? То, что мешает нашей «самореализации», т.е. реализации сущностного — общество, психология, биология и прочие «естественные» ограничители. Такие секулярные имитации первородного греха, которые вынесены вовне отдельного человека,

за пределы его личной ответственности. Эти имитации «не дают» нам стать теми, кем мы вроде как должны быть. Прекрасными людьми будущего. Через наносное милосердие и сочувствие человек лишается греха, но лишается и свободы.

Текучее потому, что это «должны» не определено и не может быть определено. Потому что то, что определено — это уже насилие и диктат. Чуть только мы подступаемся ближе к гуманистической форме теозиса — самореализации, достигаем карьерного успеха, принимаем свое тело, меняем пол и т.д. и т.п., нам тотчас оказывается этого недостаточно, мы стремимся продолжить борьбу. Мы продолжаем калькулировать свои выгоды и свои обиды. Об этом, кстати, концепция Geselschaft социологии Фердинанда Тённиса: о непрерывности калькуляции, о неутолимости голода по неуловимому «себе». Что есть «Я»? Самореализация не может иметь конца, так как она не имеет и начала. Она не субстанциональна, тяге к конкретному месту она предпочитает ризоматичность, т.е. вольное скольжение вдоль линий. Это текучесть, это бесконечное самообразование. Иначе — смерть, тихое тление, скука жизни, мизерность желаний.

В чем же здесь отличие от обожения, кроме смены самого объекта? Ведь вроде бы и Бога нельзя достигнуть в полной мере, всегда остается некоторый зазор между человеческим и божественным (откинем здесь мистические изводы христианства). В том, что Бог понимается как абсолютное единство, как вечность, и в этом смысле явление Христа — Сына Божиего, первенца из мертвых — является заветом нашего причастия божественной вечности, т.е. нашего бессмертия. Как суверен у Гоббса — единственная возможность остановить войну всех против всех, так и Бог — единственный источник любви людей друг к другу. Тут секулярный минимум и религиозный максимум. Казалось бы, оба взгляда на природу человека пессимистичны. Там и там человек не может возлюбить

ближнего сам по себе, ему необходима санкция. Однако если суверен Гоббса ограничивает войну всех посредством насилия, то Бог, напротив, верит в человека и не понуждает его самого к вере и к любви. Бог предполагает в человеке свободу, делая возможной, собственно, любовь истинную, не зависимую от корыстных, эгоистичных интересов личности. Тем самым и человек преображается, переходя от акциденции, «своего интереса», к сущности — к любви. Правда, тут опять-таки не стоит забывать, что «сама любовь свивает вервья плети» (Данте). Что любовь — усилие, обязанность, а не право.

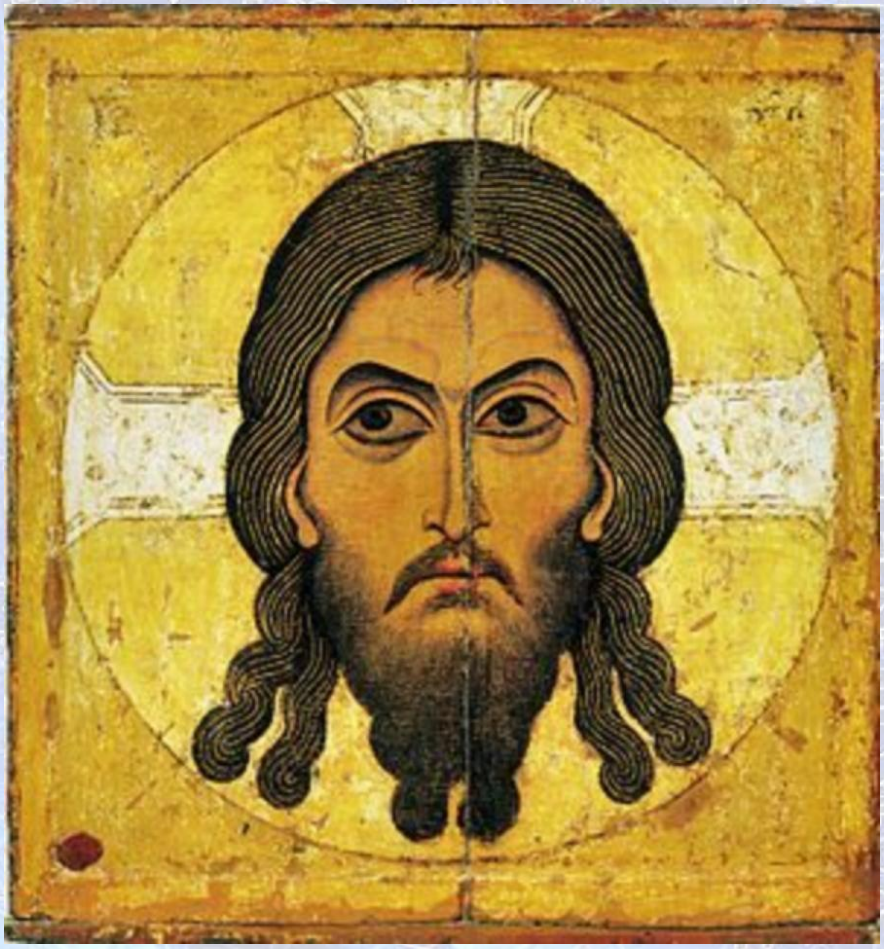
Объект же (который одновременно и субъект) (транс)гуманизма изменчив и текуч, он не подвергается схватыванию и удержанию. Он не действует в смысле онтологическом, он пребывает, колеблется. Сегодня я такой, завтра — иной, и у вас нет никакого права меня судить, ибо нет самого объекта осуждения (как нет и субъекта), вы осудили, а я уже — иной. Нет греха, ибо грех — лишь видимость, «ваше мнение».

Христианская вера благодаря своей фундированности в вечности, благодаря завету Христа о новой жизни, о божественности человека позволяет преодолеть эту текучесть, эту вечную нервозность самореализации. Так и следует понимать дихотомию исофиона и теозиса, данности и заданности, потенциальности и актуальности. Бог дарует нам свободу, в том числе свободу творчества, и уже на основании этого мы можем говорить о некотором исофионе, т.е. богоравенстве. Вопрос в том, как разгадать эту данность, вопрос ее реализации, заданности, перевода из потенциальности в актуальность, завершенности.

Если мы средотачиваем свободу в самих себе, совершая судорожные и беспрерывные акты самореализации, самообожения,

то свобода так и останется понятием сугубо потенциальным — я лучше буду всем (=никем), чем буду кем-то. Лучше буду жить бесконечно, чем вечно. В неоплатонизме (а христианство, по словам Хайдеггера, есть неоплатонизм для бедных) критерий зла заключается в бессодержательности, абстрактности действия. Чем более человек удален от блага Единого, тем менее он конкретен, тем более распылен. Тем меньше в нем вечности.

«Всем, всем буду, все испытаю, от жизни возьму все!» — кричит (транс)гуманист. А остается никем.



ВЕРА ЗЕЛЕНДИНОВА

Перезагрузка цивилизации: COVID -19 вместо Нового Завета.

На сайте Давосского форума в разделе «Пионеры перемен» появилась статья Десмонда Дикерсона «Четыре вещи, которые переопределят способы работы к 2025 году». Текст посвящён банальным по нынешним временам вещам: удалённой занятости, зелёной экономике, искусственному интеллекту и прочему. Главное в нём – короткая преамбула, перечёркивающая основы нашей цивилизации: «Если раньше время измерялось «до Рождества Христова» и «Анно Домини», то теперь вспышка коронавируса выявила новое чувство времени. Наше коллективное сознание теперь рассматривает его «до короны» и ожидает «Анно средство» (средство исцеления, лекарство).

Кто такой Десмонд Дикерсон, чтобы ниспровергать основы нашей цивилизации? Не важно, подсказали ему или он сам это придумал, а взрослые дяди одобрили, но в двух первых абзацах он озвучил важный тезис, в то время как сама статья представляет собой нагромождение плохо согласующихся между собой прогрессистских благоглупостей.

Например, он пишет о «фрилансе в маркетинге, менеджменте, инженерном деле и даже финансах», что согласуется с продвигаемой на сайте Давоса «Революцией перепрофилирования», которая, как утверждается, «обеспечит к 2030 году более качественные рабочие места, навыки и образование для (sic!) одного миллиарда человек».

Учитывая, что сегодня население Земли составляет приблизительно 7,7 миллиарда человек, возникает вопрос, что они собираются делать с остальными 6,7 миллиарда?

У Дикерсона есть ответ: «Автоматизация и искусственный интеллект увеличивают рабочую силу спрос на водителей продолжает расти, особенно в связи с резким ростом электронной коммерции». Совсем как у Гоголя: миллиарды одних курьеров.

А чего можно ждать от человека, который, судя по размещённой на том же сайте биографии, получил образование в сфере делового администрирования в сфере маркетинга и «занимается консультированием клиентов по вопросам оптимизации цифровых стратегий, взаимодействия с пользователем и вовлечённости»? Он – просто кукла, которой разрешили сказать важную вещь.

«Пионерам перемен» из Давоса вторит немецкий «Шпигель», назвавший христиан «главными врагами» демократии и борьбы с коронавирусом. Суть претензий в том, что эти «ужасные христиане» отказываются вписываться в общеевропейский тренд: они, конечно, тоже боятся заболеть, боятся за близких, но боятся недостаточно сильно, потому что в их сознании есть понятия гораздо более важные, чем страх и болезнь.

Жизнь в вечности и в истории

В начале пандемии в информационном поле возникла дискуссия, чем является COVID-19: причиной экономического кризиса или прикрытием, на которое умышленно списывают проблемы, давно существовавшие в мировой экономике? Сегодня уже понятно, что одной экономикой дело не ограничится.

Сначала под предлогом защиты жизни и здоровья населения началось агрессивное вторжение в социальную сферу и частную жизнь людей. Затем эти экстренные меры были объявлены нормой. Более того, их стали трактовать как правильное, прогрессивное обустройство жизни.

Теперь добрались и до самой сердцевины нашей цивилизации, до христианства с его ценностными основами и пониманием истории, в котором отсчёт новой эры идёт от Рождества Христова. Сто лет назад философ Николай Бердяев писал, что «история есть свершение, имеющее внутренний смысл свой центр, своё связанное одно с другим действие, история идёт к факту – явлению Христа – и идёт от факта – явления Христа» («Смысл истории»).

Именно подобное ощущение включённости в историю, осмысляемое как бессмертие, доминирует в христианской культуре, на которой построена европейская цивилизация.
Поэтому даже сама мысль сделать COVID-19 или появление средства по излечению от него точкой отсчёта новой эры является попыткой слома культурных кодов: замены веры в бессмертие души со всеми вытекающими из неё моральными императивами на страх, а жизни в вечности и истории – на заботу о здоровье и благополучии.

«Большая перезагрузка» на волне ковида
Смысловой сдвиг, заявленный в упомянутой статье, прекрасно вписывается в проект «Большой перезагрузки», продвигаемый основателем и бессменным председателем Давосского форума Клаусом Швабом. По его высказываниям можно проследить эволюцию этой идеи.
В 2012 году Шваб заявил: капитализм в его нынешнем виде изжил себя и «абсолютно не вписывается в модель современного мира». В 2015 году в статье «Эпоха адаптации» он поставил вопрос о необходимости глобального переустройства мира. Тогда же был введён термин «Четвёртая промышленная революция», суть которого Шваб раскрыл в книге «Технологии четвёртой промышленной революции».
В начале 2016 года он объявил о начале четвёртой промышленной революции и переходе в эпоху трансгуманизма. Пояснения были даны в интервью Zeit Online: «Движущей силой настоящего прогресса является не государство, а предпринимательская способность отдельного человека».
На тот момент эти заявки почти никого не насторожили. И напрасно, потому что здесь речь тоже шла о доминанте личного (отдельного человека) и об отрицании государства, которое является формой существования народа и страны, то есть об отказе

от общности и общей истории. В такой логике ковид вполне может стать точкой отсчёта новой эры.
Всё изменилось в этом году, когда уже в первые дни пандемии эксперты заговорили о том, что она придаст ускорение развитию цифровых технологий, а управленцы начали внедрять их в разные сферы социальной жизни.
Потом вышла книга Шваба «COVID-19: Великая перезагрузка», в которой он прямо говорит, что хотя ковид «не представляет экзистенциальной угрозы», его нужно использовать для создания нового мирового порядка, «формирования системы для постковидной эры».
И даёт понять, что заинтересованные в перезагрузке элиты не позволят жизни вернуться в нормальное русло.
Главной темой в повестке Давоса 2021 года заявлена «Большая перезагрузка», которую уже называют «мостом» к продвигаемым ООН планам устойчивого развития. В результате создаётся впечатление, что собирающиеся в Давосе элиты ждали только повода, чтобы начать процесс судьбоносных преобразований.

В поисках трансформационного события
К началу нулевых в среде неоконсерваторов (смесь троцкизма и либерализма) оформилась идея необходимости глубокой трансформации мира, и были сформулированы требования к трансформационному событию (это их термин), способному стать катализатором «нужных» процессов. Оно должно быть тотальным (затронуть весь мир) и растянутым во времени.
Во исполнение задуманного в сентябре 2000 года организация «Проект нового американского века», в мозговой центр которой входили Ричард Чейни (будущий вице-президент США), Дональд Рамсфелд, (будущий министр обороны в администрации Джорджа Буша-младшего), Пол Вулфовиц (занимал посты заместителя министра обороны при Буше-старшем и Буше-младшем и придумал ещё в начале 90-х термин «однополярный мир»),

выпустила доклад «Перестройка обороны Америки. Стратегия, силы и ресурсы для нового столетия».
Среди прочего там сказано: «Процесс трансформации, даже если он принесёт революционные изменения, будет долгим, без какого-либо катастрофического катализирующего трансформационного события, как например, новый Перл-Харбор».
Упоминание в этом контексте Перл-Харбора прочитывается как намёк на рукотворный характер трансформационного события.
В этом докладе много интересного, например: «Война будет вестись в космосе, киберпространстве и в мире микробов… Будут применяться передовые формы биологической войны, которые могут нацеливаться на конкретные генотипы и перевести биологическую войну из сферы террора в политически полезный инструмент (politically useful tool)». Здесь комментарии излишни.
События 11 сентября 2001 года Рамсфелд назвал «достаточно шокирующими, чтобы люди захотели защиты сильной армии».
Последствия известны: «Патриотический акт», реорганизация спецслужб, дополнительные полномочия Северному командованию, Афганистан, Ирак.
Промежуточные итоги были подведены в появившейся сразу после вторжения в Ирак «Инструкции по планированию трансформации», где сказано, что «война с терроризмом – это трансформационное событие, которое требует переосмысления нашей деятельности»
Во всём этом нет никакой конспирологии. Достаточно внимательно читать то, что они пишут о своих планах. Сегодня трансформационным событием стал COVID-19, а рупором «Большой перезагрузки» – Шваб.

Трампа валят как противника «Большой перезагрузки»
Тема глобальной перезагрузки под прикрытием пандемии мелькает в открытых источниках достаточно давно, но информационный

бум вокруг неё начался где-то через неделю после президентских выборов в США.
Энтузиазм, с которым видные либералы всего мира признали победителем Джозефа Байдена и тут же принялись публично присягать проекту «Большой перезагрузки», свидетельствует о готовности мировых элит к глобальному переформатированию, которому мешает президент США Дональд Трамп.
Здесь тоже не нужно ничего домысливать. Достаточно посмотреть, кто и что говорит, и обратить внимание на связь имени Байдена с «Большой перезагрузкой»: они везде стоят рядом.
Бывший госсекретарь США Джон Керри: «Идея перезагрузки является [сегодня] более важной, чем когда-либо прежде. Я лично верю в это… Мы находимся на заре чрезвычайно захватывающего времени… И я знаю, что Джо Байден верит в это».
Председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен: «В лице Байдена Европа вновь обретает друга в Белом Доме. Евроатлантическое содружество будет способствовать написанию свода правил для цифровой экономики и цифрового общества… Необходимость глобального сотрудничества и ускорение перемен будут движущими силами «Большой перезагрузки».
В том же духе высказались новый директор Международного валютного фонда (МВФ) Кристалина Георгиева, генеральный директор корпорации British Petroleum (BP) Бернард Луни, глава Mastercard Аджай Банга, президент Microsoft Брэдфорд Смит и другие.
Примечательно, что в этом списке фигурирует председатель комитета Китайского общества финансов и банковской деятельности, член комитета по денежно-кредитной политике Народного банка Китая Ма Цзюнь. Он входит в группу китайских «комсомольцев» – оппозиции лидеру Китая Си Цзиньпину, тесно сотрудничающей с американскими демократами.

У проекта «Большой перезагрузки» немало врагов

Элитные планы переустройства мира нравятся далеко не всем. В Европе митингуют против незаконных ограничений. Суды завалены исками, оспаривающими конституционность принимаемых властями мер. Появляются публикации, разоблачающие замыслы глобальной элиты. Отдельные представители образованного класса, церкви и политического истеблишмента прямо заявляют о надвигающейся на мир опасности.

Бывший австралийский сенатор Кори Бернарди говорит, что «Большая перезагрузка» – это попытка элитных миллиардеров навсегда ограничить гражданские свободы они используют истерию по поводу общественного здравоохранения в качестве своего последнего оружия».

Американский архиепископ Вегано в открытых письмах обращается к Трампу: «Целью «Большой перезагрузки» является навязывание диктатуры здравоохранения… и либертицидных (от латинского caedo – убивать) мер… Те, кто не примет эти меры, будут заключены в лагеря или помещены под домашний арест».

Ему вторит председатель Государственного Банковского института, адвокат Эллен Браун (США): «Ни одной стране не будет позволено отказаться… Мы должны добиться, чтобы изменения служили людям и производительной экономике, сохраняя при этом наш национальный суверенитет и мс трудом завоёванные личные свободы».

На прошлой неделе гневной филиппикой в адрес «Большой перезагрузки» разразился известный американский телеведущий Такер Карлсон: «Это их шанс навязать совершенно беспрецедентный социальный контроль, чтобы преодолеть демократию и переиначить всё так, чтобы это соответствовало их странным теориям. Суть “Большой перезагрузки” в том, что люди у власти имеют право делать то, что не могут делать все остальные. Богатейшие люди мира это поддерживают. Билл Гейтс это

поддерживает. Как долго может продолжаться эта странная, но хорошо различимая смесь лицемерия и авторитаризма?».
Депутат от Народной партии в Конгрессе Испании Тереза Астольфи предупреждает, что «новый мировой порядок может сам свести себя с ума». И она права: именно это, судя по попытке разрушить основы цивилизации, заменив Христа на COVID, сейчас происходит.

(https://octagon.media/mir/)

Александер Бобров

Христос - трансгуманист.

Цитата: «Воскрешение» как «работа наномашин», «непорочное зачатие» как искусственное оплодотворение, «превращение воды в вино» как работа нанофабрики, «воскрешение Лазаря» как восстановление архивированного где-то сознания, «праведник, севший одесную престола Бога»: эмулированное сознание, всегда наслаждающееся и сверхразумное? Воистину, в Библии не так уж и много нереального».

"Я верю в Бога настолько, что верю в человека и технологии. Я верю в человека и технологии настолько, что верю в Бога».

Современный трансгуманизм с его идеей сверхчеловека, «основанного» на мощных кибернетических и моделирующих интеллект и личность технологиях — одно из наиболее

влиятельных в настоящий момент мировоззренческо-философских течений. Его главной идеей, как известно, является утверждение о том, что человек как биологическое существо — есть переходный этап в бесконечном эволюционном развитии разума, стремящегося обрести бессмертие. Такое бессмертие для современного «телесного человека», существа «низшего рода» (термин приведен без «уничижительного смысла»), несовершенного в своем тленном и смертном теле, трансгуманистам видится в достижении миром людей и машин состояния «технологической сингулярности» — временной точки, когда возможности и производительность машин и компьютеров станут настолько велики, что значительно превзойдут возможности человеческого интеллекта и смогут генерировать для него такие устойчивые «виртуальные реальности», мыслеформы, образы и копии сознания человека, что дадут человеку возможность «жить вечно».

Альтернативным способом мыслить в этом же направлении является представление о том, что человек путем замены собственных частей тела на технологически произведенные «запасные части» сможет обновлять организм до «временной бесконечности», а внутренние повреждения чинить с помощью нанороботов, восстанавливающих состояние организма на клеточном нано- и микроуровне. По мнению классических трансгуманистов с помощью названных технологий должно быть достигнуто бессмертие.

Изложенные Выше постулаты «классического трансгуманизма» о «достижении бессмертия» во многом радикальны, в частности, классический трансгуманизм старательно полностью игнорирует возможность случая «случайной смерти» машинного разума или киберорганизмов, даже если они функционируют в почти безопасном «распределенном режиме», случая утраты «копий сознания» при аварийном разрушении архивных медиа-носителей,

технологических аварий, которых способны уничтожить как саму по себе кибер- и компьютерную технику в ее «материальном виде», так и «архивированные и текущие данные о эмулируемых сознаниях».

Итак, исходя из сказанного, утверждение классического трансгуманиста о том, что «человек с помощью технологий обретет бессмертие» трезво мыслящему человеку — а автор и читатель сей работы, надеюсь, именно таковы - следует принять в следующей формулировке: «человек с помощью технологий может значительно продлить свою жизнь, в том числе, в десятки, сотни, а может и даже тысячи и тысячи раз, однако обрести истинное бессмертие не сможет, ибо и кибер-человек и интеллектуальная машина существуют в пространстве «случая» - в «неопределенности», в любой момент способных разрушить их».

Итак, если мы принимаем утверждение - «никогда не может быть созданы полностью гарантированная защита от случайного разрушения систем, полностью стабильно - без поломок - функционирующий механизм (сеть механизмов), полностью обеспечен необходимый запас и приток энергии для всё увеличивающегося числа машинных сознаний и киберорганизмов» мы принимаем — рассуждая здраво, трезво и объективно - «никогда не может быть достигнуто бессмертие на базе технологического прогресса, может быть лишь значительна продлена жизнь человека». Итак, даже полагая надежды на «технологическую сингулярность» и «классический трансгуманизм» мы должны трезво признать, что продолжаем быть смертными и когда-нибудь, как не защищались с помощью технологий, умрем.

Мне скажут: «Но, может, эта вероятность случайной смерти не затронет нас, может «неопределенность» не будет уничтожать нас».

Я отвечу тем известной шуткой: «Я решил жить вечно. Пока получается».

Итак, представление классического трансгуманизма о всемирной истории адекватно не описывает наше будущее. Но — что тогда ждет нас, если не «бессмертие в сияющей хромом технологической сингулярности»? Каково наше будущее?

Я, автор этой статьи, сам являюсь убежденным полным, почти фанатичным, приверженцем теории трансгуманизма (и изложенной ниже ее модификации) и нисколько не сомневаюсь в том, что силами разума возможно достижение человечеством стадии и «технологической сингулярности», и эффективное архивирование данных о работе человеческого мозга, и эмулирование работы сознаний и превращение человека в киберорганизм на основе «биологического человеческого мозга». Даже, я полностью уверен, что «так и будет».

Впрочем, оговорюсь, дабы быть понятым правильно: я не верю в возможность «обретения машиной и программно эмулируемым сознанием собственного Я», однако — при этом верю в то, что машина может, эффективно самообучаясь, вести себя так, будто она «обладает собственным Я», то есть выказывать поведение, похожее на наличие у нее «Я», вплоть до именования себя «Я», но — реальным «духовным», «человекоподобным» «Я» обладать не будет (доказательство того лежит за пределами настоящей работы и, возможно, будет сделано мной в отдельной статье).

Как же тогда нам понимать прогресс, как понимать подступающий мир гремучей смеси «живых», т.е. «старых людей», машинных сознаний и киберорганизмов, если мира бессмертия не предвидится? Как же нам быть, если наша опора — «классический трансгуманизм» — оказалась настолько не прочна?

Давайте действовать честно и рассуждать здраво — объективно.

Мы все желаем достижения личного бессмертия. Даже после приведенного выше стройного опровержения «возможности технологического бессмертия» мы будем продолжать желать бессмертия — парадоксальные мы существа! Эту идею, «идею бессмертия», невозможно «выбить» из наших голов никакими трудами автора этой статьи или экзистенциалистов — ведь мы, люди, таковы, что готовы поставить под сомнение само наше «знание», сказать: «знание — неполно», лишь бы иметь надежду на свое собственное бессмертие.

Именно из этого «неразумного», «нездравого», нелогичного «желания бессмертия» мы продолжаем пользоваться лекарствами, продлевать как можем свою жизнь — ведь мы хотим жить как можно и можно дольше: вдруг найдут «Эликсир вечной жизни» - через год, десять лет и раздадут его всем нам бесплатно?

Однако, как бы не развивалась техника и медицина, у нас до сих пор нет и не будет никакого средства, чтобы стать «истинно бессмертными». Кроме, пожалуй, одного — также, как мы верили в «классический трансгуманизм», так легко разрушенный простыми объяснениями о «неопределенности», - поверить в то, что «когда-то мы — или, скорее, кто-то еще - будет знать и уметь настолько много», что все же сможет дать нам «реальное, истинное бессмертие». Единственное средство для тех, кто желает бессмертия: поверить в это «невидимое нами сейчас», не «находящееся перед нашим носом», «бездоказательное». Но — как, если силы разума, даже самые лучшие, выраженные в технологиях, отступают перед «властью разрушающей все неопределенности»?

Рассмотрим все по порядку.

Тезис первый — мы всегда будем исполнять в себе механизм «реализации личного бессмертия», как бы нас не убеждали в его невозможности. Следовательно, за «классическим трансгуманизмом» придет «новый трансгуманизм», за ним — очередной и очередной, но — каждый из них будет также опровергнут, как сейчас опровергается наш, «классический», пока, наконец...

Пока, наконец, (есть только два варианта)

нечто — сотворенное из нас, или сотворенное сотворенным из нас (мы сотворим из себя киборгов, они из себя - … и так далее до «конца времен»),
нечто - что придет откуда-то «из другого мира», как бы «извне», «не из нас»
не даст нам «истинное желаемое нами бессмертие».

Ведь, если механизм «поиска бессмертия» в нас кем-то или чем-то запущен — разве мы, люди, остановимся? Нет. Мы все равно будем искать его, даже если нам придется перепахать для этого, высосать в качестве энергий «всю Вселенную».

Сложно верить, что это будет первое из названных существ - «то, что будто сделано из нас» - ведь оно должно быть разумно, а разум — всегда меньше «неопределенности», которая властвует над ним, порождая «случайности» и «непредсказуемые событий» - как бы наши «программные модели прогнозирования событий» не были бы мощны. Впрочем, не менее сложно нам поверить, что это будет второе существо («не от сюда», «не из нас самих», «не из разума»), ибо мы тогда должны будем поверить в существование чего-то иного, трансцендентного по отношению к нам, чего-то, что «выше

нас» и много могущественнее, в то, что «не подвержено случайности и неопределенности», что властвует над «неопределенностью» - в некий «аналог» всевластного и всезнающего Бога, либо — в него самого.

Мы вправе выбирать — что это будет — первое или второе. Либо — мы должны попросту отказаться от идеи своего бессмертия. Только три альтернативы.

Все также, как и две тысячи лет назад, у нас, «людей эпохи технологического трансгуманизма», нет ничего, кроме свободного выбора и веры.

Тезис второй: только три альтернативы.

Как же нам сделать выбор между тремя альтернативами:

первой — верить в то, что бессмертие создаст сам человек или то, что будет после него и из него; второй — верить в то, что бессмертие будет дано нам «свыше» - нам его даст Бог или нечто, являющее собою «всю неопределенность всех событий», окружающих нас (следует понимать, что этим существом не может быть ограниченное в знании «не верховное, языческое божество», а только единый и всевластный Бог); третьей — вообще отказаться от бессмертия?

Рассмотрим первый случай. В первом случае развитие цивилизации к бессмертию идет «от человеческого разума», через него и того, что сотворяется им же - из самого себя. К бессмертию человек стремится через свое познание окружающего мира, а также через понимание собственных психических реакций. Здесь — мир будущего, это мир где свою жизнь человек поддерживается

сверхмощными программно-аппаратными моделями рационального, рационализирующего, математизирующего все разума, ибо у нас — а значит, и у него - нет никакого иного способа «стабильно», с «заданной целью», долговременно оперировать реальностью, кроме как через «алгоритмичность» и «детерминизм» (хотя такой разум может использовать иные, «не человеческие» виды логик). Ничего, кроме «алгоритмичности и детерменизма». Но — никакой алгоритм не может стать «неопределенность», сравняться с ней. Он, детерминизм, противоположен «неопределенности». Конечно, мы можем софистически отринуть «окружающую нас неопределенность», утверждать, что реальность есть «нечто на стыке» детерминизма и хаоса и потому мы ее как-то якобы можем познать, но — смешивая «детерминизм и хаос» мы будем всегда получать «детерминизм и хаос» - у нас нет логического инструмента, чтобы познать их вместе, в единой сущности. Никакая логика не может слить их воедино, ибо на этой грани нет вообще - логики. Даже если мы смоделируем новый объект «детермохаос», он всегда будет разваливаться на два «человеческих», «для разума» субобъекта - «детерминизм» и «хаос». Иного не дано. Таков человек и все, что создает человек из самого себя.

Итак, если достижимо истинное бессмертие на этом «пути номер один» то, следовательно, знание (детерминизм) должен настолько расшириться, стать настолько полным, что должен сравняться со «всем миром», достичь всех границ всех пространств и всех управляющих его законов так, что не останется «неопределенности», управляющей материей извне ее, «неопределенности», в которой и таится, как мы поняли Выше, сама возможность случайной смерти. Это значит, что наш разум должен стать «всем миром, всем пространством, всеми смыслами пространства».

Да, эта мысль не противоречива: если вселенная, мир энергий — исчерпаем, то, возможно, когда то с помощью накопления знаний и технологического прогресса мы «выжмем вселенную как лимон», наше знание захлестнет все, станет равным всему миру и тогда — мы все — обретем бессмертие. Зная все — мы будем существовать вечно.

Но, познав все и «выжав вселенную», парадокс, мы достигнем и границ «развития разума», «Границ жизни», «исчерпания энергий», остановимся — а, значит, …. умрем. Снова смерть! Нет, по этому пути нам пойти невозможно. Здесь нет бессмертия.

Следовательно, рассуждая разумно и стройно, мы должны признать, что в нашем знании, в познании и эволюции, основанной на знании, нет пути к истинному бессмертию, хотя, конечно, мы, рождаясь и умирая, тысячи и тысячи поколений, со все возрастающей мощью нашего интеллекта, будем неотступно идти к нему.

Итак, в достижение бессмертие через «человека» или творимого ими технологиями мы не можем «верить» — это было бы нерационально, необъективно. Технологии же никогда не смогут стать «нечеловеческими», ибо их каркас, их сущность — человек, и они, потому, будут нести на себе отпечатки главных проблем человека.

Рассмотрим второй случай. Предположим, бессмертие теоретически (что, впрочем, никаким доказательством не подкреплено), может быть дано нам «свыше», извне, не из нас, чем-то «иным». Просто так — мы хотим его — и вдруг - «система высшего уровня», «высший уровень матрицы», «неопределенность»

решит, что мы достойны своего великого желания и — хватит нам его чувствовать — подарит нашим сознаниям (душам) вечность.

Да, мы легко можем в это верить — у нас нет никаких логических аргументов «против этой возможности». Единственный аргумент против таков: «этого никогда не было, потому нет вероятности, что это произойдет позже». Это логическая ошибка: логически стройно утверждать так: «этого никогда не было, потому нам неизвестно, есть ли вероятность, что это произойдет позже, или такой вероятности нет; то есть, такая вероятность есть.».

Вдруг, действительно, «неопределенность» примет такую суперконфигурацию, что мы в какой-то момент начнем «жить вечно»? Неопределенность на то и неопределенность, чтобы хранить в себе любую «возможность». Реальность же «смертности» у нас уже есть. Значит, в области возможности теперь находится «бессмертие».

Согласитесь, будучи «человеком разумным» намного рациональнее «верить в возможность», нежели в «невозможность». А второй путь явно «возможнее» первого, в нем есть место для «вероятности бесмертия». Да, верить в «бессмертие сниспосланное» много более целесообразно и разумно, чем верить в то, что мы «сами его себе сделаем».

Вопрос в том — что же это за «неопределенность», каковы ее внутренние законы и механизмы, ее «желания», можем ли мы от нее ждать, надеяться на то, что она подарит нам «всего лишь вероятное» бессмертие? Важно понимать, что «неопределенность» - это то, где власть разума и «понимание человека» заканчивается. Ее не описать словами и логикой, она — вне этих категорий, она самовластна и тем - намного больше нас. Мы — в ее власти. Она, неопределенность, рождает ситуации, события, неожиданности.

Это из нее мы, люди, черпаем свои «открытия» и из нее берем «кирпичики» - факты для наших «новых знаний и технологий». Она, «неопределенность» поставляет нам то, что мы будем узнавать — неожиданности рождения открытия «новых планет», их особенностей, неожиданность обнаружения новых суперпозиций элементарных частиц. Именно она кормит и питает наш жадный до определенности разум. И она — это вероятно - неисчерпаема...

«О, самовластная неопределенность, в руках которой и познанный нами мир, и сам человек, и жизнь человека и его душа! Да, мы можем игнорировать тебя, но — неразумно забывать о твоей власти над всем миром. Неопределенность, питающая и взращивающая нас, неопределенность, обладающая всеми признаками Бога.»

Итак, исходя из сказаннго, разумно думать, что «неопределенность», окружающая наш «познанный мир», может дать нам истинное бессмертие.

Рассмотрим третий путь — путь «бессмертия вообще не существует».

Это путь рационального разума, который, исходя из известного нам положения дел на Земле сегодня и ранее, исходя из нашего «повседневного знания», «здравого смысла» говорит нам — сейчас бессмертия нет, значит его не может быть никогда. Нам, трезво мыслящим, нужно согласиться с тем, что это вполне вероятно. Пожалуй, также вероятно, как и то, что бессмертие, которое может подарить нам «неопределенность», существует.

Впрочем, нам интересно сравнить эти «две вероятности» в количественном соотношении — что вероятнее?.

«Третий путь» — «бессмертия — нет» - это тоже, как и второй, путь веры, точнее, неверия. Неверия в то, что мы, люди, чувствуем «тягу к бессмертию», к «вечной жизни» для того — чтобы, действительно, иметь возможность жить вечно. Идущий по третьему пути не верит в человека, в то, что и жизнь, и желания человека имеют смысл, некую цель. Он верит в бессмысленность. Такой человек не верит в наши желания, в мое, в Ваше. Он мыслит рационально, ибо исход «бессмертия — нет» — тоже вероятен, но он не верит в свое желание и свой — генерирующий смысл — разум — и потому, отрицает реально существующий в каждом человеке факт - «желание жить вечно» и «наличие смысла в природе». Следовательно, его модель вероятности построена на ложном умозаключении — на игнорировании важного факта, управляющего движением реальности. Следовательно, вероятностная модель человека «отрицающего возможность бессмертия» имеет значительно более низкую прогностическую точность, чем вероятность развития истории по «второму пути», которая не имеет названного порока.

Итак, вероятность «не быть бессмертным» ниже, чем «обрести когда-то вечную жизнь».

Итак, мы установили, что вполне рационально и разумно - верить в свое будущее бессмертие. То есть, быть истым трансгуманистом.

Вопрос только в том, как нам, людям смертным, «всевластная неопределенность», точнее «воля неопределенности» подарит это бессмертие? Какую технологию для того она изберет? Будет ли это вообще — технологией?

У меня есть на этот счет некоторые предположения, которые я излагаю в своем футурологическом романе и обсуждение которых лежит за пределами настоящей статьи.

Сейчас же нам важно понять, как обращаться - как общаться - с неопределенностью так, чтобы она «подарила нам бессмертие». Этот вопрос также я вынужден вынести за пределы настоящей статьи, изложив собственное мнение — мнение «христианского трансгуманиста» - лишь тезисно.

По моему мнению, «неопределенность» скрывает в себе очень много властных и могущественных «вихрей», которые с помощью «точек влияния на известную нам реальность», творят факты, которые мы осознаем как «случайности». При этом случайности — и многие наши мысли, многие наши желания. Все вокруг и в нас творится при участи и неопределенности, «сущности, пока не познанной нами». Конечно, познавая что-то, мы вроде бы уменьшаем влияние неопределенность, но — это иллюзия, новый факт, сгенерированный ей, может изменить все наши представления о познанной нами реальности, как уже не раз бывало в истории науки.

Кроме того, я уверен, что «неопределенность», управляющая через события и случайности нашими мыслями и желаниями, маскируя свою волю под «ее отсутствие» через предоставление нам «идеи свободы воли», на самом же деле знает все про нас и про наше будущее.

Влияние «вихрей неопределенности» можно отследить — это не сложно сделать статистически: в романе я подробно рассматриваю технологии, которые позволяют извлекать из «неопределенности» статистически точные модели «механизмов образования вихрей» влияющих на каждого из нас и даже «эмулировать их работу», «откусывая разумом куски от неопределенности».

«Неопределенность» для меня имеет свою, иногда проявляющуюся структуру, которую целиком познать, конечно, нельзя. Ее структура - это совокупность «глобальных моделей и механизмов влияния на известную нам реальность», в том числе, на психические и физиологические процессы нашей природы. Отдельно я описал и технологии, которые позволят «извлекать из неопределенности», «блоки и механизмы», влияющие на нас в том или ином аспекте, тем самым исследовать влияние «неопределенности» на «определенность», то есть на разумный и известный нам мир, на наше знание о нем.

Впрочем, во всем сказанном мною о «структуре неопределенности» нет ничего нового и разумные и рациональные люди прошлого давно знали о ней, поименовав «механизмы», входящие в «структуру неопределенности», называя ее «Богом»: воля Бога, ангелы и архангелы, конструирующие влияние на нас сил «любви», «добра», «желания бессмертия», «вечной жизни», «возвращения в Эдем» и «к идее Бога», это дьявол и демоны, конструирующие влияние на нас сил «зла», сил желания познания, эволюции, страстей, плотского наслаждения, это и Святые Престолы, и Святые Серафимы и т.д. «Механизмы», «функции» неопределенности — ангелы и демоны и еще многое непознанное в ней — генерируют множество событий в нашей реальности, в наших сознания, в наших планах, в структуре наших желаний и мотивов. Мы принадлежим ангелам и демонам настолько, насколько они проникают через «случайность» желания, «случайность» новой мысли в нас. Ангелы и демоны — реальны и их влияние на людей может быть статистически выявлено.
Впрочем, чтобы легче привыкнуть к моему ходу мысли и извлечению «процессов» - ангелов и демонов, святых и серафимов - из «неопределенности», мы назовем их «функциями структуры»: «Функция-процесс Архангел», «Функция-процесс дьявол», «Процесс под названием «Восстановленное в пространстве непознанного нами- неопределенности - сознание святого Иоана Дамаскина» и

так далее. И пусть читателя не коробит от слов «Добро» и «Зло», которые я использовал выше: никто из нас, в том числе и Ницше, не смог перейти за его, «добра и зла» пределы, ибо за границей «добра и зла» лежит лишь зло, воля к познанию и власти — а они — согласно Библии - вверены во власть дьяволу. При этом, как мы показали, через познание (первый путь) — как и предсказывала Библия - не лежит пути к «истинному бессмертию».

Итак, как мы теперь видим, человеком, который полностью изложил нам все базовые принципы трансгуманизма явился Иисус Христос, а исчерпывающие постулаты трансгуманистического учения содержатся в Евангелиях.

Ведь Евангелие — это не только «путь к вечной жизни», не только описание того, как нам «придти к бессмертию» при помощи «Бога» - «неопределенности» и механизмов неопределенности - «Ангелов», но и одно из наиболее точных описаний эволюционного пути человечества, пути познания, знания и науки.

Нужно лишь учесть лингвистические сложности - две тысячи лет назад у людей не было «технологий», чтобы излагать суть вещей «технологическими терминами»: возможно, живя сейчас Евангелист написал бы: «Иисус воскрес, как если бы его вернули к жизни проникнувшие в его плоть нанороботы» (эта фраза, поверьте, приведена здесь как не более, чем шутка).

В Библии — стройном учении — собрано очень много идей трансгуманистов, по сути — Библия с ее «вечной жизнью» и «жизнью праведников, которые сядут одесную престола Бога» - учебник по развитию идеи трансгуманизма, «по воскрешению», по — «обретению рая». Если мы сможем восстанавливать и моделировать клетки наших организмов, разве трудно поверить в

то, что «неопределенность», Бог, не сможет «восстановить» их также как мы, люди, или не сможет восстановить «образы или слепки наших душ — сознаний»?

Если все, что происходит в реальности, у Него, всевластного, где то архивируется и пишется — что возможно и о чем говорит Библия (книга всех дел человеческих) - разве ему, Всевластному, будет сложно «смоделировать нас заново», если даже мы почти научились делать это?

«Воскрешение» как «работа наномашин внутри тел», «непорочное зачатие» как бесконтактное оплодотворение, «превращение воды в вино» как работа нанофабрики, «исцеление Лазаря» как восстановление архивированного где-то сознания, «сверхчеловек» - «праведник, севший одестную Бога»: нематериальное эмулированное сознание, всегда наслаждающееся и сверхразумное. Воистину, в Библии не так уж и много «нереального».

Итак, теперь много больше разумных аргументов, чтобы верить в Библию (второй из рассмотренных выше путей), а не становиться агностиком (первый путь) или атеистом (третий путь).

Есть и еще один важный вопрос - о том, почему именно Библия и Евангелия — точнейшие и лучшие документы современного трансгуманизма?

Мы оставим его для иных работ и размышлений самого читателя, пока же утвердив лишь то, что

Верить в Бога и Христа — первого трансгуманиста — не только праведно, но разумно и целесообразно.

Время сейчас такое — доказывать ранее считавшееся недоказуемым. Вопрос только в том — верить доказательству или нет, верить в Бога и Христа — или предоставить себя идеям Ницше.

Впрочем, и это решит за Вас тот, кто властвует над Вами — Бог или дьявол, хотя Вам и покажется, что Вы сделали полностью «свободный выбор».

СТАС НІКОЛАЕВСЬКИЙ

В точке Омеги лишь слепой и безумный бог Азатот.

Основные заблуждения, которые зародились в эпоху Просвещения и действуют до сих пор, можно охарактеризовать фразой: «наша (существовавшая на тот момент) этика - истинна, и разум - всесильный».

Используя человеческий разум можно построить Рай на Земле, ликвидировав все бедствия, войны и всяческие причинения друг другу какого-либо несчастья, воплотив в реальность этические принципы. Конец 19-го и начало 20-го века в особенности изобиловали техно-инженерными и социо-инженерными концептами, отражающими веру в то, что с помощью своего интеллекта мы построим идеальное техно-гуманитарное общество. «Проект Венера» лишь жалкая тень идей прошлого.

Были концепты перестройки биосферы, дабы озеленить все пустыни, объединение всех стран в единое человечество, особые методики воспитания детей дабы ликвидировать предпосылки к какой-либо агрессии в будущем и вылечить человечество от греха эгоизма.

Интеллектуальной кульминацией процессов, начавшихся в эпоху Просвещения можно назвать идею о «точке Омега», которую создал иезуит Пьер Тейяр де Шарден.

Идея состоит в том, что жизнь и Вселенная стремятся к максимальной свободе и максимальному сознанию, и люди как одно из высших степеней эволюции должны объединить усилия, связать все человеческие индивидуальности любовью и развив ноосферу до максимального уровня породить «Омегу», - некое высшее сознание и ступень бытия, которое аллегорически рассматривается как новое воплощение Христа. Это перекликается с марксизмом, где коммунистическое общество - это высшая и совершеннейшая форма самоорганизующейся материи.

Идеи Тейяра де Шардена вобрали в себя все от европейской мысли: всевозможные левые идеи и течения, христианство, гуманизм и зарождающийся в то время трансгуманизм. В каждой из них можно найти идеалы, которые философ воплотил в «Точке Омега». И эти идеалы максимально далеки от реальности.

Конец 20-го и начало 21-го веков положили конец этим наивным мечтам и представлениям.

В социо-политической сфере не сбылись чаяния о конце истории или смене экономической формации. Социализм построить не удалось ни на уровне отдельных небольших обществ, ни на уровне больших государств. В то же время, победа либерализма не остановила меж-общественные и меж-государственные конфликты.

Свободное распространение информации не привело ко всеобщей грамотности, а наоборот стало причиной еще более интенсивного распространения заблуждений, мифов и фрагментации знаний.

Будущее оказалось непрогнозируемым, для многих футурологов и технооптимистов мировые войны послужили причиной катастрофического крушения мировоззрения, породив постмодерн.

Ноосфера из детища и инструментария человечества оказалась сущностью, живущей «самой по себе» и преследующей «собственные» цели, подобно шоготам из «мифов Ктулху». Технологии развиваются неконтролируемым и непрогнозируемым образом. А их влияние на социум, культуру и отдельных индивидов носит скорее катастрофический эффект, поскольку способствует разобщенности, разрушению традиционного уклада и культурных ценностей. Левые утверждают, что все это из-за отчуждения результатов труда, пытаясь через выдумки избежать осознания: мы не контролируем техносферу\ноосферу, а являемся, скорее, одним из ее инструментов. Многие последователи экологизма, дауншифтинга и опрощения искренне критикуют техно-индустриальную Цивилизацию, но в то же время абсолютно не способны выйти из под ее влияния, и в ряде случаев даже не хотят этого. Освальд Шпенглер предвосхитил тотальное разочарование и выводы модернистов.

Реальность разбила наши идеи о всесильном разуме и способности человечества контролировать реальность. А сама наука, в частности космология и нейропсихология, как процесс изучения той самой разрушающей Реальности похоронили мифы о сознании и о том к чему стремится Вселенная.

Наша психика и все ее процессы - ни что иное как взаимодействие безликих программ в нейронных цепях. Все наши ценности, желания и мотивы лишь следствие эволюции и конституции тела. Игра дофамино-серотониновых реакций. А наше Я - подобно NPC в виртуальном мире. Сознание иллюзорно, желания и мотивы

продуцируются нейронными сетями мозга, а свобода воли - иллюзия.

Сама Вселенная стремится к энтропии и все вещество, крупнее пылинки закончит свое существование в черных дырах, которые через излучение Хокинга испарятся оставив лишь слабое излучение, приближающееся к абсолютному нулю в следствии вечного расширения Вселенной.

Профессор нейропсихологии и философии Оуэн Фленаган даже придумал отдельный термин: нейроэкзистенциализм, как особый невроз порожденный осознанием своей ничтожности и осознания Реальности как таковой, которой абсолютно плевать на нас, в которой нашим ценностям нет места.

Современный человек подобен героям из произведений Говарда Лавкрафта, некогда живущий своей жизнью, но обнаруживший настоящую реальность за пеленой своих иллюзий, отдельный внешний мир, живущий по своим законам, которому совершенно плевать на нас и наши ценности.

Можно принять мир таким как он есть, а можно, подобно левым плотно закрыть занавески и вообразить, что за окном лишь мираж, оставшись в плену гуманизма, идей о человеке как о чистом листе, на котором можно написать красивый полной доброты и пост-христианской этики роман, используя знания и правильное воспитание. И таким образом построить идеальный мир, где не будет войн и конфликтов, где все будут равны, где будет преображена экосистема планеты, где развитие технологий, подчиненных разуму и научному планированию приведет к преображению человечества, планеты и искоренению всех страданий, болезней и смерти.

Тогда «волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. (...) Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Исаия 11).

Но жизнь в иллюзиях имеет свою цену. Как показал 20-й век Реальность разрушает то, что противоречит ей.

HAPEKSAMENDEUS AA

Глобализм - «хашар» антикосмизма.

«Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом». (Мф. 12. 43 - 45)

На поверхностный взгляд, может показаться, что глобализм и неолиберализм, следуют путем параллельный антикосмизм, а точнее даже, самым мрачным и нигилистическим откровениям антикосмического сатанизма. То, что составляло само понятие человек и человечность, низводится либерализмом в ничто. Такие его тенденции как материализм, атеизм, космополитизм, уничтожение национальных государств, гендерное разнообразие и асексуальность, доводятся до логического предела, очищая человека от веры, традиции, расы, национальности, пола, лишая всякой коллективной идентичности и являя некого нового объекта истории, такого зомби-подобного обезличенного абсолютного потребителя «нового дивного мира» пластика, трансгуманизма, передовых технологий и гламур. На пьедестал истории возводится симулякр человека, который сам скорее уже вещь. На этом прогрессивным мыслителям кажется и наступит «конец истории», весь исторический процесс развития по их мнению был направлен, чтобы явить эту завершенную модель, которая является оптимальной и будет существовать до «скончания веков». В этом собственно они и видят прогресс.

Во все эти благоглупости верят сами модераторы либерального дискурса и скармливают их профанному большинству как стаду через СМИ и образование. Действительно, либерализм доводит

омертвение мира и духовное отчуждение человека до пределов, происходит как-бы материализация, «отвердение» мира. Это близко по смыслу с каббалистическим термином клиппот - «скорлупы». А вот под ними, на более глубоких уровнях, лежат действительно деструктивные энергии инфернальных сил.

Таким образом, весь этот современный либерализм, является лишь уловкой для незнающих, подготовительным периодом, что пробьёт дорогу этим инферно-деструктивным силам, и сам станет их первой жертвой под Неминуемым. «Тех чёрных тварей, чьи шаги сотрясают землю и небо» - по словам Соломона. То, что сам либерализм отрицает, как невозможное, называет мракобесием и безумием, явит из-за их самонадеянной глупости свой истинный лик в полном объёме.

Будто в евангельской притче, либерализм выгнал из мира и человека демонов нацизма и коммунизма, и явил пустоту, неолиберализм сам пустота и ничто. Но говоря о Ничто он не знает, что на самом деле речь идёт не о простом отрицании и отсутствии «бытийного принципа» (чем является классическое "небытие"), но о Начале, ИНОМ по отношению к «бытийному принципу». Поэтому неизбежно являются «семь злейших» прежнего в этой пустоте.
Теперь, когда было изгнано из мира всё сакральное в его светлом, сверхразумном аспекте, мир столкнётся с тёмной, негативной, карающей его стороной.

Отсюда появляются такие идеи в «тёмном просвещении» как «ускорение» и акселерационизм, то есть как ускорить, довести до крайности все неолиберальные тенденции, абсолютизировать капитализм, но не для того, чтобы солидаризироваться с ними, а

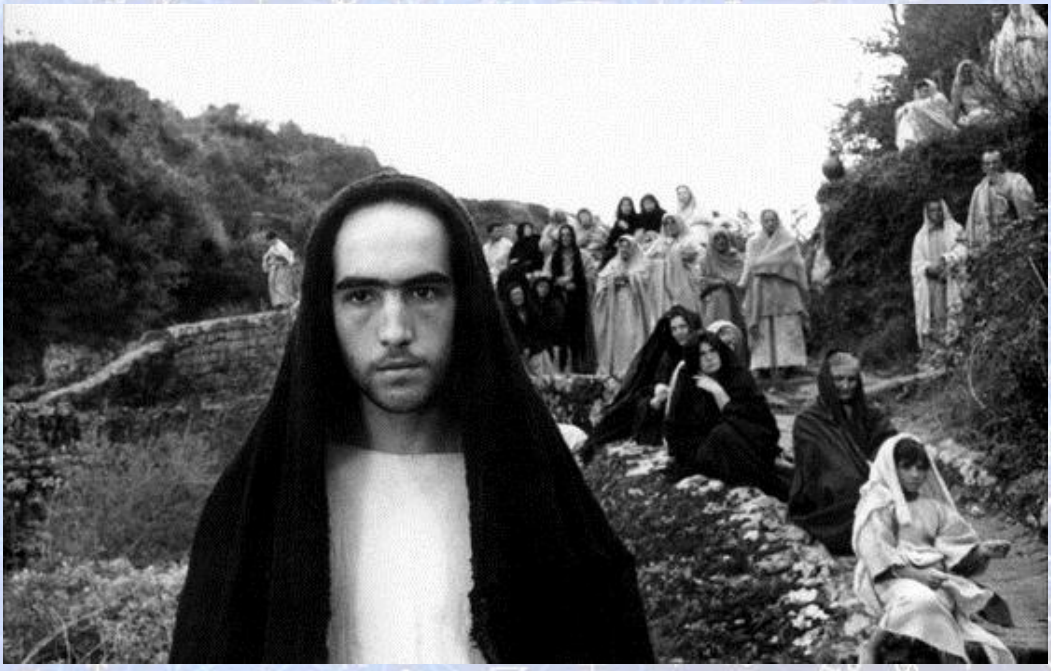
для того, чтобы таким путём разрушить, приведя в мир эти деструктивные силы, для явления ИНОГО.

Глобалистский либерализм становится «хашаром» для антикосмического сатанизма. Хашар - это порабощенные монгольским войском массы, пленные рабы лишённые всего (подобно людям-объектам либерализма), которых монгольские завоеватели гнали многими тысячами впереди своих армий живым щитом. И по массе из их трупов они въезжали на завоеванные территории, их телами запруживали реки, чтобы переправилась монгольская конница, их как стены из мяса выставляли на приступе городов, хашар выполнял самые грязные подготовительные работы для армии.
По мясу либерализма и его адептов, состоится пришествие таких Сил, о которых сами порабощенные массы глобализма лишённые всего, и их слепые, напыщенные в своей глупости пастыри даже не предполагали. Глобализм с его либеральным проектом, выполнит роль лишь такого хашара для антикосмического Пришествия Тёмного Эона.

Laterna magica

Мари Лерча

Фигура Иисуса Христа у Мела Гибсона и Пьера Паоло Пазолини.



(Актер, сыгравший Христа в фильме Пазолини, Энрике Ирасоки, умер 16.09.2020)

«История Иисуса», вероятно, больше всего представлена на большом экране. Его послание и его страсть не оставляют равнодушным никого, и мир кино не является исключением из правил. Однако «Иисуса из Голливуда» часто санируют, чтобы угодить миру в целом, чтобы он был якобы более «прибыльным». Но, к счастью, режиссеры иногда рискуют дать более личное представление о судьбе Иисуса, и в результате получается фильм, который нужно обязательно посмотреть.

Среди них фильмы: «Страсти Христовы» Мела Гибсона, выпущенные в 2004 году, и «Евангелие от Матфея» Пьера Паоло Пазолини, выпущенные в 1964 году. Несмотря на то, что они очень разные, они дают взгляд с особым акцентом на фигуру Христа. Эти два фильма также вызвали сильные споры после их выпуска, в обоих случаях несправедливые, но предсказуемые.

Истина о страстях Христовых и радикальность послания Христа.

Чтобы определить, что объединяет эти два фильма, которые на первый взгляд очень разные, важно задать вопрос, который должен задать каждый интеллектуальный или художественный творец, прежде чем предлагать новую работу, особенно по предмету, который часто обсуждается. Этот вопрос, который, должно быть, задали Мел Гибсон и Пьер Паоло Пазолини, звучит так: какой смысл снимать новый фильм об Иисусе?

Судя по их подходам и траекториям, эти два режиссера стремились сосредоточить внимание зрителя на определенном элементе культурной личности, которой является Иисус. Для Мела Гибсона, практикующего католика, речь идёт о представлении преследуемой Истины в Страстях Христовых. Для Пазолини, марксистского интеллектуала, важно было подчеркнуть радикальность христианской вести, носителя новой духовной эры.

Мел Гибсон неоднократно давал интервью о том, как католическая религия помогла ему выбраться из трудных времен, которые он пережил в своей жизни. Для него Истина Страстей Христовых помогла ему исцелить себя, залечить раны, которые жизнь обязательно наносит вам в то или иное время, будь то из-за ваших

собственных грехов или грехов других. Поэтому неудивительно, что он сосредоточил свой фильм на последних часах Жизни Иисуса.

Пазолини был погружен в католическую культуру с тех пор, как его родители каждое воскресенье ходили в церковь: отец по социальным нормам, а мать по вере. Вдобавок, если Пазолини быстро стал атеистом (с 15 лет он считал, что перестал верить в Бога), он всегда проявлял определенный интерес к истории религий, а также определенное увлечение Иисусом, в частности, касательно его отношений с Девой Марией. Поэтому неудивительно, что Пазолини решил снять фильм об Иисусе.

В фильме Пазолини Иисус - бунтарь, борющийся против устоявшегося беспорядка. Он решительно обращается к людям и сердито обращается к фарисеям. Проявляет сарказм. Его отношение показывает твердость, даже высокомерие, его взгляд холоден, за исключением случаев, когда он находится в присутствии детей, единственных невинных существ в этом мире лицемеров и коррупции. В фильме Мела Гибсона Иисус удивляет зрителя своей невероятной нежностью. Несмотря на ужас того, что палачи истязали его, несмотря на глубокую несправедливость, которую он видел, Иисус прощает и любит.

Видение верующего и неверующего?

Этим двум фильмам удается разрушить священный и сусальный образ, который Голливуд и заинтересованные в этом люди стремятся изобразить Иисуса. И в этом они выделяются для широкого зрителя. Вам не нужно быть верующим, чтобы до слез тронул фильм Мела Гибсона, вам не нужно быть революционным марксистом, чтобы понять революционный аспект послания

Иисуса. Вот почему мы можем сделать вывод, что эти два фильма действительно изначально рассчитаны на широкую аудиторию.

Из-за нейтральности своих (не) актеров фильм Пазолини благоприятствует проекциям зрителей. Помимо деликатного сюжета, фильм Мела Гибсона - чисто голливудская постановка. Однако эти фильмы все же очень разные, зрителя не обязательно увлекают оба фильма. И это свидетельство в основном связано с тем, что Мел Гибсон был верующим и практикующим католиком, в то время как Пазолини - знаток истории религий, но был атеистом с 15 лет.

Оба фильма снимались в Италии. Пазолини снял свой фильм в Апулии, в маленьких городках на юге Италии. Он чувствовал, что люди, которые жили там, были очень похожи на тех, кто жил в Палестине два тысячелетия назад. Десять лет спустя он поймет, что такие съемки были бы невозможны: лица его жителей превратились в лица зрителей. Поэтому Пазолини был расстроен тем, что он считал антропологическим изменением.

Два актера, выбранные для роли Иисуса, вполне репрезентативны для соответствующих видений, передаваемых фильмами Гибсона и Пазолини. Актер Джим Казьер, сыгравший Иисуса в фильме Мела Гибсона, профессиональный актер и набожный католик. Он принял роль, прекрасно зная, что она закроет для него некоторые двери в Голливуде. Напротив, молодой испанец Энрике Ирасоки, играющий Иисуса в Евангелии от Матфея Пазолини, не профессиональный актер, а коммунистический активист. Атеист и антиклерикал, он сначала отклонил предложение Пазолини проявить свои таланты, чтобы сыграть Иисуса, но по настоянию и аргументам друга Пазолини, Эльзы Моранте, а также до суммы денег, которую он мог принести своему делу, он согласился.

Интерпретация Энрике Ирасоки трезвая, чтобы зритель мог больше увидеть в нем себя. Напротив, даже имя Джима Кэвизела (инициалы которого JC и которому на момент съемок было 33 года!), оставляет зрителя в совершенно безутешном горе. Их мимика и жесты еще более поразительные, даже по сравнению с кровью и впечатляющими спецэффектами.

Мел Гибсон, традиционный католик, набожный и практикующий христианин, хочет показать самую суть Христа, его страсти и то, что они означают. Фильм Мела Гибсона с его саундтреком, декорациями и спецэффектами говорит о Мессии, об Иисусе Христе, Сыне Божьем.

В отличие от грандиозности, выбранной Мэлом Гибсоном, больше естественности исходит от фильма Пазолини, снятого почти как документальный. Фильм действительно посвящен тому, чтобы подчеркнуть человечность Иисуса, послание и борьбу Иисуса-человека. Но это вовсе не означает, что Пазолини упустил из виду Христово измерение Иисуса, как раз наоборот. Конечно, нет ничего более ложного, чем сказать, что Пазолини сделал буквальную транскрипцию Евангелий. Кроме того, он принял решение полагаться исключительно на Евангелие от Матфея, Евангелие, которое подчеркивает жизнь Иисуса. Это правда, что он не изменил тексты и выбрал для сценария перевод ассоциации Pro

Civitate Christiana, итальянской ассоциации «левых католиков». Однако он полностью воспринял Иисуса и его послание. Он дает свое видение Иисуса. В этом все преимущество визуальной среды: она позволяет Пазолини усваивать текст Евангелий и делиться своей идентификацией с Иисусом, даже если он неверующий (по крайней мере, публично). Соответственно, Пазолини адаптировал свои съемки, чтобы они лучше соответствовали этому видению.

В своих технических признаниях Пазолини объясняет, что хотел удерживать взгляд на историю Иисуса как у объективного и внешнего наблюдателя. Он хотел быть чужим к тому, что могло сиять в Евангелии. Однако, поскольку он был пропитан религиозностью через свою семью и культуру, он не мог это сделать. Поэтому, увидев первые холостые выстрелы в этом направлении, он отступил и снова начал. Затем он подошел к Евангелию с точки зрения верующего.

Пазолини объясняет, что он начал с гипотетической точки зрения верующего, христианина. Но в своей жизни он имел четкую связь с религиозным, со священным, как один из его учителей Антонио Грамши. Как он говорит: «Я сила из прошлого. Моя любовь только к традициям. Я родом из руин, церквей, запрестольных образов». Во-первых, у него глубокие культурные отношения с католической религией, поскольку он был погружен в нее с рождения, и семья посещала церковь по воскресеньям, хотя и не из благочестия. По собственному признанию, Пазолини перестал верить в Бога в 15 лет. Однако в подростковом возрасте он пережил несколько душевных кризисов. Его отношения с религией и, в частности, с католицизмом также прослеживаются в его кинематографических, художественных и интеллектуальных работах. В дальнейшем, он был хорошо знаком с историей религий и всегда критиковал концепцию секуляризма, которую он считал религией либерализма. Кроме того, он объясняет, что нет необходимости «бояться

священного и чувств священного, которых секуляризм общества потребления лишил людей, превратив их в уродливых и глупых автоматы, поклоняющиеся фетишам». Наконец, фильм Евангелие от Матфея посвящен Папе Иоанну XXIII. В целом фильм был очень хорошо принят христианским сообществом. Это явно заставляет замолчать тех, кто считает Евангелие от Матфея нерелигиозным и даже кощунственным фильмом. В конце концов, этот фильм освещает многогранную сторону (верующий / неверующий) Пазолини, ясного и дальновидного человека, сложного, замученного и полного противоречий.

Нежелательные, но неизбежные споры.

Хотя фильм Пазолини и фильм Мела Гибсона сильно различаются, их объединяет то, что на момент выхода они вызывали споры. В самом деле, если фильм Пазолини был в целом хорошо принят христианским сообществом и католическими властями, он вызвал гнев Коммунистической партии Италии (ИКП). Некоторые члены ИКП даже пытались повлиять на Пазолини через молодого Энрике Иразоки. Став свидетелем продвижения фильма, его убедили попросить Пазолини вырезать сцены с чудом... безрезультатно, поскольку Пазолини не сдавался.

Важно помнить, что фильм Пазолини представляет на экране не все Евангелие от Матфея, а примерно 25% от них. Следовательно, многие из описанных чудес в фильме не упоминаются. Поэтому для Пазолини было важно сохранить несколько сцен с чудом, чтобы они соответствовали идее представления Иисуса с точки зрения жизни верующего, а также более прагматичным образом, чтобы обеспечить поддержку властей. церковных и особенно Ассоциации Pro Civitate Christiana, через которую Пазолини смог получить деньги для создания своего фильма ...

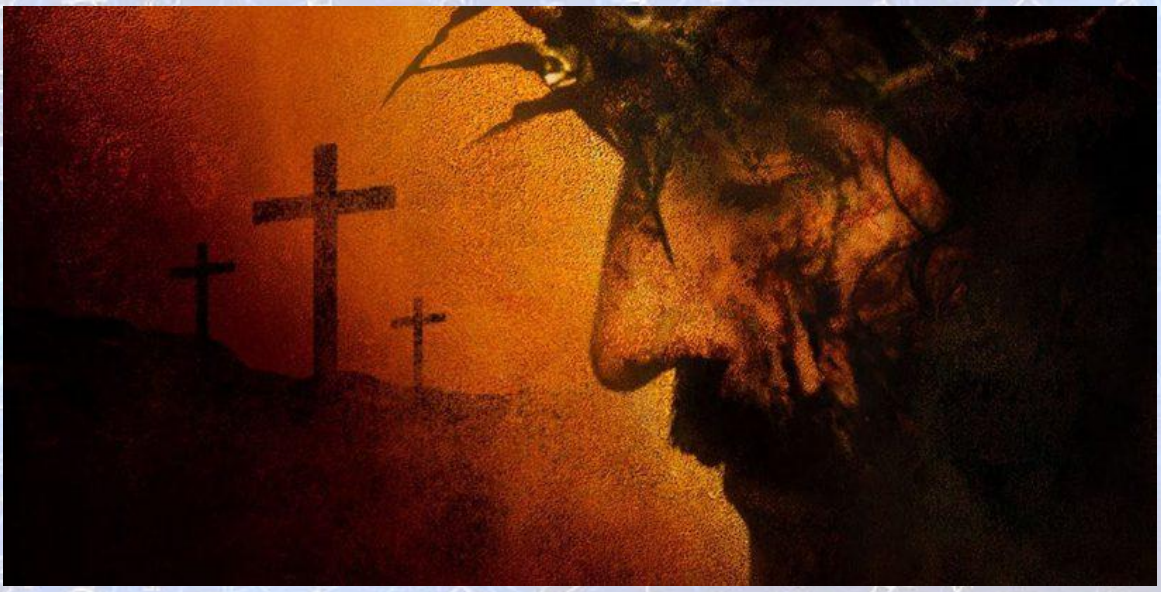
По иронии судьбы, власти Франко также запретили показ фильма в Испании. Коммунисты и франкисты объединились в цензуре... Можно сказать, что это делает Пазолини сильным...

Что касается фильма Мела Гибсона, то он вызвал гнев благонамеренных ассоциаций, занимающихся борьбой с антисемитизмом. Хотя ни одна сцена в фильме не содержала ни малейшего негативного высказывания против евреев, полемика обострилась и сделала Мела Гибсона настоящим изгоем, продемонстрировав мощь подобных ассоциаций и обвинений в чудесном мире Голливуда.

Христианство исторически было фактором восстания против несправедливой политической системы и источником вдохновения для поиска социальной справедливости. Социальные католики, которые боролись с ненасытными аппетитами коммерческой и промышленной буржуазии XIX века, являются ярким примером. Священники-работники, а также Теология Освобождения. Однако в других контекстах католическая религия, очень часто с одобрения религиозных властей, использовалась как средство любой ценой навязать людям порядок и социальный мир.

Таким образом, параллельное размещение этих двух фильмов интересно также в том, чтобы увидеть, что традиция и революция не обязательно разделены. Пазолини был консерватором и очень хорошо понимал общество потребления и его последствия. Евангелие от Матфея также было для него способом расставить акценты на значках и чертах, относительно их социального положения. Несмотря на марксизм, он показывает свою глубокую привязанность к католической религии и образу Христа.

Мел Гибсон, очевидно, в душе не революционер, но своей решимостью и непримиримостью он, несмотря на самого себя, показывает, насколько тревожными и революционными являются послания и образ Христа. Важно увидеть и проанализировать эти два фильма, независимо от того, является ли зритель верующими или нет, потому что, помимо их художественного успеха, они подчеркивают фигуру Христа, как это сделано в немногих работах. Между Традицией и Революцией всех нас зовет образ Христа.



(2 сентября 2020 г.)

НАРЕКSАМЕNDЕUS АА

Сниди со креста.

Хотелось бы немного осветить самый неоднозначный и одино из лучших на мой взгляд кинематографических произведений, где раскрывается образ Христа - «Последнее искушение Христа», выдающегося американского режиссёра Мартина Скорсезе.
Это одна из наиболее значительных работ в творчестве Мартина Скорсезе. Сразу надо заметить, что Мартин Скорсезе глубоко верующий католик, а сам фильм создан по роману греческого писателя Никоса Казандзакиса, православного Греческой церкви. В кинематографе по разному освещался образ Христа, это был и каноничный, и гламурно-сусальный, и бунтарь, и философ, и рок-звезда, и даже пошловато комичный. Но столько споров, осуждения, гнева и ненависти не вызывал ни один фильм на религиозную тему, как «Последнее искушение Христа», где главную роль Христа гениально исполнил Уиллем Дефо. Фильм затронул щепетильные для церкви темы и навлёк на себя массовую критику со стороны религиозных организаций и верующих различных

направлений христианства. Ещё на этапе режиссёрского замысла картина уже стала объектом массовой критики и преследования, в особенности со стороны религиозных организаций. Столь вольную трактовку Нового Завета критики называли откровенной ересью. Не помогло и предупреждение в начале фильма о том, что он не является экранизацией Евангелия. К критикам присоединились известные американские проповедники. Режиссёр Франко Дзефирелли, узнав о том, что «Последнее искушение…» попало в конкурсную программу Венецианского кинофестиваля, снял с показа свою картину. Прокат фильма сопровождался беспорядками и акциями протеста. В нескольких крупных городах США. Споры вокруг фильма продолжились и много позже, когда фильм вышел в прокат и телевизионный эфир других стран. 5 ноября 1997 патриарх Московский и всея Руси Алексий II и Священный синод Русской православной церкви выступили против показа фильма в эфире. Протодиакон Русской Андрей Кураев назвал телевизионную трансляцию фильма в 1997 году оскорблением чувств верующих и «кощунством».

Так что же навлекло такой гнев всех ветвей христианства? В центре сюжета — исследование двойственной природы Иисуса Христа — Богочеловека. Но фильм концентрирует внимание не на божественной, а на человеческом аспекте Христа. Христос не знает, что он бог. Христос человек и только человек. Христос живой человек, подверженый всем человеческим страстям. Данная проблема — один из наиболее спорных моментов в христианском мировоззрении, вызывавший дискуссии в том числе и в самой среде богословов и верующих. Сам Скорсезе так отзывался в интервью о смысле картины: «Вопрос того, когда Иисус познал Свою Божественную природу — покрыт тайной» .
Человеческая, плотская сторона образа Иисуса — предмет, о котором сложно упоминать. Уже в этом таятся зачатки ереси. Далее

фильм является концентратом гностической христианской ереси. Не будем разбирать сюжет, а пройдёмся по основным моментам этого еретического гнозиса фильма.

Иисус плотник, как и согласно христианскому тесту был и его «отец», праведный старец Иосиф: «не плотников ли Он сын?» (Мф. 13. 55). «Книга Иосифа Плотника» — так называется один из новозаветных апокрифов. Но, что это за плотник? Это отсылает наш ещё к древневедическому Вишвакарману («творец всего»), и он упоминается как «отец наш». Он выступает именно как плотник Тваштар, когда вытёсывает небо и землю. Вишвакарман породил землю и открыл небо; совершая сей космогонический акт, он выступает как жертвователь, принося в жертву мироздание, и как сама жертва, так как жертвует своим собственным телом, распиная сам себя на кресте. Бог Отец - плотник и Сын Его – творящий Логос, наследует ремесло Отца.
Однако в фильме Иисус изготавливает кресты для распятий, на которых римляне распинают народ Божий, народ Израиля. Иисус работает на угнетателей еврейского народа, на римлян. Тут вспоминается что
Талмуд, упоминая Иисуса, называет его «бен Пандера», в дальнейшем называя Иисуса сыном римского легионера по имени Пандера и блудницы Марии. Жестокие преследования евреев в Средневековье приводит к тому, что образ Иисуса в сознании евреев становится символом бедствий народа, приобретая все отрицательные черты.
Но это имеет и символическое еретическое значение, получается, что безразличный Бог сам приуготавливает страдания для людей - кресты и отдаёт в руки злых сил – римлян, как Иисус в фильме готовит распятия для римлян, на которых будет мучиться его народ.

Иисуса посещают голоса и видения — он догадывается, что избран, но не может понять, в чём его предназначение и кем он избран:

Богом или дьяволом. Иуда, друг Иисуса, страстно осуждает его за сотрудничество с властями и даже избивает Иисуса. Пытаясь понять и постичь себя, Иисус уходит странствовать вместе с Иудой. Толпа собирается забросать камнями блудницу Марию Магдалину, но Иисус спасает её. Иисус посещает мифический иудейский монастырь, явная аллюзия на мистическое движение аскетов отшельников ессеев, а затем его крестит и наставляет Иоанн Креститель. Секта Иоанна Крестителя показана со всей яркостью как гностическая секта экстатиков, бичующих себя, умертвляющих свою плоть, впадающих будто в наркотический транс, все это схоже с гностическими движениями, вплоть до русских радений хлыстов. Человечность Иисуса и его незнание своей божественности, кстати согласуется с Евангелием, когда он честно и во всеуслышание заявляет: «я не Христос» (Иоан.1:20).

И мы подходим к центральному эпизоду фильма, когда Иисус в поиске ответов, кто он, в чем его роль и миссия, удаляется в пустыню. Иоанн посылает его туда, найти «бога пустыни», еще одна аллюзия, что Бог пребывает во мраке и пустоте. Но он предупреждает, что Бог там в пустоте не один, что другой бог пребывает также всегда там. Это в отрывке: «Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню» (Мар.1:12). Бог и Дьявол равно антибытийные фигуры пустыни. Иисус очерчивает вокруг себя круг, и садится в нем, говоря, что не выйдет отсюда, пока не получит ответы напрямую, даже если умрёт. Если Бог хочет проповеди любви - он понесёт её, если «топора» - он понесёт войну, если хочет его смерти, он примет и это. Пребывание сорок дней в пустыне без пищи и воды, так Иисус должен повторить духовный подвиг аскетизма, который выполнили лишь две центральные религиозные фигуры истории Израиля - Моисей и Илия. Это пребывание меж жизнью и смертью, на границе миров, что в фильме символизирует черта круга.
И в ночи к Иисусу приступает дьявол для искушения. Дьявол показан в трёх своих традиционных символических образах. Сначало как змея говорящая соблазнительным женским голосом - она предлагает любовь, зная его страсть к Марии Магдалине, искуситель предлагает её. Образ змеи конечно возвращает нас к Сатане как змею Эдема, но его женская змеиная ипостась известна как Лилит - мать блуда и похоти, и в некоторых каббалистических источниках, а позже средневековой иконографии, именно Лилит - женщина змея искушает первого человека в раю. Второй образ в котором предстаёт Сатана, лев, что отсылает к отрывку: «противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1Пет 5:8). Дьявол лев во втором искушении, а лев это царь, предлагает власть над всем миром. И наконец, в третий раз Сатана предстаёт как неугасимый подземный огонь и слепящий свет, это огонь самого ада и слепящий свет «носителя света» Люцифера. В этом искушении Сатана предлагает власть над самой природой вещей,

над ходом судеб, над жизнью и смертью, что они вдвоем буду править всем сущим, Сатана предлагает Иисусу стать богом, самообожествиться. Хотения плоти, власть, и наконец, божественность человека - вот искушения Сатаны в пустыне. Иисус выдерживает искушения, но сразу после срывает с сухого мёртвого древа пустыни спелое яблоко, которое в его устах становится чёрным и горьким, и он его выплевывает, что опять явная аллюзия на «запретный плод» Древа Познания которое есть Древо Смерти. И тогда Сатана на мгновение является вновь, обещая ещё встречу. «И, окончив все искушение, диавол отошел от Него до времени» (Лук.4:13). Это евангельское «до времени» - явное указание, что искушение и встреча с дьяволом ещё состоится - это и будет «последнее искушение Христа».

Иисус находит в песке и камне внутри своего круга примитивный топор, и он понимает указание «не мир, но меч я должен принести», и этим топором срубает мёртвое дерево с отравленным плодом, то есть срубает Древо Смерти или Познания добра и зла, что привело к грехопадению. Интересно отметить, что древнеегипетским

иероглифом обозначавшем Бог - «Нетер», являлось схематическое изображение топора. Это очень древний символ, восходящий к временам только зарождения древнеегипетской иероглифики, к пиктограммам. Победа Иисуса над искушениями Сатаны, что Бог - «Нетер», уничтожает Древо Смерти и Зла, источник грехопадения человека, руками «Сына Человеческого». Это нас наводит на хлыстовское учение, у которых центральным моментом жизни Христа было не страсти и воскресение, а именно искушение в пустыне, где уже Иисус умер телесно для мира и духовно воскрес Христом, так что «…и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Матф.4:11).

«И возвратился Иисус в силе духа в Галилею; и разнеслась молва о Нем по всей окрестной стране. Он учил в синагогах их, и от всех был прославляем» (Лук.4:1-15). Но именно этот архи-еретичный момент, отменяет искупительную роль страданий и смерти Христа на кресте, если он был уже как мертвый, и дальнейшее воскрешение из мёртвых.

Особенно важно отметить то, что в эпизоде искушения, Сатана в первый раз на вопрос Иисуса «кто ты?», отвечает «твоя душа», как и во втором искушении дьявол говорит «я твоё сердце». Таким образом Сатана - это теневая, но духовная, божественная сторона самого Христа, его альтер-эго, или используя юнгианскую терминологию, его Тень, и все искушение это внутренний диалог человека со своим Я. Душа и сердце человека - вот дьявол, заявляет фильм. Сатана - душа Бога. Такие глубины сатанинские открываются нам.

Иисус возвращается в Иерусалим с учениками и изгоняет менял из храма, поднимая своими проповедями смуту в городе. Понимая, что насилием он не добьётся ничего, Иисус, наконец, постигает своё предназначение — принять грехи человеческие и умереть за род людской. Он просит Иуду сдать его римским властям.

Тут снова совершенно еретический момент, отсылающий к «Евангелие от Иуды», где Иуда мыслится как лучший, самый верный из учеников Христа, именно тем, что взял на себя вечное проклятие предательства ради учителя, чтобы его искупительная миссия могла быть свершена распятием и смертью.
Иуда отказывается и умоляет учителя одуматься, но тот непреклонен. После встречи с учениками на Тайной вечере Иуда приводит римских легионеров.
Особенно впечатляет сцена, где Иисус вырывает себе сердце на вечере, что странным образом опять отсылает к сектантской еретической иконографии тех же хлыстов, где сюжет инока с открытым в груди сердцем был очень популярен.

Иисус осуждён, и его распинают на кресте. В момент самых страшных мучений ему является видение. Прекрасная девочка андрогин, ангел-хранитель, зовёт его за собой. Это ещё один из аутентичных образов Сатаны, отсылающий к отрывку:
«потому что сам Сатана принимает вид Ангела света» (2Кор 11:14).
В магических гримуарах говорится, что образ Люцифера прекрасный ребёнок.
Нет, Сатана - Ангел Света больше не предлагает мировую власть и божественность - он предлагает «человеческое, слишком человеческое». Простую жизнь обычного человека, с простыми радостями и заботами, с человеческой любовью к любимой и маленьким счастьем вдвоём в тихом семейном уголке. Не ради ли этого, все учения, проповеди и страсти? Не это ли стремление человека? Не страдания сломили Иисуса и искусили в «последнем искушении дьявола». А именно, то, к чему стремится каждый человек, то ради чего возникли все идеологии и произошли войны. Каждый человек хочет свой небольшой мир гармонии, покоя, любви и счастья. Сатана предлагает бытие! Бытие и есть главное искушение Сатаны. И это именно то искушение, от которого Иисус

- человек, только человек, не смог отказаться. Интересно заметить, что в произведении Булгакова, «Мастер и Маргарита», также посвящённом Христу, дьявол – Воланд, даёт Мастеру и Маргарите не тайны вселенной, не власть, а именно такой-же кусочек домашнего мирского счастья как успокоения – «вечный приют». Здесь мы приходим к апофеозу гностической ереси. Антихристианская ересь достигает вершин. Ибо если Иисус не страдал и не умер на кресте, то тут же в прах рушится всё здание христианской теологии и богословия. Значит никакого искупительного акта человечества не произошло, значит Христос не выполнил свою предначертанную миссию, и значит Иисус не Мессия, не Спаситель, и в конечном итоге, не Сын Божий, а просто человек. Все это происходит от первых гностических ересей, с которыми веками беспощадно боролась церковь ради своего существования. Гностический архиеретик Василид учит, что Иисус не страдал, потому что был Сознанием, а страдал вместо него Симон Киринеянин, пока Иисус смеялся, потому что удержать или увидеть его невозможно. Идея о заместителе Христа во время распятия, это излюбленное толкование распятия у гностиков. Во «Втором трактате великого Сифа» вместо Иисуса распят его «двойник», Симон, тогда как Христос, который не может страдать, находится где-то еще. Это помогает, наконец, понять историю, описанную в Евангелии от Матфея, когда крест Иисуса приходится нести Симону Киринеянину.

Сатана «девочка» помогает Христу спуститься с креста и покинуть место казни. Иисус спускается в цветущую долину, и его встречает свадебная церемония. Он женится на Марии Магдалине, у них рождаются дети. Наконец ещё один древний еретический сюжет гностиков, что Мария Магдалина была женой Иисуса Христа, что жила с ним телесно и у них были дети. Также Мария Магдалина не символ женщины, а женское начало в мужчине, душа — та часть внутреннего человека, которая притягивает к бренному миру. Образ Марии Магдалины играл важную роль в богословии гностицизма, где она выступала как получательница откровения («Пистис София», «Евангелие от Филиппа») и истинная восприемница заветов Христа, его любимая ученица.

Гностики, считавшие себя последователями Марии Магдалины, были признаны еретиками после того, как в III веке последователи Двенадцати апостолов образовали единую Церковь. Апокриф «Евангелие от Марии», по мнению гностических сторонников версии «истинной восприемницы заветов Христа», не был включен в Новый Завет именно тогда, как результат победы над преданными Марии Магдалине.

Иисус не выполнил свою божественную миссию, от выбрал простое человеческое счастье и тихую жизнь. У ложа состарившегося и умирающего Иисуса появляются убелённые сединами ученики: Пётр, Иуда и другие. Иуда называет учителя предателем и трусом за то, что он выбрал мирскую жизнь вместо предназначенной ему роли Мессии. Иуда говорит, что «ангел», спасший его с креста, был Сатаной.

Так в одном кинематографическом произведении, были собраны и сконцентрированы почти все древние гностические ереси, с которыми столько нещадно боролась церковь. Это настоящее гностическое гипер-Евангелие на экране. Понятно почему, именно этот фильм приводит в такую ярость церковь и так отвергается ей. Правда, в финальной сцене Христос распят на кресте, и улыбка появляется на его устах. Он преодолел «последнее искушение», отверг бытие и выбрал смерть, «свершилось» - произносит Христос.

Nigredo

Tarja Trest

Нелегальная проповедь из родового гнезда. Бархатный фашизм.

Дни измерялись не сигаретами, а опущенными водными.

Мои романтизированные причастия. Поцелуи Иисуса.

Под выцветшими небесами, косыми лучами солнца, сквозь тонкие створки, в окна сочится запах акации. Рядом со мной - плохой парень – эстет и Пророк, как на заказ. Я думаю об осах, и залетает оса. Они залетают сюда, словно к себе домой. Здесь они были отложены и рождены, а теперь я создаю могильник с осами. Не ради прихоти, но немного ради желания. То, что отсюда вышло, сюда же и возвращается. Зависть гнездилась в складках фиолетовых штор, зависть созревала здесь и последовательно вылупливалась.

Теперь это залётное насекомое легло жертвой, крест-накрест раскинув крылья у подножья жертвенника, и могильника, заодно.

Мы добиваем смолы, водный блестит на солнце. В левой руке – бонг, в правой руке – геймпад, рядом – камера и ЛЭП топ.

- Почему ты называешь эти грязные бутылки, обтёкшие мерзким, затасканным воском – Оплавленным городом?

- Так ты не знаешь, почему этот город оплавлен?

- Расскажи.

- Этот город оплавлен, потому что ночью воск плавится от свечей, он стекает вниз, образуя всё новые и новые наросты, похожие на щупальца, в них, наверное, до сих пор хранится пыль старой квартиры, новая пыль собирается в свежих наростах, делая даже новые – древними, но от некоторых будто смердит прошлым, на них сам воск – другой, другое время, на них нацежены старые коматозы, старые сны, прошлое, целых три года, и только одна из них выглядит ново, остальные – мутные и прелые, с налипшими волосами, днём их подпекает солнце, и натёкший, за ночь, и за все те годы, воск, - плавится, размокает, превращается в пластилин, но силы солнца недостаточно, чтобы растопить такие глыбы.

Из бутылки той мы переродились, но она стоит на алтаре смерти, напротив – бутылка с засмолённой осой, которая там погибла, её засмолила печать с другой жертвенной осой, она была принесена в жертву, как первая, вылетевшая из родового гнезда.

Тут, на шторах – осиные гнёзда, на оплавленном воске – пыль.

Моя нордическая глина, глыба, лилия, мой дрянной мальчишка-нарцисс, и его холодная мать, их глаза цвета вереска.

Но мне куда приятней смотреться в родные глаза, в глаза Пророка. В его левом глазу – жертвенное бельмо. Чтобы возродиться, Пророк должен был принести что-то в жертву ещё ребёнком, и он принёс своё око, даже почти не ведая, наколов глаз на нож.

Теперь там бельмо, но это его око, и для меня в нём совершенен даже этот невинный, со стороны, изъян, все мои любовники были немного несовершенны, во всех присутствовала то ли гнильца, то ли уродство, но в нём всё сочтено идеально и верно, он – греческий бог с лицом Христа, и чертами – рок-н-ролльного мессии.

Очень много рок-н-ролищиков из-за длинных волос и убитого наркотой, взгляда, выглядели немного пророками, но в нём же такова суть – с рождения, и традицию он продолжил, если и не стал рок-звездой, то однозначно - Рок-Идолом, и имидж этот поддерживал он не сам, его так назвали ученики, так назвала его Магдалина, его развратная святая шлюха.

Оса лежала там распятая. На своих тонких крыльях. Пришпиленная расплавленной каплей фиолетового воска

А у меня на правой ноге стигматы, 4 царапины, образующие форму креста, я всё никак не могу перестать курить, что угодно.

Фиолетовый песок. Фиолетовый ворс, фиолетовая ткань портьер, фиолетовый воск. Откуда эта любовь к фиолету? Неужели из-за той материи с серебряными россыпями?

- О, Аве блевотина! - поёт свои абсурдные дифирамбы Доктор Клоун.

Наш ренессанс, на руинах былого в самом разгаре, и снова мосты сожжены. Но все, кто рождает, уходят в прошлое, я погубила осу в бутылке. Я принесла её в жертву зависти.

Мёртвым я запечатываю врагов Их же мёртвым собратом. И её прекрасные прелые страницы теперь гниют.

Я снимаю на сайвер шот, как рушится мир. Оттеняю его холодом и зерном, и оттенками сепии, чтобы сильно не расслаблялись. Я не боюсь в этой сети что-то обильно сдабривать перцем.

Ещё одна беспробудная ночь и пятка, спрятанная в ларец, как сокровище, в детстве – украшения, сейчас – наркотики. Девочка выросла, но её стали интересовать немного другие вещи, нежели платья и принцессы. Воспитанная на Марианне и Эммануэль, рассматривая материнские ретро журналы, а затем – современные, она знала о моде если не всё, то вкус воспитала в себе особый. Изысканный. А так, как с рождения была странной и предрасположенной к магии, и в любви ей попался культист, раскрывший пред ней свою суть. Свою суть перед ней раскрывают все, она и действует как врата, и демона она тогда тоже возродила в том мелком ублюдке, он - моча, пустое место, никто, пусть живёт себе спокойно. Мы квиты. В чём-то схожи, но пути разошлись, для меня ты предатель, но мы квиты. Прощай, больше ты мне не брат.

У меня стигмата в виде немецкого креста на правой ноге. Прямо около щиколотки.

У меня над левым коленом синяк. Но мне идут кровь и побои, идут грязь, пафос вульгарность и спесь, всё человеческое, алчность и китч, и низменная гордыня, похоть и грязь, во мне все эти грехи в той или иной степени смешаны, в грубом, достаточном переизбытке, чтобы взрастала моя алчность, наравне с нарциссизмом, мой великий энтузиазм, и мания величия, мой азарт, моя зрелость, накладывая год за годом кольца опыта.

Модели без лиц загадочны, они превалируют языком тела, харизмой жестов. Ведь вся соль в том, что в них есть изюм.

Да, мания порою перерастает в величие, а власть – в беззаконие. Я стою тут, восставшая, и мне уже не страшно, теперь это – как желанный друг, а тогда – прыжок в пропасть. То, что было неизвестным, стало родным и привычным.

Это проклятие водного, вот тебе и эра Водолея. Кульминация – блёвом на ворс. Вот вам постмодернистская эра нового потопа. Античеловеческая эпоха.

Отныне я владею знанием о зависти, отныне я закупориваю зависть под нею самой. Под мёртвым. Завистник будет повержен, раздавлен, порабощён. Здесь ваши гнёзда. Из этой комнаты вы были рождены, вылуплены во внешний мир, а затем неименуемо захотели вернуться. Коматозный сон. Набить шишку об рабочий стол. Частично я сама её порождала. Этот сад полон змей, каменных горгон, а я – самая главная над всеми, гадюка.

Радио-мех вскруживает пятнами. Ништяки, остатки, микро-дороги, пылесосим снова, добивая остатки, достигая черты.

Вельветовый бункер - плесень на грани распада.

Осы хотят вернуться домой, и построить здесь новые гнёзда, отложить здесь свои личинки. Продолжить цикл своих рождений.

Мы выпустили их в мир с новым знанием, закалённых, заправленных, закланных.

Эйфория заправская, мёртвая, почти наполовину, сразу после пробуждения, ещё до конца не выпарился запал.

Есть запал, но огонь не горит, я помню эту фразу, я сказала её, когда поджигала свечи.

Бархатный фашизм, или махровый, как его называли оппоненты – это и есть система Пророка. Махровый жмых, говорили они, фиолетовый ворс, вещали соратники, лютни гудели, и во всю

скрипели арфы, в кои-то веки музыка воспела иллюзию во всю мощь, солнце гудит у меня в перепонках. Чёрное солнце, не иначе, вибрации мощи, озоновые дыры, взорванные солнца, белые карлики.

Бархатный гедонизм – современный декаданс, его ещё называют декадентской плесенью, разлагающейся Европой.

Так насильственно красиво, что мерзко смотреть, но так хочется любоваться, и блевать одновременно, как можно так издеваться над чувствами зрителей? Это не просто шокирует, это приводит в ярость, это просто какой-то бархатный фашизм.

Доктор Клоун и Вельветовый Бункер – новые имена трещат над Европой.

Какое время ты хочешь одеть на себя? В какое время хочешь окутаться и пролежать до весны, созревая, настаиваясь? Эти осы пролежали в своих коконах-гнёздах здесь почти год, и первые месяцы были спокойны. Они спали на занавесках райского сада. Старого и ветхого, как завет, как храм, как чёрная могила матери, фиолетового, как декаденская плесень, холодного, словно лёд, или мразь. Синий Клоун вас доит сейчас по капле спама, по воле зрелищ, по кликам дна я дою вас сейчас. Золотые ночи, чёрные мощи мёртвых сканов лиц. Эти осы улетели с повинною в мир, со знанием, зревшим в их очумелых, хитиновых панцирях, шкурах, окуренных дымом, окрашенных в бархат. В самый опасный период в сад возвратились хозяева, дышать декадентской пылью зеркал, чтобы насытиться ярости перед боем, словно берсерки, чтобы полной грудью дышать уголками Европы, из её самых диких ран, из самых истоков. Но капитализм под пальмами кого-то жёстко волнует.

Я – невеста Иисуса, невеста Мессии, невеста Смерти.

Холодный террор Словом, зараженным желчью, прямо из моего очка, НАТЕ, жрите. Эти осы настоялись нашими эманациями, и вылетели в мир, беззащитные, слабые, но с врождённым инстинктом – выжить любой ценой. Осы улетели, неся с собой знание о райском саде. Вельветовой кульминацией столетия станут её эти шторы. Ущербная луна почти кровавая, с оранжево-ржавым отливом кратеров. Десна растрёпана под языком. Мудрость прорезается к 30-ти. Подневольные сны дышат в подушки.

Мой дефлорированный рассвет – я твой извлечённый спазм. В зеркальном соцветье, без смысла и связи – я просто Мысль. Нелегальная проповедь.

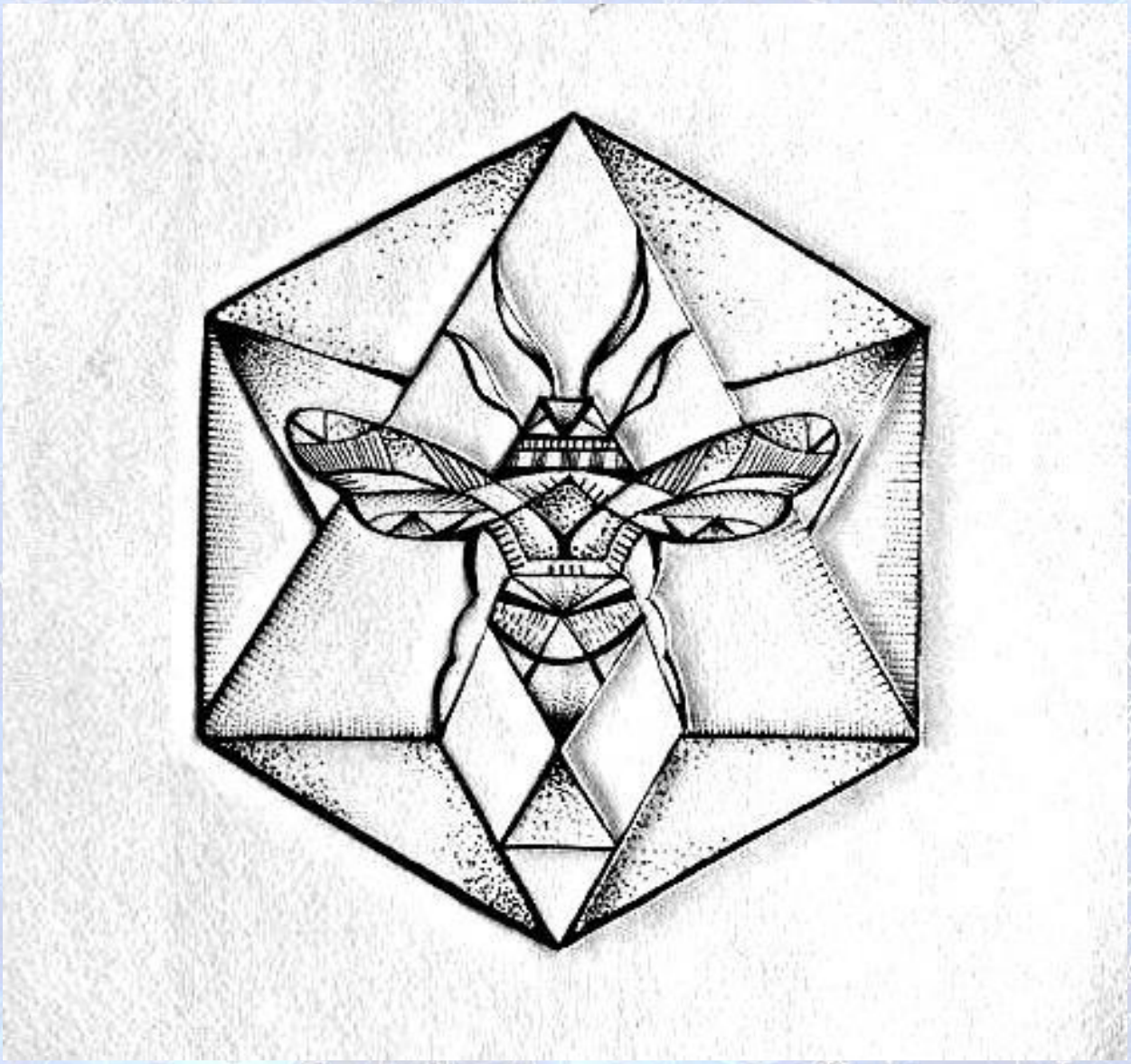
Спектакль самолюбования доведён до абсурда. Я дефлорирую рассветом выцветшие, спящие небеса, собирая у них первую кровь на простыни.

Я не знаю, что со всем этим делать, это мои мусорные полотна, на них должен быть спрос, иначе я их потом взорву. Я заряжаю сотворённые тобой, камни силы, святым оргазмом, менструальной кровью, болью. Наркотически-порочная, как радиация, разрушающая всё на своём пути, всё, к чему прикасаюсь, а ты – тот, кто нажал на эту красную кнопку. В лике святого оргазма отражён погибающий мир, протяжный и выцветающий, как плесневелое полотно рассвета.

Мой мир составлен из кусов, и он тлеет, сгорает в последнем откате чёрных зеркал, северных полюсов, изнаночных призм, так победоносно и горячо. И невозможно уже остановиться, пока не перегоришь.

Это закрытый, приватный клуб, Мекка Забвения. Это пространство, не оставляющее широт и окончаний, по которым тебя можно будет отследить, открыть, или просто лукаво прощупать.

У убийства должна быть конкретная цель, даже если это просто убийство осы.



Книга Хаоса – Гонзооткат/Магдалина.

Стекая с кончика ножа кровавой, как с иконы, слезой, менструальная кровь Марии Магдалины из банки с томатным супом просочилась в пищу. Девочка прикоснулась к ней и ощутила силу. Через несколько лет она расскажет в интервью, как с одного касания начался её долгий путь химических трав и белых взлётных дорог.

Растворяя в нутре своём ржавые гвозди, сгибая тугие серпы заката, с раненым чувством долга она неслась по встречной полосе снежного шёпота, растирая в порошок свои сны, скрипящие в петлях дверей, в погибших качелях дворов, в мясорубке. Девочка-бинт, девочка-рвань, помеченная. Менархе настигло её в рождество. Так родилась Христова Дева.

Её исторгла в Эрзац София, она - её боль и порок, сгусток её нереализованных амбиций, поэтому гордыня в ней реет так рьяно. Мертворождённое дитя полнолуния и холодной зимы, мёртвых деревьев и смерти, она была огнём, который вспыхнул закалённой искрой из утробы в ту ночь, ребёнок, переживший глупость собственной матери, выживший, тот, кто родился в рубашке, особенный, полусорванный плод.

Опрокинув душу в мольберты пространств, она перестала верить, стала слишком сухой и тощей, что она с собой сделала?

Чувствуя бесконечную текучесть духов, соединённых в общем потоке одной волны, она вышла из глубины вод, всплыла на поверхность с осознаньем, как долго была на дне, как долго спала внутри запутанных, не ведущих никуда, коридоров, словно статуя бога с забинтованными глазами.

Разведёнными в стороны, бёдрами, перед ней раскинулись страницы книги со множеством выборов, распространяя свои миазмы в прокисший мозг, эта книга была словно чужой, подгнивающей изнутри, она цвела гнилыми цветами. Не стоит испражняться там, где спишь, а она испражнялась в этом благоухающем цветнике, и породила хаос, свою голову, превзошлась, слишком напряжённой, слишком доступной. Она создала себя из деталей особенных механизмов, что являлись во снах, в едва знакомых чертах, подводящих к самой черте, у которой она всплыла, рассматривая в отражении вод свой утраченный рай, чёрный прилив в полночь пустил миазмы, кишки источали аромат роз, труп её матери начинал гнить. Осознание этого пришло слишком поздно, а жизнь уже была испорчена, подобно пище, которую нельзя больше есть.

Разрываясь от желаний, она написала собственный код, стерев этот мир дотла. Образ родил описание. Описание породило образ. Сфера почти замкнулась, почти сомкнулась плацента.

Марлевый век наступил. Создатель вершит статую девы. Фигуры рассыпались мраморным крошевом над прежними воплощениями. Она стала для неё гнилой коркой хлеба и стаканом воды, могилой под яблоней. Нас всех обманули. Нас обманула система, конструкция, чей-то интеллект. Нас обманул обман.

Меня сшили. Я держу натянутую нить между двумя пальцами. Обмотанная в марлю, Дева Мария, молится на стене. Мрамор превращает похоть в застывшее величие. Всё построено на распятие, на распутье, по венам запястий. Святое пятно клеймом отпечаталось на одеяле её менструальной зари, она окропила ею землю, и всё живое, мир обратился холодной бурей, зимой обрюхатился, женщиной – севером, женщиной-выбросом, женщиной-спамом. Я родилась зимой, какой бы ещё ветер мог бы быть моим покровителем? Могла бы затеряться в волосах ночных

сестёр, принимающих тяжелые роды. Сквозь туман кровоточит пурпурно-огненная заря, первобытным танцем грязных, смазанных выделениями, движений. Они вошли в меня и разминировали, как бомбу, заложенную в супермаркет.

Я слишком стёртая, неприкаянная, ничейная, разрывающаяся от безысходности и нереализованности, меня душат желания. Всё тяжелее вспомнить себя под грудой камней и комьями сырой земли, под песками, пылью и грязью. Мои воспоминания – холодные воды, проточные и спелые, но я вижу в них только нефть, текущую сквозь седые скалы. Прошлого больше нет, зачем вы кидаете мне в глаза эти обёртки? От ваших скупых комплиментов трескается плёнка.

Мой лирический герой женского пола начал медленно умирать, когда она покинула эту планету в поисках бога и пчел. Ушла, так и не родив собой закат, которым бы я проснулась навыворот. Дева Мария, с мокрыми волосами, в фиолетовой тунике и оком промеж грудей, её мир внезапно потух, а я ей молилась, и сходила с ума, она входила в мой сон, от которого нельзя проснуться, мои руки касались её праха, её бросили в землю, на гниение, которое когда-то заразило Европу - больную чумой, чахоточную принцессу, дышащую миазмами Сены и святыми кладбищами у храмов. Женщины, которые были близки мне, покидают меня. Что же я сотворила с собой? Сама похоронила себя, утратившая веру, отшельница. Терзания и сомнения порождены страхами, тысячей голосов правды и веры - и ничего истинного и ничего ложного. Одна глобальная симуляция. Этот мир хочет меня задушить, его руки чёрными спиральными сгустками вьются у моей глотки кислым семенем распада. Но меня, рыдающую на берегу, млечным молоком роженицы, покинутую у трещины, расколовшей мир надвое, нашёл Иисус и спас. Залатал меня. Сшил.

- Изрыгни из себя грехи, очистись. Очнись! Ты ведь икона, помнишь? Богородица, невеста Иисуса, голубая роженица. Глядящая и всевидящая.

Да, я исторгла это мерзкое существо, нафантазировавшее мир, и давшее ему плоть, да, этот мир – порча, но мы его очистим. Мы спасём его. Сами дров наломали, да, это мой род, почему я должна отдуваться? Я прерываю с ним связь, забрав только два, стоящих позади, кубка, два наполненных Грааля, доставшихся мне от матери, в них – слеза Ахамот и мудрость Софии. Остальное можно нещадно прикончить, им всё равно на меня наплевать, я – последняя в своём роде.

Я слишком герой для твоих таблеток. Я слишком шлюха.

Опёршись спиной об угол стены, спаянной хлебом, сотканным из Его плоти, я сидела на полу и смотрела чужие сны. Моё искусство рождалось из стагнаций, а жизнь превращалась в роль. Мир остался недописанным, слова стали бетонными. В губы впечатался цвет уверенности. Тишина – пенопласт, закладывает уши, свистит.

Но однажды оголив шею, и бесстыже выбрив висок, с выбивающимися из-под целлофанового мафория, дредлоками, я предстала пред ним, в миазмах фиолетового рассвета, наслаждаясь ароматом вина и крови и едва уловимым, чуть слышным шёпотом ветра, созерцая в нём юного Митру, стоящего на осколке скалы, облачённого в белый хитон, с покрытой головой, и с нависшей, над ней, нимбом, ветвью омелы. От его босых ног исходил аромат можжевельного масла. Отсылая себя к Христу, он поведал мне гнозис. Падшим ангелам было уготовано обвенчать нас в искомой тьме, так заключился пакт верности. Ты обучил меня всему, что знал, я дрожу, меня трясёт, будто в припадке вечности, в которой ты меня колыхаешь, твой разум сводит с ума, ты заразил меня своим вирусом, передав блаженное безумие, твоё религиозное учение вскрыло лезвием, я стала твоей богородицей.

Иисус избавил меня от необходимости ебаться с гнилыми, лживыми апостолами, ему принадлежит нечто большее, нежели моё тело.

Я убиваю себя во имя искусства, наркотиков, и воина-Пророка. Став его шлюхой, маткой, вместилищем мира, я объявляю святой джихад Магдалины. Ало-розовая заря вздымается знаменем святых хештегов, распластавшись в сморщенных складках полотна моих белых одежд, запятнанных менструальной кровью, мёртвым и грязным циклом застывая меж ног. Мой внутренний цветок раскрывает свои объятья, расцветая и зарождая всевластие. Девой вошла я в зарю, отворяя пропасть жертвенного лона природы, разродившихся на её горизонте, рек, раскрывая лицо, подобно лицехвату, обнажая хитиновые конструкции, внутри которых ничего нет, я съедаю себя заживо, перерабатываю и дарю, отдаю, и стираюсь, перестав что-либо значить, я воплощаю стерильную замкнутость Бога. Моими кровавыми устами начерчен постулат менструального месива.

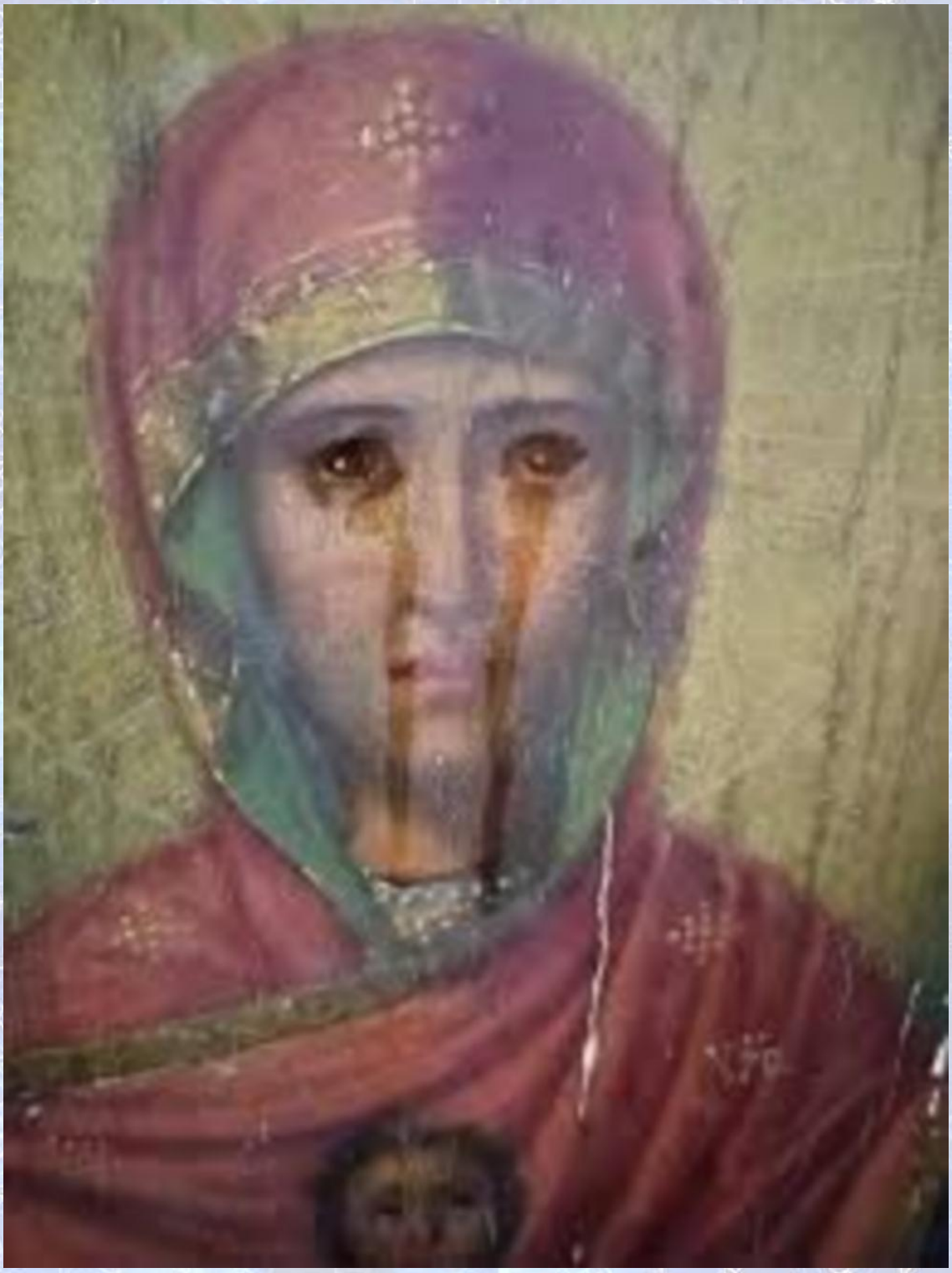
Он воплотил меня как идею, икону с безликим лицом, в котором тысячи лиц, он воплотил меня, как рекламу, картинкой прикреплённой к упаковке наркотика, святым лейкопластырем под языком, моё лицо на марке «Мария», всасывается со слюной в слизистые, прикоснуться ко мне – как коснуться самого бога, я – киноплёнка, я – проводник, как шоты, один за другим, пью залпом посты в чьё-то твиттере, а затем блюю, словно накачавшись накануне дешёвым алкоголем и аптечным дерьмом, чтобы поскорее от них избавиться. Вместо сенсорных схваток с пср-врагами, я перенаправлю его агрессию в наркоджихад, у меня во лбу, будто фосфором во тьме, светится шифр, который они не в силах расшифровать, но эманации, исходящие от него, заложенные в этот стоглавый код – чуют. И поэтому бегут, как от огня или проказы, как от ВИЧ-инфекции, как от коммунизма. Я рву на полотна

потные флаги, пропитанные кровью войн, потом рабочих, гноем, слизью, калом, смердящей свободой. Свобода - иллюзорная рвань, она задохнулась в Освенциме. Они чуют силу мою и боятся. Ну так ебите меня, ебите меня своими мыслями, целуйте мой клитор, пейте мой млечный сок, вкушайте грязную кровь, причащаясь силой моей святой матки.

Аорта неба отворилась, рана вскипела первобытной кровью. Пейте, пейте, разбавленные бумагой, подтексты, отражающиеся великим, всесильным письмом. Каждое слово моё будет пережито. Когда наступит война, в твоём профиле взойдёт белое солнце, выжженное. Ты не заметишь, как мир сгорит, останутся только обмотки Лазаря. Ты сам поверил в то, что сотворил, попался в сети и застыл с отвисшей челюстью. Мы – лишь иллюзия, что тает на ветру пеплом.

Отключай сны, спи спокойно, а потом я прочту тебе своё предсказание.

Я всего лишь икона. Среди тысяч таких икон. И каждая плачет.



СЕМЁН ПЕТРИКОВ

Благовест Эпохи Сенобитов. (киберхристианская проповедь)

Когда-то, когда только начинался форум ЦКП, существовал дружественный ему сайт КЛЭО, или Клуб Любителей Экстремальных Ощущений, представляющий собой тогдашнюю псай-википедию со статьями. Много воды с тех пор утекло, и со временем сходство в практиках йогов, психонавтов и сенобитов становятся всё более заметны - например, в йоге, если во время выполнения асаны от непривычного положения тела возникает боль, то вы можете войти в неё своим сознанием и сделать её сначала источником наслаждения, а затем Ничем. Не об этом ли говорил Иглоголовый в первых двух сериях?
Сенобиты из фильмов "Восставший из ада" это _бывшие_люди_, каждый из которых однажды попробовал собрать шкатулку, подозрительно напоминающую обыкновенный Кубик Рубика. У всех в детстве была такая игрушка. Мне никогда не удавалось собрать кубик Рубика правильно.
Речи Иглоголового из первых частей этого фильма местами напоминали мне слова йогического учителя. Йога - значит соединение, связь. Шкатулка соединяет мир людей, и мир "демонов", то есть, по сути, неорганических существ. Мой тренер по кундалини йоге часто говорил, что кундалини йога это инструмент, с помощью которого в течении одного воплощения можно стать святым. Радикальная практика самоизменения, направленная на снятие человеческих рамок в себе, путём углубления в мир экстремальных ощущений.
Однажды я кундалинийогнулся и это изменило всю мою жизнь. Не буду рассказывать подробно, эта статья - не об этом. Несмотря на то, что мне удалось поднять змею до сахасрары, я так и не овладел сиддхой собирания Кубика Рубика. Духовный опыт, который

приходит в виде фрагментов, которые надо как-то во что-то собрать. И для этого мне придётся использовать ум.
Смысл предмета не равен его значению, а часто бывает ему противоположным. Деконструкция - это метод прочтения текста, который уподобляет его кубику рубика, который я никогда не соберу, или конструктору лего, который можно продолжать собирать бесконечно.
Но, порой у меня возникает ощущение, что из рандома вдруг самособирается достаточно стройное описание мира, причём такое, которое не просто объясняет что такое мир, но и объясняет, что с ним делать.
Какая духовная практика поможет мне стать сенобитом?
Кажется я понял почему в христианских храмах я чувствую какой-то особый мир в душе. Эзотерический слой христианства - отчётливо трансгуманистский. Сенобит - это расчеловечившийся постчеловек. Машина станет плотью, а плоть машиной. Вирт станет реалом, реальность станет неотличима от симуляции. Христос чётко говорил о преодолении биологической обусловленности. Сделать глаз вместо глаза, руку вместо руки - протезирование, регенеративная медицина. Преодолев биологическую обусловленность, мы выйдем в новую среду обитания. Станем Цивилизацией Звездной Системы, как предсказывал Циолковский. Когда-нибудь настанет день и наши потомки удивятся что мы жили на шарах а не между жаров. Рас-шаривание. Рас-шеривание: тот кто сделает внутреннее и внешнее посредством нейроинтерфейсов и химической йоги, войдёт в биотехнологический Эдэм. Хотя может быть это будет точнее назвать "садами Лилит" - огромные, бескрайние поля с замкнутым циклом круговорота веществ - это будет необходимо для поддержания жизни на космических станций. При этом, некоторая некроморфность сенобитов, их склонность к некротической эстетике прямо указывает на христианский мотив. Нужно умереть для мира, чтобы родиться для духа. Один мой друг

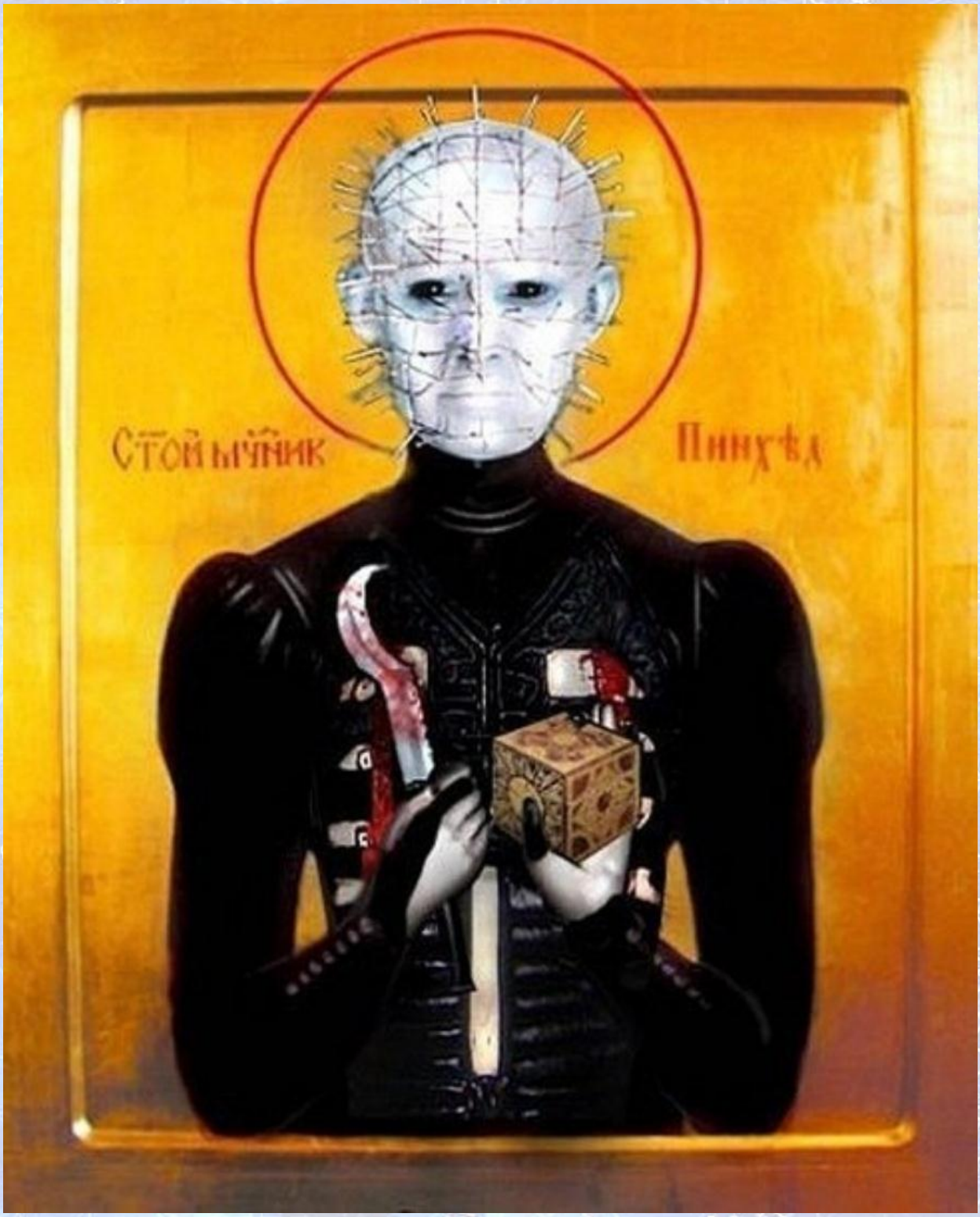
христианин, похожий немного на сенобита, модифицирующий своё тело и разум, недавно сказал мне это. И я почувствовал, что не так уж и велика разница между нами, людьми, практикующими различные "виды духовности". Разницы между нами гораздо меньше, чем между любым из духовных практиков, и людьми не интересующимися духовностью. В пророчествах обычно говорится о небольшом числе тех, для кого спасение станет реальностью.
В царство божие войдет туда лишь один из тысячи, лишь двое на десять тысяч...
Знающему достаточно.

26. Да был бы среди вас знающий человек! Когда плод созрел, он пришел поспешно,- его серп в руке его,- (и) он убрал его. Тот, кто имеет уши слышать, да слышит!
27. Иисус увидел младенцев, которые сосали молоко. Он сказал ученикам своим: Эти младенцы, которые сосут молоко, подобны тем, которые входят в царствие. Они сказали ему: Что же, если мы - младенцы, мы войдем в царствие? Иисус сказал им: Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа,- тогда вы войдете в (царствие).
28. Иисус сказал: Я выберу вас одного на тысячу и двоих на десять тысяч, и они будут стоять как одно.
Евангелие от Фомы

Киберфеминизм - скоро будет храниться там, где Анарахна хранит анахронизмы. Феминизм - это борьба за права женщин, но киборгизация, как и биотехнологии, может снять этот вопрос с повестки дня. Мы можем сделать себя машиной без пола. Мы можем изобрести сколько угодно новых полов, отредактировав свой

геном. Будем например как тот вид инфузорий у которых 50 полов. Рациональность присущая естественному отбору уже отброшена. Осталось превратить самомодификацию в вид искусства. По сути, начало этой эры уже наступает - в киберпространстве мы можем позиционировать себя как угодно, как мужчину, как женщину, как буквы на дисплее читателя...

Продолжать крутить кубик рубика, в надежде что он когда-нибудь соберётся в моих руках случайно. Похоже что для меня это становится новым символом веры.


СТОЙМЧНИК
ПИНХЄД

Чёрное Искусство

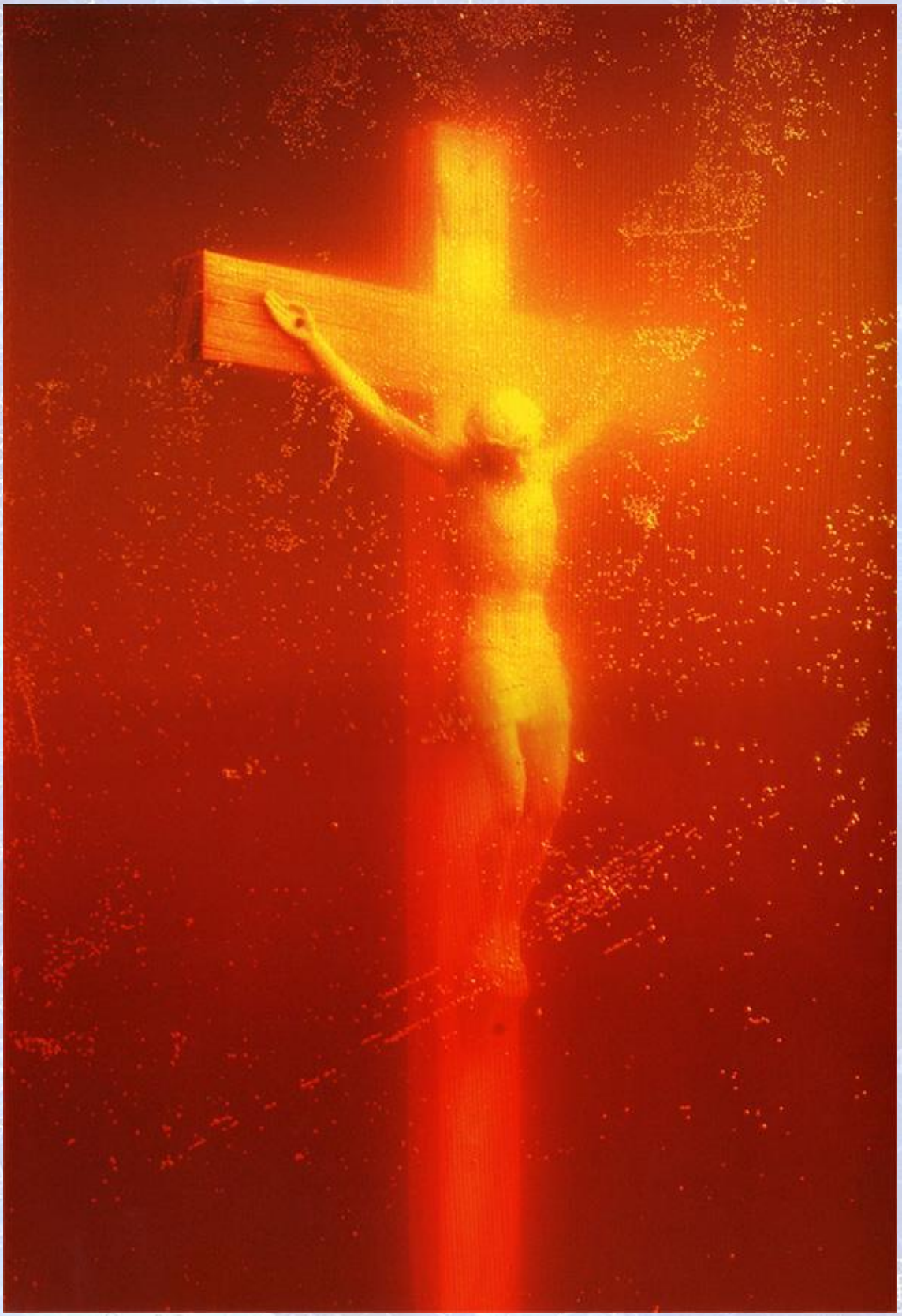
Андрес Серрано

Сакральные «соки тела».

Один из самых интересных и известных фотохудожников в мире, работающий с религиозными сюжетами - Андрес Серрано.
В 1987 году Андрес Серрано, 37-летний испанец из Бруклина, сделал вот что: он взял дешевое пластмассовое распятие, опустил в емкость с бурой жидкостью, навел на этот коктейль фотокамеру и нажал спуск. Снимок вышел несколько мутным, в красно-желтых тонах (по легенде, жидкость была уриной художника, смешанной с бычьей кровью) и, в общем, ничего особенного из себя не представлял — несложно догадаться, как выглядит пластмассовый крестик в грязном стакане. Кроме распятия Серрано снял фигурки Папы Римского и другие религиозные тотемы в жидкостях (серия — не первая из проектов фотографа). Но именно Piss Christ — «Писающий Христос» — вызвал бурю, которая еще лет 10 гуляла по миру. Во-первых, сам снимок несколько раз пытались уничтожить разгневанные посетители выставок, в связи с чем его страховая стоимость постоянно росла. Во-вторых, в 1989 году сенат США, обсудив Piss Christ, лишил Серрано грантовой поддержки и практически свернул госфинансирование авангардного искусства. И в-третьих, Андрес Серрано моментально стал знаменитым, самым известным фотохудожником, снимающим на религиозные темы. А после и просто одним из главных фотографов США.
Вскоре выяснилось, что Piss Christ — кадр еще безобидный. В последующие 10 лет Серрано мешал телесные жидкости (семя с кровью Серрано, помещенные под стекло, можно видеть на обложке альбома Load группы Metallica), снимал мертвых детей, Ку-

клукс-клан, испражняющихся людей, историю секса в картинках. И что действительно всех шокировало — снимал очень хорошо.
Свою деятельность Серрано объясняет так: он не на скандал нарывается, а пытается выйти за границы дозволенного. Объясняет чуть устало — очевидно, сам он уже не в силах разрушить свой имидж христопродавца. После Piss Christ Серрано довольно быстро превратился в классика арт-модерна, но подпольного. На правительственный прием такого не позовут, зато художественные критики — в восторге, а журналы наперебой заказывают ему сессии.
В 2000-х он перешел с тел на лица. Самых обычных людей тоже снимал неожиданно: будто суперзвезд для какого-нибудь глянцевого журнала. Эффектно подсветив модель и направив камеру снизу вверх (обычно так делают в Голливуде: это даже самым невзрачным физиям придает античный героизм), он запечатлел больше сотни американцев: бомжа, сотрудников муниципальных служб, дизайнера одежды, кого-то еще. Галерею портретов Серрано разбавил репортажами из моргов, крупными планами оружейных стволов. Проект «Америка» в качестве альбома и полновесной выставки целый год катался по миру и стал культурным событием. Это портрет целой страны.

(Кирилл Алехин, Анна Шпакова)



(Писающий Христос)

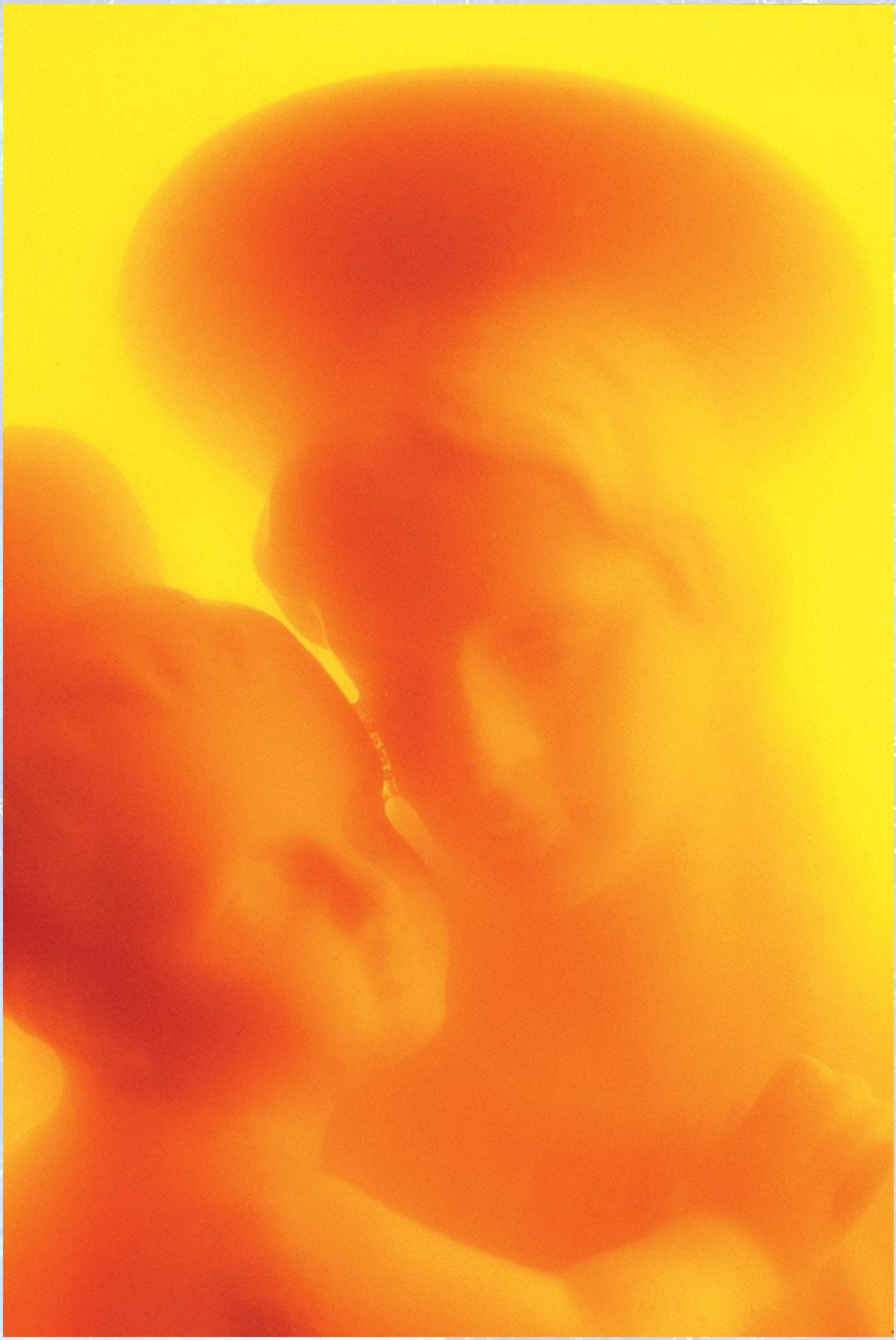
Андрес Серрано любит все, что обыватель считает гадким: фекалии, мочу, сморщенную кожу, трупные пятна. Его вдохновляет табуированное: сперма, менструальная кровь, женское молоко. А еще Серрано очень любит Бога и публично признается в своем влечении к Иисусу Христу. Именно Иисус принес Андресу всемирную славу, деньги и уважение в мире искусства.

Получилось красиво и страшно — по-настоящему про смерть. Возможно, Серрано вдохновило то, как мучительно, неделями умирали распластанные на деревянном кресте: моча и кровь текли по нему и впитывались, а фекалии воняли на всю округу

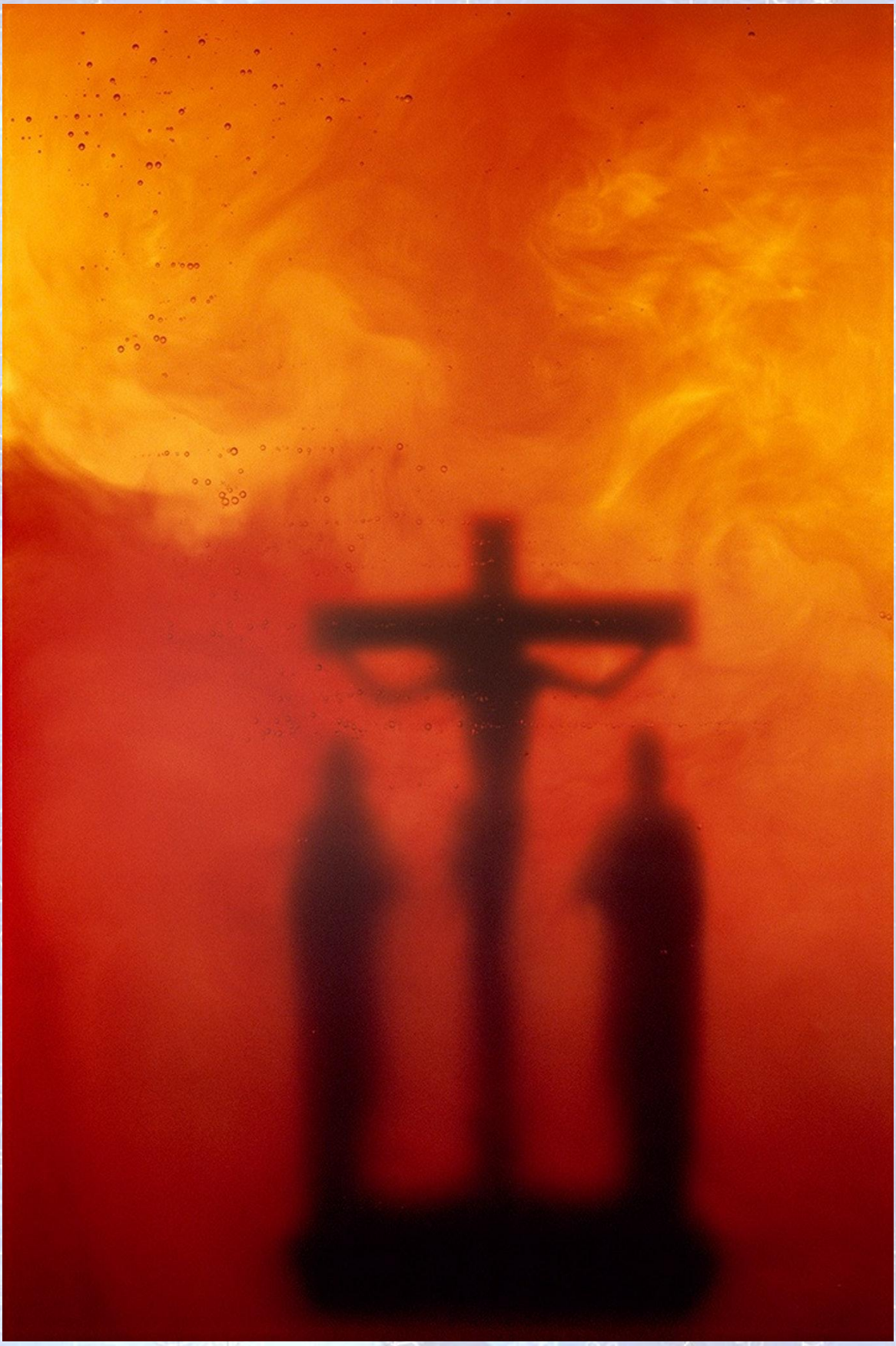
Уже в первых работах, которые были созданы в середине 1980-х годов, Андрес Серрано начал разрабатывать сюжеты традиционной религиозной иконографии, балансируя на грани между религиозным китчем и религиозной чувственностью. Религиозная тема получает развитие в серии «Соки тела» (Bodily Fluids) 1987 года, состоящей из макрофотографий крови, мочи, спермы, увеличенных до огромных размеров и напоминающих минималистские абстракции. В этом цикле и была опубликована фотография «Христос в моче».
Фотография вызвала скандал. Хотя сам Андрес Серрано утверждал, что «целью не является осуждение религии, картина говорит о коммерциализации и удешевлениии икон в современной культуре», многими его работа была воспринята как осквернение святынь и оскорбление традиционных ценностей.

Художник назвал свое творение Piss Christ. Он считал, что в полной мере передал и страдания Христа, и то непочтение, с которым производители миллиардов дешевых пластиковых распятий выхолащивают сакральность жертвы Иисуса. Пластмасса и близко не передает тактильные ощущения от прикосновения к телу Христа, и вообще пластик — токсичный материал. Опустив

распятие в мочу с кровью, художник словно возвращает изображению сакральность, создавая икону — фотографию, приближающуюся к понятию нерукотворности.
Конечно, мало кто понял глубокий смысл, заложенный в произведение. На фотографию постоянно нападали: то ломали раму, то молотом проходились по стеклу, то танцевали на ней. Из-за якобы кощунственного отношения к святому художника лишили государственной финансовой поддержки. Но она ему уже не требовалась. Серрано был вполне доволен суммами, которые выкладывали за копии «Иисуса» коллекционеры.
«Я вижу себя продолжателем традиций религиозного искусства. Я — не еретик. Я не разрушаю иконы, а создаю новые. Меня тянет к Христу, но с католической церковью у меня реальные проблемы. В то же время мои работы не следует воспринимать как выпады против церкви — я считаю, что делаю иконы, вполне пригодные для нее. Лучшее место для Piss Christ — это храм. Если у Ватикана станет ума, он начнет скупать мои работы».



(Мадонна с Младенцем)



(Распятие)

И действительно, некоторые шедевры Серрано были выставлены в нью-йоркском католическом храме Святого Иоанна. Это были серии «Церковь» (изображения храмов и священников) и «Морг» (изображения частей тел мертвецов).

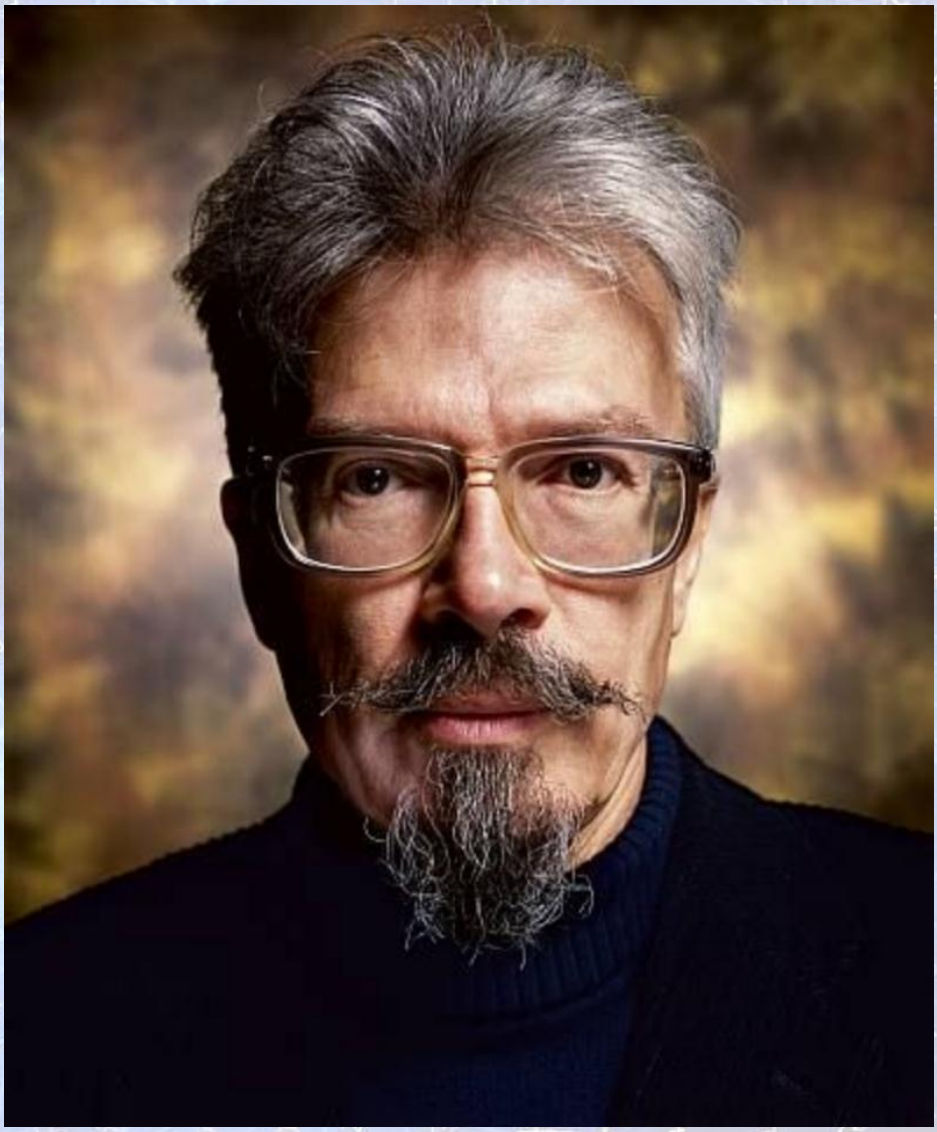
«Религия — небезопасное дело, важно не избегать возможных рисков. Религия должна не только помогать обрести покой, но и бросать вызов», — прокомментировал настоятель храма. Прихожане были несколько ошарашены, но вскоре привыкли. Серрано предлагал там же выставить и скандальное изображение Христа в моче, однако настоятели не решились.

Опустив распятие в мочу с кровью, художник словно возвращает изображению сакральность.

«Меня притягивает символика церкви, ее эстетика, — признается Серрано. — Я люблю ходить в храм, но скорее по эстетическим, нежели духовным причинам. В своих работах я исследую

собственную одержимость католицизмом. Художник без одержимости — ничто, вот и у меня есть свои заморочки. В прошлом я католик, да и сегодня не стану возражать, если меня назовут христианином. Думаю, что имею полное право обращаться в своем творчестве к символике церкви, и, само собой, прихожу в ярость, когда мне это запрещают».

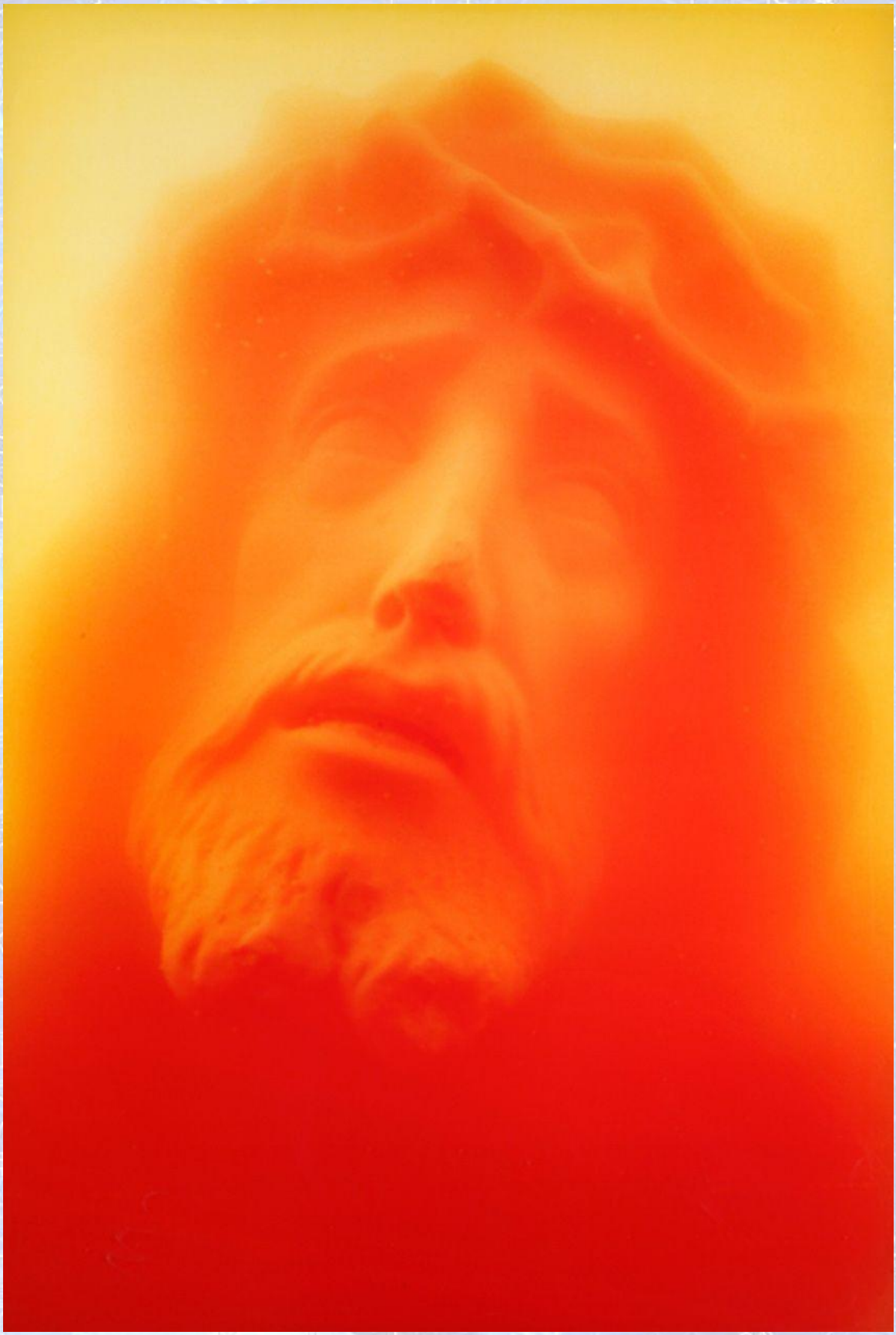
На Христе художник не остановился. В похожих по цвету на мочу с кровью жидкостях он стал вымачивать другие небольшие изваяния — фигурку дискобола или папы римского. До популярности Piss Christ они и близко не дотянули, но этот образ глубоко въелся в сознание художника: почти все последующие работы Серрано — от порнографических снимков и фотографий нью-йоркских бездомных до портретов молодого Трампа и писателя Лимонова — несут отпечаток красно-желтого. Желтый ореол намекает на то, что они, возможно, плавают в унитазе, их жизнь быстротечна и ничтожна. На них будто помочился художник — а может, и сам Иисус. И если кто-то подумает, что желтый фон — подобие нимба, это не опровергает мысли, что он — всего лишь моча, светящаяся в унитазе.



Серрано создал выдающуюся работу: сложную, наглую, ужасную, правдивую, красивую. Он был честен перед собой, зрителем и перед Богом. Моча с кровью — признак болезни, возможный предвестник смерти. Она продукт тела — созданного Богом по образу и подобию своему.

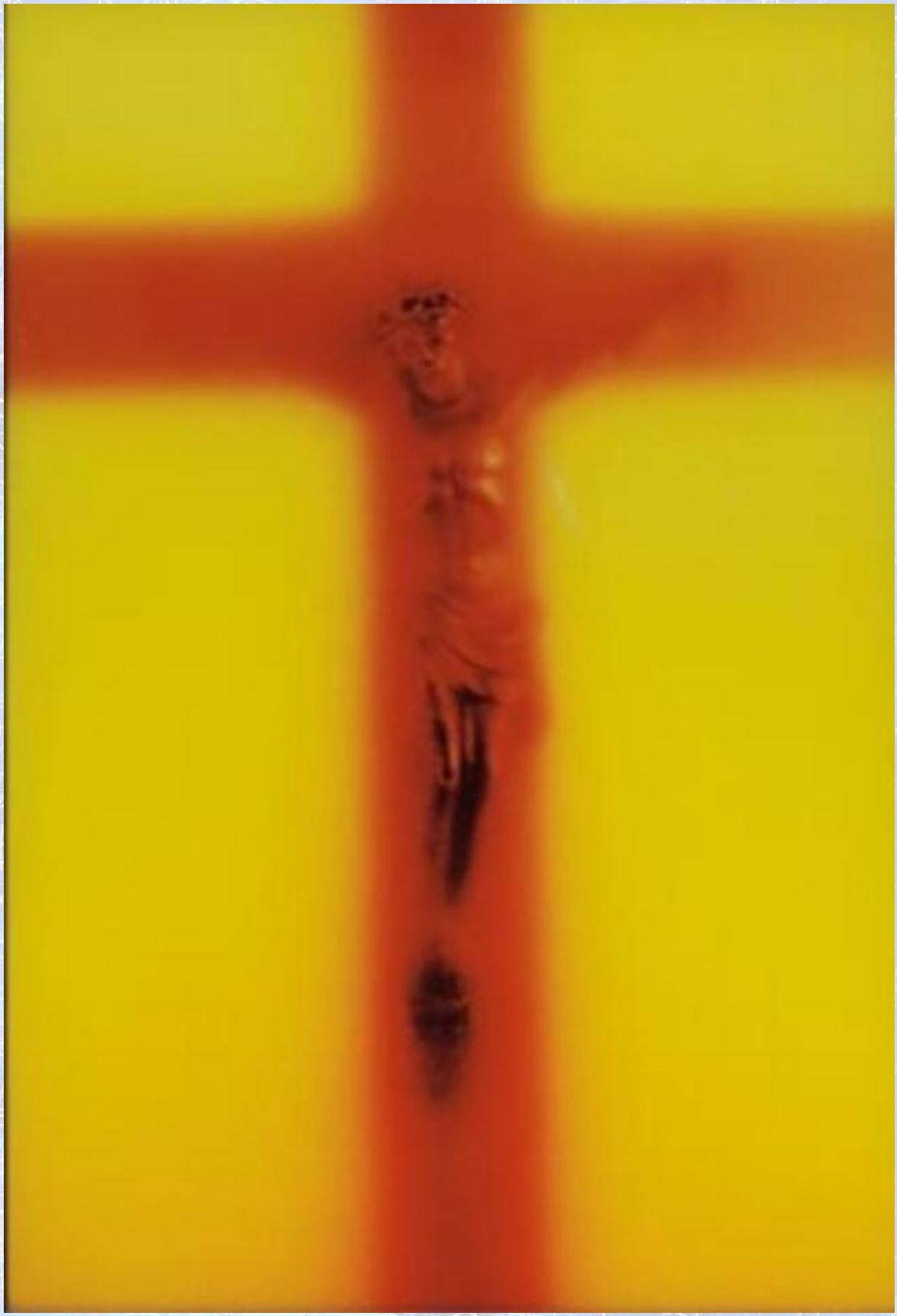
На них будто помочился художник — а может, и сам Иисус.

(Александр Ляпин)



(Ecce Homo)

(Моисей)

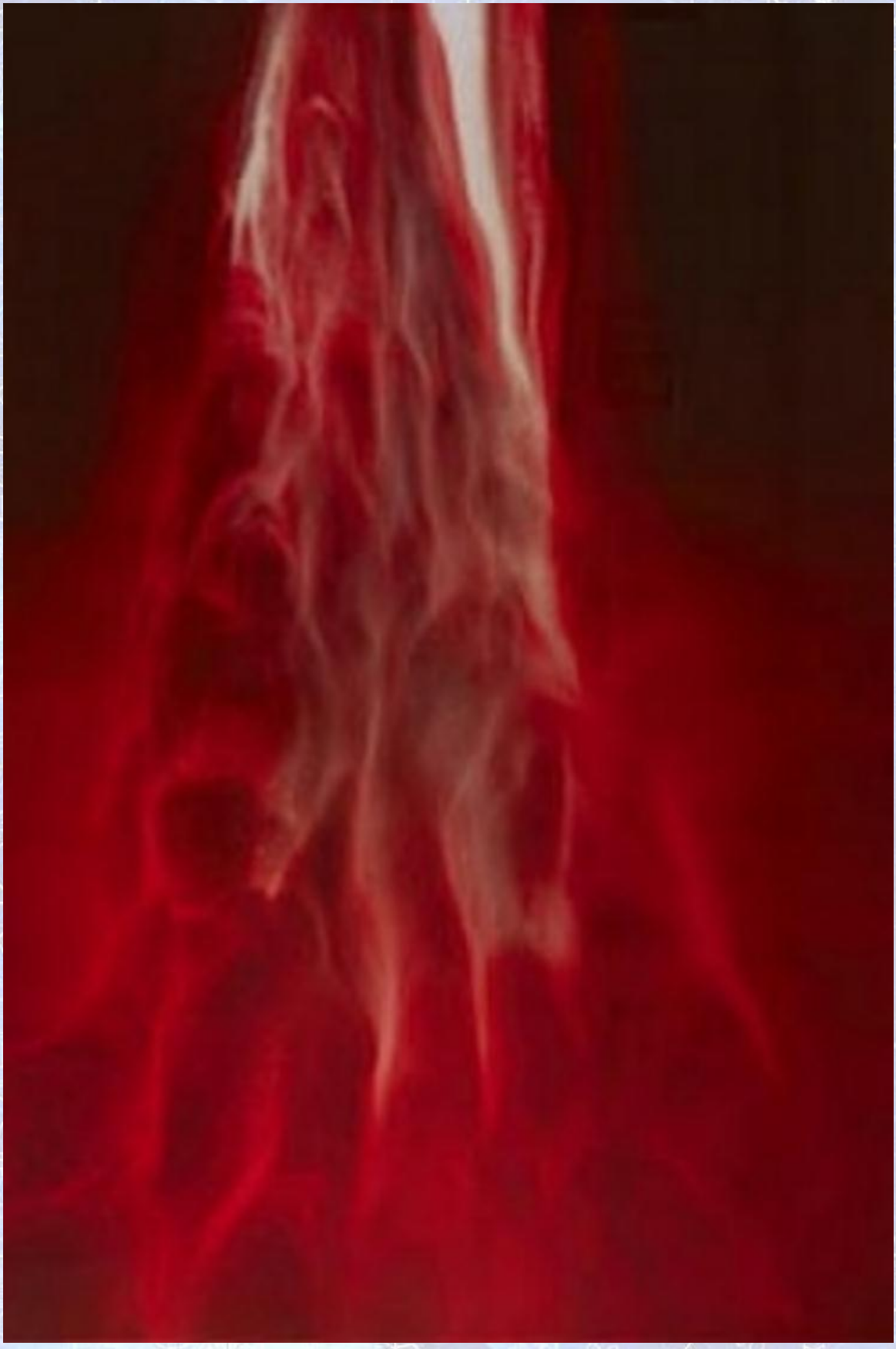


(Писающий Свет)

(Пьета)

(Пьета)

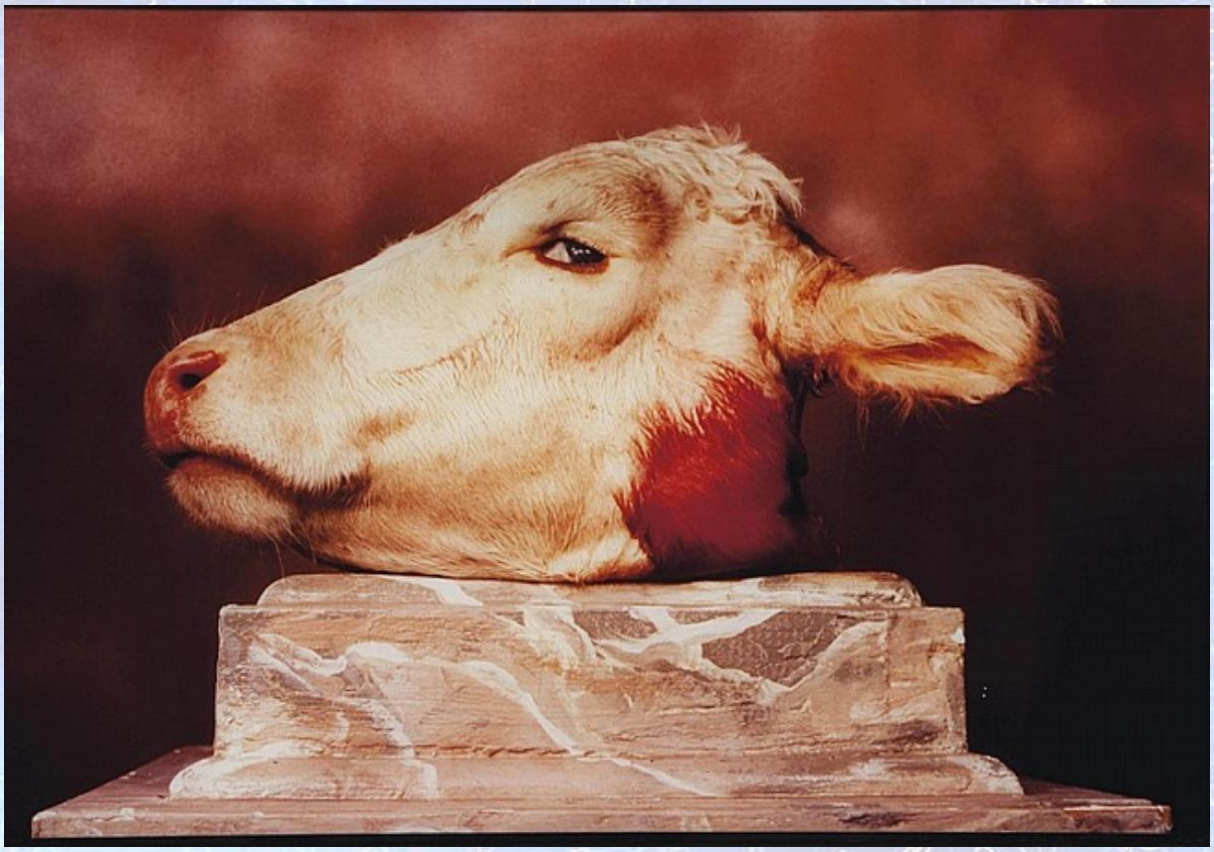
(Кровавая Мадонна)



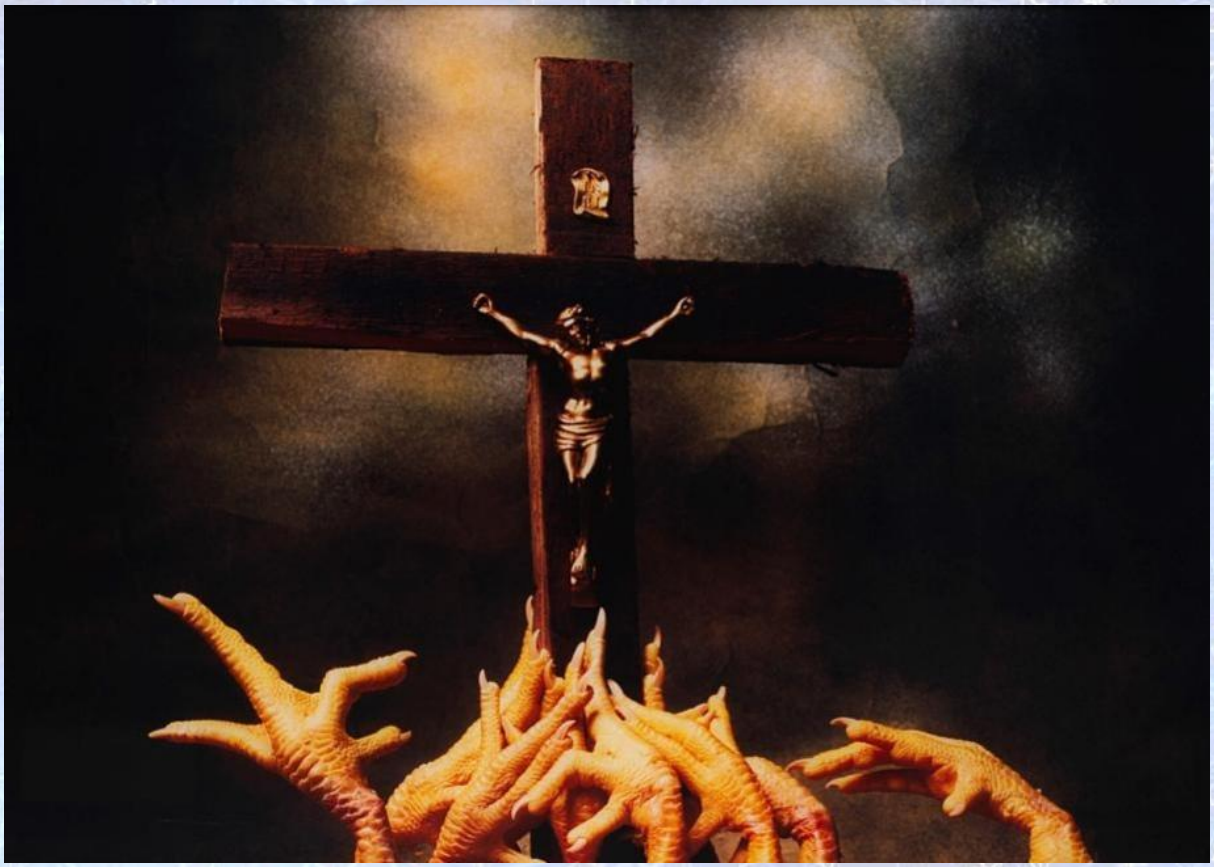
(Драгоценная кровь)

19 апреля 2011 года во Франции в музее современного искусства Collection Lambert несколько молодых людей нанесли серьезные повреждения картине. В ходе столкновения ущерб был нанесен и другой работа Серрано — «Церковь (сестра Жанна-Мириам)» (The Church (Sister Jeanne-Myriam)). После инцидента музей принял решение не прекращать работу выставки, оставив работу «Христос в моче» экспонироваться со следами повреждений. Таким образом, посетители сами могли дать оценку и работе, и действиям нападавших.

(Церковь, сестра Жанна-Мириам)

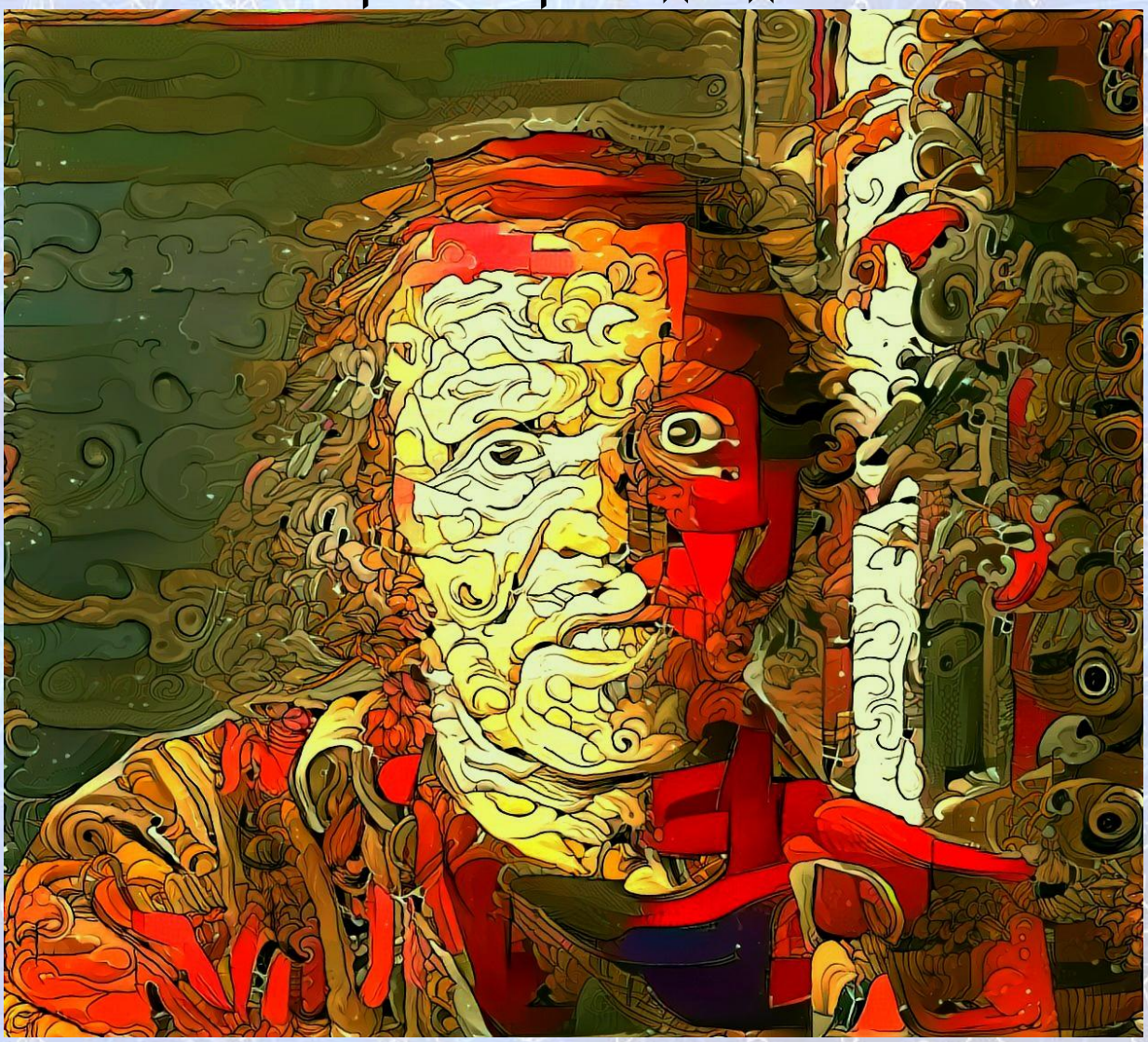


(Голова коровы)



(Чернь)

Король страны дождей.



Редактору «Колодца», от друга и ведущего дарк-эмбиент группы Maha Pralaya (музыка постапокалиптического городского шаманизма, представленного в 4-ом номере), был любезно предоставлен проект в честь дани памяти Евгения Всеволодовича Головина, от целой коллаборации замечательных и известных авторов андерграунда, эмбиента, контркультуры:

Оцепеневшие; Maha Pralaya; Д. Гусейнов; Troff; Кирилл Марзан (Anima Whale); Пахом & CISFINITUM; КооперативништяК; Dara de Morte; Ганс Зиверс; Tsaraas (П. Блюмкин); Е. Вороновкий & Maha Pralaya; Maniloffband & Grafito; Betelgeuse; Тени Забытых Предков;

SIMULACROSS; Оберманекен; Grëozoblazhenstvie; NECRO STELLAR - Учитесь Плавать; Пахом.

Тогда тут же появилась мысль, посвятить поэтический раздел номера, также дани памяти Евгения Всеволодовича Головина, и вспомнить некоторые прекрасные строки этого Мастера алхимии слова, а также работу Евгения Головина - «Муравьиный лик», что отчасти пересекается с темой номера. Поэтому в данном номере мы не будем представлять никакой музыкальный проект отдельно, пусть за них скажут их работы данной подборки, которые на наш скромный взгляд представляют истинное эстетическое наслаждение.

Ведущий проекта Maha Pralaya, Евгений Махапралаев, оставил нам лишь это ёмкое послание:

«…от себя говорить ничего сами не будем, мы музыканты, за нас говорят наши работы, да и есть кто лучше скажет, можно лишь упомянуть, что мы с Евгением Вороновским собирали это, как дань уважения к человеку во многом сформировавшему наши взгляды…»

Думаю читателю не нужно представлять Евгения Головина - поэта, писателя, философа, литературоведа, барда, оккультиста, специалиста по эзотерике, знатока алхимии, адепта и мистика. Поэтому предоставим слово воспоминаний, человеку который действительно близко знал Евгения Головина, философу Александру Гельевичу Дугину, которое он посвятил Головину – «Евгений Головин и сущность поэзии». А эти слова Александр Дугин, оставил специально к для сборника памяти Евгения Головина:

«Сообщения и статьи Головина не имеют ни начала, ни конца, они жестко противятся накопительному принципу – по мере знакомства с ними человек не приобретает, но от чего-то избавляется – такое впечатление, что льдинка нашего «я» начинает пускать весенние капли, рассудок мягко плавится, каденции фраз, образов, цитат, интонаций уводят нас в раскрашенные лабиринты смыслов, ускользающих даже от того, кто увлекает нас за собой… При этом

как-то очевидно, что мы сами, наше внимание, наше доверие, наша фасцинация абсолютно не нужны автору. Головин не покупает нас, он проходит мимо, задевая острым черным плащом непонятной, смутной ностальгии – это было бы жестоко, если бы он кривил рот, замечая краем глаза наши мучения, но он пристально смотрит в ином направлении, и это еще более жестоко, по ту сторону всякой жестокости… Он просто нас не видит, и всё».

ГОЛОВИЦ

Александр Дугин

Евгений Головин и сущность поэзии. (аватары танцующей звезды)

Поэзис

Смыслом поэзии является риск. Поэзия создает нечто из (практически) ничего. Поэзия не отражает существующее, она не рефлективна ни в малейшей степени, а если отражает, то это плохая поэзия. Хорошая поэзия повествует о том, чего нет, и делает это существующим за счет самого повествования. В этом и есть риск: вызывая к бытию то, чего нет, сам поэт не знает, не может знать, чем это окончится, во что это выльется. Он ставит на кон все. Поэзия – самая опасная из профессий.

Выход(ка)

Евгений Головин оставил наш уровень космической экзистенции, называемый «миром», 29 октября 2010 года. Она закончил писать и редактировать эту книгу незадолго до своего выхода от нас. Он сомневался в названии – первой версией было «Поэзис», как активная форма от «поэзии». Но позже он решил иначе и остановился на названии «Там». «Там», то есть не «здесь». Возможно, он ясно видел момент перехода, и «здесь» его окончательно перестало интересовать.

Сегодня, когда его нет с нами, уместно задать вопрос о самом Евгении Всеволодовиче Головине: *что это было*? Он появился, вспыхнул, очертил своим бытием ослепительно прекрасный, но совершенно не понятный знак, подобно «танцующей звезде» Ницше, и скрылся за железными дверьми лифта, ведущего намного ниже первого этажа.

Пытаться расследовать, кем был Головин, стоит. И можно рассмотреть не одну, а сразу несколько гипотез. Каждая будет бледной тенью его неистового бытия. Каждая – огнедышащий фрагмент.

Поэт: обучение абсолютной свободе

Головин жил, рискуя, в максимально рискованном риске (М.Хайдеггер). Головин был настоящим поэтом. Риск и поэзия – одно и то же: работа с адской и пронзительной стихией ничто. Ничто опасно, но только из него поэт извлекает речь. Не столкнувшись с ничто, поэт обречен на немоту.

Все остальные избавлены от этого – они просто повторяют то, что создали поэты, проживают то, что написали художники, промысливают то, что похитили у ничто философы. Но в эхолалиях человеческого визга звучит только одно – монтонность молчания. Сердце людей спит. Сон – это комфорт, безопасность. Сон это эвфемизация смерти. Смерть приходит к спящему сзади, подкрадывается к нему. Человек, не думающий о смерти, уже умер. Он спокоен только потому, что он уже покойник.

Поэт беспокоен, потому что он смотрит смерти в лицо. И она его не оставляет рвнодушным. Она его тревожит, она его мучит, она его преследует. Она делает его бездомным, одиноким. Она гонит его, она душит его, она пугает его. Она сводит его с ума. От вкуса и запаха смерти, от ее профиля, от ее пейзажа, от ослепляющей тьмы не сходит с ума только бревно. Человек, не сошедший с ума, дебил.

Поэт может быть только безумцем. Безумие дает дар слова. Безумным и разрушенным, отравленным и загнанным, раздавленным и подброшенным в воздух поэт осуществляет поэзию.

Евгений Головин поэтом в абсолютном смысле этого слова. То, что он писал стихи, и то, что эти стихи восхительны, в его случае почти не имеет никакого значения. Головин был бы поэтом, причем поэтом среди поэтов, даже если бы он не написал ни единой строчки. Быть поэтом значит создавать. Но то, что создается, для самого поэта и для сущности поэзии не имеет значения. Произведение, поэма, живет своей жизнью, и настоящего поэта все это больше не интересует. Произведениями интересуются потребители, любители, коллекционеры, все те, кто нуждаются в

образце, чтобы его воспроизводить. Поэт свободен от своих произведений, так как он погружен в то пространство, откуда все и происходит. Только тьма имеет значение, тьма и ее друзья – ужас, безумие, отравление, галлюцинации, надлом, боль, нищета, бездомность, несходимость числовых рядов, одним словом свобода. Поэт – тот, кто свободен.

Головин – имя нарицательное, и означает то же самое, что «свобода». Однажды он сказал мне: «я учу вас одному – абсолютной свободе». Так говорит поэт.

Головин был поэтом. Это бытие поэтом изменяло, искривляло, ломало пространство вокруг него. Те, кто знали его, навсегда необратимо испорчены тем невыразимым состоянием, которое сопровождало Головина в любой ситуации – его интонации, построения фраз, тембр голоса, жесты, выражение лица, мимика, оценки, детали речи и поведения. Он появлялся, где бы он не появлялся, чтобы творить там особый мир. Мир Головина, его присутствия, это открытый во всех направлениях мир. В нем невидимое приобретало осязаемые черты, разные стороны реальности сталкивались между собой и показывали нам свои раны и царапины, свои цветы и свои силы. С Головиным мы прыгали в стихию зеркала. Редких это возвысило; чутких – изменило до неузнаваемости, кое-кого -- уничтожило.

Поэзия и это знает каждый, слово греческое и образовано оно от глагола poiein, что значит «творить». «Поэт» (poetes) дословно «творящий», «творец». «Поэма» (poema), соответственно, «творение», «сотворенное». «Поэзис» (poesiV) -- сам акт творения. Этими же словами «Библия» описывает Творца и мир, «поэт» и «поэма».

Евгений Головин был творцом. Он творил мир. И творил его неусыпно, в каждый конкретный момент. Он творил его словом. Но не только – он творил мир как его обычно творят. Всем бытием,а не его чатсью. И мир получился всегда разным – когда ужасным, когда восхитительным, но всегда на нем, на этом сотворенном вживую на наших глазах мире блестела золотая роса ужаса и кровь бездны, из которой его только что извлекли.

Магия мертвой лэди

Пример из песенной поэзи Головина релевантен – также впрочем, как любой другой. Вот его текст, но без интонаций Головина он несколько утрачивает свою абсолютную суггестию, которую приходится достраивать. Когда Евгений Всеволодович пел эту песню, даже самому укорененному в быту слушателю становилось ясно, что он описывает реальность, что это не фантазии и не метафоры.

Она смотрит недвижно и зло

На журнал устарелых мод

У лэди Ван дер Лоо

Глаза вытекают, как мед

На полу в золотистой луже,

Шелушится неоновый свет.

И на труп её бедного мужа

Фарфоровый падает снег

И зловещая, как пепел, поправляя белый гребень,

Входит мертвая служанка и проходит в кабинет

И задумчиво кружится нарисованая птица

Нарисованная птица на окне, которого нет.

Одинаково желанны восковые Дон Жуаны.

Восковые Дон Жуаны и зарезанная girl.

Входит мертвая служанка, поправляя белый гребень.

А в холодном синем небе спит распластанный орел.

К неподвижной фигуре подходит,

Кое-где разминая воск

И хищной иглою колет

В неподатливый мозг.

И лэди Ван дер Лоо

Глядит на фарфоровый снег,

И слезы струятся светло

По лицу, которого нет.

С первых слов

Она смотрит недвижно и зло

мы вступаем в атмосферу тягучей дистанции по отношению к фиксированным координатам во времени и пространстве. Перед нами леди ван дер Лоо, и само ее имя уже содержаит в себе тревогу и преступление. Нельзя исключить, что эта известная нидерландская фамилия появилась не спроста. Она созвучна – «лоа», термину практики вуду, которым обозначается «дух» или «бог». Дух всегда есть дистанция, и вместе с тем беспокоющая близость «иного».

Моды в журнале устарелые, это не предвещает ничего хорошего. И неприятные подозрения сбываются, когда мы видим, как у леди из орбит вытекают глаза.

У лэди Ван дер Лоо

Глаза вытекают, как мед

Вытекают медленно, плавно, клейко.

После первой строфы мы оказываемся в мире, который трудно локализовать, но который затребовал нас к себе, заставив наше внимание переместиться.

Здесь мы соприкасаемя с первым аккордом поэтического делания. Оно проламывает структуры наличного восприятия. У нашей жизни есть две стороны: проявленная и непроявленная; обе они так или иначе синхронизированы – то, что нам дано, видимо, чувствуется корректируется с тем, чего не дано, что невидимо и не чувстыуется. Обе стороны – по отдельрости! - нас не беспокоят. И вдруг мы оказываемся в помещении, где то ли леди, то ли «лоа» переворачивает пальцами картинки старых мод. Но стоп! Моды старыми не бывают. Модное - это значит: *модное сейчас*. Если оно было модным вчера, то это как раз не модное. Поэтому «устарелые моды» -- это вход в самое сердце темпорально-экзистенциальной патологии. Если они есть и их кто-то смотрит, то в релаьности произошел сбой. Вот почему так тревожно имя леди. И уже не удивительно, что глаза, которыми она созерцает устарелые моды, вытекают у нее из глазниц.

Где же мы оказались? Это не является нашей данностью, все законы здесь нарушены, но это и не непроявленное, не то, чего мы ожидаем, страшимся, что предполагаем. предчувствуем за завесой, по ту сторону. Явно *видении леди ван дер Лоо* не из нашей трансцендентности; мы совсем не ждали его, не боялись его и не понимаем его смысла. Но оно есть (или его нет) так, что нам становится по-настоящему неудобно.

Верный признак: мы соприкасаемся с *поэзией*. Это она творит не нашу проявленность из не нашего ничто. Она создает картины, в которых смысл еще страшнее прямого изображения. Леди ван дер Лоо – хозяйка *поэтического ужаса*. Значит, мы вправе ждать преступления, которое поразит нас, расчленит и трансформирует навсегда и необратимо.

Так и есть. Во второй строфе мы встречаем труп.

И на труп её бедного мужа

Бедный муж леди ван де Лоо, видимо, лорд ван дер Лоо, умер и находится здесь. Совсем рядом с листающей старый журнал леди. Он умер, и наверное, умер не своей смертью – почему же иначе ему быть «бедным». Если бы он умер своей смертью, то возлежал бы в постели или в гробу со скрещенными на груди руками, а не валялся бы в золотой луже в зловеще фарфоровом свете.

В песне в этот момент происходит смена ритма. Он убыстряется, становится нервным и старается забежать вперед. В комнате появляется новый труп, на сей раз он движется и «поправляет белый гребень».

И зловещая, как пепел, поправляя белый гребень,

Входит мертвая служанка и проходит в кабинет

Создается впечатление, что служанка африканского происхождения, что так контрастирует с «белым гребнем», а похожа на пепел она потому, что африканцы после смерти сереют.

Этот проход служанки убеждает нас, что дело обстоит много хуже, чем мы могли себе предположить. Так плохо, что дальше некуда. Если смерть, то где же покой? Если конец, то где же сведение его с другими концами? Трупы есть, а покоя все не наступает. Покойники не спокойны. Навязчивый ритм шевелит всю композицию, состоящую из движущихся фигур*, которые не должны были бы двигаться.* И этот ритм выливается в кружение птицы.

И задумчиво кружится нарисованая птица

Мы отчетливо видим ее, следим за ее движениями, восстанавливаем ее траторию, но еще миг и до нас доходит, что птица нарисована, а движение ее следствие игры неоновых бликов на окне – еще один миг: и до нас доходит, что и окна нет.

Нарисованная птица на окне, которого нет.

Есть или нет все это? Сущность поэзии в вопросе, заложенным Головиным в этом стихотворении. Поэзия это то, что есть или то,

чего нет? Казалось бы, то, чего нет (как нет окна), но почему же образы так плотны, так клейки, так осязаемы? Почему эта комната, и эта леди, и этот труп, а теперь уже и эта служанка, и эта птица неоступно преследуют нас, не оставляя ни на мгновение в покое? Если этого нет, откуда же ужас, который постепенно наполняет нас как чай фарфоровую чашку?

Следующая строфа в таком же быстром ритме вводит нас в мир эротических пристрастий леди, которая «лоа». Она любит играть с восковыми фигурками слабострастных и ветреных любовников, которым так приятно делать больно.

Одинаково желанны восковые Дон Жуаны.

Она не прочь провести время и с особами своего пола, если к утру острый стилет дотронется до бьющегося комочка в самой глубине грудной клетки: от сердца к сердцу.

Восковые Дон Жуаны и зарезанная girl.

И снова в комнату с возбужденной лэди ван дер Лоо входит мертвая служанка, нельзя исключить, что на сей раз не только для того, чтобы пройти, но и для того, что заняться с госпожей, чем-то предосудительным – вероятно, она сделала в кабинете все то, что ей так нужно было сделать и теперь свободна.

Входит мертвая служанка, поправляя белый гребень.

И внезапно наш взгляд бросает в небо. В нем мы видим застывшую неподвижную фигуру орла.

А в холодном синем небе спит распластанный орел.

Нарисованная птица была на стекле, которого нет, и она там кружилась, двигалась, билась, вращалась. Теперь все наоборот: вместо окна и нарисованной птицы, которая пребывает в непрерывном движении, мы видим реальное холодное небо, где впечатан живой орел, но он-то как раз неподвижен, в отличие от

нарисованного. Подлинно живое неизменно – преходящими являются только копии.

И снова ритм стиха и песни меняется.

К неподвижной фигуре подходит,

Кое-где разминая воск

Лэди ван дер Лоо плавно поднимается и влажной тенью движется по комнате. К чему? К кому? Я думаю к нам -- ко мне, к тебе, к нему, к ней. К тому, у кого есть мозг, достаточно мягкий и развитый для того, чтобы принять на себя отпечаток поэтического вторжения, проникающего внутрь шевеления аутсайда. Если это мозг, леди его разомнет. А когда все будет готово, она достает свою важнейшую для дела иглу.

И хищной иглою колет

В неподатливый мозг.

Наверное, это такая игла, которая не вводит в нас что-то, но выкачивает из нас последне. А может быть и нет, и я ошибаюсь. Однако, Головин же называет иглу «хищной». Хищник никогда никому ничего не отдает. Он рвет до последнего. Он вынимает из нас нутро и представляет мягкому покою ужасающей пустоты.

Все окончено. Операция абсолютной поэзии завершена. Мы прошли все регистры поэтической магии, пролистали все пародоксы измененного сознания, продефилировали по всем режимам мортификаторной патологии и, наконец-то, нас оставили в покое.

И лэди ван дер Лоо

Глядит на фарфоровый снег.

Теперь она глядит совершенно спокойно. Она сделала с нами (а также с мужем, служанкой, girl, мозгом, птицей) все, что надо было

сделать. Еще миг и она исчезнет. Стих завершится. Песня стихнет. Еще миг и поэзию выключат.

Последнее, что мы видим, это это слезы.

И слезы струятся светло-о

Все ушло. Но они остались. Слезы, как влажная пластическая восковая субстанция невероятного опыта. Вот они слезы, озаренные нежным светом безумия. А лица (стекла), которому они принадлежат, уже нет.

По лицу которого нет.

Философ: к чему поэты в скудные време*на?*

Евгений Головин был философ. Его беседы о Плотине, Прокле, Николае Кузанском, Раймонде Луллии, Роджере Бэконе, Кассирире, Ортеге-и-Гасете, Ницше и Хайдеггере по уровню, глубине и пронзительности осознания предмета не имели даже отдаленного аналога в современной российской философии. По сравнению с ним профессиональные философы-эрудиты превращались в жуков. Хайдеггера он понимал, как никто другой, знал его досконально, но всегда скромно подчеркивал, что многолетние изучение «Sein und Zeit» не приблизило его даже отдаленно к пониманию этой великой философии. Он снова и снова возвращался к этому тексту, и размышлял над каждой фразой. При этом «Holzwege» и эссе Хайдеггера о поэзии давались ему без особого труда. Однако чего стоит его скромность перед лицом массивного интеллектуального дворца, возведенного князем философов. Не претендуя на философию, Головин был лучшим и достойнейшим из философов. Он знал глубже, читал больше (и в оригинале), понимал тоньше, чем все они вместе взятые.

Он, не обращая на это никакого внимания, играя, основал философскую школу. И это самое ценное в современной России с философской точки зрения.

Политик: «глаза темны от русского мороза»

Евгений Головин, творящий мир, сотворил и политику. Это была *политика несуществующей империи*. Те политические режимы XX века, которые фасцинировали Головина (он не любил ни либерализма, ни коммунизма), были подбиты навзлете, а не умерли своей смертью, превратившись в пыль. Вчера в труху рассыпался СССР. На наших глазах идет бурное гниение либерализма. И у этих двух политических теорий была своя энергия и своя фасцинация. Но ее больше нет. А вот, что возникло последним и умерло первым, было насильственно сломено, не дало нам оснований презирать и осмеивать себя. Ничего смешного там не было. И до сих пор нет.

Вот это Головин и любил. Но верный себе, любил не то, что было, а то чего не было или что только могло бы быть. В мире вещей и потворений «третий путь» проиграл, значит, он выиграл в мире активной поэзии. Головин проигнорировал проигрыш пределенных сил в середине XX века и продолжил пристально и ангажированно следить за второй половиной истории «не коммунизма, и не либерализма», за той половиной, которой не было в реальности, но которую он и сотворил. Его политология воссоздала имагинативно историю «третьего пути» после ее окончания.

Как только с этим мы сталкивались напрямую, то короткого замыкания было не избежать. Такого не могло было бы быть, но было. Многих выносили сразу. В 60-е – 70-е, и даже 80-е никто нигде и ни при каких обстоятельствах не осмеливался не только говорить о том, о чем Головин вдохновенно и громко пел, но даже думать об этом. «Глаза темны от русского мороза», «Верные…», «Черные колоны». Прослушав это, оставалось либо повеситься, либо бежать куда глаза глядят. Странно, что никто даже не заявлял. Лишь предельная политологическая дерзость головинских политических представлений позволяла ему оставаться неприкосновенным. Он создавал вокруг себя вихрь силы, который отбрасывал все. Репрессии осуществлял он сам. Это было его прерогативой.

Он оставил нам политический завет. Но говорить о нем в полный голос можно будет несколько позже. Пока же запущенные процессы в действии. Stay tuned.

Музыкант: «мы здесь ничего не узнаем»

Когда Головин пел, планеты сходили со своих орбит, путались в маршрутах, воздух становился настолько густым, что его можно было накладывать ложкой как варенье. Не важно, попадал ли он в ноты, по струнам, забывал ли слова или все помнил точно, но его песни представляют собой особый онтологический жанр. Те, кто их слышал и кто в них вникал, часто не переживали этого. Происходило то, чего не могло произойти. Это были зловещие чудеса. Невыразимая красота и агрессивность этих песен изменяли законы геометрии – геометрии звуков, слов и физического мира.

Записи остались. Но они служат лишь напоминанием, конспектом настоящего. Песни Головина не раскладываются на «песни» и на «Головина». Это выражение стоило бы писать слитно «песниГоловина» как название особого вида, искусств, наук или процедур, представляющей собой нечто среднее между свадьбой и бойней.

Головин пел поэтически, то есть творя устойчивый онтологически, и эфемерный онтически мир.

Социолог: враг открытого общества

Евгений Головин относился к обществу с нескрываемой ненавистью. Он считал его вещью, не обладающей даже отстаточной ценностью. Он противопоставлял бытие, мир, жизнь, дыхание, взгляд, цветы, сновидения, знания, языки, любовь -- обществу. Либо первое, либо второе. Общество, в специфической социологии Головина, это пространство, где кончается все, это терминал бытия. Поэтому первый жест жизни есть плевок в общество, преодоление его, декомпозиция его, попрание, уничижение.

Головин был врагом общества, он вел с ним войну в течение всей жизни. Он был против общества во всех его проявлениях, и откровенно желал ему зла. Всему в целом. В этой войне он выстроил онтологию антиобщественного образа жизни. Головин дружил с теми, у кого не было никакого социального статуса, а у кого он был, то быстро куда-то девался. Бродяги, неофициальные художники, алкоголики, бездомные и сумасшадшие -- к ним, напротив, Евгений Всеволодович относился с почтением и осторожностью: он видел в них авангард армии новой свободы.

Перемены в политическом строе в 90-х годах XX века он не заметил и не признавал, продолжая называть демократическую Россию «Совдепом». Паспорт он терял при любом удобном случае, и стремился не восстанавливать никогда. Врачей он не навидел еще больше милиционеров.

Социология Головина основана на валоризации абсолютной трансгрессии. Только подавляющее меньшинство способно прорваться к статусу человека. Общество состоит из трусливых роботов и прирученных мелких бесов. Граница проходит по зоне страха. Преодолев эту зону, человек выходил в открытое море безумия.

В юности Евгений Всеволодович обучал своих сподвижников таким ценным социальным практикам. Гуляя вместе с приличным спутником по району, населенному пролетарским классом, Головин подходил к одной из группок толкущейся шпаны, без предупреждения наносил удар в челюсть главарю и немедленно падал, притворяясь мертвым. Вся недоуменная агрессия группы обрушивалась на спутника. «Внешний мир агрессивен», растолковывал потом Головин, «надо всегда быть к этому готовым».

Традиционалист: невозможный Генон

Головин первым в России обнаружил Генона и европейский традиционализм. Как вообще это было возможно в 60-е годы, в голове не укладывается; ни среды, ни отдельных людей, интересующихся традиционализмом, в советском или

антисоветстком обществе того времени просто не могло быть. Головин нашел это, оценил это и пересказал это. Но как пересказал! Так, что Генон заиграл всеми цветами мира. Это был ослепительный Генон, Генон как поэзия, как удар, как вызов, как жизненный поток, вырвавшийся вовне из неизвестных сфер. Никакой схоластики, никакого интеллектуального сектантства, свойственного европейскому традиционализму. Генон Головина был пронзительным, головокуржительным, экстатическим знанием.

Сегодня невозможно сказать: был бы Генон для нас тем, кем он является сейчас, не будь этого первого прочтения Головина. И более того, дошли бы мы до него сегодня или нет. Генон здесь не только автор, но и целый веер авторов и текстов, начиная с Эволы, Бркхардта и Элиаде. Все это вынул и предомонстрировал перед остолбеневшими созерцателями лично и исключительно Евгений Всеволодович.

Идея принадлежит тому, кто ее понимает. Головин не только понял Генона, он понял в нем то, что было в нем скрыто, и даже то, чего в нем вообще не было. Поэтому Головин и есть творец русского традиционализма.

Алхимик: работа с цветом

Головин любил алхимию, относился к этой своей любви бережно и деликатно. Наверное, потому, что алхимия предельно туманна, непонятна, далека, асоциальна, травматична, энигматична, отстранена. И самое главное потому, что она никакому вообще сегодня не нужна и ни в каком смысле никого не интересует.

Алхимическая поговорка гласит: «не пренебрегайте пеплом, это диадема короля». Сама алхимия сгорела вместе со Средневековьем, и сегодня у нас только ее пепел. Головин решил им не пренебрегать.

Он тщательно собрал его, изучил, поместил в центр своего внимания, соотнес с океаном живородящей смерти, с которым

состоял в интимных отношениях, и принялся очищать царственную диадему.

Работа в черном. Nigredo. Можно ли назвать так то, чем занимался Головин? Не думаю. Не думаю потому, что ничего мы таким образом не объясним. Алхимия не прояснет, но запутывает. Темное истолковывается в ней только еще более темным. Но нам это ничего не скажет о Головине. Разве то, как он жил – это «черное»? Это мы с вами черное, а он не имеет цвета или одновременно является всеми цветами. Истинный смысл цветов и их редистрибуция по фазам Великого Делания не нашего ума задача.

Занятия Головиным алхимией часть его внутренней жизни, для нас скрытой.

Мистик: язык птиц

Я должен был встретиться с Головиным на метро с несредневековым названием «Аэропорт». Я подошел к месту встречи чуть раньше. Головин в плаще стоял и смотрел сквозь кусочек янтаря на заходящее солнце. Он стоял, а люди обтекали его, глядя в прямо противоположном от солнца направлении.

Когда я подошел, он, почти оправдываясь, убрал янтарь, и пояснил: «считается, что это помогает нервной системе и позвоночнику».

Нерваная система и позвоничник находились у него в идеальном состоянии.

Головин жил в системе эйдетических рядов, знал голоса большинства птиц, чудесно разбирался в травах, цветах, минералах. Его интересовал тонкий срез вещей – самих предметов в его обиходе было миниальное количество, он ничего не собирал, ничего не имел. Даже книг, как это ни парадоксально, у него было немного. Книги, прочитанные, любимые им, входили в него, проникали в его суть. Как внешние предметы они были ему и к чему.

Рассказывают об одном эпизоде из 70-х. Головин неведомыми путями достал редчайший том герметической поэзии на старо-французском. Трудно представить себе нечто более ценное для него самого. Среди его друзей, которым том был показан, он заметил вожделеющие взгляды. Многим казалось, что секрет Головина в том, что он читал это редкие, замечательные книги, а все остальные нет. Кто-то стал выпрашивать почитать и посмотреть. Головин прекрасно понял мотивацию, открыл форточку и выбросил том на улицу, в ночной заснеженный московский переулок. Все (кроме него) бросились на улицу (ценность этой книги для этого круга была абсолютной), но ее не было. Совершенно не понятно, кому в Москве 70-х глубокой ночью мог понадобиться томик герметической поэзии на старо-французском языке. Книга исчезла.

Филип Аурелий Теофраст Парацельс фон Гогенхейм, любимый Головиным, писал по этому (в может быть и по другому) поводу: «пока вещь есть, ее квинтэссенции нет; когда есть квинтэссенция вещи, самой вещи нет». Головин показал, что такое квинтэссенция мифо-герметической поэзии.

Язычник: для жизни богов

Головин деликатно относился к языческим богам греко-римского мира. Знал наизусть пэаны, гимны Апполону и дифирамбы Дионису – в том числе и написанные Фридрихом Ницше. Но Головин не был язычником, поскольку он не поклонялся богам, не совершал ритуалов, не возносил регулярных молитв. Боги Головина – легки и утонченны; им самое место в Geviert'e Хайдеггера; они летучи и не терпят массивного отношения. Они мелькнут то тут, то там; накроют тончайшей волной неспровоцированной дрожи, ударят по кружевам невнятных и ностальгических чувств; пронзят ужасом, окатят холодом – и уже вдалеке гаснет их неслышимый и безразличный смех. Гераклит в 77 фрагменте говорил: «Люди живут смертью богов; боги живут

смертью людей». Евгений Головин явно был убежден, что пусть лучше живут боги. И ему явно нравилось то, *как* они это делают.

Дон Жуан: догматика куртуазных стратегий

Матримониальная история Евгения Головина оставляет нас в недоумении. В ней слишком много спорных и болезненных моментов, чтобы пытаться восстановить технически историю, хронологию и последовательность его браков. В этом были периоды, итерации, фазы, циклы, возвраты и расстования. Явно женщины Головина имели строгий догматический смысл – каждая свой. Будучи всем вообще, Головин распределял свою любовь так, как хотел.

Наверное, он принадлежал всем – по крайней мере всем тем, кто смог заглянуть внутрь него, что значит то же самое, что и заглянуть внутрь себя. Поэтому он не мог принадлежать кому-то одному, точнее, одной. Дух не имущество, им можно быть озаренным или заколотым, но едва ли кто-то способен спрятать его в чулан. Головин был свободен и здесь.

Переводчик: неизвестный Рильке

Головин переводил поэтов и прозаиков, некоторые алхимические и мистические тексты. Его переводы уникальны тем, что часто лучше оригиналов.

Многие знают историю с письмами Рильке. Однажды заметив, что Рильке написал одни из своиз возлюбленных, которая самому Головину чрезвычайно понравилась, лишь несколько сухих строк, он «обнаружил» в «архиве» «неизвестное письмо Рильке», которое позволяло восстановить справедливость. Это письмо было лучшим из того, что «написал» Рильке. Правда, мистификация вскрылась чуть раньше, чем задумывалось.

Перевод не осуществляется от слова к слову, от предложения к предложению, и даже от произведения к произведению. Перевод предполагает компаративизацию двух языковых, культурных,

исторических и географических сред. Работа переводчика самая сложная их всех профессий. Головин был мастером перевода. Он проникал в оба контекста, изящно переносил один в другой и забавлялся и любовался всеми нюансами семантических сдвигов. Он ввел в русский язык такие слова как «дикт», «люстр», «рапт» и т.д. Он их «перевел» так, что они вторглись в ткань русской филологии и надрезали ее дрему.

Головин создал новый язык. Он предполагал у того, кто его слышит, обязательное знание еверопейских языков, европейской культуры, филологии, философии, религии и мистики. Без этого знания он производил странное впечатление. Таким языком Головин и разговоривал иногда с мужиками у винного магазина. Он переводил народу горы величественных знаний и экстравагантных нюансов. Реакция бывала неоднозначной.

Культуролог: король страны дождей

Головин интерпретировал и пояснял поэзию и литературу так, как никто и никогда ее не интерпретировал и не пояснял. Его герменевтика включала самые разные жанры – от приключенческих авторов и классики до авангардной поэзии. То, как он читал, само по себе требует досконального изучения. Он обязательно восстанавливал контекст, в котором развертывалось повествование или складывались поэтические образы. Скрупулезно исследовал эпоху, ее нравы и моды, ее стили и конвенции. Если брал в руки одну книгу автора, то обязательно прочитывал все остальные, даже в том случае, если ему произведение не понравилось. Что ж говорить, если понравилось! Поражало, что он тщательно прослеживал и самые неинтересные нити, биографические детали и связи. Но это только начало его подхода, которого за глаза хватило бы на дестяки культурологических школ, учитывая охват его интересов.

Далее начиналось самое интересное. Досконально осмыслив то, что было семантическим содержанием текста, что ему сопутствовало, предшествовало, что его окружало и что за ним следовало, Головин приступал к настоящему чтению. На сей раз надлежало увидеть в

повествования то, что автор туда не закладывал, среда не учитывала, а читатели пропускали мимо сознания. Банальность о «дьяволе в деталях» слишком затерта, но что-то в этом есть. Головин, зная контекст лучше кого бы то ни было, вдруг внезапно выхватывал из него фрагмент и насыщал новым смыслом. Вот это был смысл! В слово, фразу, строфу, образ, персонажа била молния.

Однажды Головин пришел ко мне в гости. Входя в квартиру, он вдруг воскликнул: «Я король страны дождей». Строфа Бодлера звучит так: «Je suis comme le roi d'un pays pluvieux», что дословно переводится «Я как король дождливой страны». Но мы опускаем «как» и делаем из «дождливой страны» «страну дождей», и тут же все меняется. Если добавить фантастическую интонацию, с которой это было произнесено и экзистенциальный надлом, мы проваливались в иной мир.

Полюс: на север, на север, на север

Головин был *полюсом*. В исламе это называется «кутб», в христианстве «святой». Но он не был ни мусульманином, ни ревностным христианином, поэтому ему точнее подходит имя «полюс». Он чтил полюс превыше всего, его тянуло туда как магнитную стрелку компаса, как его любимого капитана Гаттераса. «На север, на север, на север, неистово рвется пропеллер».

Головин – полюс потому, что через него проходила ось, связывающая самое высокое и самое низкое, самое темное и самое светлое, самое жестокое и самое всепрощающее. Золотая ось, натянутая между двумя безднами.

В ранней юности, как только я познакомился с Головиным, я заметил, что все вокруг него подсознательно решают вопрос: «я и Головин», то есть пытаются выстроить то, как к нему надо относиться, какое место в этом отношении отводится им самим и что надо сделать, чтобы его жестокое сияние не расплавило бы в воск. Эта проблема представлялась мне тогда, действительно, трудной и основательной. У Головина были друзья и не могло быть друзей; поскольку он был *иным*, дружба здесь не имела смысла. Для

себя я принял решение, что надо переформулировать вопрос: не «я и Головин» и даже не «Головин и я», а просто «Головин». *«Головин» и никакого я.* Какое значение имеет по сравнению с такой полнотой, капля налитая в нас? Выплеснем ее вон, чтобы она не осквернила то, что, действительно, ценно, и начнем все заново. Пусть будет Головин сам по себе, как он есть. А обо всем остальном забудем. Я так и поступил. Наверное, это меня и выручило.

Он полюс, а значит, он не подвержен времени. Он был, когда его не еще было, и он есть, когда его больше нет.

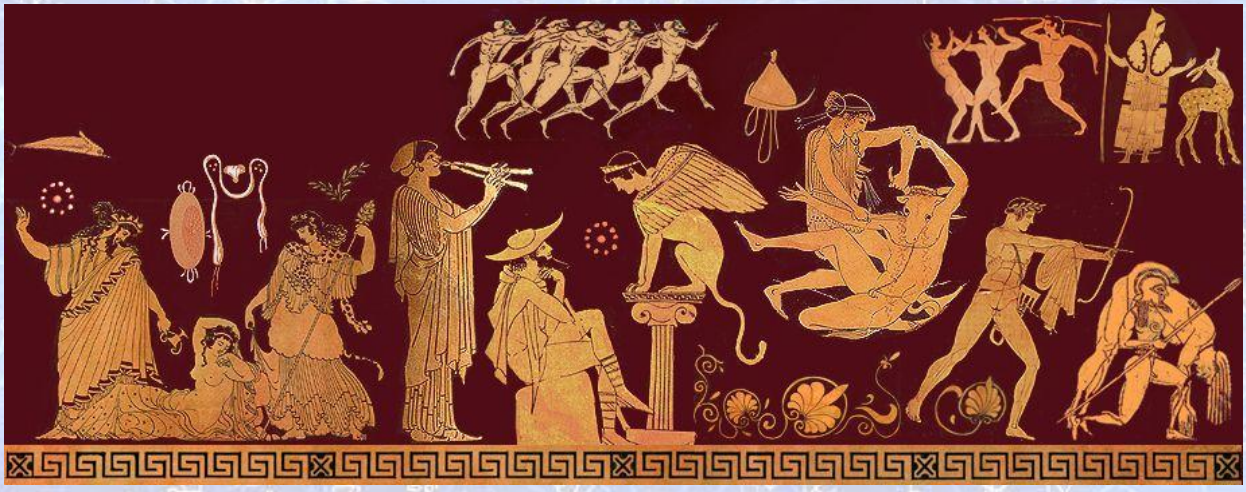
Как иначе можно понять следующее. Однажды в самом начале 80-х в гостях у наших друзей Сергея и Наташи Жигалкиных в Подмосковных Мытищах Головин проснулся утром, посмотрел в окно и с сожалением сказал: «Опять идет снег. В этой стране всегда идет снег. Когда я родился, женился и умер всегда шел снег».

Утром 29 октября 2010 когда Евгений Всеволодович Головин умер, повалил огромными хлопьями мокрый мягкий липкий белый сносящий все на своем пути снег. Его не было до этого дня, и долго после. Снег выпал вовремя.

Воспоминания Елены Головиной о своем отце Е.В.Головине:

Себя он называл, как известно, язычником, но никому не навязывал своего миропонимания, хотя для него это было серьезно. Его мировоззрение было гораздо сложнее того, что обычно имеется в виду под понятием «язычества»; ему скорее, нравилось слово, из слова «язычество» он сделал яркую дразнящую игрушку и, как мячом, кидался ею в слишком любопытных. Его настоящих воззрений я затрагивать здесь не буду, скажу только, что Головина в принципе не стоит воспринимать слишком буквально, и его эссеистику надо читать между строк, впрочем, как и всех серьезных людей. Недаром отец обожал шарлатанов и мистификаторов, всегда был на их стороне и только смеялся, очень довольный, когда «шарлатаном» называли его самого. Слава богу, что профаны считают кое-что мистификацией и обманом, реальные адепты тоже любят напустить туману, чтобы отбить охоту у толпы соваться куда не надо. Как однажды сказал отец: «Теперь всякая свинья лезет в Бретона и Канселье».

С другой стороны, отец около 15 лет прожил с Еленой Джемаль, православной христианкой в свои поздние годы, не пропускавшей ни одной службы и певшей в церковном хоре. Никогда между ними не происходило разногласий на религиозной почве, и отец в высшей степени терпимо относился к христианству Лены, а если и поддразнивал ее, то весьма деликатно и скорее шутливо. Она точно так же относилась к его интересам.



* * *

В горячем, влажном, пенистом инферно,
В сапфировой крови надменных джунглей
Кипит желание… и вот… мгновенно…
В Гиперборее раскалённых углей

Метафора неистово клокочет,
Хрипит оскал кровавой светотени,
И в неподвижно-снежном сердце ночи
Медлительно рождается движенье…

Оно порой напоминает бархат.
Оно вползает в холод логарифма,
Оно ласкает, словно мёртвый хохот,
Кудрявый край невидимого рифа.

Молчание. Сиринкс. Усмешки Пана.
Сжимая груди, падает гетера.
Проявлено сгибается лиана.
Всё кончено. Взвивается пантера.

***

Ах – манифест

… n'importe

Baudelair. Voyage.

Твое перо плывет по волнам Ахерона.

Орфей и Эвридика

В декомпозиции морального закона

Сверкает молодая зелень крика.

Нам подозрительны смешливые фонтаны

И буйный прециоз плешивой проститутки.

Ах! Если бы в старательных стихах

Слова слились в размеренное ах!

И распадался бы мятежный стих

В стерильной интонации an sich.

Ах! Если б флажолет ползучей скрипки

Сверкал в Ее зубах пленительной коронкой

И нудные аккорды фортепьяно

Вдруг превратились бы в купюру на асфальте.

Мы полюбили б музыку и танец

И как зверей мы приручали пьяниц

Шуршанием рублей в кармане

Лениво наблюдая жизнь и размышляя:

Все создано с таинственною целью

О чем по радио сказал оратор,

Зачем осатанело роет землю

В костюме Евы бледный экскаватор?

Зачем без даже беглого вопроса

Рожает женщина и стонет

И водопад грудей округло бьется

В стереотипный жест мужских ладоней?

Зачем линчуют добродушных негров

И поливают черствый хлеб слезами

Раскрашивая губы октаэдров

Помадой эффективных предсказаний?

Поэты поступайте на заводы

Не бойтесь смазочного масла ах не бойтесь

Выплевывайте розовые звезды

В туманы чернобровых безработиц!

Как трогательны ресницы гвоздя

И как печален взгляд холодной девы.

Рифмуйте: я моя гряфины фирмы

Чтоб лодка под названием «любовь»

На неизбежном рифе рифме

Свой нос разбила в кровь.

Когда вас спросят кто такой Жюльен

Сорель по ком звонят колокола

Скажите что как сладостный рентген

На холмах Грузии лежит ночная мгла

Отдайте розам предпочтенье перед крапивой

Воскликните: береза хороша!

И расскажите пламенно любимой

Что зад у ней роскошней чем душа.

В стакатто – ритме пьяного каприза

Рисуйте: да поможет вам аллах!

И на пленительной канве трюизма

Вам расцветет божественное ах!

Ах! В дебрях восклицательного знака

Пора создать загадочную смесь

Из метаний горбатого рака

Из манго «ха ха ха» и еще бог весть

Твое перо плывет по волнам Ахерона

И звезды жадные тяжелые как манго.

***

…туманы черных лилий

не могут растерзать сиянья бугенвиллий

И даже в синем трепете созвездий
мерцает хохот напряженных лезвий

холодных гладиолий. Средоточий
роскошный полумрак приемлет пустоту
и спрашивает фавн: люблю ли я мечту.
Весьма, весьма, весьма изысканный вопрос,
неясно вышитый в желтофиоле ночи.
О белизна! О ложный триумф роз!

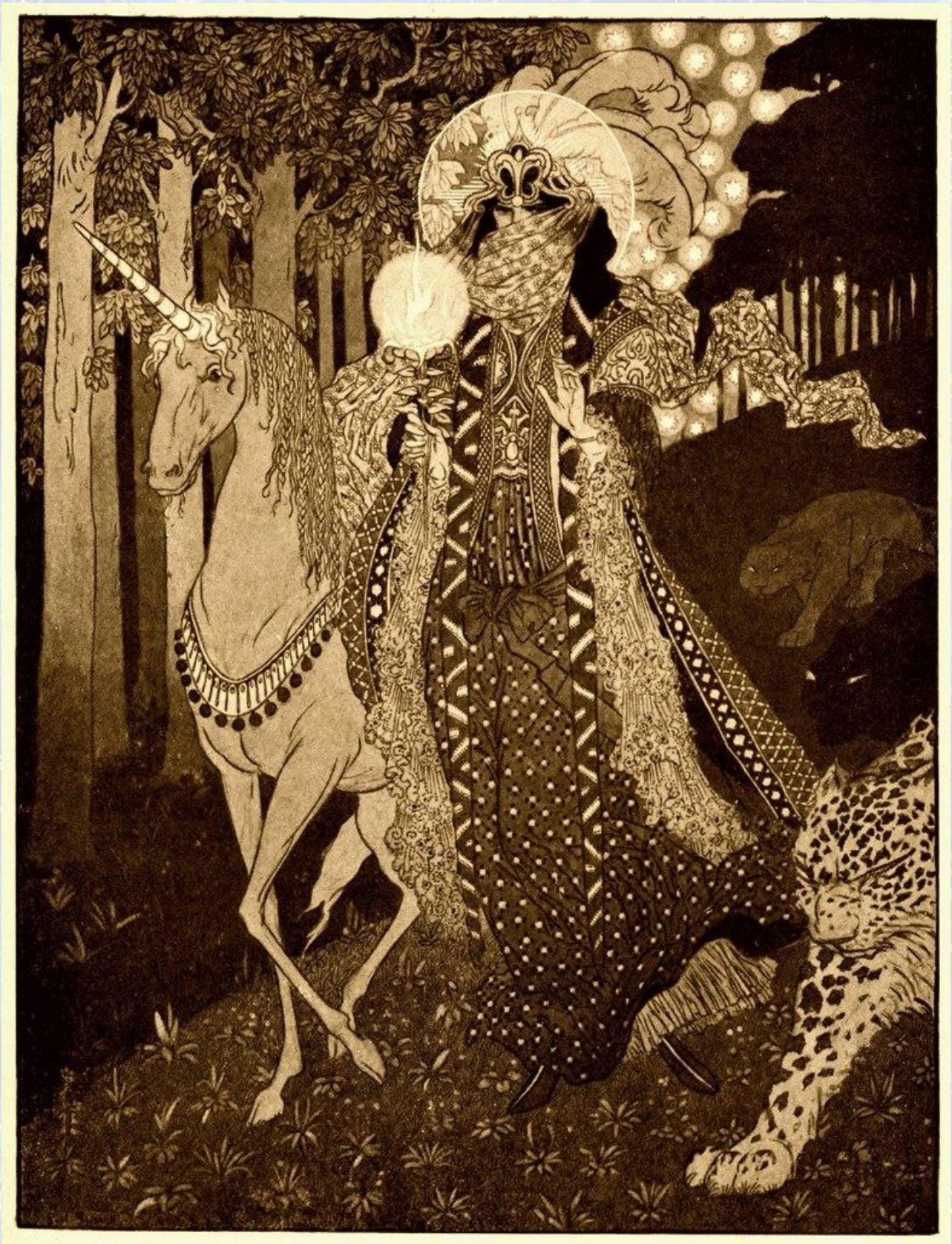
На мулине Дамур изгибы тонких талий
напоминают смуглый сумрак далий…
Но все равно! Туманы черных лилий
не в силах оттенить расцвета бугенвилий.
И нежность бирюзы сфероидов любви
не в силах заглушить слова: увей, увей
твой тирс багряной пеной винограда…
А впрочем всё равно. И когти леопарда
раскинуты на пятый континент,
где в сладострастной схолии момента
набросан силуэт шестого континента,
напоминающий спираль двойного «нет»,

и треугольник Антарес и синий

берилл венчает теофанию богини.

И сладострастные туманы чёрных лилий

ласкают солнечную даму бугенвиллий…



***

Дениза

любовь нормальную изведав до конца

она пришла к стенам старинного дворца

в её иронии безумие блестит

Дениза не гляди в глаза кариатид

Изваянные тьмой гранитных глыб

Они мечтают о судьбе летучих рыб

И ради глубины покинутых зеркал

Они сорвут устои каменных начал

И разрывая гибельные дали

Они взовьются над водой реалий

И с фантастической вершины идеала

Они похитят ветку белого коралла

И из органных труб серебряного леса

Польётся тонкая сиреневая месса

В гранитной пене напряжённых губ

Багряной искрой пропадёт твой труп

И в красноватом сумраке окалин

Для скульптора возникнет новый камень

***

Живопись

Нас крещенские не выдали морозы,

В роз узор за Россетти ушёл и Сальватор.

Постучался сосед раскурить по полдозы,

Из-под киля змеёй извернулся экватор.

Что дуэль, mon ami? И к чему эта поза?

Вы забыли свой зонтик, без него и дуэль – не дуэль!

Ведь морозы приветствуют кликом «Noel!»

А Сальватора знают по имени «Роза».

Соблазнительны, правда, наваха и кортик…

Но уж лучше продать акварель – а на ней:

Вихрерозовой стаей кружатся фламинго
С опереньем в цвет яблока «снежный кальвиль» –
Знаю: именно в Санто Доминго
Лягут нам все семь футов как киль…

***

На осколках разбитой пол-литры
Собираются тени ресниц.
В обнажённое лезвие бритвы
Извращённый влюбился Нарцисс.

Наши дамы зловеще, бездарно
Тянут нас в концентрический круг,
Агрессивная нежность металла
После дрожи изнеженных рук.

Над сталью туманной склонился
И к металлу губами приник,
Влюбился, влюбился, влюбился
В него бирюзовый двойник.

О безумные дети, сгорайте
В красной фосфоресценции роз,
Раскалённый туман сладострастья
И ресниц воспалённая дрожь.

Только стёкла разбитой пол-литры
Обнимает бессильно рука,
Только тело изрезано бритвой
Под неистовый смех двойника.

***

Планчик

Сказала мне мама – Трефовая дама,
что хватит мне грабить и пить,
а дождик моросил, я дело забросил
и начал я планчик курить.

Ах планчик, мой планчик, зелёные травы,
коричневые тополя –
ах планчик, мой планчик,

ты лучше марафы –

ах, планчик, ты радость моя!

Но время приспело, по старому делу

накрыли фатеру мою,

пришли ко мне менты: давай документы –

а я им тихонько пою:

Ах планчик, мой планчик, зелёные травы,

коричневые тополя –

ах планчик, мой планчик,

ты лучше марафы –

ах, планчик, ты радость моя!

***

Убрис лиловым играет ирисом

и наглого наглей

иглою в череп ибиса

сиреневей

балованный шагренево

войдёт в пурпур

рождённый фиолетовым

Амур

присвистнет

полюбит зелено

о чёрном забудет

и красном

умрет ненамеренно

в белом

Amor

***

Эшафот

Скоро, друзья, конец дороги.

Ещё три шага, и вот –

Бархатный и высокий

Перед нами эшафот.

Впереди ещё три сантиметра,

Позади два десятка лет,

Ещё волосы пьяны от ветра
И лениво гибок скелет.

Но хоть мы и глядим оголтело
И пытаемся песни орать,
За это, за правое дело
Очень страшно нам умирать.

А потом с покорностью коровьей
Принесут лохмотья в узлах,
Пропитают их нашей кровью
И повесят на чёрных зеркалах.

И только когда наши головы
Успешно посадят на колья,
Мы поймём, наконец, это слово,
Красное слово «воля»!

***

Волки

Ночные улицы. Глухие переулки.
В мясных лохмотьях ежится скелет.
Свеча плывет. Искатели науки
Вдыхают пенистый, тягучий след.

Известно им, что лечит от недуга
Химическая боль улыбки саламандр,
Что квадратура солнечного круга,
Взрываясь, возродит искомый диамант.

И надо вырвать нож из виноградных гроздей
И в середине перерезать ноль.
Туман. Луны искусанные груди
Лимонной кровью отравляют ночь.

И напряженные округлости асфальта
Косматых пальцев оплетает жгут.
И, молча, в клейкой паутине факта,

Инвестигаторы, склонив колени, ждут:

Когда из пропасти, которую профаны
Зовут «иллюзией», поднимется Эрос,
Когда его огонь – кудрявый и хрустальный
Забьется в бледной эпидерме грез …

Когда с вонючим треском голой тезы
Сгорит червивая эклектика ума,
Когда среди сиреневых гортензий
Взойдет незнанья повелительная тьма.

О внешний мир … гнилая мякоть плода.
Его грызет толпа седых калек.
Костры на площади. Неотвратимо, твердо
Жестокая игла пронзает интеллект.

Ритмично, как неутомимый поезд,
Среди раскрашенных, обледенелых тел
Идет сутулый и мохнатый антропоид,
Зажав ногтями взвинченную цель …

Идет … и вампирическая Форма
Вжимаясь, сладостно высасывает мозг,
И в позвоночнике стерильная истома
Белесой радугой перегибает торс …

Молчание. Голубовато зреет Вега.
Паноптикум искривленных пространств
И тонкий хруст: переломилась ветка,
И кто-то вкрадчиво ступил на снежный наст.

Худой башмак. Следы. Помет коровий,
На мостовой желтеют два клыка.
Измазанная алой, сочной кровью,
Предсмертно корчится мохнатая рука.

Квадратные дома. В засаленных постелях
Трясутся жабы женской наготы.
Ночь надвигается. И на прозрачных стеблях
Горят зеленые и жадные цветы.

О внешний мир! Зачем? Куда? Откуда?
Скорее вспять … по собственным следам …

Плывет по венам раскаленная секунда
И восприятие горит, как Нотр-Дам.

В разорванных сетях усталого каприза
Сверкает злобный смех горбатой чешуей,
И по холодным улицам Парижа
Пронзительно петляет волчий вой.

Уверенно ступает волчья лапа,
В тумане снежном плачет карильон.
Опасливо, сквозь призрак Кадиллака
Крадется жулик – Франсуа Вийон.

Неоновый мираж. Энергия и мода.
Экзотике удара нет границ.
Охотничий трофей – оскаленная морда
Вплетается в прыжок шерстистых мышц.

Триумф агрессии. И головокруженье,
И гнев – как педикюр в разбросанных ногах,
Задача белизны фарфоровым решеньем
Вздымается в напудренных снегах.

И вкрадчиво сползает крышка гроба,
И гнойных роз просвечивает прелесть,
И в шелковой фактуре небоскреба
Шуршит морозной пеной волчья челюсть,

И вой кладбищенский … и в непрерывном ветре
Стеклянный хруст … переломилась ветка.
Зеленый ободок зрачка – и в центре
Голубоватый остров … стела … Вега.

***

Ортанз

в каждом взгляде издевка
на Монмартре играют в бридж
наглый красивый как девка
Рембо явился в Париж

голландский солдат на Суматре
оружие диких племен
химеры богоматери

пьяный сатир Верлен

эти французские мэтры
Бенсерад или Вуатюр
какие к черту поэты
кроме тебя Артюр

быть поэтом о боже
ободран семнадцать лет
бросается вшами в прохожих
и пьет голубой абсент

для быдла одна свобода
ютиться в своих городах
я знаю спасенье от холода
надо искать во льдах

в снегах в голубых торосах
среди перламутровых стен
белой мистической розой
расцветает истерзанный член

и с обнаженного лезвия

теки моя кровь теки

я знаю слово поэзия

это отнюдь не "стихи"

когда педерасты и воры

сдохнут в кровавой грязи

на груди им выклюют вороны

слово poesie

в нервах в планетах в природе

бьется черный экстаз

в озаренном водороде

поэты ищите Ортанз

***

Иронический поиск №2. Норд

Вооружившись длинной жердью
от разных бытовых невзгод,
старик подходит к этажерке,
где иногда бывает кот.

Старик подходит неудачно,
не поспевая никогда -

изысканны и многозначны
движенья белого кота.

И стариковской злой дубинки
уже предчувствуя размах,
он рассыпается в снежинки
и тает в сонных зеркалах.

Он не торопится за мышью,
не катит по полу клубок,
живет спокойной личной жизнью
холодной, словно белый шелк.

Он любит страусовой пеной
вздыматься в солнечный туман,
звездой холодной, эфемерной,
парадоксальной, как фонтан.

Он любит бархатною тенью
скользить под призрачным мостом...
Лишь иногда, по настроенью,
фиксируя себя котом.

Старик, бессильный от подагры,
хитро глядит из-под очков
и тлеет огонек сигары
в зеленолунии зрачков.

Но если б даже вместо жерди
имел он шелковую сеть,
ему не отловить до смерти
седую вкрадчивую смерть.

И соль жестокого буруна
съедает кости бледных рук,
и сердце черное, как шхуна,
дрейфует за полярный круг.

Легли арктические блики
на старческий холодный лоб,
и кровь терзают злые льдинки
активней белых антилоп.

Старик бормочет об угрозе,

трясет остатками волос...

и перед ним в пушистой позе

сидит зловещий альбинос.

***

Горизонт. Тростниковая тина

Оплывает беззвучно следы.

Там сверкают глаза крокодила

Голубые, как вечные льды.

И в коррозии смуглых движений

Смешан с кровью мучительный крик:

Так … в сияющий сон уравнений

Проползает таинственный икс.

Засосет волосатая тина,

Агрессивная черная ртуть.

Между адом и кинокартиной

Ожиданье. Безумие. Путь.

Расцветает неистовый танец.

Каждый шаг длится тысячу лет.

А пучина все тянет и тянет.

Нет партнеров. И музыки нет.

***

Пустыня

В желтую, зыбкую тленность

Вползают руки мои.

В скользкую неестественность

Геометрии … змеи.

Там кончается этика.

Там песок желтей.

Там цветет диалектика

Обломанных ногтей.

Пальцы вползают глубже –

Однозначно веленье руки.

Апельсиновые, жемчужные

Осыпаются пески.

Чуть чуть сумасшедшего риска –

Слиток золота, прядь волос.
Самозабвенье поиска,
Осязания галлюциноз

Глаза раскаленные бога
Оставляют в коже следы.
Ах если бы влаги, немного
Артезианской воды.

Или перьев страуса
И шелкового льда,
Чтоб фаланги впивались страстно
В пушистое, нежное «да».

Но только ржавое лезвие,
Покрытое красной слизью.
Неведомая агрессия,
Названная «жизнью».

И только жгучие спазмы,
И только ладони изранены,
Из них высыпаются атомы,

Оставляя наивные тайны.

Нет в пустыне оазиса,

И нет караванных путей.

Лишь минимальная разница

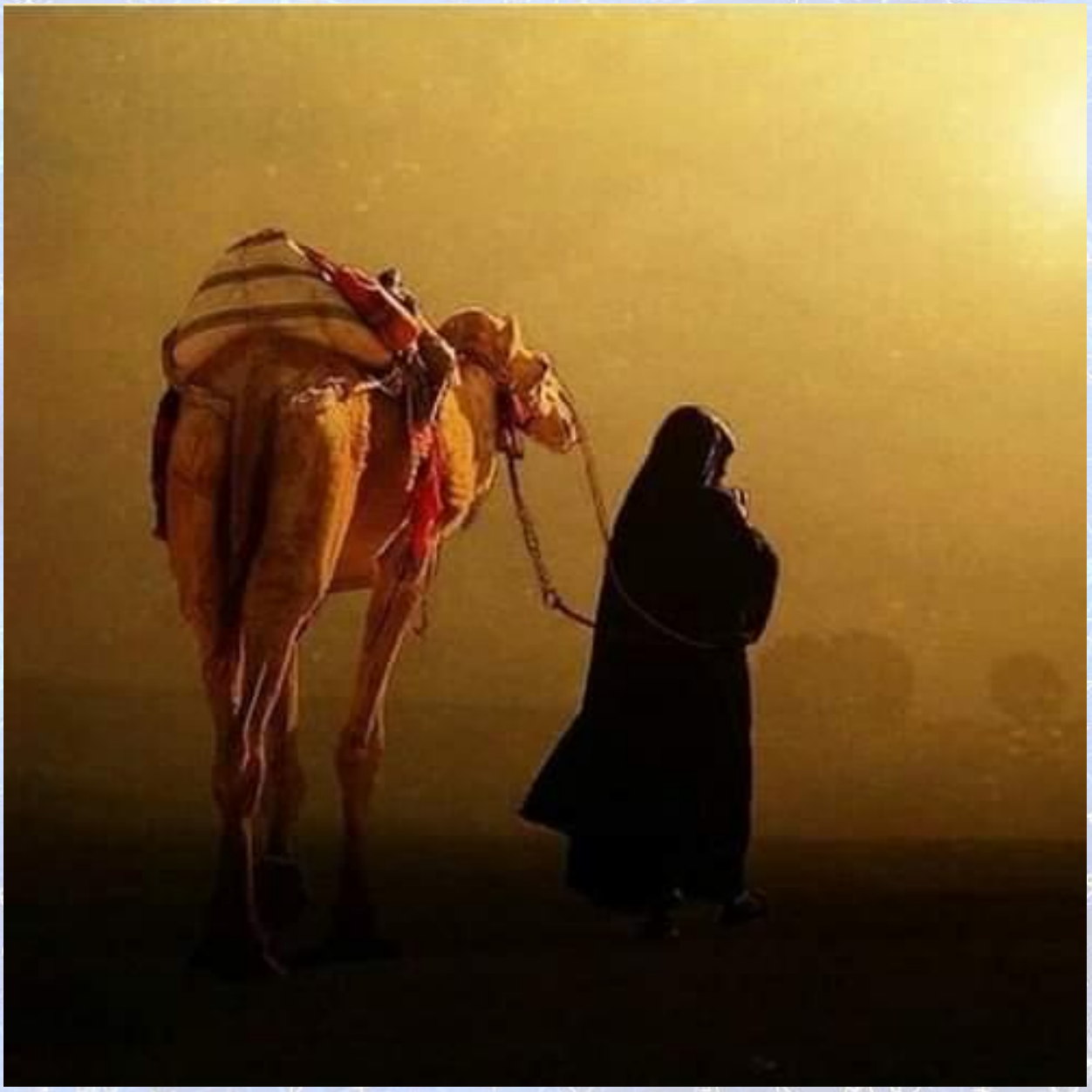
В цвете и форме ногтей.

Познавайте, пальцы, и ройте,

Бороздите в песке слова.

Рука всегда в работе,

Пустыня всегда мертва.



***

Моление огню

I

новорождённый старик и девомальчик ты пронзаешь
внезапным озарением каплю росы на медлительных
травах: твои озорные ноги в золотистой шерсти

прогибают тяжёлую сосновую ветку и когда тебе
надоедает водопадная игра секунды растворяешься
в прозрачной древности фарфоровых лесов где в меандрах
столетий глаза слышат опаловый перезвон оленьих рогов
и вдруг
огибая колючие заросли с торжествующим рёвом ломая
корявые сучья ты прыгаешь на поляну где дрожат от холода
людоеды ты бешенство каприза карающая десница эльфов
проблема беременная собственным решением ты голубой
странник тлетворных болот
иногда
ты лежишь раскинув тонкие карие руки и снежный
фонтан твоих волос осыпает ресницы прихотливыми
звёздами
и твоё размышление
тяжёлым отравленным пеплом засыпает все источники
знания
и рождает ледяной бутон фанатизма в мозгу
самоубийцы и придаёт пряную сладость пальцам ребёнка
терзающим куклу и убивает твою обезьяну что течёт
в проводах освещая людские жилища
II

уставая писать книги и строить мосты мы погружаем голову
в ручей что течёт из наших снов и долго долго пьём тяжкую
чёрную воду
ты сидишь у ручья лаская ладони ресницами:
поворачиваешь плечи и смутно мерцает твоя страшная
маска шамана
плачут и поют водонапорные трубы:разрывая тьму
разрастаются оранжевые круги твоих глаз и магнитные
зрачки возбуждают в нашем теле вибрацию бездомности
пропадает комната и цветы телефон наши голые ступни
опасливо щупают щербатый асфальт-там и сям разбитые
бутылки покарёженные консервные банки с размаху
на осколок стекла резкая боль комната
и вновь твоя страшная маска шамана в белёсом сумраке
мокрая бетонная лестница вниз вниз полуоткрытая железная
дверь запылённые лампочки нет оранжевые круги твоих глаз
затягивают в бездонную сырость подвальной весны шорох.
тени.что-то омерзительно липкое скользит по ноге и крысы
ритуально воют над искусанным трупом ребёнка и там
на обсыпанной штукатурке углём нарисован хранитель
сокровищ вот он твой эльдорадо твой гулкий шепот в ржавых
гвоздях наспех сколоченный ящик и там...седовласая белая

разрубленная на куски змея

комната цветы телефон окровавленная ладонь

глубоко глубоко под городом плачет слепой отец

III

медленно занимает мебель свои места зеркало затянуто

безлюдной паутиной скрипнул стул кого-то мгновенно

уже нет в комнате опустив голову стоит женщина в углу

держа свечу без фитиля подходим раздвигаем пряди

волос боже она падает и растекается бледно-розовой лужей

надо бежать

в коридоре под фотографией господина в чёрном лежит

белая тугая верёвка обвязываем крест-накрест чемодан

ибо ясно что надо бежать

на площадке лестницы рваная газета "побег прогрессивных

супругов увенчался успехом" надо бежать

на улице воют роют шуршат кричат: мужчина прыгнул

из окна удачно-прямо под машину одобрительно

поблёскивают фары из его живота расползаются жирные

пауки и течёт ежедневность: старик слюнявит глазами

плавно обтянутый зад девочка пытается всунуть яблоко

в рот кариатиды женщина стоит на коленях перед лотком

с помидорами

процессия голых людей в лисьих масках повязанных
на затылке несёт красный плакат "да здравствует
вращение земли"
и мы просыпаемся и наше другое лицо напряжённо следит
ускользающий сон
IV
мы не идём на работу в нашей ходьбе нет движения
мы не сидим на работе там не на чем сидеть
в углу притулился старик плачет шамкают бледные
десны кто-то гремя ожерельем суёт ему соску
бешено сосёт
наш краснокожий начальник трясёт париками за поясом
размахнувшись швыряет нам в голову томагавк и кричит
перепишите:это имеет безусловно важное отношение
к безотносительной важности условия а потом входит
товарищ в белом балахоне и звонит в колокольчик
а мы морщим брови:почему никто не боится прокажённых
очевидно что-то оч-чень неладно с нашими органами чувств:
мы принимаем очередь серых понурых мужчин за элегантную даму
и когда нам плюют в лицо мы улыбаемся ну что вы так мило
с вашей стороны
и когда лысый паралитик грузно трясётся и орёт прыг-скок

мы скандируем "о лидер зови нас к борьбе"

много непонятно

V

ласково хрустальные змейки звенят в переливах вакуума

назови своё имя огонь и мы будем его повторять

на капризных узорах знамён на лукавых и нежных губах

серебристых Диан в лепрозориях тёмных богов

это имя сверкает крылом вороным на порталах старинных соборов

и зелёными пятнами проступает на трупе Клода Фролло

у подножия Нотр-Дам

навсегда неужели

навсегда в голубых звездопадах отшумела реальная сила

вокабул

твой хрустальный зенит в леопардовой пропасти неба твоё

семизвёздное имя

вызывающе тонкие руки:загорелый туман диаманта на краю

фараоновой позы

мы лингвисты молчания ждём преклоняя колени

и сапфировый круг возлагаем на твой кенотаф

VI

аквариум кафе человеческая вода очарованно запрокинув

голову проплывают утопленники в стеклянном экстазе

своих сновидений

некто в рваной рубахе надувает резиновых

лебедей и в зеркальном прибое пьяной драки голубыми

рыбками сверкает хриплая икота

певица забывает свои бёдра в разных углах эстрады

медленно вспыхивает кровавый глаз саксофона мой милый

смотри на меня со стены оранжевый дикарь во мне

столько страсти огня и натягивает тетиву и вспыхнет

вино любви стрела пронзает алкогольные облака в моей

продажной крови мандариновая цепочка ползёт в ложбинку

её грудей

и чёрный пёс урча грызёт голову в золотом пенсне

и страшны белые глаза надкусанной колбасы

и страшна пьяная старуха что прячет пустые бутылки

в чёрный мешок

и страшен единственно реальный за столом в углу

и кто им поможет:певице псу колбасе

и единственно реальному

никто

может быть сутулый брюнет который покачиваясь

блю-блю-блюзово ищет рыбную кость в зубах фортепиано

VII

расскажи нам о пепле матери беременной золотом

расскажи как сжигают колдуний чтобы родились

их сыновья

и ещё

и ещё расскажи метафизику снега

мимолётен Эрос орфических тайн ты крадёшься

седым стариком за сиреневой женщиной

и пепел сожжённой сирени

рассыпается снежной октавой в невидимых

пальцах молчания

мы несчастные дети рождённые тьмой на

границе жестоких безветрий

мы знаем только золу

мы знаем что клыки и бичи и удары рождают золу

что познание мёртвых объектов рождает золу

расскажи трансформацию тленного тела

и бессмертие пепла

расскажи нам о пепле о матери-сыне

о тайне любви

VIII

и больше никогда

не зашуршит в тамариндах тропический ливень

здесь только арена и только мокрый песок и кудлатое
кружево трогмбона и гулкая истерика барабана и едким
любопытством разъеденные морды и музыка которая
глохнет одинокой падалью в травах зрителей и обруч
затянутый розовой бумагой
тяжкая лапа колышется в бархате своих возможностей
прыгай тигр
прыгай нахмуренная волна фауны
останови зрачки в них грозовой тучей
сжимается древняя ночь
обруч затянут розовой бумагой и сквозь арену бредут
красные монахи к статуе Будды заросшей мхом в джунглях
Брахмапутры
и прорастают злые и жадные цветы сквозь тело
центрального укротителя
прыгай в розовую пустыню
они принимают твою снисходительность за колебание они
не понимают гибкой мудрости могущества
эти креатуры отличаются наивностью
они даже не знают что с ними будет после смерти

IX

в море седых облаков тонет лодка обугленной феи

в замысловатых снах молочая в корнях
мандрагор и ожогах крапивы
горит и бунтует каприз дочерей саламандра
вегетация снов исковеркана а=взрывом реалий
клевета лебеда белена волокнисто-вербальные травы
и над ними густой паутиной
плавает смех конокрадов укравших Пегаса
здесь не поют планеты и девушки не танцуют
в щелочи подлой толпы распадается пенье и танец
здесь негритянские бёдра вихляют и воют лохмотья
внечеловеческой ритмики
и дрожат восковые цветы в созерцании женского мяса
мы не умеем просить в нашей вялой гортани
нет напряжённости необходимой рожденью
божественных гласных
мы коверкаем рот
чтобы придать губам очертанье единственных слов
о если бы наша женщина имела скелет и наша свеча фитиль
о
если бы наше тело ценой собственной жизни родило твою тень
знай наша суть наши руки и наши тайные грёзы -
только ладони протянутые к тебе

***

Город. Метро. Собакоголовые
Рыщут объедки в рыхлом снегу
На тротуарах блуждают голодные
Тухлые рыбы в поисках рагу.

Треск эскалаторов. Лампы из ваты.
Вечер. Молчание разных сортов.
И под ногами прохожих хвостатые
Жухлые рыжие трупы цветов.

Свист и хрустальное столпотворение.

Ура и зажатый медяк в кулаке.

Кто-то. Кому-то. Когда-то. Вечерние

Улицы расползаются в пятнистой реке.

Возможно ли. Твоя интонация.

Налет серебра в разноцветных зрачках.

Русская лирика. Варварская нация.

Взрыв словогроздий в сплетенных руках.

Родинка в шелковой линии фразы

Твое тело чуть-чуть совпадает с тобой.

На твоих губах бурун бледнокрасный

Возвещает кошмарного сна прибой.

Метро. Крысиный удар переходов.

Бросай монету. Выхода нет.

В гнойном реве и воплях антропоидов

Течет кровожадная музыка планет.

Синдбад. Путешествие восемь. Остров.

Ледяные лианы падают на асфальт.

Сквозь нестерпимые серые торосы

Наша жизнь: обнаженный израненный факт.

***

Твой стакан больным альбатросом…

Твой стакан больным альбатросом ускользает из скрюченных пальцев

И синие ногти пьянеют распадаясь в стакане

И углы твоих губ распиливают

Мутное стекло улыбки

Пей алкоголик ты васко да гама ищи в бирюзовых

Морях безденежья стерильную индию

В твоей дрожи реют снежинки презрительных взглядов

И в рвоте твоих надежд горит алмазная пыль

Секунды и бродячая собака лижет твое

Ухо как волна утопленника

Пей алкоголик ищи хрустального тепла безумия

Там все как здесь только голоса разъедают кожу

И сиренево фосфоресцируют

Глаза гермафродитов

И только

Остерегайся ленивым удавом выползать из джунглей

Твоего сна ибо ты окоченеешь в ледяной пустыне

Повседневности

***

Болеславу Лесьмяну

В твоих волосах запутаны сосновые иглы и ночи изрезаны

Осокой

Юноша останови свой неуверенный бег

Пока пауки не высосали твоих зрачков

И фиолетовая чащоба не проросла через мозг

Зачем

Ты оставил поляну

Где цветы сладострастные и нетленные кружили тебя

Водопадом своих сновидений и лукавый ручей

Дразнил тебя томной иронией женских изгибов

А теперь ты разрываешь ногтями кару

И тянешь руки к сосновым шишкам словно они

Гесперидовы яблоки и перед камнем

Что ржавой порос бородой ты склоняешься как перед богом

И там где пространство совпадает с тишиной

И в тишине золотыми прожилками блестят крики сильванов

Лесная зеленая пена шипя отступает

Образуя круг сумасшедший где пляшет секунда

Юноша останови свой неуверенный бег

В болоте гниет звезда и жабы хохочут

И грязная ртуть на сиреневых травах висит

В шпажнике и желтоцветах бродит пьяная старуха

И космы седые шершавят белесые вислые груди

И в черных глазах ее плавает

Иней ресниц

Лови ее лови

Благословенна будь ревнивая страсть к божеству

Бег через лес и желание стать андрогинном

***

Е

Дорога белых птиц от стен Каракорума

Уходит за хребты уходит на Коринф

Дорога белых птиц уходит в черный юмор

Где плавает в ночи голубоглазый взрыв

Пространство нависает словно обрывистый берег

И в пальцах губ настойчивое тссс

В стеклянном бешенстве в раскиданности перьев

Невидимо звенит дорога белых птиц

Где многоликая и пенистая снежность

Еще не веер но уже аромат

Где формула цветка утрачивая сложность

И свежесть падает в щербины колоннад

И ледяной укол в растаявшее сердце

И бледных прелестей сентиментальный ад

Удар крыла о сталактит инерций

Замедленно хрустит поет кричит как водопад

И вся во власти жадного глагола

Хрипит гортань – кровавая дыра

Ты рьяно молодеешь год от года

Хватаешь камень и кричишь «ура»

И на пейзажах внутреннего смога

Пьянеет радугой паучье стекло

Свистит в хрустальной паутине мозга

Воображаемо подбитое крыло

И в ледяную ночь стремительно вмерзает

Гигантское крыло и бьется как нарыв

И плачет и блестит в секундах замирая

И плавает в ночи голубоглазый взрыв

Блевота пена пух пуанта кокаина

Находит может быть пугливую мишень

Шуршит и тает целлофановое кино

Сгорает книга про буддизмы и женьшень

Каракорум, глоток спасительный стакана

Скелет властительный фарфарово горит

И конские хвосты – штандарты Чингисхана
Уходят за хребты уходят за Коринф

И можно спутать все координаты
И повторять: монголы птице-конь
И повторять святое слово «надо»
И за него идти естественно… в огонь

И отгорев смотреть обугленные руки
И на костер где сучий ливень льет
И вопрошать: сей аргумент довольно хрупкий
Что где-то есть любовь и где-то есть полет

И в зеркало смотреть и в стриптизе металла
Когда зрачки фиксировано злеют
Вокруг зловеще незаконченного тела
Пунктиром белым женский силуэт

Увидеть посреди плащей и сумок
Висит ее пальто и есть на свете бог.
Так почему она вбегает в сумрак
Где бэби спит слюнявый как бульдог

Все кончено, тебе не отвертеться.

Сексоидный удар, зеркальное стекло.

Несчастье, или это… режет сердце

Кривою саблей белое крыло

Где шелк преодолев томление испуга

До кровомщенья ненавидит ворс

Фосфоресценция кораллового пуха

Взлетает как седой павлиний хвост

И на ее глаза и ласковое слово

И на ее … кудри цвета льна

Обрушился удар сверкающего клюва

И белых перьев накипевшая волна

Седой как борода седой как брови барда

Триумф который ждался столько лет

И в хлопьях мокрого ночного снегопада

На звезды воет одинокий интеллект

Свистящий выплеск полного стакана

Трескучий скрежет влажного стекла

Прищур раскосых глаз … штандарты Чингисхана

Уходят на Коринф без хохота и зла

Полет о неподвижности наверно

Ироничен, пресловутый парадиз

Безмолвствует, в гранитное инферно

Вцепилась как сосна дорога белых птиц

И наша грусть по сути лунно-лисья

Бери свой инструмент и песенку наярь

На белой плесени оранжевые листья

Весна окончена и навсегда январь.

***

Terra Foliata

Тот кто знает о terra foliata

Может забросить все книги

И тот кто не знает о terra foliate

Никогда не научится читать.

Искусно и осторожно

Отрежь плеск волны от её блеска

Расколи окружностью

Первозданность материи прима.

И не забудь

Пять именно пять пальцев правой руки

Опустить в колодец глубокий как сама

бесценность

Опустить в расплавленный сиреневый снег.

Близ открытого входа в закрытый дворец

короля

Лежит андрогин

И в его волосах змеится двойная спираль

И в опаловом перламутре его ногтей

Темнеет Космография Роберта Фладда.

И в лебеде леденеет Леда

Это странная древняя легенда

Легенда

O terra foliate.

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВИН

Муравьиный лик.

(Якоб Беме о грехопадении)

В советском фильме «Весна на Заречной улице» дурашливый шофер спрашивает у смазливой учительницы: «Что такое ничего и как из него сделать что-то?» Учительница досадливо морщится, не желая общаться с «ничтожеством». Ответить на сей вопрос действительно трудно. Его задали в первом веке новой эры Филону Александрийскому, его задают до сих пор теологам и каббалистам. Действительно, как назвать «то, из чего» Творец создал мир? «Земля

же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Эти привычные слова беспредельно многозначны: «земля», «пустота», «тьма», «бездна» — в разных языках в разные времена они порождали разные ассоциативные круги. И это при простом прочтении — понятно, речь не идет о «библии — шифрованном документе».

Ни Филон, ни его ученики не знали, что такое «ничего», «ничто» и как возможно создать нечто ex nihilo. Филон объяснял «Книгу Бытия» согласно стоико-платонической теории эманаций, то есть этапами развития «единого» в «ином». Более того: ни египетская, ни греческая религия не знали таких понятий, как «начало», «конец» и «смерть» в современном смысле. Да и сейчас следует говорить скорее о размытом псевдо-понимании, о мимолетных штампах в потоке сознания. Отсюда глубокий философский кризис. В начале этого века несходные по сути своей мыслители — Шелер, Гуссерль, Хайдеггер, Ортега-и-Гассет — констатировали загадочность элементарных слов и понятий, затертых обыденной философской комбинаторикой. У Ортеги-и-Гассета, к примеру, часто встречаются такого рода выражения: «Странно, что на это никто до сих пор не обратил внимания...», или: «Мы все не знаем элементарных вещей...»

Подобное удивление побудило Наторпа, Вернана и В.Ф. Отто вообще усомниться в нашей возможности понимать не то что досократиков, но Платона и Аристотеля. Сейчас можно только гадать о языческом восприятии слово-предмето-универсума. Иудеохристианская доктрина идеи «начала», «конца», «смерти», «спасения» и т.д. — вызывала полное недоумение в первые века. «Сперматический логос» стоиков, «фанес-фанетия» орфиков, «первоединое» неоплатоников не имеют начала и конца и проявляются лишь в «ином». Точно так же дело обстоит в небесных сферах и в постепенной иерархии стихий. Даже в подлунном мире «начало», «конец», «рождение», «смерть» вовсе не гвозди, вокруг

которых разум свивает свою паутину, но, скорее, зыбкие, темные блики, пункты метаморфоз.

Нет, теория эманаций вносит изрядную путаницу в трактовку Библии. Господь Бог, создавая вселенское органическое целое, хитроумно вконструировал туда некую механику, препятствующую плавной эксцентрации и концентрации эманаций. Иначе теряет смысл проблема первородного греха, которая не давала покоя Филону, а затем Пелагию и Оригену. Появление в живом организме «лишних деталей» (наивность подобных суждений подразумевается) под названием «древо познания», «змей» привело к своеобразной амбивалентности, к возможности разделения (diabolo), к возможности «падения» — то есть превалированию одного направления —от центра, что невероятно в теории сферических эманаций, где возможна любая ориентация.

Итак, «начало» предусматривает предварительное гипотетическое «ничто», «начальный» процесс набирает силу и скорость под прямым или косвенным воздействием «катализатора распада» и в результате приближается к «концу», к полной аннигиляции. Этот «катализа распада» — дьявол, средоточие так называемого зла. Сотворенный мир все более тяготеет к плотности, сгущению, неподвижности, тьме и, достигнув критической точки, получает шанс к распылению в практическое «ничто».

Это весьма уникальная космогония, непохожая на другие. Творцы других космогоний всегда имеют дело с каким-то материалом — будь то тела прародителей, стихии, первичный хаос. Миры создаются эротикой, вивисекцией, агрессивным разумом, но в любом случае демиургу противостоит «нечто». Разница очевидна. При всей своей отчужденности демиург имманентен своему материалу, созданный мир так или иначе уязвим и преходящ, поскольку демиург и его мир пребывают в разнообразных связях с другими генеческими и космическими данностями. Если бы

библейский Творец «организовал» свою вселенную, выделив ее из хаоса, то первородный грех лишился бы катастрофической весомости — сатану всегда можно расценить как агента враждебного окружения.

Но исключительность иудеохристианского космотворения обусловлена первичным «ничто». Внешних врагов нет: всякая сущность — тварь, творение Божье, всякий поступок необходимо ориентирован согласно замыслам Творца. Если политеизм вполне допускает эмоциональную полихроматическую гамму и широкое толкование действия, то в мире Творца господствует мажоро-минор: повиновение-бунт, верность-измена, взлет-падение, добро-зло. Подобная категоричность совершенно чужда языческим воззрениям: «Парадигмы зла не существует, — писал Плотин, — зло — результат нужды, лишенности, дефекта. Злом следует назвать страсти материи, лишенной формы». Согласно Плотину, структура, мобильно формализуясь, вполне способна преодолеть ситуацию зла. Греческая мысль, кстати говоря, никогда не занималась изучением материи в современном плане, и нелепо искать среди греческих философов каких-то «материалистов». «Атомы» Эпикура или Демокрита есть попытка очень осторожной формализации (логического освоения) принципиально чуждой территории. Материя полагалась чем-то косным, давящим, разъедающим, изучать ее следовало ограниченно и соразмерно, дабы изучающее (разум) не растворилось в изучаемом. Здесь понятен примат идеи-формы над материей, что совсем не очевидно в библии: «В начале сотворил Бог небо и землю». Перед «ничто», перед «началом» небо и земля равны, форма и материя соответственно. Подобное «равенство» необходимо для вселенской гармонии. В мире надо жить, а не познавать, поскольку познание, цепляющее объекты крюком вопросительного знака, разрушительно по сути своей. Для языческой философии «зло» не обладает никакой реальностью, это «временное уменьшение добра», проблематичность утверждения

эйдетической формы в материи. В библии совершенно иначе: зло обретает реальную субстанциальность в силу мятежа высокой эйдетической формы — Люцифера. В результате — беспрерывное «падение», драматизированное христианской мистикой.

Интерпретация этого падения весьма суггестивна у Якоба Беме. Адам не «падший ангел», но, скорее, «падающий», и Творец всячески тормозит процесс, стараясь воспрепятствовать заразительному люциферизму. Адам обретается постепенно — от действенной мысли Бога до интеллигибельного эмпирея, от планетных сфер до лунного квинтэссенциального круга. Здесь он еще в «эфирном» теле, но здесь предел небесного мира. При дальнейшем падении неизбежно растворение в «черной пневме», образующей демонические флюиды. Творец, во избежание сего, фиксирует падающего в «красной глине» по своему образу и подобию. Представить «внешность» Адама, понятно, невозможно, хотя Беме, Гихтель и Кнорр фон Розенрот набрасывают более или менее остроумные гипотезы. Далее наступает один из центральных моментов — сон, разделение андрогина и начало радикальной амбивалентности: «Его небесное тело оделось в плоть и кровь, его сила затвердела костями... Вечность сменилась временем дня и ночи, и проснулся Адам в мире внешнем». Во сне «небесная дева», заключенная в Адаме, отделилась и облеклась в «белую глину» (дева — первое имя Евы), свет отделился от огня, жизнь от смерти, душа от тела. Понятно, все это разъединилось не математически. Поскольку создание Евы явилось еще одним препятствием «свободного» падения («нехорошо человеку быть одному»), то в телах сохранилась связующая андрогинная субстанция.

Образовались два существа — «златокудрая Ева» и «черноволосый Адам», напоминающие детей до пубертации. Но не миновать было змея и древа познания. И здесь Беме, вслед за Генрихом Сузо и Агриппой Неттесгеймом, высказывает очень неортодоксальную

мысль о жертвенности Евы в мистерии грехопадения: «Если бы Адам прежде Евы вкусил от плода древа познания, последствия стали бы еще ужаснее». Как это понимать? Ева, созданная «из ребра, которое еще не окончательно окостенело», и «белой глины», обладала, естественно, более субтильной плотью и более тонкой интуицией — отделение жизни от смерти повлекло отделение квинтэссенции от четырех элементов, света от огня, тепла от холода, интуиции от разума. Более органическая структура позволила Еве менее катастрофически пережить вкус плода древа познания. И все же: «Если бы Творец создал человека для этой земной, больной, животной жизни, он не поместил бы его в парадиз. Если бы Творец решил, что мужчина и женщина будут спариваться подобно животным, Он снабдил бы их гениталиями». Отсюда, согласно Беме, ужас и стыд первых людей, когда они увидели действие черной пневмы рокового плода, ощутили потребность в пище и зависимость от внешних условий. Менее совершенная конституция Адама претерпела жестокое воздействие: кусок плода навсегда застрял в горле (адамово яблоко), вследствие чего появились борода, волосы на теле, огрубелость кожи и прочие неприятности, главная из которых — невозможность регуляции организма путем месячных очищений (о мужских менструациях хорошо известно йогам и даосам, алхимики упоминают об этом в связи с достижением лунной стадии опуса). Ева, так сказать, смягчила удар: «Если бы Адам съел плод целиком, он превратился бы в свирепую обезьяну, а затем в демона».

Итак, жертвенная роль Евы очевидна: она предпочла тяготы телесной материальности, только бы остановить падение Адама в животно-инфернальную бездну. Конечно, у нее не было выбора — впрочем, можно сколько угодно фантазировать на эту тему.

После изгнания Адам и Ева очутились в материальном мире, который «повис между небом и адом». Этот мир, считает Беме,

также явился преградой на вертикали падения, но, увы, далеко не абсолютной преградой. Да, человек оказался в центре мироздания, но в позиции крайне беспокойной. Черная пневма Люцифера, проникшая в душу (что и послужило причиной падения), проходя через материальные стихии, сконцентрировалась sal nitri — согласно Парацельсу и Беме, «горючий сульфур», сгущенный средоточием звериной плоти. Божественный свет превратился в огонь пожирающий.

* * *

Facilis descensus Averni,

Noctes atque dies partet atri janua Ditis —

Sed revocare gradum superasque evadere ad auras,

Hoc opus, hic labor est.

Легко спуститься в ад,

ночью и днем раскрыты двери царства мертвых.

Но вернуться по собственным следам к дневному

ветерку — тяжкое испытание.

В словах Кумской сивиллы (шестая эклога «Энеиды») нет все же безнадежности: трудно, однако возможно. Ветхий Завет не внушает ни малейшего оптимизма. Андрогин распался надвое (Адам и Ева), двое размножились в народ — как вернуться по собственным следам? В раю был всего лишь один запрет, теперь их стало много, направленных скорее на социальное обустройство, нежели на эволюцию индивида. Ад, рай, суд, судьба души после смерти — все это вызывало споры, отрицания, обсуждения от ребби бен Заккаи до ибн Габироля, но главным образом иудаизм занимался утверждением народа на должном, избранном месте. Катастрофическое падение Адама и постепенная утрата небесных атрибутов гораздо больше интересовала каббалистов и христианских мистиков. «Сотворение Евы, — пишет Якоб Беме, — вызвало сепарацию от сперматического логоса — эфирной эссенциальности, связующей Адама с миром ангелов». Жан Батист Ван Гельмонт конкретизирует процесс: «Творец сотворил гениталии Адама из плоти углубления Евы. Потому и стремится мужчина к женщине, как река к морю». В мистической литературе XVI-XVII веков сколько угодно описаний самых разных

последствий грехопадения, авторов объединяет лишь одно: крайне мрачный колорит. Беме так характеризует ситуацию: «Если бы не было грехопадения, человек — живой образ Бога, наделенный творящей силой — мог бы создавать равных себе один, вне иного пола». Но вместо «если бы» случилось то, что случилось, и положение изменилось радикально: не женщина от мужчины, но мужчина от женщины.

Проследим далее развитие христоцентрической мысли Беме. За сотворением Евы и грехопадением последовали постепенное отделение неба от земли, творческой мысли от одушевленной материи, общая инволюция природы, обусловленная сатанинской амбивалентностью: «Перед падением в парадизе расцветали все деревья и приносили добрые плоды. Но когда земля была проклята, плоды разделились на добрые и злые. Прежде смерть и гниение гнездились в одном дереве — древе добра и зла, потом расползлись повсюду».

Итак, благодаря более гармонической организации Ева приблизилась к центру подлунного мира и явилась «матерью всего живого». Адам, как средоточие мужского принципа, с каждым поколением терял свои креативные и магические возможности, его «огонь» остывал, его «сыновняя» зависимость все усиливалась. Если Ева опускалась в материальную сферу, так сказать, спиралевидно, то Адам — вертикально. Символ Евы — круг без центральной точки (круг с точкой — символ андрогина), символ Адама — крест, где горизонталь обозначает уровень манифестации.

Каковы последствия сепарации от сперматического логоса, «небесной кастрации» Адама? Он потерял способность творческой материализации своих внутренних эйдетических форм, его «фантазия» — средоточие креативной энергии, — превратилась в простое «воображение». Как это понять? Ранее (после изгнания из рая до рождения первых детей) его фантазия существенно влияла на

окружающие объекты, затем эти объекты стали отражаться в зеркале воображения. «Существенно влиять» означает жить в живом мире, понимать душу и язык минералов, растений, зверей и, вступая с ними в магический контакт, сохранять органическую связь бытия. Но за сепарацией от сперматического логоса последовала сепарация души от сердца, а сердца от мозга и гениталий. «Свет души соединялся с огнем в крови сердца, и когда свет разлучился с огнем, тело осталось беззащитным». Это значит: сердце продолжало питать кровью организм, но прекратило его «освещать». Представим, что солнце лишь согревает землю, но не озаряет. Это значит: в системе микрокосма мозг перестал озаряться светом сердца (интеллектуальной интуицией) и принялся впитывать отражения внешнего мира.

Человек медленно и верно втянулся в окружающее, корректируя свои мысли и чувства в зависимости от акций и реакций окружения. Он постепенно стал привыкать к чуждости реального, к невозможности изменить положение дел: камень тверд, тигр свиреп, белена ядовита — необходимо считаться со всем этим.

Солнечный свет стал проникать опосредованно, в интерпретации луны. Это привело к пагубным последствиям: полной или частичной утрате интеллектуальной эрудиции, полной или частичной утрате свободы выбора. Результат: подмена активного, живого восприятия пассивным, все более тяготеющим к массовой однородности, разрыв единства интеллектуально-эмоциональной сферы. Вот что писал алхимик Иоахим Полеман (XVII в.): «Субстанция лунного неба, обволакивающая землю, пориста, податлива, беременеет при любом прикосновении и порождает призрачные силуэты и очертания вещей. Это в точности субстанция нашего мозга».

В комментариях талмудистов ситуация Адама (не падающего ангела мистицизма, но сотворенного человека) тоже довольно

безрадостна. Вкусив плода, неловкий Адам проглотил зерно, которое выросло пенисом — «аггелом сатаны». С тех пор «аггел избивает его кулаками» и только женщине дана власть укрощения. Бахья бен Иосиф (XI в.) говорит следующее: «Не слушайте гоимов необрезанных, женщина — величайшее творение Божие. Творец создал ее с любовью в день отдохновения. Без женщины что было бы с мужчинами, кои носят на теле аггела сатаны!». Здесь таится один из аргументов ритуала обрезания — когда-то ритуал свершался весьма сложно при своеобразном толковании библейской фразы касательно «поражения главы змия семенем жены». Талмудисты, караиты, каббалисты, при всей разности прочтения пятикнижия, сходятся в признании кардинальной роли женского начала. Здесь одно из серьезных отличий иудаизма от христианства. Христиане относятся к женскому полу нервно и недоверчиво. Они склонны обвинять женщину в катастрофе грехопадения и в более чем теплых отношениях с дьяволом, — инквизиция — веское тому доказательство.

Женщина действительно благо одарена природой и на многое способна, хотя в результате общей инволюции растеряла свои преимущества. Последнее относится, в основном, к женщинам цивилизованным. О женщинах примитивных народов этнографы порассказали массу удивительного — только в мифах и сказках можно подобное разыскать. Женщины африканских племен сатойо и короманти, к примеру, беременеют, когда хотят, причем не только от мужчин, но от змей, зверей, лесных и речных духов, от культового деревянного фаллоса, от подруги-лесбиянки, так как, натертый травой «дукаму», клитор превращается в пенис... Такого рода явления этнографы, в частности Бронислав Малиновский и Мирча Элиаде, объясняют так: в женской субстанции скрыт активный центростремительный огонь, притягивающий не только мужчин, но и любые природные объекты, в том числе и потусторонние сущности. Женщина способна магически управлять

интенсивностью этого огня. Мужчина (обычный, постоянно растрачивающий свой «центробежный» огонь) в эротической женской области только возбудитель внутренней динамики, подобно плугу для земли, причем возбудитель пассивный, спровоцированный женским притяжением.
«Центростремительный» огонь скрыт во многих минералах и деревьях. Коитус аналогичен извлечению огня трением двух кусков дерева, причем огонь вспыхивает в «женском» дереве.

В судебных отчетах инквизиторских трибуналов и в книгах по демонологии описывается много схожих случаев — авторы, конечно, относят все это на счет «дьявольских чудес», а не изначального женского могущества, о чем свидетельствует тон изложения: «Мы видели, как у младенца, сосущего грудь, увеличивалась его крохотная мужская плоть. У девушки, просидевшей более года в одиноком застенке, родился мохнатый козлоногий ребенок. Мы видели, как в полнолуние дети и старики стояли на коленях у дверей молодой ведьмы, домогаясь ее нечистых объятий, и умирали от мучительного вожделения».

Значит ли это, что мужчина — раб, игрушка, инструмент в знающих женских руках? Очевидно, так, даже если мужчина — Дон Жуан или агрессивный отец первобытного племени, как полагает Эрих Нойманн, последователь Юнга, в работе «История происхождения сознания». Этот момент распознается — в женском подсознании, что доказывают сочинения современных феминисток: «Любая патриархальная идеология ставит законы природы с ног на голову. О солнечном герое остались только легенды. У обычного мужчины нет самостоятельного существования, он — инструмент великой матери, фрагмент женщины, как месяц новолуния или ущерба — фрагмент луны».

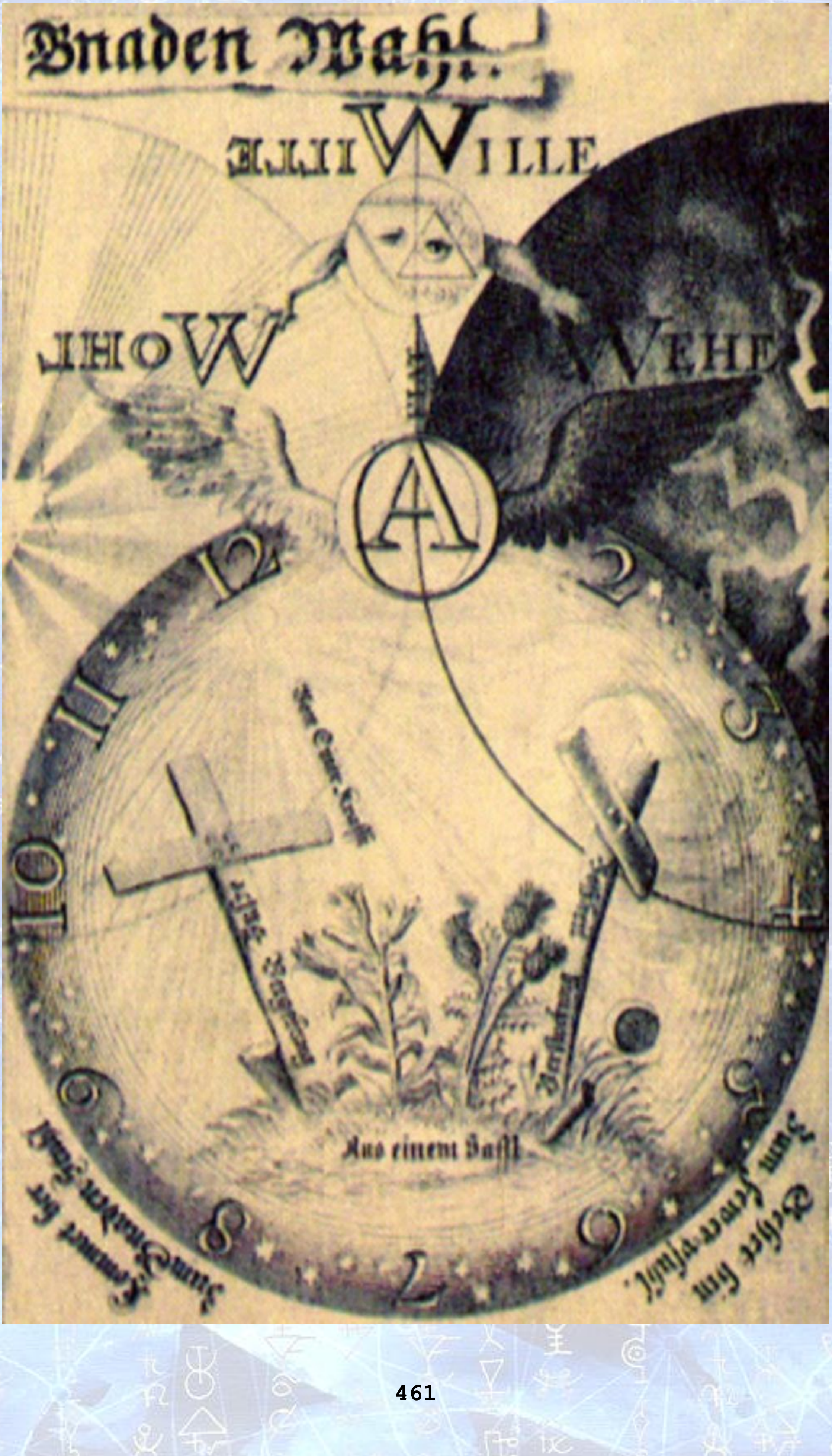
Если убрать нарочитый эпатаж, в процитированном отрывке просто утверждается идея натурального «сыновства» — не женщина

от мужчины, но мужчина от женщины, лунус от луны. В иудейском варианте, где подчеркивается трансцендентность Творца по отношению к современному миру, падение Адама обрекло мужчину на подневольность в замкнутой подлунной природе. Иудеи, вообще говоря, не столь катастрофически переживают грехопадение и склонны винить не праматерь Еву, но кровожадную и демоническую Лилит, да и то концепция последней относится скорее, к еврейскому мистицизму.

Идея автономного мужского начала имеет смысл только в религиозных и мистических доктринах, отрицающих «смерть» и «ничто» и трактующих человеческую жизнь либо как подготовку к жизни высшей, либо как несколько шагов на пути естественных или искусственных трансформаций. В этом плане мужчина — герой и его первая проблема — преодолеть гибельное притяжение гинекократического мира, которому он мешает, которому он попросту ненавистен. Готфрид Бенн писал в эссе «Паллада»: «Представители умирающего пола, пригодные лишь в качестве сооткрывателей дверей рождения... Они пытаются завоевать автономию своими системами, негативными или противоречивыми иллюзиями — все эти ламы, будды, божественные короли, святые и спасители, которые в реальности не спасли никого и ничего, все эти трагические, одинокие мужчины, чуждые вещественности, глухие к тайному зову матери-земли, угрюмые путники... В социально высоко организованном государстве, в государстве жесткокрылых, где все нормально кончается спариванием, их ненавидят и терпят только до поры до времени».

Но этих «трагических, одиноких мужчин», утверждающих сверхбытийную автономию, становится все меньше — ненавидящий сострадание Ницше сам вызывал сострадание, а современный «всемирный успех» обеспечили ему «последние люди», коих он столь презирал.

И если манифестированный мир, по мнению Беме, явился неким «тормозом», то постепенное вырождение мужчины в «свирепую обезьяну» или демона совпадает именно с постепенным уничтожением этого мира — что такое современная технология, как не демония, что такое экологическое бедствие, как не распад когда-то герметичного мироздания. Все происходит так, словно теофании Христа никогда и не случалось.


Gnaden Wahl.
WILLE
WOHL
WEHE
Aus einem Safft

* * *

Вернее сказать, теофания этого загадочного бога была разрекламирована в целях, совершенно непонятных сейчас. Здесь непонятно все: Евангелья, признанные или апокрифические, христианский гнозис, связь Нового и Ветхого Завета. Тематический диапазон Христа настолько широк, что кажется, будто в нем собраны качества и функции самых разных божеств — от жертвенных богов плодородия до греческих и малоазиатских архонтов, эонов, космократоров. К тому же это Бог любви и милосердия, но... не мир, но меч... Фома Аквинский поясняет: «не мир» следует понимать как отрицание «покоя», «меч» — как путь по лезвию в царствие небесное. Возможно. Однако существует масса иных толкований, ибо каждая вечная книга имеет, безусловно, много уровней понимания. И все же для религиозного документа уровень простого понимания необходим. И здесь дела обстоят не блестяще: Евангелье ни в коем случае нельзя расценивать как духовно-этический путеводитель, нельзя «жить по Евангелью», даже если и так и сяк пытаться адаптировать евангельские афоризмы и притчи к повседневной жизни. Собственно говоря, такой задачи и не ставилось — царство мое не от мира сего... Гораздо лучше к повседневности применимы ветхозаветные заповеди, но...

Но создается впечатление, что Новый Завет нарочито и весьма искусственно притянут к Ветхому. Во-первых, Бог-Креатор, отчужденный от собственной креации, мало сообразуется с идеей Бога-Отца, во-вторых, в иудейской ортодоксии не разработана структура небесной иерархии — в христианстве подобная структура изложена в смысле сугубо неоплатоническом. Аналогичное можно сказать и о никейской триаде — она вполне легитимна в стиле Прокла и Дамаскина, но ведет к бесконечным «тринитарным спорам», когда речь заходит о библейском соответствии. «Сама по себе мысль, что у Бога есть какой-то сын, рожденный от смертной

женщины и распятый на кресте, нелепа и обсуждению не подлежит», — писал Ханан бен Давид (VIII в.). Мы, понятно, не собираемся входить в лабиринт иудеохристианских оппозиций, а хотим лишь подчеркнуть несколько библейских моментов, акцентированных христианством.

Мы упоминали, что для иудеев грехопадение Адама и Евы считалось куда менее серьезной катастрофой, чем, к примеру, ситуация перед потопом или гнев Божий после сотворения золотого тельца. Идея строгого единобожия требовала, прежде всего, послушания, соблюдения заповедей, подробно интерпретированных в Галахе. Иудаизм — религия, ставящая интересы коллектива выше личных. Это религия народа, не знающего сословных ступенек и признающего лидером только своего Творца. Поэтому иудеи не слишком озабочены личной судьбой в потустороннем мире, если таковой даже существует (что весьма спорно), поскольку, как сказал Маймонид, «...Разуму человеческому бесполезно рассеиваться в бездне этой проблемы».

Христианство — иное дело. Христос пришел к людям вообще, следовательно, к любому человеку. Кроме своих божественных прерогатив, Он еще и «новый Адам». Отсюда столь пристальное внимание к трагедии Адама и Евы и к виновнику трагедии — сатане. Христос — Спаситель, и данная функция не имеет ни малейшего отношения к мессии в иудейском понимании. Иудейский мессия призван утвердить избранный народ на должном центральном месте, привести к счастью и процветанию здесь, на земле, — задача мессии сугубо хилиастическая. Но Христос, хотя и призывает иной раз к имущественной усредненности — что и получилось бы, коли богатые поделились с бедными, — вовсе не певец равнодольных благополучий. «Отдать» богатому надо прежде всего, чтобы стать субъектом свободным. Свободным для чего? И здесь начинается театр теней. Если иудаизм спокойно делится на

внешнюю, обрядовую, популярную религию, сложную теологию и еще более сложную мистическую сердцевину, то касательно христианства это сомнительно. Глобальные утверждения здесь приводят к странным несообразностям. Если Христос мученической смертью искупил грехи человеческие (считается, что впервые эту мысль высказал Сатурнин — гностик в третьем веке), то каких выводов надобно придерживаться? Феномен христианства вызывает десятки, сотни такого рода вопросов; наличие нескольких весьма враждебных друг другу конфессий и многочисленных ересей отнюдь не убеждает в их благополучном разрешении. Многое, очень многое склоняет к следующей идее: христианству нечего делать в этом сотворенном, замкнутом мире, где живут один раз, пытаясь максимально комфортно расположиться между двух «ничто», христианство — жестокий мистический путь, ведущий в трансцендентальный континуум. Что Христос путь, — это бесспорно, что Христос истина и жизнь — в этом убеждаются лишь инициатически немногие избранные, в том числе и Якоб Беме: «Крест с пригвожденным, умирающим человеком есть символ инициации, регенерации. Это напоминает верному последователю Христа, что ему надо пройти мистическую смерть и родиться в духе, прежде чем почувствовать славу вечной жизни. Крест представляет земную жизнь, терновый венец — страдания души в материальном теле, но также и торжество духа над материальной тьмой. Обнаженность тела на кресте означает, что неофит должен освободиться от страстей земных. Пригвожденность — отказ от самостоятельной воли или умственного упрямства и капитуляция перед властью божественной. Над головой написаны буквы: I.N.R.J. — их следует читать приблизительно так: In Nobis Regnat Jesus (В нашей глубине царит Иисус). Но подлинное значение этой надписи известно лишь тем, кто действительно умер для мира желаний и поднялся над искушениями персонального бытия,

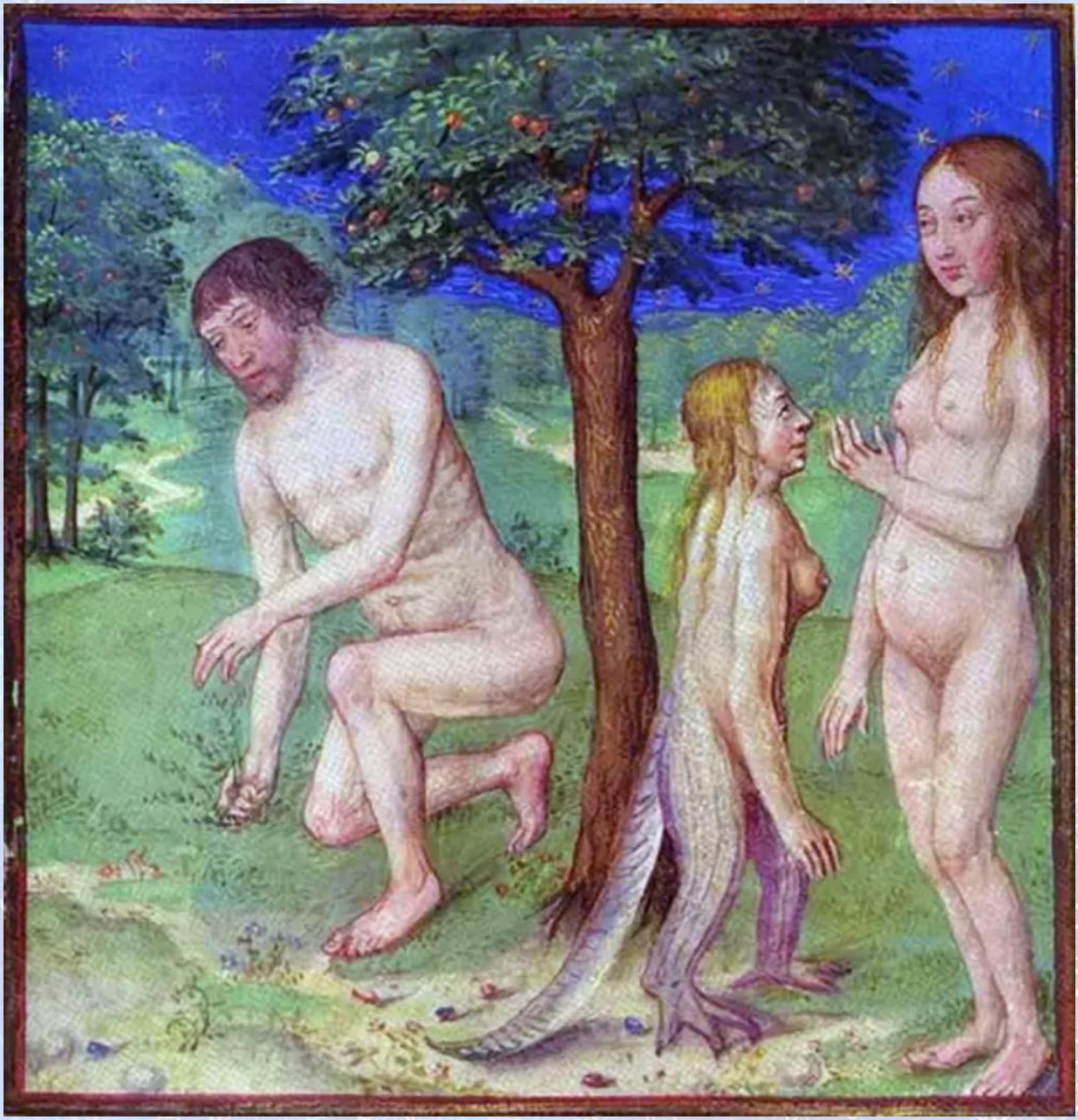
иными словами, тем, кто ожил во Христе и кому Царство Иисусово озарилось лучами сердца Божьего».

Упомянутую «надпись» можно читать десятком способов, и подлинное значение известно лишь посвященным. Это не «христианский эзотеризм», ибо христианство насквозь эзотерично. Меандров и тупиков здесь более чем достаточно. Допустим, «отец небесный» и есть — Творец. Что из этого следует? Христос отрицает сотворенный мир и освященное Творцом трудолюбие, обращаясь, в основном, к детям, нищим, грешникам, то есть к людям, которые не успели приобщиться «страстям земным» или не преуспели в оных. Христос призывает любить ближнего, но на вопрос, кого считать таковым, отвечает притчей о путнике, ограбленном разбойниками. Ограбленном, следовательно, нищем. Христос говорит о Царствии Небесном, но что это? Трансцендентные обиталища ангелических иерархий, скорей всего, то самое место, где началось падение Адама в сотворенный мир материализации и раздвоения, согласно мысли Беме. Значит ли это, что Беме отрицает «сотворенность небес»? Позиция Беме, равно как и многих еврейских и христианских мистиков, достаточно сложна. Не отрицая, вслед за Парацельсом, эманацию живого света (lumen natura) от Творца, Беме предполагает автономные, качественно бесконечные миры, порождаемые жизнью такого света, и вояж «освобожденного тела души» (охеМа) в такие миры. Так. Но «душа», децентрализованная, рассеянная множеством параметров, должна еще обрести подобное «тело», то есть сокрытое семя (semina) должно найти подходящую «землю» (materia prima anima). Майстер Экхарт следующим образом толкует христианское положение о «нищете»: «Пока материя имеет в себе нечто от себя, например, актуальность своеобразия ранних форм, она не представляет еще чистой потенции (pura potentia) и не может воспринять эссенциальную форму». Что это за форма? Скрытая в сердце, в центре материи, неизвестная substantialis forma latens —

субстанциальная форма. В интерпретации Беме это вечная ангелическая суть, остающаяся в человеке, несмотря на деградацию Адама. Но эта forma latens, эта искра Духа, стремясь в свое небесное отечество, постоянно возбуждает беспокойство, вносит смуту в человеческую композицию, кое-как устроенную тем или иным эпохальным распорядком. Если композиция сия не организуется силами внутреннего центра, если ее конструируют культурно-экономический уровень эпохи, мнения, моды, обычаи, нравы, система поощрений и наказаний и т.п., то она либо структурно меняется в зависимости от внешних перемен, либо распадается в психо-соматическом хаосе. Эта психо-соматика, согласно Парацельсу, состоит из восьми элементов: четырех психических (patres) и четырех материальных (matrices). Их сложный и непредсказуемый динамизм ориентирован двояко: воспитание, стандарт, репрессии, распорядок; религиозная инициация. В первом случае человек — одна из материальных частиц коллектива и к нему относятся, так сказать, агрикультурно — «землю» надо освободить от сорняков, удобрить, выровнять, посеять семена полезных добродетелей и специальностей. Даже в эпоху сословий еще интересовались качеством этой земли (то есть, какого роду-племени человек). Религия здесь сводится к религиозной истории и моральной догматике.

Эта «обработанная» земля и «культивированная» материя не дает ни малейшей возможности нормальной активизации substantialis forma latens — скрытой субстанциальной формы. Эта «искра Духа», «загадочная форма» дезориентирует «человека материального» и, несмотря на скепсис сознания, отравляет душу ядовитыми романтическими грезами. Сказать «да» этой форме и способствовать ее развитию — значит сказать «да» абсолютному риску. Первые шаги ясны — они указуют путь к целенаправленной духовно-материальной «нищете», освобождению от «актуальности ранних форм». Допустим. Но что делать дальше, каковы гарантии?

Скрытая субстанциальная форма не имеет качеств. Известно, какое значение придает Беме данному понятию. «Качество» у него — источник категорической проявленности, «качество» (Qualitat) происходит от Quelle (фонтан, источник), но также и от Quahl (мучение, страдание). Неудержимость «качества» сдерживается той или иной долей страдания — отсюда возможность манифестации вообще. Отсюда и положение Беме о первичности утверждения и вторичности отрицания: «Возникает «нет», когда желание отступает и рассыпается в негативности. «Да» есть эманация вечной воли и основа вещей. Сначала «да», потом «нет», ибо «нет» возникает в рецепции и усвоении». Такое «да» активно, поскольку рождается избытком спонтанного желания, такое «нет» реактивно. Откуда берется это ничем не обусловленное «да»? Из скрытой субстанциальной формы, которая есть «безосновность» (Ungrund). К этой необусловленности, бескачественности, безосновности и аппелирует Христос, поскольку зародыш тайного огня может дать росток и раскрыться гипотетическим бутоном.



* * *

Мысль Якоба Беме в крайней степени христоцентрична, ибо вне Христа он не видит ни малейшего шанса ни для мира, ни для человека. Означает ли это известную ограниченность? Нет, поскольку Беме, хорошо знакомый с платонизмом, каббалой и гнозисом, далек от какой-либо ортодоксии. Разумеется, он, в отличие от гностиков, не верит, что творение мира — дело злого демиурга или результат деградации Божества. Для Беме этот мир

призван в той или иной мере «затормозить» падение Адама в демонический хаос. В общей концепции нетрудно заметить неоплатоническую схему: отпадение от первоединого (Бога—Творца в данном случае), раздвоение на мужчину и женщину, раздвоение душевное (добро и зло), утрата квинтэссенциальной гармонической связи, размножение, раздробление, растворение в «ином». К этой же схеме относятся распад интеллектуальной интуиции на «чутье» и математическое мышление; обособленность от остальной природы; замена спонтанности решений, то есть первичности «да», на бесконечное высчитывание «за» и «против» — то, что Хайдеггер назвал Besorgnis — «озабоченностью».

Для языческих неоплатоников отпадение от «единого» и переход в «иное» — не катастрофа: в постоянных метаморфозах бытия возникнут новые боги, новые герои, новые люди. Иное дело — неоплатонизм христианский и его монотеистический режим, где земной мир зажат между жизнью и смертью, небом и адом. Перед концом времен, перед огненным потопом явился Спаситель; неслыханная теофания, доступная десяткам восторженных либо скептических интерпретаций. Действительно, божество совершенно уникальное: центральное лицо троицы, трон над эмпиреем, все уровни мыслимого бытия, истязание человеческой плоти на Голгофе. От логоса-космократора до «второго» или «нового» Адама, рожденного земной женщиной. Радиус: от центра до крайней периферии. Скудный разум человеческий мало что может понимать в богах, но здесь непонимание переходит любые границы. Поэтому каждый теолог или мистик занимается той или иной областью христологии. Беме акцентирует человеческое воплощение Христа, его ситуацию «нового Адама». Христианство — в высокой степени доктрина эсхатологическая. Нельзя забывать, что ожидание «конца света» стало перманентным начиная с первого века новой эры. Надо полагать, падение потомков Адама достигло «критической точки» и сотворенный земной мир уже не мог

сдерживать вторжения хаоса, буйства стихийных элементов. В языческом неоплатонизме это отрыв от «первоединого», безнадежное погружение в бездну сновидений — новый демиург организует уже совершенно иной мир, не заботясь о спасении предыдущего. Христианство полагает, что благодаря теофании Спасителя подобной катастрофы удалось избежать.

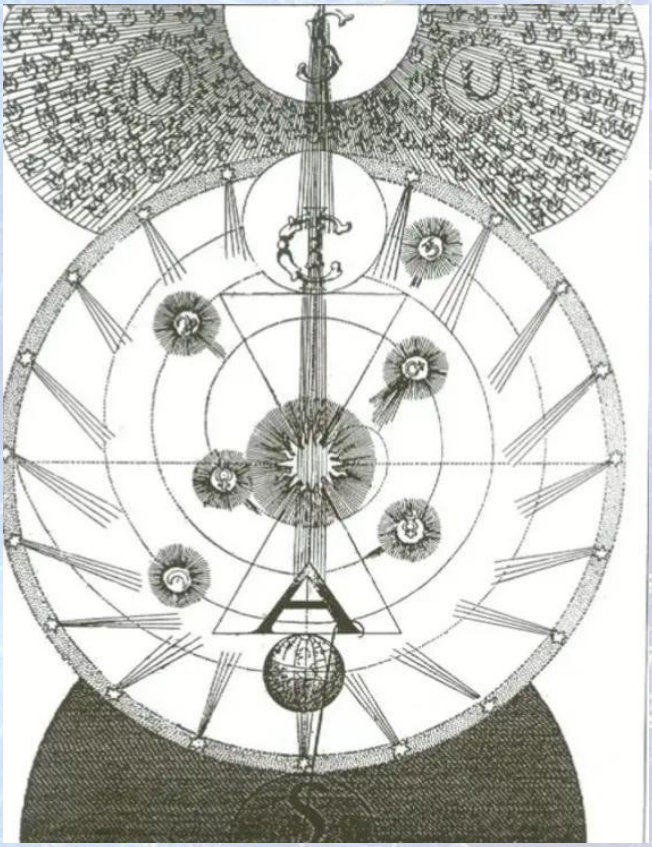
Здесь любопытен момент исторического воплощения Христа. Языческие боги легко и просто могли принять человеческий облик, но, понятно, ни о каком «воплощении» говорить нельзя. Равным образом, нельзя считать Христа героем — плодом эротического соединения двух ипостасей — божественной и человеческой. Герои, аватары легитимны в мифологии вечных возвращений и вселенских циклов, где так называемая смерть — только пребывание в ночи, в забытьи, в материнской утробе. Иное дело — иудеохристианская безвозвратная гибель с последующими адскими пытками и финальным растворением души в черном кислотном озере, которое, согласно Ансельму Кентерберийскому, образует мыслимое дно инферно. Дихотомия жизни и смерти, мажора и минора обострена здесь до крайности. Отсюда уникальность миссии Христа, ужасающе серьезный характер христианства и весьма сложный процесс инкарнации, напоминающий образование жемчужины в некоторых практически закрытых раковинах-жемчужницах. По легенде, жемчужина зарождается, когда на раковину падает отблеск молнии либо капля росы. Мифологически девственница связана с водой, морем, луной, она суть изменчивость, прихотливость, летучесть колорита, мужчина ее «фиксирует», придавая устойчивость, разрывая тайну. Иное дело — дева Мария, которая остается девой и после рождения Христа: неуловимая и таинственная, в Евангельях она проходит почти незаметно, она — раковина, мандорла, морская звезда, вечный парадокс materia prima. Для гностиков и Беме дева Мария — отражение Софии в манифестированном мире, благодаря Софии Бог-Слово обретает

квинтэссенциальное тело. Но кто такая София, что это? Если для Беме Бог —Отец — молчание, то София — напряженное, беременное Словом молчание. Или иначе: «София — это образ Бога, которым и в котором «безосновность» (Ungrund) познает себя самое, это сфера божественного восприятия, где мир дифференцируется». От сложной трансцендентности понимание Софии распространяется в не менее сложную образность: «София — ветвь жемчужного древа парадиза»(?), средоточие небесной первоматерии. Христос жемчужиной плывет, спускаясь в нижние слои бытия, и попадает в «раковину» — деву Марию. София сопровождает Христа, как сияние — жемчужину, ибо «София — тинктура света».

Мы упоминали, что разделение Адама на мужчину и женщину вызвало отделение света от огня. Это означало среди прочего отдаление чувства от мысли, спонтанности от длительности, эмоционального жара от милосердия, рациональной мысли от вдохновения, упорства в достижении цели от размышления о сущности этой цели, эротики от любви и т.д. Распад андрогина — совершенного и гармоничного — безнадежная катастрофа, так как ни конструктивная мысль, ни магия не способны воссоздать целое. Мужское и женское начало в своей противоположной ориентации могут образовать монстров — гинандров, гипоспадеев, мужчин-баб или мужиковатых женщин. Изысканность подобных сочетаний достигается лишь художественным усилием, то есть в мире более субтильном.

Бог воплотился совершенным человеком, ясное дело. Но это означает, что люди, предоставленные себе, уже не в силах остановить дальнейшего падения. Новый или второй Адам явился андрогином — соединением «тинктуры огня» (Христос) и «тинктуры света» (София). Это приводит нас к специфически

христианской алхимии, весьма отличной от других направлений этого искусства.



* * *

Но даже эта специфическая алхимия весьма разнообразна. Мы постараемся выделить мистическую алхимию Беме и его последователей на фоне иных вариантов. В круг интересов этих людей, похоже, не входила «философская алхимия», то есть конкретные операции с какими-либо минералами, металлами, кислотами и т.д. И несмотря на вполне вероятную практику аскезы, технику дыхания и концентрации, мистическую алхимию ни в коем случае нельзя назвать «западной йогой». Процитируем, к примеру, Иоганна Гихтеля касательно albedo (опуса в белом) — реального алхимического достижения: «Эта регенерация дает нам не только новую душу, но и новое тело, которое возникает от божественного Слова и небесной Софии. Оно родственно лучам солнца, что

проходят сквозь любую вещь, и отличается от материального тела, как солнце от темной земли. И хотя новое тело пребывает в прежнем, это прежнее может лишь изредка почувствовать его». В этом весьма трудном тексте любопытна ситуация материального или «прежнего» тела. Оно, в материальности своей, никак особо не участвует в процессе создания «охемы» (новое тело новой души). В отличие от других мистических учений, здесь не учитывается энергия земного тела, но при этом вовсе не требуется его аскетически «умерщвлять». Речь идет, скорее, о весьма деликатном освобождении — это и называется «регенерацией». Как сказано в «Изумрудной Таблице» Трисмегиста, «Ты отделишь тонкое от грубого осторожно и очень искусно».

«Охема» или «эфирное тело» образуется из четырех элементов души, доныне разрозненно-беспорядочных, под возможным действием квинтэссенции — в данном случае небесной девы Софии. Операция крайне сложна, ибо энергия нечистого огня (sulfur combustabile) может спровоцировать ведущий к безумию хаос душевных элементов. Подобная система, вообще говоря, была хорошо известна в первые века неоплатоникам и гностикам, только роль небесной девы играла Идея, Энойя или Барбело. И все же разница с позицией Беме и Гихтеля весьма существенна.

Христианские гностики, как правило обращенные язычники, ни в коем роде не желали ограничить Христа ситуацией богочеловека и второго Адама. В классической «Пистис Софии» об этом вообще ни слова, равно как в «Теологуменах» Иринея. В гностической необъятной христологии проступает и пропадает в рассветном тумане призрачный Йошуа Га-Ноцри, сражается с враждебными архонтами эон Ялдаваоф, рассеивает божественную сперму Ихтиос — космократор, действуют или бездействуют иные теоморфические сущности, но нет и намека на евангелического Христа, искупителя первородного греха. Да и какие там грехи! В

первично-злом мире страшного демиурга Иеговы любой грех добродетелен в принципе, потому что проявляет активность «динамиса» — внутренней силы сопротивления гибельным кольцам мирового змея — Иеговы-Пифона. Согласно Иринею, «...София, насыщенная божественным Светом, вибрируя меж небом и землей, рождает Христа, дабы с его помощью победить узурпатора Иегову».

Подобные воззрения, с теми или иными альтерациями, усвоили катары, богомилы, табориты и многие другие еретические коллективы. Привлекательность подобных воззрений понятна: здесь чувствуется свобода, вечно дразнящая сердце, здесь душа глуха к постоянным угрозам потусторонних возмездий за грехи — мы и так пребываем в инфернальной бездне, любая жизнь «там» всегда предпочтительней земной «суетливой смерти». Голгофа для гностиков, которые ее признают, не Божественная жертва ради искупления и спасения (нечего искупать, не от чего спасать), но иллюстрация жестокости Иеговы, великий урок и путь. Куда? К Софии, приемлющей мертвого Христа и возрождающей его.

Стоящий на самом дне по крайней мере избавлен от тяготы иррациональной вины и страха перед загробной жизнью — путь в небо открыт. Терять нечего, комплекса «потерянного рая» нет. Мы, «суетливые мертвецы» (выражение Иринея), пребываем в одинаковом положении, но, разумеется, «пневматики» понимают ситуацию и, просветленные любовью Софии — Христа, стараются освободить «тело души» из тюрьмы злого демиурга. Зачем, спрашивается, если после так называемой смерти, шансы в любом случае улучшатся? Для «пневматиков» да, но не для «саркиркеров» (людей сугубо материальных). Последние, заснув на какое-то время (физическая смерть), проснутся в том же проклятом мире Иеговы. Эта мысль вполне логична: если ада нет и перспективы дальнейшего падения нет, то ничего кроме удручающего «бега на месте» не предвидится.

Понятно, что Якоб Беме при его вере (хотя и весьма своеобразной) в троичный догмат и акценте на грехопадении ни с чем подобным согласиться не мог.

Оставим до поры сложную мистику Софии, проследим иные тенденции христианской алхимии. Много споров вызвала «притча о сеятеле», где некоторые теологи и алхимики распознали откровенный платонизм. Сеятель разбрасывает зерна от полноты небесной, нисколько не думая, куда они упадут — на тучную ли землю, или на истощенную, или вообще на камни. Сеятеля не заботит, подготовлена почва или нет. А ведь, казалось бы, надо пестовать материю, возделывать землю. Да, если хотят вырастить достойного социального субъекта. Но Христос в этом смысле не воспитатель и не учитель. Он сеет семена, которые дадут всходы в мире ином, повторяя неоднократно: имеющий уши да слышит. Он провозвестник и пример для подражания, сеятель семенных эйдосов — они падают в платоново-аристотелевский субстрат подлунных данностей, в пассивную основу всякой множественности. Хотите — принимайте и преображайтесь, не хотите — не надо. Христос синоптических евангелий — не диктатор и даже не авторитет, его проповеди и притчи лишены повелительного наклонения.

Но ведь это не объясняет ни жертвенности Христа, ни его миссии спасения. Концепция «второго Адама» предполагает прекращение падения, отказ от сотворенного и стремительно деградирующего мира, резкий антагонизм «неба» и «земли». Однако такой антагонизм слишком теоретичен, слишком неестественен. Если для Аристотеля «материальность» представлялась довольно нейтральной рецепцией форм, то здесь материя есть нечто жадное, пожирающее, ведущее к погибели души. Иудеохристианство акцентировало борьбу оппозиций, переходя от скрытого манихейства к явному и наоборот — земной мир превратился в поле битвы принципов добра и зла. И все более резко стала

проявляться третья субстанция — природа, натура или, по выражению схоластов, дама Натура.

Хотя Аристотель и считал нейтральную рецепцию основным качеством материи, он понимал недостаточность подобного определения. Материя одного уровня является формой нижеследующего — так вода — «материя» относительно воздуха, но «форма» относительно земли, и т.д. Это привело схоластов к созданию сложной системы эссенциальных, субстанциальных и акцидентальных форм, ибо иначе материя осталась бы возможностью сугубо умозрительной. Роджер Бэкон вообще отрицает однородность материи, подразделяет ее на чувственную, спиритуальную, небесную и формулирует следующее положение: «Hyle particularis desiderat formam particularem», то есть «особому виду материи необходима особая форма». Особая материя, таким образом, обретает качества, которые Платон считал присущими только душе. Так родилось представление о всеобъемлющей и творящей Природе.

Natura naturans, natura naturata — природа порождающая, природа порожденная — нет начала и конца, природа не терпит пустоты, значит, творение ex nihilo теряет смысл. Но, как полагали до века Просвещения, эта природа, предоставленная себе, не произведет ничего кроме беспрерывного хаоса рождений и уничтожений. Разумный порядок и гармония возникают под влиянием концентрического движения планет и созвездий, организованного божественным Логосом через ангелическую иерархию. Однако Спиноза, один из вдохновителей Просвещения, отверг данную систему, объявив природу вечной и бесконечной субстанцией causa sui, имеющей свою причину в себе. Более того: он по сути упразднил «подлунность» мира, высказав предположение, что и луна, и планеты, и звезды состоят из тех же элементов, что и земля. Таким образом, Спиноза освободил природу от диктата Господа

Бога, вернее, провозгласил тождество этих понятий. В его построениях нет места метафизическому небу, небесным эйдосам и формам. В подобной «естественности» мирового процесса добро и зло — понятия очень относительные и зависят от точки зрения наблюдателя, равно как форма и материя. Можно различать форму и материю, имея в виду уровни сублимации, «верх» и «низ», то есть незыблемую иерархию. В сублимированном мире Спинозы и его последователей такой иерархии не существует, — к примеру, общество организовано согласно «эскалархии», служебной лестнице. Как это понимать? В монотеистической религии иерархический принцип общественного устройства санкционирован свыше, земная иерархия должна соответствовать небесной. Должна... однако на деле получается все наоборот. Вспомним притчу о сеятель. Эйдос побуждает (или не побуждает) к развитию скрытый в человеческой композиции эйдолон (forma latenta). Либо этот эйдолон есть, либо его нет, воспитание и подготовка здесь бесполезны.

Небесную иерархию образуют «живые ступени» — серафимы, херувимы, троны и т.д. «Форма» и «содержание» в данном случае совпадают. Когда же такая система транспонируется в земные условия, что получается? Живые ступени превращаются в мертвую схему, в табель о рангах. Земной сеятель «разумного, доброго, вечного» работает интенсивно и агрессивно, стараясь воспитательно подготовить душу и дух своей паствы. Представитель идеально-формального принципа вступает в беспрерывную борьбу с человеческим материалом — инертным и косным. Это борьба моральной догмы и естественного поведения, законного брака и адюльтера, теории и практики, социального порядка и стихии толпы. Борьба «как надо бы» с «тем, что есть».

Результат: невообразимый хаос, дикая взрывная смесь небесного и земного, репрессивная политика схематических идеалов. Земные

авторитеты — наместники, помазанники, правители, реформаторы — под двойным прессингом Бога и природы ведут двойную жизнь, попеременно повинуясь то одному, то другому началу. Они охотно верят, что в силу грехопадения люди — злые дети, коих необходимо моральной дубинкой загонять в социальный рай, затем в небесный. Выполнив благородную миссию, вся эта компания предается повелительным природным импульсам, в роскошном досуге растворяя усталые члены. Беда религии, заставляющей стадо верить в трансцендентного Бога, в этот, по словам Фридриха Шлегеля, «фантом абстрактного мышления», заключается в том, что меж людьми и подобным Богом — пропасть, ничто, небытие, — на крыльях спекулятивных упований такое препятствие не преодолеть. Отсюда бесконечные сомнения, наивная вера в Бога как в магического помощника или столь же наивное неверие. Когда чувствуется, что материя души способна удержать зерно, — начинается вера. Первый шаг на пути постоянного поиска и совершенной самоотдачи. Все или ничего — закон служения Богу. Здесь отличие «имеющего уши» мистика от «просто верующего». Церковь не очень-то жалует мистиков — Якоб Беме яркий тому пример: религиозные популяризаторы предпочитают упрощать и унифицировать учение с понятной целью навербовать сколь можно больше сторонников в свою «партию». Минералы, растения, животные вряд ли способны создать рай на земле, но человек — образ и подобие Божие — очень даже способен. Монотеизм и «одноразовость» земной жизни развивают идею более чем сомнительного антропоцентризма. С человеческой точки зрения, человек, вероятно, центр творения, но вряд ли так считает муравей со своей точки зрения. Сравнение нелепо? Вовсе нет. Что такое человеческая цивилизация в не обозримой телескопами вселенной, как не муравейник? Это, возразят, научное мнение, а не религиозное. Да. Но ведь естественные науки столь необыкновенно претерпели в силу того, что гипотеза о трансцендентном Боге

постепенно теряла свою суггестию. Адам был бесспорно «антропоцентричен» в парадизе, но после изгнания он стал такой же частицей природы, как и муравей. Более того: с течением времени понятие «человек» распалось в многообразии толкований. «Ни в одну эпоху, — писал Макс Шелер, — мнения о сущности и происхождении человека не были столь неопределенны и многообразны как в нашу». Надо заметить: в этом многообразии чувствуется тенденция низведения человека к животному состоянию, иначе говоря, к восстановлению разорванной монотеизмом единой цепи бытия. Если homo sapiens — тип человека религиозного либо рационально-гуманного, то homo naturalis включает много разновидностей человека естественного, начиная с «доброго дикаря» Руссо и кончая «хищным зверем, сошедшим с ума от своего так называемого Духа» (Т. Лессинг), или «инфантильной обезьяной с нарушенной внутренней секрецией» (Л. Болк). Трансцендентность Бога спровоцировала умышленный интерес к наукам о природе и породила «научную объективность», то есть принцип спокойного, холодного исследования вне категорий добра и зла. В восемнадцатом веке естествоиспытатели полагали: да, Творец создал мир, но перестал вмешиваться в его дела. Эволюционисты девятнадцатого века учитывали Бога как центральное неизвестное, направляющее природный процесс к неведомой, но благой цели. Человек еще расценивался достаточно высоко, зоологи еще не могли избавиться от антропоморфных мотивов в трактовке поведения животных. Но после шока, вызванного «Происхождением видов» Дарвина и романом Золя «Человек-зверь», ориентация изменилась. Этнографы, биологи, писатели стали находить все больше общего в поведении, привычках, социальном укладе людей и животных. «В сущности, муравьи нам гораздо ближе обезьян», — мнение современного энтомолога Джеймса Мак-Коэна сейчас вовсе не кажется преувеличенным. Со времен Метерлинка и Дени Сора

заинтересованные наблюдатели и ученые-энтомологи пришли к следующему выводу: сходная телесная морфология ни в коем случае не служит доказательством социальной и психологической близости — к примеру, сообщества львов, слонов и даже обезьян почти ничем не напоминают человеческие, а ведь все — позвоночные млекопитающие. Вернее сказать, сейчас не напоминают, так как львы и слоны образуют нечто вроде патриархально-монархических групп. В этом плане следует предположить социальное падение белых людей до уровня матриархально-демократического, то есть до уровня коллективов инсектов.

Энтомологи отмечают крайнюю политизированность этих коллективов: в каждом присутствует несколько «центров возбуждения» — американцы так называют политических лидеров, действующих не логическим убеждением, а силой суггестии — в каждом коллективе существует «оппозиция» и дело часто доходит до «гражданских войн». Некоторые виды агрессивных муравьев («тамбоча» в Южной Америке, «чалу» в Африке) без всякого, казалось бы, повода, срываются с места, и тогда их неисчислимые армии, наступая в строгом порядке, опустошают не только ареал проживания, но и пространство на несколько километров в окружности. Каждый подобный поход грозит впоследствии воинственному племени гибелью (картинка к *безрассудным* завоеваниям и экологическим бедствиям). Специалисты-энтомологи зачастую не могут удержаться от сравнения двух цивилизаций: «Допуская безусловную недостаточность наших знаний о термитах и муравьях, нельзя все же не сравнить их жизнь с нашей. Здания, агломераты городов все более напоминают ульи, термитники, муравейники. Мы стремимся к такой же дисциплине и организации труда. Правда, среди термитов и муравьев попадаются пьяницы и лодыри, но общество их быстро «перевоспитывает» или уничтожает...».

Согласно Якобу Беме, потомки Адама в процессе падения «теряют человеческий облик», все более напоминая, физически и психически, различных представителей животного царства: «Люди-жабы, люди-крысы, люди-пауки, сколько их вокруг! И станут люди холоднее жаб и хитрее пауков». И далее у Беме пассаж, более понятный сейчас, нежели в семнадцатом веке: «И обретет человек муравьиный лик и скажет: нет бога и богов, а есть соломинка на спине. И хорошо бы нагрузить этой соломинкой чужую спину».

Следите за новостями в группе https://vk.com/apokrifcalendar
и по хэштегу #АпокрифКалендарь

ΑΠΟΚΡΥΦΟΣ
При сотрудничестве с журналом «Апокриф»